ПРОВЕРЕНО ... г.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

(1086—1796).

Е. Лихачевой.

III а / 345

Редакция ... „...рской ...ник“ 3495

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1890.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.

(1663)

Lichaceva

4° H. g. hum. 45° (1-3

Bayerische
Staatsbibliothek
München

III

109 FgT/82/6338

ОТЪ АВТОРА.

До восьмидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія мы, въ отношеніи женскаго образованія, средняго и высшаго, стояли впереди всѣхъ европейскихъ государствъ. Этимъ Россія обязана Императрицѣ Екатеринѣ II, которая сто двадцать пять лѣтъ назадъ положила прочное основаніе среднему образованію русскихъ женщинъ, а также продолжательницѣ ея дѣла, Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ [1]).

Понятно, что за болѣе чѣмъ столѣтнее существованіе женскихъ учебныхъ заведеній, притомъ правительственныхъ, у нихъ должна была сложиться своя исторія, которой, однако, мы до сихъ поръ не знаемъ и даже отдѣльныхъ монографій по отдѣльнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, за весьма небольшими исключеніями, не имѣемъ.

Кромѣ правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, женское образованіе существовало у насъ и само по себѣ; оно существовало и раньше появленія женскихъ учебныхъ заведеній, и потомъ, рядомъ съ ними. У него также должна быть своя исторія, которая тоже до сихъ поръ остается намъ неизвѣстною.

А между тѣмъ матеріаловъ для исторіи женскаго образованія накопилось очень много. Касающійся правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній—въ изобиліи лежитъ въ Архивахъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій. Относящійся къ женскому обра-

[1]) По случайному совпаденію, не только обѣ Императрицы, Екатерина и Марія, но и Александра Ѳедоровна управляли женскими Институтами по 32 года каждая: Екатерина съ 1764 по 1796 г., Марія Ѳедоровна съ 1796 по 1828 г., Александра Ѳедоровна съ 1828 по 1860 г.

зованію вообще—напечатанъ въ видѣ мелкихъ, отрывочныхъ извѣстій и фактовъ, разсѣянныхъ во множествѣ разнообразныхъ литературныхъ произведеній. Эти извѣстія и факты никогда еще не были у насъ сгруппированы и представлены хотя бы въ нѣкоторой между собою связи.

Задача настоящаго труда, и притомъ единственная его задача, на чтò указываетъ и самое его заглавіе, въ томъ и заключается, чтобы насколько возможно собрать разбросанные въ различныхъ литературныхъ изданіяхъ отдѣльные факты, имѣющіе отношеніе къ женскому образованію, и представить ихъ въ нѣкоторой связи одни съ другими; а также сдѣлать извѣстными хотя часть нигдѣ еще не напечатанныхъ матеріаловъ, которые могли быть получены изъ Архивовъ: Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода.

Само собою разумѣется, что предпринимая такую работу, я и не задавалась мыслью собрать *весь* имѣющійся по вопросу матеріалъ. Это было бы и невозможно въ трудѣ, представляющемъ лишь первую попытку привести въ нѣкоторый порядокъ накоплявшійся въ теченіе столѣтій, и никогда еще не подвергавшійся не только критической, но и какой бы то ни было разработкѣ, матеріалъ.

Но и въ предѣлахъ поставленной мною себѣ задачи, эта задача не могла быть теперь выполнена такъ, какъ бы это было желательно. Недостатки, отчасти вытекающіе изъ условій моей работы, особенно замѣтны въ двухъ первыхъ главахъ издаваемаго теперь перваго ея отдѣла (отъ 1086 года по 1796, т.-е. годъ смерти Императрицы Екатерины II включительно).

Эти главы обнимаютъ время нашей исторіи до Петра. Матеріалъ для исторіи этой эпохи по всякому вопросу не только скуденъ, но и мало достовѣренъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать о матеріалѣ для исторіи женскаго образованія. Его пришлось брать главнымъ образомъ изъ такихъ источниковъ, какъ Житія святыхъ, Степенная книга и т. п.

При неувѣренности въ достовѣрности почерпаемыхъ изъ та-

кихъ источниковъ свѣдѣній, быть можетъ слѣдовало бы совсѣмъ отказаться отъ нихъ, не прибѣгая къ догадкамъ и соображеніямъ, не могущимъ быть подкрѣпленными достовѣрными доказательствами. Но я на это не рѣшилась потому, что грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ были первою ступенью въ образованіи русскаго народа; съ нихъ началось у насъ просвѣщеніе. А такъ какъ въ нашихъ источникахъ есть несомнѣнныя указанія, что русскія женщины не были отчуждены отъ такого просвѣщенія, то умолчать объ этомъ было бы несогласно съ истиною.

Кромѣ того, изучая матеріалы по исторіи женскаго образованія за до-петровское время, я пришла къ заключенію, въ которомъ лично не сомнѣваюсь, что до Петра, когда еще не было у насъ истинной науки и истиннаго образованія, а была только грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ, что̀ и считалось тогда образованіемъ, такое образованіе было доступно на Руси и женщинамъ, которыя, такимъ образомъ, участвовали въ общемъ просвѣщеніи страны.

Придя къ такому заключенію, я сочла нужнымъ представить и данныя, на которыхъ позволительно его основывать и безъ приведенія которыхъ самое заключеніе казалось бы голословнымъ.

Е. Лихачева.

Декабрь 1889 г.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

(1086—1796).

Не отъ наукъ, а отъ невѣжества въ наукахъ. *Карамзинъ.*

Право пріобрѣтать знанія принадлежитъ всему человѣчеству. *Козодавлевъ* (Планъ учрежденія университетовъ въ Россіи. 1787).

I.

Первое женское училище въ Россіи. — Почему нельзя безусловно отрицать его существованія.—Положеніе женщины на Руси до введенія христіанства.—Взглядъ на женщинъ въ княжеской семьѣ. — Цѣль ученія при Владимірѣ и Ярославѣ. — Княжна Янка основательница перваго женскаго училища при Андреевскомъ монастырѣ въ Кіевѣ. — Грамотныя женщины въ древней Руси. —Первыя школы при церквахъ. — Частныя домашнія школы. — Мастера.— Мастерицы.—Евфросинія Полоцкая (XII в.).—Обученіе женщинъ грамотѣ въ основанномъ ею женскомъ монастырѣ. — Древніе монастыри. — Въ какомъ смыслѣ можно понимать училище „для 300 дѣвушекъ" княжны Янки, если допустить что оно было первымъ женскимъ училищемъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. — Обученіе женщинъ на западѣ въ школахъ и монастыряхъ.

Исторію женскаго образованія въ Россіи слѣдуетъ начинать, какъ это и дѣлаютъ весьма рѣдкіе еще у насъ собиратели матеріаловъ по этой исторіи и вообще рѣдкія лица, интересующіяся ею, съ 1764-го года, т.-е. года, въ которомъ императрица Екатерина II основала Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и этимъ положила начало общественному образованію русскихъ женщинъ. Но и до того времени женщины у насъ учились и даже учили; онѣ учились и учили въ частныхъ пансіонахъ, въ семьяхъ, еще раньше—въ теремахъ и монастыряхъ.

Первое женское училище въ Россіи было основано, по свидѣтельству Татищева, въ 1086-мъ году въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ княжною-инокинею Анной (Янкой) Всеволодовною [1]) Это

[1]) *Татищевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 1773 г. Кн. 2, стр. 138.—*Макарій.* Исторія русской церкви. 1868. Т. II, стр. 93.

было первое въ Россіи училище послѣ новгородскаго, учрежденнаго, по словамъ лѣтописи, Ярославомъ для 300 дѣтей въ 1025-мъ году; стало быть въ томъ же вѣкѣ, лишь шестидесятью годами раньше.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о степени достовѣрности обоихъ извѣстій, приводимыхъ лишь нѣкоторыми изъ лѣтописей, нельзя безусловно и отрицать существованія женскаго училища княжны Янки.

Въ первое время принятія Русью христіанства и вмѣстѣ съ нимъ просвѣщенія, какое существовало у грековъ, это послѣднее, по мысли Владиміра, должно было распространяться черезъ людей знатныхъ и бояръ, которыхъ онъ и приказалъ учить. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, распоряженіе Владиміра, а также позднѣйшее, Ярослава, слѣдуетъ понимать такъ, что дѣти (нѣкоторые думаютъ что и взрослые), раздавались въ ученіе пришедшимъ съ Владиміромъ изъ Византіи грекамъ, а впослѣдствіи нашимъ священникамъ. Это были маленькія, частныя школы. Кого и чему въ нихъ учили—на это нѣтъ точныхъ указаній. Но Голубинскій, въ своей „Исторіи русской церкви“ [1]), высказывая предположеніе, что цѣль Владиміра при введеніи у насъ христіанства заключалась не въ перенесеніи къ намъ простой грамотности, которая и раньше его на Руси существовала, а всей греческой образованности, —говоритъ, что предназначенное для принятія ея сословіе знатныхъ и бояръ не обнаружило ни способности, ни желанія перенять образованіе у греческихъ учителей, что періодъ существованія у насъ дѣйствительнаго просвѣщенія хотя и былъ, но продержался очень недолго и исчезъ съ первымъ же поколѣніемъ учившихся у грековъ русскихъ дѣтей. Научное образованіе совсѣмъ къ намъ не привилось, но небольшое число образованныхъ, по тогдашнему, русскихъ людей этого поколѣнія получило образованіе церковное, т.-е. начитанность въ священныхъ книгахъ. Къ этому небольшому числу принадлежала и княжеская семья, съ которой, естественно, должно было начаться просвѣщеніе.

Дѣти и внуки Владиміра были грамотными, а Ярославъ былъ страстнымъ любителемъ чтенія божественныхъ книгъ, которыя самъ даже переписывалъ. Сынъ его, Всеволодъ, отецъ Янки, былъ не только грамотнымъ, но по тому времени образованнымъ, ибо зналъ пять иностранныхъ языковъ, которые, по словамъ Мономаха (сына Всеволода), изучилъ „сидя дома“ [2]). Возможность для рус-

[1]) *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Москва. 1881.

[2]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. III, стр. 87.

скаго князя изучить въ то время иностранные языки не выѣзжая изъ Россіи, можетъ быть объяснена тѣмъ, что при дворѣ Ярослава нерѣдко живали иностранные государи и князья, по какимъ-либо обстоятельствамъ вынужденные удалиться изъ отечества и искавшіе защиты у русскаго великаго князя. Кромѣ того, съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи дѣвушки княжескаго рода выдавались замужъ за иностранныхъ князей, которые иногда сами пріѣзжали за ними въ Россію. Ярославъ былъ женатъ на шведской принцессѣ, а три его дочери были выданы замужъ: одна, Елизавета, за норвежскаго короля Гаральда, который прежде чѣмъ женился (въ 1045 г.), служилъ нѣсколько лѣтъ Ярославу; вторая, Анна [1]), вышла за французскаго короля Генриха I (1048) и третья, Анастасія, за короля венгерскаго Андрея I-го. Сыновья и внуки Ярослава также женились на иностранныхъ принцессахъ, которыя оставались съ мужьями въ Россіи [2]). Такимъ образомъ изученіе иностранныхъ языковъ въ княжеской семьѣ должно было совершаться легко, практически, и, понятно, что оно сообщалось какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ этой семьи. А изъ того, что сестра Ярослава, Предслава, переписывалась съ братомъ [3]), стало быть была грамотна, можно заключить, что вообще образованіе, дававшееся дѣтямъ при дворахъ Владиміра и Ярослава, распространялось и на женщинъ. Вѣдь тогда византійскій взглядъ на нихъ—какъ на начало грѣха „и того вси умираемъ“—еще не укрѣпился у насъ окончательно; женскаго затворничества въ XI-мъ вѣкѣ еще не было; напротивъ, непосредственно передъ принятіемъ христіанства и первое время послѣ него женщины играли иногда видную роль въ русской жизни. Онѣ владѣли волостями, набирали дружину, пировали съ князьями, которые нерѣдко и совѣтовались съ ними о своихъ дѣлахъ; кромѣ того, женщины отличались хитростью, что̀ тогда считалось мудростью; онѣ обладали и чародѣйствомъ, а это придавало имъ силу нравственную и цѣнилось высоко. Конечно, въ массѣ, женщины были физически слабѣе мужчинъ, и при господствѣ въ обществѣ грубой матеріальной силы должны были считаться существами низшими. Но въ княжескомъ быту такой взглядъ заслонялся другимъ. Владиміръ имѣлъ передъ глазами свою бабку Ольгу, „мудрѣйшую всѣхъ людей“, а по принятіи христіанства женился на греческой царевнѣ, стоявшей по просвѣщенію выше его, что̀ онъ и признавалъ, ибо совѣтовался съ

[1]) О ней см. *Guizot*. Histoire de France. T. I, p. 298.

[2]) *Карамзинъ*. Исторія государства россійскаго. Т. II, стр. 20.

[3]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи. Т. I, стр. 271.

нею о церковномъ уставѣ [1]). Къ тому же главная цѣль, съ которою Владиміръ вводилъ въ Россіи просвѣщеніе, заключалась все-таки въ томъ, чтобы утвердить народъ въ православной вѣрѣ; для достиженія этой цѣли онъ и повелѣлъ „взимать у нарочитыхъ людей младыя *дѣти* и учити ихъ книжному писанію". Такъ какъ никакой другой спеціальной цѣли, которая была бы недоступною для женщинъ, при этомъ не было указано, то нѣтъ никакого основанія думать, что слово: „дѣти", въ распоряженіи Владиміра, относилось къ дѣтямъ только мужскаго пола. Напротивъ, сообщенное польскимъ историкомъ Стрыйковскимъ извѣстіе, будто Леонтій, второй всероссійскій митрополитъ, совѣтовалъ Владиміру учредить два училищныхъ монастыря, одинъ мужской, а другой женскій, для обученія дѣтей чтенію и письму [2]), указываетъ на то, что по мысли Владиміра, просвѣщеніе должно было распространяться на всѣхъ дѣтей изъ сословія бояръ безъ различія пола. Ярославъ продолжалъ дѣло Владиміра и, „собравъ отъ старостъ и отъ пресвитеровъ *дѣтей* 300, повелѣ учити книгамъ" [3]). Это извѣстіе, приведенное въ Никоновской лѣтописи и въ нѣкоторыхъ новгородскихъ, Карамзинъ истолковалъ такъ, что Ярославъ, „заведя въ Новгородѣ училище для 300 *отроковъ*" хотѣлъ, чтобы дѣти пресвитеровъ и старшинъ „пріобрѣтали свѣдѣнія, нужныя для священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ" [4]). Съ его словъ и другіе, писавшіе послѣ него, русскіе историки, кромѣ Соловьева [5]), сообщая извѣстіе объ учрежденномъ Ярославомъ училищѣ, прибавляли, что цѣль ученія въ немъ была—исключительно приготовленіе въ священники. Женщины не могли быть священниками, и еслибы дѣйствительно новгородское училище было основано съ такою исключительною цѣлью, то надо было бы понимать подъ словомъ „дѣти" только дѣтей мужскаго пола. Но если уже при Ярославѣ обнаружилась, какъ говоритъ Голубинскій, неудача попытки Владиміра перенести къ намъ греческое просвѣщеніе во всей его полнотѣ, то все же, рядомъ съ спеціальной цѣлью ученія, при Ярославѣ продолжала существовать и другая, общая: „чтобы мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали и поганскія вѣры не держали и не

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. I, стр. 271.

[2]) *В. Аскоченскій*. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ—Академіею.

[3]) *Карамзинъ*. Исторія гос. росс. Прим. 54 къ тому II.

[4]) *Карамзинъ*. Т. II, стр. 23.

[5]) *Соловьевъ*. Т. I, стр. 283: „при Владимірѣ и Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры".

имѣли бы“ [1]). Подобная цѣль не исключала участія женщинъ въ просвѣщеніи, которое впрочемъ уже при Ярославѣ свелось почти къ одной грамотности.

Все это даетъ поводъ думать, что у насъ въ первый вѣкъ христіанства, если не на дѣлѣ, то по мысли законодателей, женское образованіе не выдѣлялось изъ общаго для всѣхъ дѣтей, какого бы пола они ни были. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что княжна Янка, сама грамотная и по тогдашнему образованная, постригшись въ выстроенномъ для нея отцомъ монастырѣ, завела въ немъ училище для дѣвушекъ, которыхъ сама и учила чтенію, письму, пѣнію и рукодѣлію. Въ этомъ Янка, внука Ярослава, явилась бы только продолжательницею дѣла, начатаго ея дѣдомъ. Но если и буквально держаться словъ всѣхъ почти безъ исключенія лѣтописей, говорящихъ, что Янка въ своемъ монастырѣ „совокупиши черноризицы многи, пребываша съ ними по манастырьскому чину“, то и тогда надо допустить, что въ ея монастырѣ было обученіе монахинь предметамъ, составлявшимъ тогда весь кругъ какъ мужскаго такъ и женскаго ученія.

Знаніе и обученіе грамотѣ если и не предписывалось нашимъ монастырямъ, какъ это дѣлалось на западѣ, то оно рекомендовалось и должно было естественно входить въ кругъ монастырскихъ занятій; ибо чтеніе божественныхъ книгъ считалось средствомъ спасти душу. Такимъ же душеспасительнымъ и богоугоднымъ дѣломъ было въ то время переписываніе книгъ; тогда оно еще не выдѣлилось въ особое ремесло, и этотъ трудъ исполнялся нерѣдко по обѣту. Янка, бывшая свидѣтельницею заботъ Ярослава о собираніи и размноженіи священныхъ книгъ, которыя могли быть тогда только писанными и въ которыхъ была большая потребность, должна была имѣть это въ виду и съ такою цѣлью ввести въ одномъ изъ первыхъ великокняжескихъ монастырей обученіе письму. Пѣніе требовалось при отправленіи богослуженія, а рукодѣліе монахинь можетъ быть и не служило въ монастырѣ Янки источникомъ средствъ, какъ въ другихъ монастыряхъ впослѣдствіи; но занятіе рукодѣліемъ искони считалось неизбѣжной принадлежностью женщинъ и особенно въ монастырѣ могло примѣняться даже въ педагогическихъ цѣляхъ— чтобы монахини не оставались праздными и черезъ это не впадали бы во грѣхъ. Такимъ образомъ вся программа ученія, какую Татищевъ приписываетъ училищу княжны Янки, могла вы-

[1]) Новгородскія лѣтописи. Изданіе Археографической Коммиссіи. 1879. Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божьимъ. Стр. 180.

полняться въ ея монастырѣ даже и тогда, еслибы училища, въ томъ смыслѣ какъ мы его теперь понимаемъ, совсѣмъ при монастырѣ не было.

Несомнѣнно однако что обученіе женщинъ, въ какой бы то ни было формѣ, существовало на Руси съ самаго начала нашей исторіи просвѣщенія, т.-е. съ принятія Русью христіанства, ибо не смотря на отсутствіе какихъ бы то ни было школъ для женщинъ, у насъ всегда, съ незапамятныхъ временъ, были грамотныя женщины, учившія и другихъ. Свидѣтельство объ этомъ мы имѣемъ въ томъ довѣріи, съ какимъ нашъ народъ, который, какъ извѣстно, строго придерживается обычаевъ старины и не легко принимаетъ всякія новшества, всегда относился къ ученію у вдовъ священниковъ, дьячихъ и другихъ лицъ женскаго пола духовнаго званія. Въ раскольничьемъ быту, гдѣ сохранились до сихъ поръ во всей неприкосновенности староотеческія преданія, гдѣ вся жизнь построена на свято-чтимомъ законѣ предковъ, малѣйшее отступленіе отъ котораго считается дѣломъ противнымъ Богу, мы видимъ мастерицъ, учительницъ, канонницъ, читалокъ, уставщицъ, келейницъ, разныхъ бѣлицъ и старицъ — вообще грамотныхъ женщинъ подъ различными наименованіями. Онѣ читаютъ въ церкви, въ скитахъ за трапезой; посылаются въ дома читать по покойникамъ, учатъ дѣтей; все это совершается по изстари установленнымъ правиламъ и сопровождается извѣстными, передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе, обрядами, по которымъ можно воспроизвести всю нашу древнюю общинную жизнь, какъ она велась на Руси споконъ вѣковъ. И вотъ, въ этой жизни по старинѣ, мы встрѣчаемъ среди раскольниковъ обычай отдавать дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ только имъ минетъ семь лѣтъ, т.-е. по наступленіи срока „вдавати отрочатъ въ поученіе чести книгъ божественнаго писанія“ въ скитъ къ родственницѣ или знакомой матушкѣ-игуменьѣ, на выучку. Въ скитѣ учили грамотѣ, письму уставомъ и писать иконы; ученики и ученицы красиво переписывали разные „Сборники“, „Цвѣтники“ и дарили ихъ родителямъ и благодѣтелямъ. Дѣвочекъ учили и скитскимъ рукодѣліямъ. Мастерицы иногда учили и внѣ скита; онѣ рѣдко ходили по домамъ, развѣ къ очень богатымъ людямъ, но собирали дѣтей обоего пола у себя на дому, большей частью въ избушкѣ, подаренной какимъ-нибудь христолюбивымъ дателемъ.

Плату за ученіе брали „книжной дачей“, т.-е. кромѣ платы съѣстными припасами и одеждой, при каждомъ переходѣ къ новой книгѣ, отъ азбуки къ Часослову и отъ Часослова къ Псалтырю, ученикъ или ученица обязаны были принести мастерицѣ завязан-

ный въ платокъ горшокъ молочной каши и полтину денегъ. Иногда учительницы брали плату и отдѣльно за каждый предметъ ученія: за азбуку, Часословъ или Псалтырь. Объ этихъ старинныхъ обычаяхъ упоминается еще въ XV вѣкѣ [1]), и до сихъ поръ онъ ведется въ Малороссіи и у раскольниковъ. Можно навѣрное сказать, что они не сами завели ихъ въ XVII вѣкѣ, а что существованіе этихъ обычаевъ, также какъ и мастерицъ, учительницъ, вообще грамотныхъ женщинъ, имѣло мѣсто въ глубокой древности [2]).

Конечно, грамотныя женщины составляли незначительное меньшинство въ массѣ русскихъ женщинъ, а эта масса, обоего впрочемъ пола и во всѣхъ слояхъ общества, была невѣжественна; но тѣ немногія, которыя знали грамотѣ и передавали ее другимъ, должны же были гдѣ нибудь выучиться ей.

Голубинскій, Лавровскій [3]) и другіе высказываютъ правдоподобное предположеніе, что послѣ ученыхъ грековъ, приведенныхъ Владиміромъ и учившихъ только въ Кіевѣ, стали учить въ другихъ городахъ священники; они учили грамотѣ въ открываемыхъ ими при церквахъ частныхъ школахъ и училищахъ не однихъ боярскихъ дѣтей, но и всѣхъ желающихъ. Такъ какъ никакого надзора надъ ученіемъ и учителями не было, то мало-по-малу стали учить и міряне. Одни открывали на домахъ у себя школы съ благочестивою цѣлью—обученіемъ другихъ способствовать распространенію почитанія божественныхъ книгъ; другіе сдѣлали себѣ изъ этого занятія ремесло, отчего впослѣдствіи ихъ стали называть „мастерами“. О „мастерицахъ“ Голубинскій не говоритъ; но что „мастерицы“ въ древней Руси были—это не подлежитъ сомнѣнію, ибо въ XVII вѣкѣ онѣ уже входили въ штатъ царскаго двора, гдѣ обучали царевенъ грамотѣ. При дворѣ были также казначеи, чтицы, псаломщицы, и всѣ эти женскіе придворные чины считались низшими чинами дворцоваго штата. Стало быть это были не знатныя боярыни, а женщины попроще, изъ чего можно заключить, что въ старину грамотѣ учились женщины не только княжескаго или знатнаго рода, но и другихъ сословій. Еслибы появленіе женщинъ-учительницъ было въ XVII вѣкѣ дѣломъ новымъ, то навѣрное не стали бы испытывать ихъ способности и умѣнье учить на царскихъ дѣтяхъ.

Что начало установленія „мастерицъ“ должно быть отнесено къ самому древнему времени, на это указываетъ и программа,

[1]) На горахъ. Разсказано *Андреемъ Печерскимъ*. 1880. Ч. I, стр. 38.

[2]) *Лешковъ*. Русскій народъ и государство, стр. 427.

[3]) *Лавровскій*. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ. 1854.

если можно такъ выразиться, по которой онѣ воспитывали своихъ учениковъ и ученицъ. Правилами святыхъ отцовъ предписывалось „безстрастіе тѣлесное имѣти, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и питіе немятежно; при старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшимъ послушаніе". Дѣвицамъ, кромѣ того, „стыдѣніемъ украшатися", и также, какъ мужчинамъ „долу очи имѣти, а душю горѣ", и пр. Такое же наставленіе при ученіи дѣтей приписываютъ Ярославу; оно повторялось и въ „Поученіи Владиміра Мономаха", въ „Словѣ отца къ сыну" безъименнаго автора XII-го вѣка, и другихъ произведеніяхъ подобнаго характера.

Такъ же учила во второй половинѣ XII-го вѣка въ своемъ монастырѣ дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича, Евфросинья. Въ ея „Житіи" [1]) говорится, что Евфросинья (въ мірѣ Предслава) очень рано выучилась читать и писать и отказавшись отъ замужества, 12-ти лѣтъ, противъ воли родителей, ушла въ монастырь къ своей теткѣ-игуменьѣ, женѣ князя Романа Всеславича. Здѣсь Евфросинья постриглась и, намѣреваясь основать свой монастырь, задумала прежде составить для него библіотеку [2]). Для этого она, съ разрѣшенія полоцкаго епископа, поселилась въ голубцѣ при соборной церкви и тамъ переписывала книги. По словамъ Соловьева [3]), она ихъ продавала и выручаемыя деньги отдавала нищимъ. Открывъ свой монастырь, Евфросинья собрала вокругъ себя сестеръ, родственницъ и знакомыхъ и стала учить ихъ грамотѣ, рукодѣлію, а также „воздержанію и терпѣнію, юные же душевной чистотѣ и безстрастію тѣлесному, говѣнію благообразну, ступанію кротку, гласу смиренну, слову благочинну, ядѣнію и питію безмолвну, при старѣйшихъ молчати, мудрѣйшимъ покореніе, мало вѣщати, а множайше разумѣти" [4]).

Ясно что такой кодексъ воспитанія, носящій на себѣ отпечатокъ византійскаго происхожденія, установился у насъ еще въ

[1]) „Житіе преподобныя Евфросиньи Полоцкой". *Макарій*. Исторія русской церкви. Т. III, стр. 68.—Житіе и хожденіе святыя Евфросиньи. *Филаретъ*. Обзоръ р. дух. лит. 1859. № 40. — Повѣсть житія и преставленія Евфросиньи Полоцкой. *Костомаровъ*. Памятники стар. р. литературы. 1860. — Житіе препод. матери нашей Евфросиніи дѣвицы. Кіевъ.

[2]) *Голубинскій*. Т. I. 2-я половина.

[3]) *Соловьевъ*. Исторія Р. Т. III, стр. 76.

[4]) Степенная книга царскаго родословія, содержащая исторію россійскую съ начала оныя до времени Государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященныхъ митрополитовъ Кипріана и Макарія. А напечатанная подъ смотрѣніемъ Кол. Сов. и Имп. Академіи Наукъ также и разныхъ иностранныхъ академій и Вольнаго Экономическаго, и Россійскаго Вольнаго жъ Собранія члена Герарда Фридерика Миллера. Въ Москвѣ. 1775. Ч. I, стр. 278.

первые вѣка христіанства и передавался неизмѣннымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но если грамотность могла распространяться въ народѣ и черезъ мірянъ обоего пола, то для женщинъ обученіе ей должно было очень рано и по естественному ходу вещей сосредоточиться преимущественно въ монастыряхъ. Уже съ XI-го вѣка въ древнемъ русскомъ обществѣ стало проявляться стремленіе къ монастырской жизни. Въ монастыряхъ жили и мужчины, и женщины, и жили по различнымъ побужденіямъ, въ первое время чисто и высоко религіознымъ. Но скоро туда стало манить людей и желаніе покоя и тишины, которыхъ трудно было найти живя въ міру. Если этого искали мужчины, то для женщины удаленіе отъ свѣта скоро стало необходимостью, ибо по мѣрѣ того какъ аскетическая идея все сильнѣе и сильнѣе проникала въ русскую жизнь, нравы становились грубѣе и женщинамъ не находилось болѣе мѣста въ ней. Въ древнее время однако и монастыри были не такими, какими мы ихъ видимъ теперь. Тогда они не были разобщены съ міромъ; наши первые князья часто пріѣзжали совѣтоваться съ игумнами, приглашали къ себѣ монаховъ и даже монахинь на пиры. Въ монастыряхъ постоянно жили родственники и родственницы монаховъ и монахинь, жили подолгу міряне цѣлыми семьями. Впослѣдствіи это повело къ разнаго рода злоупотребленіямъ, на которыя указывалъ Стоглавый соборъ; но въ первое время учрежденія монастырей это дозволялось. Даже въ общинножительныхъ женскихъ монастыряхъ конца XI-го и XII-го вѣка, устроенныхъ по образцу и на основаніи устава, даннаго женою императора Алексія Комнена, Ириною, учрежденному ею въ Константинополѣ строго закрытому женскому монастырю Богородицы Обрадованной, родственницамъ позволялось навѣщать монахинь и жить въ монастырскихъ гостинницахъ [1]). Но большинство монастырей до-монгольскаго періода были не-общинножительные; были, кромѣ того, бродячіе монахи и монахини; они селились обыкновенно въ слободкахъ около монастыря и переходили съ одного мѣста на другое. Были и такъ-называемые „двойные“ — мужско-женскіе монастыри; иногда во главѣ такого монастыря стоялъ игуменъ, а иногда игуменья, какъ это было съ основанными княжною Евфросиньею Полоцкою двумя, мужскимъ и женскимъ, монастырями, которыми она управляла 40 лѣтъ. Уходя въ Іерусалимъ, Евфросинья оставила обоимъ монастырямъ по-

[1]) *Голубинскій*. Т. I (2-я половина), стр. 590.

дробный уставъ [1]) и передала управленіе ими сестрѣ своей Евдокіи [2]).

Даже и тогда, когда вслѣдствіе распущенности монастырской жизни уменьшилось въ народѣ уваженіе къ монашескому чину, монастыри все-таки сохраняли свое обаяніе, особенно для женщинъ. Не только обрекавшія себя на монашество удалялись въ нихъ, какъ въ тихую и безопасную обитель, но и остававшіяся въ міру тяготѣли къ монастырю, ибо въ немъ онѣ могли не только удовлетворить религіозной своей потребности, послушать душеспасительную бесѣду или проповѣдь, но, благодаря характеру тогдашнихъ монастырей и легкому доступу къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и поговорить, посовѣтоваться о своихъ мірскихъ дѣлахъ, услышать слово утѣшенія въ своихъ горяхъ; однимъ словомъ, отвести душу съ такими же обездоленными существами, какими были онѣ сами.

Къ тому же поставленныя еще Ярославомъ подъ покровительство церкви, женщины тѣмъ ближе должны были становиться къ ней въ такомъ дѣлѣ, какъ обученіе дѣтей церковной грамотѣ; ибо главнымъ убѣжищемъ послѣдней все-таки были монастыри, откуда черпались тѣ познанія, которыя передавались другимъ. Пріютившись если не въ самомъ монастырѣ, то гдѣ-нибудь возлѣ, въ какой-нибудь слободкѣ или отдѣльной избушкѣ, мастерицы собирали къ себѣ дѣтей и учили ихъ тому, чему въ стѣнахъ монастыря учили монахини тѣхъ, кто обрекалъ себя на монашескую жизнь. Въ этомъ смыслѣ и могло существовать при Андреевскомъ монастырѣ обученіе дѣвушекъ, о которыхъ говоритъ Татищевъ и которыя могли быть ученицами приходящими, случайными.

Только представляя себѣ въ такомъ видѣ училище княжны Янки для „300 дѣвушекъ“, какъ позднѣе передавалось нѣкоторыми авторами извѣстіе, первоначально сообщенное Татищевымъ, и только при такихъ условіяхъ допуская существованіе такого обширнаго училища при женскомъ монастырѣ, можно согласиться съ Хмыровымъ [3]), что оно было не только первымъ женскимъ училищемъ въ Россіи, но и въ Европѣ [4]).

Иначе, въ какой бы формѣ ни происходило обученіе женщинъ въ нашемъ монастырѣ: давалось ли оно молодымъ монахинямъ, или готовившимся поступить въ монахини, или, наконецъ,

[1]) *Макарій*. Т. III, стр. 70.

[2]) *Голубинскій*, стр. 495.

[3]) *Хмыровъ* (М. Д.). Училища и образованность на Руси до-Петровской (Народная школа. 1869).

[4]) Тамъ же, № 5, стр. 64.

вмѣстѣ съ послѣдними въ монастырь принимались ученицы только на время, все это гораздо ранѣе существовало на западѣ. Тамъ еще при первыхъ Меровингахъ были публичныя и частныя школы, замѣнившіяся въ VI вѣкѣ монастырскими, или епископскими, которыя получили особое развитіе при Карлѣ Великомъ. При немъ школы были открыты даже въ маленькихъ мѣстечкахъ для того, чтобы дѣти свободныхъ состояній могли безплатно обучаться въ нихъ чтенію, Псалтыри, пѣнію, счету и грамматикѣ. Очевидно, это были школы смѣшанныя, ибо уже въ концѣ IX вѣка епископы стали запрещать священникамъ учить мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Но въ женскихъ монастыряхъ еще ранѣе IX вѣка существовалъ обычай обучать дѣвушекъ, не предназначавшихъ себя даже къ монастырской жизни. Противъ такого обычая возсталъ въ VI вѣкѣ епископъ Арльскій, который, основывая въ городѣ женскій монастырь, запретилъ ему принимать дѣтей моложе 6 лѣтъ и молодыхъ дѣвушекъ какъ благороднаго, такъ и простаго происхожденія, которыя явились бы туда въ качествѣ пансіонерокъ или ученицъ.

Запрещеніе это и вызвано было тѣмъ, что такъ какъ на западѣ испоконъ вѣковъ поступленіе въ монастырь было обусловлено извѣстнымъ минимумомъ знаній и монастырскія правила предписывали настоятельницамъ съ помощью болѣе знающихъ монахинь доставлять вступающимъ въ монастырь неграмотными недостающія имъ свѣдѣнія, то мало-по-малу вмѣстѣ съ обрекшими себя на монашество, женскіе монастыри стали принимать и такихъ, большею частью знатныхъ дѣвушекъ, которыя намѣревались впослѣдствіи возвратиться въ свѣтъ. Сначала тѣхъ и другихъ учили вмѣстѣ, но потомъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ стали устраивать отдѣльные классы: одинъ для монахинь, другой для свѣтскихъ дѣвушекъ, и для обученія послѣднихъ приглашались иногда извѣстные своею ученостью преподаватели мужчины [1]). Свѣтскихъ дѣвушекъ обучали нѣкоторымъ свѣдѣніямъ изъ грамматики, реторики, логики, ариѳметики, геометріи, астрономіи, все сведенное къ теологіи и ей подчиненное; также хирургіи и медицинѣ, „потому что въ то время женщины часто должны были замѣнять врачей“ [2]). Собственно монастырская наука ограничивалась для монахинь чтеніемъ, письмомъ, счетомъ, пѣніемъ, грамматикой, изученіемъ твореній отцовъ церкви и духовныхъ писателей; къ этому также присоединялись элементарныя свѣдѣнія изъ медицины и хирургіи,

[1]) *Paul Rousselot*. Histoire de l'éducation des femmes en France. Paris. 1883

[2]) *Шлоссеръ*. Всемірная исторія. Т. VI, стр. 352.

но съ цѣлью избавить монахинь отъ необходимости, въ случаѣ болѣзни, обращаться къ врачамъ-мужчинамъ. Кромѣ того монахинь обучали живописи и рисованію, ибо однимъ изъ обычныхъ ихъ занятій было списываніе и раскрашиваніе рукописей. Рядомъ съ этимъ въ западныхъ женскихъ монастыряхъ поощрялись занятія монахинь поэзіею, какъ средствомъ наполнить остающееся празднымъ время. „Молись, пиши, читай, слагай стихи, бери темой тексты священнаго писанія и чтобъ избавиться отъ суетныхъ мыслей, говори о Господѣ“, писалъ французскій аббатъ обратившейся къ нему за совѣтомъ монахинѣ [1]). Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ занимались поэзіею не съ такой только цѣлью; въ концѣ X вѣка германскій императоръ Оттонъ II поручилъ саксонской монахинѣ, ученой Росвитѣ, описать царствованіе своего предшественника, Оттона I, и она исполнила это въ стихахъ [2]).

Такимъ образомъ обученіе въ монастыряхъ даже свѣтскихъ дѣвушекъ существовало на западѣ до начала не только нашего просвѣщенія, но и самой нашей исторіи.

[1]) Hist. de l'éduc. des f. en Fr. T. I, p. 31.

[2]) *Шлоссеръ*. Всем. Исторія. Т. VI, стр. 173.

II.

Состоянiе образованности и положенiе женщинъ въ среднiе вѣка на западѣ.—Суды любви.—Проектъ Дюбуа.—Западная литература о женскомъ образованiи.—Положенiе русской женщины въ XII в.—Житiя святыхъ женщинъ.—Женское училище Евфросиньи Суздальской въ началѣ XIII в.—Житiе Евфросиньи Суздальской.—Извѣстiе объ ея образованности.—Состоянiе образованности русскаго общества со второй половины XIII до второй половины XVII в.—Женскiе монастыри и терема.—Польза и вредъ затворничества женщинъ.—Обученiе женщинъ высшихъ классовъ общества въ XV в.—Отношенiе женщинъ къ образованiю и отношенiе къ нимъ образованныхъ людей.—Положительныя свѣдѣнiя объ обученiи царевенъ въ XVII в.—Царевна Софья.—Выводъ изъ единичныхъ примѣровъ грамотныхъ и по своему времени образованныхъ женщинъ о ходѣ просвѣщенiя среди женщинъ до Петра.—Чѣмъ объясняется скудость въ нашей древней письменной литературѣ извѣстiй о женщинахъ, а равно отсутствiе въ ней какихъ-либо литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ женщинами. — Участiе женщинъ до-петровскаго времени въ общемъ просвѣщенiи страны.

Характеризуя положенiе женщинъ въ среднiе вѣка, Мишле говоритъ: „въ эту странную эпоху женщина, обоготворяемая, идеально обожаемая, въ дѣйствительности была жертвой этого мiра; на нее рушились всѣ бѣды, ей выпалъ адъ уже на землѣ“ [1]).

На этотъ разъ Мишле нельзя упрекнуть въ преувеличенiи, хотя именно въ среднiе вѣка западная женщина, впрочемъ однихъ только высшихъ классовъ и въ одной только сферѣ, была поставлена на такую высоту, какой никогда потомъ не достигала.

Съ самаго начала среднихъ вѣковъ въ Германiи, при Оттонахъ, женщины императорской семьи отличались научною и литературною образованностью болѣе даже чѣмъ мужчины, принадлежавшiе къ этой, славившейся своею любовью къ просвѣщенiю, семьѣ. „XI вѣкъ,—говоритъ нѣмецкiй ученый Ватенбахъ [2]),—отмѣченъ именно этой чертою: высокою образованностью знат-

[1]) *Michelet*. Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. 1855. Introduction, p. CVI.

[2]) *Wattenbach*. Deutschland's Geschichtsquellen im Mittelalter. I Band, S. 261.

ныхъ женщинъ“. Въ Византіи императрица Евдокія превосходила ученостью своего мужа (Константина VIII Дука) и занималась, по словамъ Шлоссера [1]), почти исключительно однѣми науками. Во Франціи славилась ученостью Элоиза, ученица Абеляра. Вмѣстѣ съ нимъ она основала въ Парижѣ учебное заведеніе [2]), т.-е. сгруппировала вокругъ себя людей, интересовавшихся умственными и научными вопросами, и разъясняла ихъ. Удалившись въ монастырь, она учила сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ; а Абеляръ написалъ для нихъ Гексамеронъ, т.-е. сочиненіе о сотвореніи міра. Въ XII вѣкѣ возникла знаменитая медицинская школа Салерно, и въ ней преподавали нѣкоторыя женщины-врачи. Вообще до паденія республикъ въ Италіи ученыя женщины и поэтессы играли видную роль въ литературѣ и наукѣ, нерѣдко появляясь и на профессорской каѳедрѣ. Но особое значеніе въ сферѣ умственныхъ интересовъ тогдашняго времени женщины пріобрѣли благодаря мистическому и рыцарскому энтузіазму конца XI вѣка, который въ продолженіе XII и XIII вѣковъ выражался культомъ женщины.

Удовлетвореніе умственныхъ интересовъ, въ которыхъ западныя женщины должны были принимать дѣятельное участіе, повлекло за собою нѣкоторое улучшеніе въ ихъ образованіи, преимущественно въ романскихъ государствахъ. Съ конца XII вѣка въ замкахъ рыцарей и богатыхъ горожанъ вошло въ обычай давать дѣвочкамъ воспитаніе не только монастырское, но и свѣтское. Ихъ вмѣстѣ съ мальчиками учили одни и тѣ же учителя, почти однѣмъ и тѣмъ же наукамъ, въ томъ числѣ астрономіи или, лучше сказать, астрологіи. Въ основѣ же женскаго образованія лежало знаніе французскаго языка и французской литературы [3]). Знаніе перваго вызывалось тѣмъ, что въ „судахъ любви“ (cours d'amour), учрежденіе которыхъ принадлежитъ женщинамъ, онѣ присуждали награды воспѣвавшимъ ихъ красоту пѣвцамъ и поэтамъ; а для того чтобы рѣшить вопросъ объ относительномъ достоинствѣ произведенія того или другаго рыцаря, требовалось знакомство съ техникой построенія стансовъ и стиховъ. Женщины и сами писали стихи и стансы, образчики которыхъ сохранились въ исторіи западныхъ литературъ. Знаніе литературы требовалось потому, что обычнымъ развлеченіемъ образованныхъ людей феодальнаго обще-

[1]) *Шлоссеръ* Т. VI, стр. 224.

[2]) Тамъ же, стр. 352.

[3]) Даже въ англійскихъ школахъ, до конца XIV вѣка, на этомъ языкѣ преподавались предметы, ибо умѣнье говорить и писать по-французски считалось во всей западной Европѣ признакомъ хорошаго воспитанія и благороднаго происхожденія.

ства было обсужденіе и истолкованіе не только любовныхъ, но и философскихъ, также сатирическихъ пѣсенъ и романовъ. Эти произведенія служили предметомъ литературныхъ состязаній, въ которыхъ женщины принимали дѣятельное участіе.

Подъ вліяніемъ духа времени и въ другихъ сферахъ поднялось одно время значеніе западныхъ женщинъ. Былъ даже проектъ серьезной реформы женскаго образованія. Въ началѣ XIV вѣка юристъ Дюбуа представилъ англійскому королю Эдуарду I записку, въ которой предлагалъ уменьшить число женскихъ монастырей, а на мѣсто ихъ устроить такіе, въ которыхъ свѣтскія дѣвушки обучались бы языкамъ: латинскому настолько, чтобы понимать его, греческому, еврейскому и арабскому—чтобы свободно владѣть ими, а также естественнымъ наукамъ, медицинѣ и хирургіи. Воспитанныя такимъ образомъ дѣвушки должны были, по проекту Дюбуа, отправляться на востокъ, въ св. землю; тамъ выходя замужъ за священниковъ греческаго исповѣданія и даже за сарациновъ, онѣ пріобрѣтали бы довѣріе населенія въ качествѣ врачей, а своими добродѣтелями, какъ жены и матери, способствовали бы распространенію христіанской цивилизаціи среди восточныхъ народовъ [1]).

Проектъ Дюбуа такъ и остался проектомъ; но онъ замѣчателенъ по мысли — указать женщинамъ общественную роль въ жизни и къ этой роли направить ихъ образованіе.

Въ средневѣковой западной литературѣ были и другіе трактаты о женскомъ воспитаніи и образованіи. По характеру они представляютъ сходство съ нашимъ Домостроемъ въ томъ смыслѣ что также, какъ послѣдній, служатъ изображеніемъ нравовъ эпохи [2]). Поэтому-то и содержаніе западныхъ произведеній подобнаго рода отлично отъ нашего памятника нравовъ. Западнымъ женщинамъ предлагались правила не только ка̀къ жить дома, но и ка̀къ вести себя въ обществѣ; имъ рекомендовалось быть вѣжливыми въ обращеніи и скромными; но тутъ же, въ предостереженіе отъ порока, этотъ порокъ, согласно духу времени, изображался во всей своей наготѣ и съ такими подробностями, которыя поразили бы теперь даже снисходительнаго моралиста [3]). Женщинъ убѣждали также не объѣдаться и не напиваться, не слѣдовать модѣ, не носить длинныхъ платьевъ, похожихъ на „овечій хвостъ“, или высокихъ прическъ, придающихъ имъ видъ оленя, „боящагося зацѣпиться рогами за дерево“. Но рядомъ съ этимъ выска-

[1]) Hist. de l'éduc. des f. en France. T. I, p. 41.
[2]) Ménagier de Paris. 1393 (Русская Бесѣда. 1858. Кн. 1).
[3]) Hist. de l'éduc. des f. en France. T. I. Ch. II.

зывались мысли о необходимости научнаго образованія для женщинъ; и эти мысли принадлежали преимущественно лицамъ духовнымъ, не одобрявшимъ того образованія, какое давалось въ то время женщинамъ Наконецъ, много писали о женскомъ воспитаніи и образованіи и сами женщины, даже, и бо̀льшею частью, королевы и принцессы. Но ужъ въ концѣ XIV вѣка проявилась реакція противъ женскаго образованія, отъ котораго будто бы происходитъ все зло въ жизни. и та распущенность нравовъ, которая достигла крайнихъ предѣловъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. Женщинѣ стали напоминать о страхѣ Божіемъ и страхѣ передъ мужемъ, ея господиномъ, всѣ приказанія котораго она должна исполнять безпрекословно и ограничить всю свою дѣятельность семейными обязанностями. Въ числѣ сторонниковъ такого взгляда были и женщины; но изъ ихъ же среды вышла краснорѣчивая и умная защита литературнаго и научнаго образованія женщинъ. Защитницей явилась знаменитая Христина Пизанская, лучшая представительница того образованія, какое она защищала. Имя ея сохранилось въ исторіи литературы и перешло въ потомство вмѣстѣ съ именами нѣсколькихъ другихъ ученыхъ и талантливыхъ писательницъ.

Не смотря однако на блескъ, которымъ окружены были въ западной Европѣ женщины высшаго круга и богатыхъ классовъ въ средніе вѣка; несмотря на то, что для дочерей и мелкой буржуазіи, также ремесленниковъ, съ XIII вѣка существовали въ Брюсселѣ, еще раньше во Франціи, преимущественно въ Парижѣ, а незадолго до реформаціи и въ Германіи, школы не только смѣшанныя, но и отдѣльныя,—средніе вѣка не создали ничего прочнаго для женскаго образованія. Смягчавшіе нравы „суды любви“ продолжали существовать до конца XV вѣка; но рыцарскій духъ уже давно исчезъ, и обѣднѣвшіе рыцари не только не слагали стансовъ, но за безграмотностью могли лишь прикладывать печать, когда требовалась ихъ подпись. Невѣжество женщинъ,—если брать во вниманіе массу, а не исключительные, болѣе или менѣе блестящіе примѣры,—было общимъ явленіемъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, какъ это было и въ началѣ ихъ.

Все же въ эту эпоху въ женской жизни на западѣ былъ просвѣтъ; въ ней были стимулы, будившіе мысль женщинъ и позволявшіе имъ за умственными интересами хоть на время забывать печальную дѣйствительность условій ихъ существованія.

Ничего подобнаго не было въ жизни русской женщины за все это время. Напротивъ того: нравы, само общество, состояніе просвѣщенія, внѣшнія причины—все влекло ее отдалиться отъ міра.

Съ нашествіемъ монголовъ, въ первой половинѣ XIII вѣка, русскіе прервали всякія сношенія съ западными народами, вслѣдствіе чего и безъ того грубые нравы нашихъ предковъ еще болѣе огрубѣли. Насилія, грабежи, убійства на улицахъ, разбойничьи шайки на дорогахъ были обычнымъ явленіемъ русской жизни даже до половины XVIII столѣтія. Но и дома, въ единственной отведенной женщинамъ сферѣ, семьѣ, онѣ не были защищены отъ дикихъ проявленій грубой силы: пьянство, драки, циничныя рѣчи и поступки вошли въ привычку русскихъ людей даже высшихъ сословій. Тѣми же пороками, конечно, были заражены и женщины; но если ихъ свобода съ первыхъ же вѣковъ принятія у насъ христіанства постепенно все болѣе и болѣе съуживалась, то къ XIII вѣку слагавшійся подъ вліяніемъ перенесенной къ намъ изъ Византіи проповѣди аскетизма, подкрѣпляемой библейскими преданіями, византійскій взглядъ на женщину окрѣпъ у насъ окончательно.

Еще въ началѣ XII вѣка Мономахъ въ своемъ „Поученіи дѣтямъ“ даетъ имъ совѣтъ: „женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою воли“ [1]). Въ концѣ того же вѣка появилось „составленное въ подражаніе извѣстному подложному Слову Златоуста на Иродіаду и отсюда внесенное въ нашъ древній сборникъ „Пчелу“ [2]) „Слово о женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычныхъ и богобойныхъ“ Даніила Заточника, которое перешло и въ другія подобныя сочиненія. „Умъ женскій нетвердъ яко храмъ непокровенъ; оплотъ неокопанъ до вѣтра стоитъ, тако и мудрость женъ до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда... Аще будетъ злообразна, мука ему (мужу) есть, аще ли прекрасна, то вси на ню зрѣти будутъ, мужу же безутѣшная печаль“ [3]). Неудивительно что при такихъ взглядахъ на женщину, она очень скоро утратила въ семьѣ всякую власть и должна была всецѣло покоряться не только отцу и мужу, но даже братьямъ и сыновьямъ. „Покорливость“ жены мужу требовалась въ такой степени, что „если жена была умна хоть въ житейскихъ дѣлахъ, то и тогда, особенно при людяхъ, она не должна выражать мужу ни сужденія, ни умѣнья пони-

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. III, стр. 105.

[2]) *Филаретъ.* Обзоръ русской дух. литер. № 31. Харьковъ. 1859.

[3]) Притча о женской злобѣ. Сказаніе и бесѣда премудра и чадолюбива отца, преданіе и поученіе къ сыну, спискательна отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ и премудраго Соломона, Іисуса Сирахова и отъ многихъ философовъ и искусныхъ, о женстѣй злобѣ. *Костомаровъ.* Памятники старинной русской литературы. 1860. № 6.

3495

мать дѣло“ [1]). Даже въ простыхъ домашнихъ обрядахъ считалось „неприличнымъ“, чтобы она выражала свое мнѣніе. „Ино то не женское дѣло кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть; да и не стать въ слухъ при людяхъ своимъ умомъ наказывать. На то есть глава, мужъ законный; на то есть совѣтъ безъ людей, съ очи на очи“ [2]). Позже, изъ Домостроя, мы узнаемъ, что мужу дозволялось даже плеткой учить жену. Можно себѣ представить, какимъ „адомъ уже на землѣ“ должна была тогда быть жизнь русской женщины!

Правда, въ то время, и даже въ XV вѣкѣ, русскія княжны и матерыя вдовы въ боярскомъ и посадскомъ быту хотя и жили въ удаленіи отъ свѣта, но продолжали вліять на дѣла и пользоваться властью, какою пользовались прежде. Ихъ приводили къ крестному цѣлованію, онѣ являлись на вѣче, а при паденіи независимости Новгорода Иванъ Васильевичъ приказалъ приводить къ присягѣ на вѣрность не только мужчинъ, но и женщинъ [3]). Это были случаи исключительные, а внѣ ихъ женщины стояли совсѣмъ отдѣльно отъ общества, въ которомъ имъ не было ни дѣла, ни мѣста. Понятно что онѣ сами желали уйти изъ него; но это было для нихъ возможно лишь совсѣмъ отказавшись отъ міра.

Лѣтопись разсказываетъ о женѣ князя Рюрика Кіевскаго, заключенной въ 1193 году своимъ зятемъ, вмѣстѣ съ мужемъ и дочерью, въ монастырь, что когда по смерти зятя мужъ ея вышелъ изъ монастыря и предложилъ женѣ послѣдовать его примѣру, она наотрѣзъ отказалась вступить обратно въ міръ. Это примѣръ не единичный. Передъ нашествіемъ монголовъ число женскихъ монастырей было невелико; изъ 68 общаго числа, женскихъ было 12, и то построенныхъ бо́льшею частью князьями. Послѣ монголовъ монастырей было 180; сколько изъ нихъ женскихъ—въ точности неизвѣстно; но нѣкоторые женскіе монастыри отличались многолюдствомъ [4]) и въ числѣ основателей новыхъ женскихъ монастырей встрѣчаются княгини, боярыни и даже посадскія жены.

Стремленіе русскихъ женщинъ къ монастырю поддерживалось тогдашнимъ обществомъ и проповѣдовавшимся имъ мужчинами ученіемъ объ иноческой жизни, какъ о высшемъ идеалѣ человѣческаго существованія вообще, и въ особенности для женщинъ; для нихъ,

[1]) *Забѣлинъ.* Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ. Р. Вѣстникъ. 1857. Т. IX.

[2]) *Сахаровъ.* Сказанія русскаго народа. Ч. 2, стр. 114.

[3]) *Костомаровъ.* Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. VIII, стр. 159.

[4]) *Макарій.* Исторія русской церкви. 1866. Т. IV, стр. 209.

будто бы, внѣ монастыря и не можетъ быть спасенія. Если прибавить къ этому, что не только при монголахъ, но въ XVI даже вѣкѣ монастыри имѣли привлекательную силу для лучшихъ, задававшихся высшими вопросами людей, что они служили и для мужчинъ средоточіемъ умственной жизни и интересовъ, то понятно, что для женщинъ въ нихъ почти исключительно должна была сосредоточиваться вся наличная умственная жизнь. Поэтому, касающихся ихъ извѣстій, имѣющихъ малѣйшее отношеніе къ такой жизни и сколько-нибудь возвышающейся надъ обычнымъ уровнемъ, мысли, вплоть до второй половины XVII вѣка надо искать въ монастыряхъ, и притомъ почти исключительно въ средѣ женщинъ княжескаго и знатнаго рода. Такія извѣстія даютъ „Житія святыхъ“ и „Степенная книга“, излагающая событія нашей исторіи съ религіозной точки зрѣнія.

Уже по самому заглавію этихъ источниковъ можно заключить, что въ нихъ главное вниманіе обращено на духовные подвиги, чудеса, святость жизни описываемыхъ святыхъ людей; а все, что̀ не имѣетъ прямого отношенія къ этой сторонѣ ихъ жизни, составляетъ для біографовъ предметъ второстепенный. Но это почти единственные источники, откуда можно почерпнуть хоть какія-нибудь свѣдѣнія о древне-русскихъ женщинахъ. Понятно что извѣстія объ ихъ просвѣщеніи, по цѣли, съ какою житія составлялись, въ нихъ весьма скудны, да и число женскихъ біографій, какъ въ „Житіяхъ“, такъ и въ „Степенной книгѣ“, невелико. Однако рядомъ съ описаніями подвиговъ и чудесъ святыхъ женщинъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ попадаются иногда, особенно въ первоначальныхъ житіяхъ, и нѣкоторыя другія подробности о жизни русскихъ женщинъ въ XIII—XV вѣкахъ. Среди этихъ рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ для насъ подробностей встрѣчаются и указанія на то, что просвѣщеніе или, вѣрнѣе, грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ, сохранялась среди женщинъ въ монастыряхъ; а это подтверждаетъ догадку, что начавшееся при Янкѣ обученіе женщинъ въ монастыряхъ непрерывно продолжалось и послѣ нея.

Еще въ началѣ XIII вѣка, въ періодъ относительнаго благосостоянія восточной Руси, въ Суздалѣ было, по словамъ Костомарова, женское училище, основанное дочерью черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, Евфросиньею, которая сама учила въ немъ грамотѣ, письму и пѣнію [1]). Въ „Исторіи русской

[1]) *Костомаровъ*. Русская Исторія. Т. I, стр. 95. (Источникъ, откуда приведено извѣстіе объ училищѣ въ Суздалѣ, не указанъ.)

церкви“ Макарія, писавшаго объ Евфросиньѣ [1]) на основаніи ея „Житія“, составленнаго инокомъ Спасо-Евфимьевскаго монастыря, Григоріемъ, сказано, что Евфросинья (въ мірѣ Θеодосія) съ дѣтства была обучена грамотѣ и книжной мудрости высокообразованнымъ бояриномъ Θеодоромъ, пострадавшимъ потомъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ въ Ордѣ. Молодая княжна была обручена, но женихъ ея умеръ, и она, отказавшись отъ замужества, вступила въ Ризположенскую обитель. Здѣсь она предалась иноческимъ обѣтамъ: по ночамъ читала слово Божіе, въ церкви пѣла и читала такъ, что привлекала богомольцевъ изъ города. Она же, по порученію игуменьи, произносила въ церкви наставленія сестрамъ. „Эти наставленія, также какъ и святость ея жизни, производили“, говоритъ Макарій, „необыкновенное дѣйствіе на присутствовавшихъ; многія вдовы и дѣвицы поступали въ монастырь, чтобы учиться у Евфросиньи благочестію“.

Въ первоначальномъ житіи Евфросиньи Суздальской, котораго, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть въ подлинникѣ [2]), но въ позднѣйшемъ спискѣ, „выписанномъ изъ житія преподобной, хранящагося въ Суздальскомъ ея монастырѣ“ [3]), говорится, что когда отецъ Евфросиньи, Михаилъ Черниговскій, долженъ былъ ѣхать въ Орду, то она умоляла его „въ трогательномъ писаніи не склоняться на волю ханскую“. Приведены также, кромѣ чудесъ, отрывки изъ ея наставленій и отвѣтовъ разнымъ лицамъ. У Шевырева [4]) есть еще слѣдующій отрывокъ изъ этого же стараго „Житія“, прямо касающійся образованности Евфросиньи [5]): „Аще и не во Аθинѣхъ учися блаженная, но аθинѣйски премудрости изучи: философію же и риторію и всю грамматикію, числа и круговъ обхожденія и вся премудрости“.

[1]) Т. III, стр. 60.

[2]) Его нѣтъ даже въ Публичной библіотекѣ и онъ хранится въ одномъ изъ московскихъ Архивовъ. Въ Отч. Рум. музея Востокова (1842) это „Житіе“ значится подъ №№ 167 и 371: „Черноризца смиреннаго инока григорія суждаля града монастыря спассо-евфимья чюдотворца исповѣдание вкратцѣ житие и жизнь преподобныя благовѣрныя княжны Евфросиніи суждалскія“ (скорописью). — Въ Обзорѣ русской духовной литературы митр. *Филарета*, оно стоитъ подъ № 118.

[3]) Житіе преподобной княжны Евфросиньи Суздальской. Владиміръ, 1879. „Въ дни же царя и благовѣрнаго князя Іоанна Васильевича благочестивый епископъ Суздальскій Варлаамъ, возвращаясь изъ Москвы, обрѣлъ въ обители св. Стефана Махрицкаго Житіе и службы преподобной, давно уже составленнаго инокомъ Григоріемъ Спасо-Суздальскаго монастыря и принесъ его въ обитель преподобной“.

[4]) Исторія русской словесности. Ч. III, 1858.

[5]) Объ ея „образованности“ упоминается и въ „Преставленіи препод. Евфросиньи Сузд.“ *Филарета*. „Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью“. 1885. сентябрь, стр. 224.

Такія обширныя познанія у русской женщины въ XIII вѣкѣ справедливо навели сомнѣніе въ достовѣрности извѣстія, сообщеннаго составителемъ „Житія" [1]). Это сомнѣніе какъ бы оправдывается тѣмъ, что „Житіе" написано монахомъ Григоріемъ въ половинѣ, какъ думаетъ Филаретъ [2]), XVI вѣка, стало быть три вѣка спустя послѣ смерти Евфросиньи, хотя и по преданіямъ, какъ сказано въ Житіи, какія авторъ самъ слышалъ отъ инокинь монастыря, въ которомъ Евфросинья была игуменьей [3]). Вообще біографы святыхъ, говоритъ Ключевскій [4]), рѣдко имѣли точныя и полныя свѣдѣнія описываемой ими жизни святого. А особенно начиная съ XV вѣка, когда въ „Житіяхъ" появились новые литературные пріемы, преданіе перестало быть главнымъ источникомъ для біографовъ; на первомъ планѣ у нихъ стала не задача сохранить память описываемаго святого потомству, а другія цѣли. Житіе Евфросиньи Суздальской написано именно въ такое время и это еще болѣе подрываетъ вѣру въ историческую правду сообщеннаго въ немъ извѣстія объ образованности святой. Но въ данномъ случаѣ какія же цѣли могъ имѣть монахъ Спасскаго монастыря въ половинѣ XVI вѣка къ преувеличенію познаній игуменьи, жившей три вѣка тому назадъ? При Грозномъ, которому, по словамъ Шевырева, епископъ Варлаамъ поднесъ найденное имъ „Житіе" Евфросиньи, составленное Григоріемъ, не было и рѣчи объ образованіи женщинъ, и стало быть не было и нужды придавать Евфросиньѣ характеръ высокой образованности, хотя бы съ цѣлью воздѣйствовать на настоящее примѣромъ изъ далекаго прошлаго. Если же инокъ Григорій описывалъ житіе игуменьи своего монастыря чтобы прославить монастырь, то для этого, въ половинѣ XVI вѣка, совсѣмъ не требовалось изображать описываемаго святого обладавшимъ обширными познаніями, ибо для цѣли, съ какою житія составлялись, т.-е. для прославленія его чудесъ и святости жизни, не было надобности изображать святого образованнымъ. Скорѣе можно было бы допустить, что желая представить Евфросинью не только вдохновенною, но и краснорѣчивою проповѣдницею, авторъ

[1]) *Буслаевъ.* Историческіе очерки русск. нар. слов. и искусства. Т. II. 1861, стр. 158.

[2]) Обзоръ р. дух. лит. № 118, стр. 172.—Житіе Евфросиньи, также какъ житія всѣхъ вообще святыхъ, послѣ того какъ они въ первый разъ были составлены, появлялись въ нѣсколькихъ спискахъ и редакціяхъ. Составленное монахомъ Григоріемъ житіе Евфросиньи считается первоначальнымъ спискомъ ея житій.

[3]) „Я удостоился слушать достовѣрное въ г. Суздалѣ отъ повѣдавшихъ мнѣ черноризицъ обители преподобной". *Филаретъ.* „Житія святыхъ", сентябрь, стр. 305.

[4]) *Ключевскій.* Древне-русскія Житія святыхъ какъ историческіе источники. Москва. 1871.

„Житія“, монахъ, счелъ нужнымъ усилить въ умахъ читателей достоинства ея проповѣдей, приписавъ ей не только вдохновеніе, но и познанія, и тогда требовавшіяся для того, чтобы рѣчи отличались ораторскимъ искусствомъ. Вѣрнѣе же всего что если, какъ сказано въ „Житіи св. Евфросиньи“, ее училъ книжной мудрости высокообразованный бояринъ, то онъ и передалъ своей ученицѣ-княжнѣ тѣ познанія, которыми обладалъ самъ; въ этомъ не было бы ничего удивительнаго.

Можетъ быть, въ началѣ XIII вѣка у насъ гдѣ-нибудь еще было образованіе въ томъ объемѣ, въ какомъ оно существовало въ Византіи въ періодъ, когда вмѣстѣ съ христіанствомъ мы заимствовали у нея и просвѣщеніе. Въ такомъ случаѣ въ кругъ высшаго курса ученія и у насъ, въ XII и началѣ XIII вѣковъ, могли входить предметы, составлявшіе курсъ ученія въ византійскихъ школахъ, т.-е. изученіе Ветхаго Завѣта, грамматика съ діалектикою и риторикою, философія, ученіе числамъ, круговъ обхожденія или Пасхалія, т.-е. искусство опредѣлять въ любомъ году день св. Пасхи и другіе церковные праздники [1]). Эти предметы могли изучаться, конечно, очень немногими, поставленными въ исключительныя условія, лицами, ибо общее образованіе во все время нашей древней исторіи сохраняло религіозное направленіе, имѣя въ виду наставлять народъ въ догматахъ вѣры и укрѣплять въ нравственности. Даже самыя слова: „ученіе“ и „просвѣщеніе“ надо понимать, въ большинствѣ случаевъ, какъ „ученіе“ и „просвѣщеніе“ въ вѣрѣ. Такое образованіе, одинаковое для всѣхъ лицъ и сословій, ограничивалось обыкновенно знаніемъ грамоты, дававшей возможность читать божественныя книги, которыя не только читались, но изучивались. Однако, рядомъ съ божественными книгами, начиная съ перваго же періода нашего просвѣщенія, появились у насъ и такія, въ которыхъ помѣщались переведенныя съ греческаго языка статьи, заключавшія въ себѣ и разныя, историческія, географическія и философскія свѣдѣнія. Такою книгой былъ первый, появившійся у насъ еще въ 1073 году, Святославовъ Сборникъ. Въ немъ были преимущественно статьи духовнаго содержанія, но также „историческія (лѣтописецъ вкратцѣ, патріарха Никифора), философскія (о естествѣ, о собствѣ, о количествѣ и качествѣ, о различіи, и пр.), риторическія (о образѣхъ, т.-е. о тропахъ и фигурахъ) и др.“ [2]). Этотъ и подобные ему другіе сборники читались грамотными людьми, и если уже

[1]) *Хмыровъ*. Училища и образованность на Руси до-петровской.

[2]) *Галаховъ*. Исторія р. слов. древней и новой. 1863. Ч. I, стр. 46.

одно знаніе грамоты, пѣнія и умѣнье списывать книги считалось тогда за образованіе, то знакомство съ предметами, помѣщавшимися въ такихъ сборникахъ, какъ Святославовъ и другіе, должно было представляться высшимъ образованіемъ. Поэтому еслибы даже знаніе „философіи, риторики“ и пр. и не было передано Евфросиньѣ высокообразованнымъ бояриномъ, то она сама могла пріобрѣсти его изъ книгъ. Такимъ образомъ преувеличеніе ея познаній въ „Житіи“ заключалось бы только въ высокопарной формѣ, въ какой они были перечислены авторомъ „Житія“.

Евфросиньею Суздальскою (ум. около 1250 г.) заканчивается скудный рядъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ образованныхъ, по своему времени, въ до-монгольской Руси женщинахъ. Со второй половины XIII вѣка вообще свѣдѣнія о ходѣ нашего просвѣщенія становятся рѣже и скоро совсѣмъ прекращаются. Иногда только, упоминая имя того или другого, чѣмъ-нибудь отличившагося, князя, лѣтописи даютъ отрывочное извѣстіе, что онъ читалъ божественныя книги и изрѣдка—все рѣже и рѣже—что зналъ греческій языкъ. Объ образованности, даже грамотности бояръ не приводится и такихъ извѣстій. Духовенство и при монголахъ продолжало учить грамотѣ въ школахъ при церквахъ. Оно было единственнымъ обязательно-грамотнымъ сословіемъ во второмъ періодѣ нашей древней исторіи, т.-е. отъ смерти Ярослава до смерти Алексѣя Михайловича (1054—1676). Высшее, по тогдашнему, образованіе, съ половины XIV вѣка и для мужчинъ сосредоточилось въ монастыряхъ. Училища Стоглава предназначались почти исключительно для приготовленія священниковъ. Небогатые и незнатные люди, желавшіе обучить дѣтей грамотѣ для того, чтобы они могли впослѣдствіи заниматься дѣлами, т.-е. быть писцами и подъячими, посылали ихъ къ какому нибудь учителю-грамотѣю. Такъ какъ подобныя занятія считались унизительными для высшихъ сословій, то эти сословія не имѣли возможности, помимо того что среди нихъ, за ничтожными исключеніями, не было и желанія, пріобрѣсть даже элементарныя въ чемъ-нибудь познанія. Вслѣдствіе этого у насъ въ XVI вѣкѣ обнаружилось тò же, чтò двумя вѣками ранѣе было на западѣ среди рыцарей, т.-е. наши бояре и боярскія дѣти не были въ состояніи подписать своего имени на оффиціальномъ документѣ.

Если таково было состояніе просвѣщенія мужской половины русскаго государства, то просвѣщеніе женщинъ, даже простая грамотность среди нихъ, должна бы, казалось, совсѣмъ исчезнуть. Непріуроченныя ни къ какому дѣлу или занятію, непобуждаемыя никакими внѣшними условіями, при отсутствіи въ самомъ обще-

ствѣ сознанія въ пользѣ просвѣщенія и потребности въ ученіи, не имѣющемъ въ виду прямой практической цѣли, женщины, оставаясь въ мірy, и сами, конечно, не захотѣли бы учиться, и силою вещей надолго были бы устранены отъ той даже скромной доли участія въ просвѣщеніи, какая выпала имъ въ до-монгольскій періодъ.

Однако слѣды грамотности среди женщинъ сохранялись и при монголахъ. Это видно изъ нѣсколькихъ, разсѣянныхъ въ разныхъ источникахъ, примѣровъ. Въ граматахъ XIV вѣка упоминается, говоритъ Лавровскій [1]), о содержаніи при церквахъ сиротъ и дѣтей (обоего пола), которыхъ, по его предположенію, не только питали, но и учили грамотѣ. Изъ частныхъ извѣстій, касающихся собственно женщинъ, въ Степенной книгѣ [2]) приведенъ разсказъ о женѣ князя Андрея Константиновича, княгинѣ Василисѣ, которая въ ранней молодости выучилась божественному писанію, изучила ветхій и новый завѣтъ и хотѣла постричься въ монахини. Но родители выдали ее замужъ когда ей было 12 лѣтъ. Будучи замужемъ и живя въ міру, Василиса вела монашескую жизнь и даже носила на тѣлѣ власяницу; а когда послѣ 13-ти-лѣтняго супружества ея мужъ передъ смертью принялъ схиму, она роздала все имущество нищимъ, монастырямъ и церквамъ и сама постриглась въ основанномъ ею монастырѣ. Тутъ она жила кормясь рукодѣліемъ, проводя жизнь въ постѣ, молитвѣ и чтеніи священныхъ книгъ. Къ ней присоединились многія дѣвицы, боярыни, княгини, „и бысть ихъ числомъ сто и десять“.

Это и другія, ему подобныя, извѣстія, всѣ, за весьма незначительными измѣненіями въ подробностяхъ, сходныя между собою, и не представляющія ничего особеннаго, выдающагося изъ обычной колеи монастырской жизни и монастырскихъ подвиговъ, именно вслѣдствіе сходства во всѣхъ почти біографіяхъ древне-русскихъ женщинъ, имѣютъ извѣстное значеніе. Двѣнадцати лѣтъ онѣ, одна какъ другая, выходили замужъ, въ ранней юности учились грамотѣ и божественному писанію, потомъ поступали въ монастырь, и пр. Такія общія всѣмъ черты могутъ быть сочтены за прибавленія позднѣйшихъ авторовъ жизнеописаній женщинъ княжескаго рода или просто за біографическія гипотезы; но тѣ же

[1]) О древне-русскихъ училищахъ.

[2]) Гл. II, стр. 486: „О блаженной супружницѣ князя Андрея Константиновича Нижеградскаго, княгинѣ Василисѣ, въ инокиняхъ Ѳеодорѣ“.—Полное Собр. р. лѣтописей, II, 219.

черты находятся въ „Житіи“ св. Евфросиньи Полоцкой [1]), жившей въ XII вѣкѣ, а это Житіе признается „если не по языку и редакціи, то по содержанію несомнѣнно древняго происхожденія“ [2]). Такимъ образомъ, по этимъ біографическимъ указаніямъ мы можемъ заключать, что обычай обучать женщинъ въ княжескихъ семьяхъ продолжалъ существовать и въ самое глухое для нашего просвѣщенія время. Въ это время всѣ женщины княжескаго и знатнаго рода жили если не въ монастыряхъ, то въ теремахъ, служившихъ, какъ это видно и изъ приведеннаго выше примѣра княгини Василисы, тѣмъ же монастыремъ для женщинъ, не желавшихъ или не имѣвшихъ возможности идти въ монастырь.

Съ теченіемъ времени обычай удаляться въ монастырь постоянно усиливался и переходилъ изъ высшихъ классовъ сначала въ средніе, а въ XVI вѣкѣ и въ низшіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ установился и другой, особенно часто примѣнявшійся при Грозномъ—насильно постригать людей, отъ которыхъ почему-либо царь или вліятельныя лица хотѣли избавиться. Насильственное постриженіе примѣнялось и къ женщинамъ, даже царицамъ, которыхъ заключали въ монастырь иногда въ видѣ наказанія, иногда съ разными другими, въ томъ числѣ и политическими, цѣлями, иногда же съ цѣлью охранить ихъ отъ обидъ и опасностей, которымъ онѣ могли на каждомъ шагу подвергаться въ тогдашнемъ обществѣ.

Въ монастырѣ, какъ и въ теремѣ, женщины, волей или неволей, должны были наполнять свой день, кромѣ рукодѣлія, и другими занятіями. Женскіе монастыри большей частью были монастырями общинножительными, а во всѣхъ такихъ монастыряхъ были одни и тѣ же или весьма сходные между собою уставы и правила; въ эти правила включалось и чтеніе книгъ въ келіяхъ. Тѣже уставы полагались и на волю женскихъ монастырей [3]).

Точно также и въ теремахъ „набожность,—говоритъ Забѣлинъ [4]),—наполняла день, ибо Уставъ каждодневной жизни требовалъ чтенія какъ душеспасительнаго подвига. Читались: Житія святыхъ, поученія на каждый день, и пр. Оттого знаніе священ-

[1]) Житіе и хожденіе святыя Евфросиньи † 1173. Пергаментная рукопись XIV вѣка найдена Срезневскимъ въ Львовскомъ монастырѣ. *Филаретъ*. Обзоръ русск. дух. литературы. № 40.—Повѣсть житія и преставленія Евфросиньи Полоцкой. Изъ Сборника XVI вѣка Троицкой Лавры. *Костомаровъ*. Пам. стар. р. лит. и др. — Опис. рук. Румянц. музея. Л. 136. стр. 221.—*Макарій*. Т. III, стр. 68.

[2]) *Голубинскій*. Томъ I, 2-я половина, стр. 493. Прим.

[3]) *Макарій* Ист. р. церкви. Т. VII, стр. 83: „вся елика суть о инокахъ речена, тожде преданіе и симъ (инокинямъ) есть“.

[4]) *Забѣлинъ*. Домашній бытъ русскихъ царицъ.

ной и церковной исторіи въ тогдашнемъ грамотномъ обществѣ было распространено несравненно болѣе, чѣмъ всякое другое. Въ совокупности съ знаніемъ церковнаго догмата или Устава, это была единственная наука того времени, то самое, что̀ мы теперь понимаемъ подъ словомъ образованность. Въ особенности въ замкнутомъ теремѣ женщины, лишенныя участія даже мыслью и словомъ въ дѣлахъ общественныхъ, управлялись и направлялись въ нравственныхъ и умственныхъ интересахъ".

Если это было такъ, то слѣдовало бы признать, что затворничество женщинъ, такъ вредно отразившееся на всемъ складѣ русской жизни, принесшее впослѣдствіи столько зла и горя самимъ женщинамъ, было для нихъ не только спасеніемъ во второмъ періодѣ нашей древней исторіи, но оно сослужило имъ и другую службу, не допустивъ ихъ до полнаго отчужденія отъ просвѣщенія страны. Соловьевъ справедливо говоритъ: „Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: „что̀ бы сталось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема"? [1]) Но онъ тутъ же признаетъ, что это спасительное въ то время средство—удаленіе женщины изъ общества—было для него вредно, ибо содѣйствовало еще большему огрубѣнію его нравовъ.

Обычай затворничества женщинъ просуществовалъ у насъ долго, до Петра. Въ XVII вѣкѣ онъ былъ, по словамъ Соловьева, дѣломъ приличія для женщинъ высшихъ и достаточныхъ классовъ. Это и понятно, если вспомнить свидѣтельство Олеарія о нравахъ, привычкахъ и разговорахъ русскихъ людей XVII вѣка [2]), причемъ, надо замѣтить, женщины не огражденныя стѣнами монастыря или терема, какъ это видно изъ разсказовъ Флетчера [3]), Олеарія и другихъ, стояли на одномъ уровнѣ нравственности, весьма низкомъ, съ мужчинами.

Въ половинѣ XVII вѣка появился памятникъ нашего древняго домашняго быта—Домострой. Въ послѣдней его главѣ сказано: „Что̀ самъ дѣлаешь, тому жену учи; всякому страху Божью, всякому знанію и промыслу" [4]). Но такъ какъ въ Домостроѣ знаніе грамоты признается нужнымъ только для духовныхъ и приказныхъ, то очевидно что для мужчинъ всѣхъ другихъ сосло-

[1]) *Соловьевъ*. Исторія Р. Т. IV, стр. 341.

[2]) Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ (Чт. Общ. ист. и др. 1868, кн. III, стр. 175—182.).

[3]) О Государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны (1591). Изд. 1867, стр. 112.

[4]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. VII, стр. 238.

вій оно не считалась нужнымъ, а слѣдовательно слова: „всякому знанію“—не имѣли никакого отношенія къ ученію. Однако съ конца еще XV вѣка обычай обучать грамотѣ женщинъ княжескихъ семей можно прослѣдить даже внѣ монастырскихъ преданій. Съ этого времени наша исторія сосредоточивается главнымъ образомъ вокругъ одного лица, великаго князя и царя, и почти всякій разъ какъ историку приходится упомянуть о той и другой женщинѣ, имѣющей какое-либо касательство къ этому лицу, эти женщины отмѣчаются по крайней мѣрѣ грамотными [1]). У Костомарова [2]) цѣликомъ приведено письмо Елены, дочери Ивана Васильевича III, бывшей замужемъ за литовскимъ княземъ Александромъ. Въ этомъ письмѣ русская княжна рисуется не только грамотною и умною, но и обладавшею тѣмъ, что̀ мы теперь назвали бы развитіемъ. Елена осмѣливается „имѣть свое сужденіе“ даже о государственныхъ дѣлахъ. Убѣждая отца прекратить войну съ Литвою, Елена пишетъ: „оставь гнѣвъ безвинный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, соблюди прежнюю любовь и дружбу, какую самъ записалъ ему своимъ крѣпкимъ словомъ въ докончальныхъ граматахъ, чтобъ отъ вашей нелюбви не лилась кровь христіанская и поганство бы не смѣялось“, и пр. Въ другомъ мѣстѣ Елена говоритъ отцу, что она отослала свою московскую прислугу и боярынь, потому что онѣ не умѣютъ держать себя прилично. Хотя есть основаніе подозрѣвать, что это письмо писано не самою Еленою, а лишь отъ ея имени [3]), но изъ другихъ сохранившихся ея писемъ къ отцу и брату Бестужевъ-Рюминъ заключаетъ, что она „отличалась и тактомъ, и достаточной энергіей“ [4]).

О царевнѣ Ксеніи Годуновой сохранились отзывы какъ о женщинѣ образованной и искусной въ списываніи книгъ. Борисъ Годуновъ, по словамъ Соловьева, первый изъ московскихъ царей далъ своему сыну образованіе выше того, какое до тѣхъ поръ давалось русскимъ людямъ. Вѣроятно онъ при этомъ приложилъ заботы и объ образованіи дочери. Грамотною была и мать царя Михаила Ѳедоровича, царица-инокиня Марѳа, въ міру Ксенія Ивановна. Она переписывалась съ патріархомъ Филаретомъ и

[1]) Указаніе на это есть, между прочимъ, и въ Русской Исторіи *К. Бестужева-Рюмина*. Т. I, стр. 78—79.

[2]) Русская Исторія, стр. 302.

[3]) Ист. борьбы Моск. гос. съ польско-лит. *Карпова* (Чт. Общ. ист. и др. 1866, кн. IV стр. 102—105).

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*. Р. Исторія. Т. II, 1885, стр. 184.

читала, какъ видно изъ случайно сохранившагося извѣстія, „книгу печатную въ десть, Василія Кесарійскаго, да Псалтырь“ [1]).

Судя по примѣрамъ Ксеніи Годуновой и Ксеніи Шестовой (инокини Мареы), также Евдокіи Лопухиной [2]) (впослѣдствіи царицы), можно думать, что въ XVI и XVII вѣкахъ дочерей учили не въ однихъ царскихъ, но иногда и въ боярскихъ, даже незнатныхъ (родъ Шестовыхъ былъ изъ незнатныхъ) семьяхъ. Въ то же время изъ „Житія св. Іуліаніи Лазаревской“ видно, что особенно въ деревняхъ въ XVII вѣкѣ были такія боярскія дочери, которыя, „окруженныя раболѣпной челядью, выростали не учась грамотѣ; въ теченіе многихъ лѣтъ не бывали въ Божьемъ храмѣ, ни отъ кого не слышали наставительнаго слова о христіанскихъ обязанностяхъ“ [3]).

Характерны для сужденія о взглядахъ въ XVII вѣкѣ на цѣль образованія, слова автора житія Іуліаніи, ея сына, бывшаго губнымъ старостою въ Муромѣ [4]). „Только смысломъ благимъ, пишетъ онъ о матери, Іуліанія была наставляема нраву добродѣтельному, какъ говоритъ великій Антоній: имѣющимъ цѣлъ умъ не требовати писанія. Слово это блаженная собою исправила; и не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляемая, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди исправила, и какъ бисеръ многоцѣнный свѣтилась среди тины“ [5]).

Отношеніе женщинъ къ образованію вообще, также и отношеніе къ нимъ образованныхъ людей ихъ времени начинаютъ нѣсколько опредѣленнѣе выясняться въ XVII вѣкѣ изъ біографій разныхъ лицъ и другихъ случайныхъ извѣстій. Изъ біографіи князя Василія Васильевича Голицына мы узнаемъ, что отецъ его, служившій при Михаилѣ Өеодоровичѣ, умеръ не успѣвъ образовать сына. Но мать его, Ульяна Ивановна, „находясь въ верховыхъ боярыняхъ“, занялась его воспитаніемъ; его обучали греческому, латинскому языкамъ [6]).

Взглядъ на женщину какъ на лицо, на которое возлагалась обязанность заботиться объ образованіи дѣтей, выразился при поднесеніи царицѣ Натальѣ Кириловнѣ букваря, составленнаго іеромонахомъ Каріономъ Истоминымъ. Въ посвященіи букваря онъ

[1]) *Хрушовъ.* Ксенія Ивановна Романова (Древняя и новая Россія. 1866, № 12).

[2]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Р. Ист. Т. I, стр. 78.

[3]) *Буслаевъ.* Идеальные женскіе типы въ древней Руси. Р. Вѣстникъ. 1858.

[4]) *Филаретъ.* Обзоръ р. дух. литературы, № 205.

[5]) *Буслаевъ.* Идеальные типы.

[6]) *Сахаровъ.* Зап. Андр. Артам. Матвѣева. Прим. 25. Записки русскихъ людей. 1841.

говоритъ царицѣ Натальѣ: „Да яко же ты, государыня благочестивая царица, внука твоего, благороднѣйшаго государя нашего Алексія Петровича любиши такожде въ возрастъ временно пріятный пришедши, христіанскому благочестію и благородному нраву и письменныя науки научитиимаши“, и пр. [1]) Другой списокъ букваря Истоминъ поднесъ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ „по изволенію и повелѣнію ея“; „вѣроятно“, говоритъ Пекарскій, „для обученія дочерей царицы“ [2]).

Такія подношенія женщинамъ дѣлались и раньше. Симеонъ Полоцкій поднесъ царевнѣ Софіи свой „Вѣнецъ Вѣры“, при стихахъ, въ которыхъ между прочимъ говорилъ:

„Ты церковныя книги обыкла читати.
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати“ [3]).

Эти и подобныя имъ извѣстія, какъ бы они сами по себѣ ни были мелки и незначительны, свидѣтельствують по крайней мѣрѣ о томъ, что въ царскихъ семьяхъ, также какъ въ монастыряхъ, и въ концѣ древняго періода нашей исторіи, какъ это было въ началѣ его, сосредоточивалось для женщинъ то общее „просвѣщеніе“, какое существовало у насъ до Петра. Признавъ это, нужно допустить, что по мѣрѣ того, какъ кругъ такого просвѣщенія или, вѣрнѣе сказать, грамотности, расширялся вообще, онъ расширялся и среди женщинъ; что кромѣ божественныхъ, онѣ читали и другія книги, изъ которыхъ знакомились съ міромъ, природой, внѣшними, земными предметами, что онѣ читали и сказки, и вообще пользовались всѣмъ, чтὸ представляла современная имъ литература. Нѣкоторый намекъ на это можно видѣть въ случайно найденной надписи на одной изъ рукописей сборника XVII вѣка: „сия книга, глаголемая собраніе историовъ вознесенскаго монастыря монахини Любови Степановой, которую подарилъ Чудова монастыря монах іерей Каріонъ Істоминъ“. Надпись эта сдѣлана на оборотѣ послѣдняго листа: „Сказанія о некоем славном богатыре Урусланѣ Залазаревиче“, составлявшемъ нѣкогда часть большого сборника повѣстей [4]).

Хотя Котошихинъ въ своемъ сочиненіи „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ и говоритъ: „московскаго государства женскій полъ не ученъ, и не обычай тому есть“, но это очевидно относится къ народу вообще, а не къ высшимъ его слоямъ, ибо съ XVII вѣка у насъ появляются, напротивъ,

[1]) *Пекарскій.* Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 173.
[2]) Тамъ же (выноска).
[3]) *Тихонравовъ.* Лѣтописи русской литературы. Ч. 3, стр. 86.
[4]) *Тихонравовъ.* Лѣтописи. Т. II, Сказка объ Урусланѣ, стр. 100.

положительныя и подробныя извѣстія даже о томъ, какъ, чему и кто училъ царевенъ. Забѣлинъ говоритъ, что ихъ, также какъ царевичей, начинали учить чтенію съ пятилѣтняго возраста, а письму съ семи лѣтъ. Предметы ученія: букварь, часословъ, псалтырь, Евангеліе (только царскихъ дѣтей), церковное пѣніе преподавались царевнамъ въ томъ же объемѣ и порядкѣ, какъ и царевичамъ, съ тою лишь разницею, что послѣднихъ учили дьяки, а царевенъ учительницы-мастерицы [1]). Сохранились даже имена учительницъ царевны Татьяны Михайловны и такія подробности, что онѣ получали за свой трудъ восемь рублей въ годъ жалованья и кормовыхъ по шести денегъ въ день. Переходъ въ обученіи царевны отъ одной книги къ другой сопровождался также извѣстными обрядами. Шестилѣтней царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, которую впослѣдствіи современники называли „мудрою и начетчицею книгъ“ [2]) царь Михаилъ Ѳедоровичъ подарилъ (въ 1634 г.) турскій кафтанъ, когда она начала учить часы, т.-е. Часословъ. Точно также царевнамъ, какъ и царевичамъ, доставлялись въ хоромы „потѣшные листы“, т.-е. гравированныя въ Германіи картинки, по которымъ Морозовъ училъ царя Алексѣя Михайловича; также и потѣшныя книги, т.-е. повѣсти о рыцаряхъ, ихъ похожденіяхъ и пр., которыми зачитывались у насъ во второй половинѣ XVII вѣка грамотные люди высшаго общества. Эти книги въ началѣ ихъ появленія у насъ были дороги и рѣдки, но для царской семьи ихъ переписывали во дворцѣ, а иконописцы рисовали картинки.

Судя по тому, что всѣ приведенныя выше извѣстія объ обученіи царевенъ относятся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳедоровича, когда въ русскомъ обществѣ еще не обозначился поворотъ къ новымъ идеямъ такъ рѣзко, какъ это проявилось во второй половинѣ XVII вѣка, можно предполагать, что и раньше, обученіе царевенъ и молодыхъ боярынь шло въ уровень съ обученіемъ царевичей и боярскихъ дѣтей мужскаго пола. Науки въ собственномъ смыслѣ слова вѣдь тогда еще не было, и до начала XVIII вѣка полный курсъ начальнаго обученія, такъ-называемаго домашняго, былъ одинъ для всѣхъ сословій московскаго государства. Весь этотъ курсъ, т.-е. чтеніе, письмо, пѣніе, преподавался и женщинамъ, которыя, какъ и всѣ любознательные люди того времени, могли пополнять свои знанія чтеніемъ. Такихъ людей впрочемъ и въ XVII вѣкѣ было немного.

[1]) *Забѣлинъ.* Домашній бытъ русскихъ царей. Ст. 7-я. (Отеч. Зап. 1854 г. Т. XCVII, стр. 105).

[2]) *Н. А. Полевой.* Историческія справки. Р. Вѣстникъ 1841. Т. III.

но къ этимъ немногимъ принадлежали шесть дочерей царя Алексѣя Михайловича и въ особенности младшая изъ нихъ, знаменитая царевна Софья. Ее, по свидѣтельству Соловьева, даже врагъ называетъ „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“ [1]).

Софья, кромѣ церковной начитанности, которую она, также какъ и ея сестры, пріобрѣла въ терему, имѣла возможность развить свой умъ и знанія подъ вліяніемъ и руководствомъ ученаго Симеона Полоцкаго, приглашеннаго въ 1664 г. учить старшаго царевича Алексѣя и его брата Ѳедора. Онъ училъ ихъ не грамотѣ, а высшимъ наукамъ [2]): латинскому языку, піитикѣ, риторикѣ, и пр., и по обыкновенію тогдашнихъ западно-русскихъ учителей, долженъ былъ удовлетворять предъявляемымъ къ такимъ учителямъ русскими людьми требованіямъ, т.-е. передавать дѣтямъ какъ можно больше и разнаго рода знанія въ легкой, удобопонятной формѣ. Надо думать, что такую науку онъ передалъ и Софьѣ, ибо въ своихъ проповѣдяхъ Симеонъ Полоцкій проводилъ мысль, что учить надо всѣхъ: и монаховъ, и мірянъ, и мужчинъ, и женщинъ, ибо всѣмъ полезно чтеніе божественныхъ писаній [3]). Но „Вѣнецъ Вѣры“ былъ такимъ сочиненіемъ, въ которомъ, на ряду съ изъясненіемъ христіанскихъ догматовъ, сообщались и разныя научныя свѣдѣнія; его Симеонъ Полоцкій далъ прочесть Софьѣ сначала въ черновомъ видѣ, и только когда она его одобрила, посвятилъ „Вѣнецъ Вѣры“ ей [4]). Софья читала и по-польски, умѣла говорить рѣчи народу, и одну изъ такихъ рѣчей Соловьевъ называетъ прекрасною [5]). По нѣкоторымъ извѣстіямъ Софья занималась литературою и перевела комедію Мольера: „Le médecin malgré lui“ [6]). Сестра Петра, Наталья Алексѣевна, также знала нѣсколько иностранныхъ языковъ и сочиняла „комедіанскія дѣйствія“ [7]).

Какимъ образомъ могли царевны, особенно Софья, выроставшая въ то время, когда у насъ не допускались учителя-иностранцы, пріобрѣтать знаніе иностранныхъ языковъ—это неизвѣстно; можетъ быть онѣ учились имъ у представителей кіевской учености,

[1]) Исторія Россіи. Т. XIII, стр. 229.

[2]) *Л. Н. Майковъ.* Симеонъ Полоцкій. Др. и Н. Р. 1875, стр. 117, 119.

[3]) *Галаховъ.* Ист. р. слов. Т. I, стр. 226.

[4]) Врученіе книги „Вѣнецъ Вѣры“ благовѣрной царевнѣ и вел. княгинѣ Софіи Алексѣевнѣ. *Тихонравовъ.* Лѣтописи. Т. III, стр. 86.

[5]) *Соловьевъ.* Т. XIV, стр. 129.

[6]) *Карамзинъ,* въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ говоритъ, что онъ читалъ въ рукописи одну піесу Софьи.

[7]) *Забѣлинъ.* Домашній бытъ р. царицъ.

которые имѣли при дворѣ Алексѣя Михайловича большое вліяніе. Во всякомъ случаѣ иностранцы были у насъ со временъ Іоанна Грознаго и особенно Бориса Годунова, любившаго западныхъ людей, при дворѣ послами, въ войскѣ, въ средѣ торговыхъ людей, были лекаря, мастера и пр. Особенно при Софьѣ въ Москвѣ было много поляковъ, у которыхъ она и могла выучиться по-французски. Какъ бы то ни было, если въ XVII вѣкѣ была какая-нибудь возможность обучаться русскимъ людямъ иностраннымъ языкамъ, то этой возможностью, какъ видно изъ примѣровъ царевенъ, пользовались для ихъ обученія.

Правда, при Алексѣѣ Михайловичѣ въ русской жизни проявилось много новаго, совершенно до тѣхъ поръ невиданнаго. Къ этимъ новизнамъ относится появленіе царицы въ комедіяхъ, на охотѣ съ царемъ. По смерти Алексѣя Михайловича царица и царевны ужъ сами вышли изъ терема, публично показывались народу, говорили ему рѣчи, участвовали въ церемоніяхъ и выходахъ, спорили и разсуждали съ раскольниками. Все это было необычайнымъ, выходящимъ изъ ряда, явленіемъ, какимъ было и все короткое правленіе царевны Софьи. Но было бы ошибкой причислять къ нововведеніямъ второй половины XVII в. то образованіе, которое обнаружила Софья при своемъ выступленіи изъ терема. Явленіе образованной царевны объясняется другими, могущими быть легко провѣренными, причинами.

Большинство нашихъ изслѣдователей согласно въ томъ, что до Петра у насъ не было ни настоящей науки, ни научнаго образованія, но была грамотность, была наука церковная и церковное образованіе. Это и составляло тѡ, чтѡ считалось тогда просвѣщеніемъ. До Петра у насъ не было и узаконеній, касающихся народнаго образованія вообще. Въ два первые вѣка нашей исторіи князья, заботясь объ ученіи народа въ видахъ укрѣпленія въ немъ христіанской вѣры, не сдѣлали и, можетъ быть, не успѣли сдѣлать никакихъ, относительно его ученія, постановленій. При Московскомъ государствѣ опредѣленныя Стоглавымъ соборомъ училища, а также открытыя въ XVII вѣкѣ школы: патріаршая въ Чудовѣ и Спасская въ Москвѣ, были учрежденіями спеціальными. Послѣдняя предназначалась для приготовленія служителей Тайнаго Приказа. Эти школы существовали недолго, да и возникли онѣ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Такимъ образомъ заботясь объ образованіи духовенства и приказныхъ, правительство, до Петра, не проявляло заботъ объ *общемъ* образованіи народа или даже отдѣльныхъ его классовъ; но оно и не регламентировало его. Могли учиться всѣ, кто чему

и какъ хотѣлъ, безъ всякихъ опредѣленій и ограниченій званіемъ, поломъ и даже возрастомъ. Съ самаго начала просвѣщеніе шло у насъ сверху и очень медленно распространялось въ народѣ. Такъ было и относительно женщинъ. Женщины высшихъ классовъ общества, не связанныя никакимъ обязательнымъ дѣломъ или занятіемъ, могли и даже должны были побуждаться, если не любознательностью, то въ силу условій своей жизни въ монастыряхъ и теремахъ, къ пріобрѣтенію наличныхъ въ то время знаній и расширенію ихъ. Въ этомъ никто ихъ не поощрялъ, но никто и не мѣшалъ имъ. Такъ было всегда, съ самаго начала нашей исторіи вплоть до второй половины XVIII вѣка, и если, для доказательства того, что женщины всегда пользовались возможностью учиться и просвѣщаться, намъ пришлось нанизывать единичные примѣры, да еще чуть ли не по одному на цѣлый вѣкъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ дѣйствительности только и была одна, во всемъ столѣтіи, грамотная или сколько-нибудь просвѣщенная княгиня, княжна или боярыня. Это было бы равносильно признанію факта—полнаго отсутствія просвѣщенія среди женщинъ.

Но, при извѣстныхъ условіяхъ, и единичные факты получаютъ значеніе. Такъ и въ данномъ случаѣ, и по весьма разнообразнымъ причинамъ. Вся наша древняя исторія заключается въ лѣтописяхъ, образцомъ которымъ послужили византійскія хроники и характеръ которыхъ сложился подъ вліяніемъ перенесенныхъ къ намъ изъ Византіи идеаловъ и литературы. Одного этого было бы уже достаточно для объясненія скудости въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстій о женщинахъ и вообще отсутствія къ нимъ, говоря словами автора „Историческихъ очерковъ", вниманія со стороны нашихъ старинныхъ грамотниковъ. Къ тому же, съ самаго появленія у насъ лѣтописи, въ нее заносились преимущественно событія внѣшней стороны русской жизни, а не внутренней, въ которой только и могла проявить себя древне-русская женщина. Надо имѣть также въ виду, что до насъ дошли далеко не всѣ письменные памятники нашей древности; многіе изъ нихъ, именно того времени, когда женщина еще не была окончательно закрѣпощена, погибли при татарахъ, раззорявшихъ церкви и монастыри, гдѣ велись лѣтописи и хранились эти памятники. Да и тѣ, которые остались, дошли къ намъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ. Начальная наша лѣтопись, доведенная до XII вѣка, неизвѣстна намъ, какъ это положительно доказано, въ подлинникѣ, а лишь во множествѣ списковъ, съ дополненіями, выпусками и вообще измѣненіями, какія находили нужнымъ дѣлать въ ней позднѣйшіе переписчики и продолжатели, руководствуясь

своими личными взглядами, господствующимъ направленіемъ времени когда они писали и вообще разными посторонними побужденіями. Самый древній изъ дошедшихъ до насъ списковъ—Лаврентьевскій—составленъ, какъ это признано всѣми изслѣдователями нашей старины, не ранѣе XIV вѣка. Въ это время русская женщина уже совсѣмъ была отдѣлена отъ общества. Не только всякое ея дѣйствіе, но и всякое ея слово должно было оставаться въ тѣни, и особенно въ глазахъ монаха-лѣтописца было бы даже „зазорно" выводить ее на свѣтъ, хотя бы и не физически а духовно. „Только ореоломъ своей святости,—говоритъ Буслаевъ [1],—женщина могла примирить съ собою стыдливую и робкую фантазію древне-русскаго грамотника". Но и въ этомъ отношеніи женщинамъ не посчастливилось, ибо, по словамъ того же автора [2], только шесть древне-русскихъ женщинъ „удостоились сіянія святости". А въ страстности подвижничества и религіозной ревности женщины навѣрное не уступали мужчинамъ.

Почему же такъ мало русскихъ женскихъ именъ занесено даже въ списки святыхъ, хотя „въ мѣстныхъ преданіяхъ, — говоритъ Буслаевъ,—сохранилась память о многихъ достойныхъ уваженія женщинахъ древней Руси"? Очень можетъ быть, что такъ какъ русскія женщины, особенно со второй половины нашего древняго періода, мало дѣйствовали и выступали открыто, то о нихъ слагалось и меньше устныхъ преданій, изъ которыхъ впослѣдствіи обыкновенно составлялись житія разныхъ святыхъ. Но еще вѣроятнѣе что если въ данной мѣстности и были устныя преданія о прославившейся святостью жизни или проповѣдями монахинѣ, и даже въ стѣнахъ монастыря, гдѣ она жила, существовали и письменныя о ней записи, то такія записи могли лежать въ монастырской кладовой безконечно долгое время и никогда не послужить литературнымъ матеріаломъ для ея біографіи.

Еще отъ первыхъ вѣковъ нашей исторіи сохранились, кромѣ житія святыхъ, нѣсколько и другихъ извѣстій о древне-русскихъ женщинахъ. И въ самыхъ житіяхъ этого времени встрѣчаются подробности, по которымъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о личности самой святой и объ отношеніи къ ней современниковъ. Въ упомянутомъ нами раньше, древнемъ житіи Евфросиньи Полоцкой (ум. 1173 г.) сказано, что она „толма бысть любящи ученіе, якоже чудишися отцу ея о томъ. Вѣсти же, расшедшіяся по всѣмъ градамъ о мудрости ея и о блазѣмъ

[1]) Идеальные женскіе характеры древней Руси (Историческіе очерки р. нар. словесности и исскуства. Т. II, стр. 252).

[2]) Тамъ же, стр. 240.

ученіи и о тѣлесней утвари—бѣ бо лѣпа лицемъ", и пр. [1]) Точно также въ первоначальномъ ея „Житіи" и во всѣхъ его позднѣйшихъ редакціяхъ упоминается о томъ, что передъ уходомъ въ Іерусалимъ Евфросинья оставила своему монастырю уставъ. Но о содержаніи этого устава нигдѣ ничего не сказано и этимъ въ „Житіи" опущена имѣющая общее значеніе подробность, ибо уставъ Евфросиньи Полоцкой долженъ, казалось бы, представлять для ея біографа тѣмъ бо́льшій интересъ, что это былъ если не первый, то одинъ изъ самыхъ первыхъ уставовъ русскихъ монастырей, притомъ еще двойного.

Въ лѣтописяхъ упомянуто о томъ, что княжна́ Янка ходила въ Константинополь и привела оттуда митрополита Іоанна. Тамъ же, иногда, рядомъ съ именемъ того или другого князя, вскользь, бо́льшей частью безъ всякихъ подробностей, приводится и имя его „княгини"; также отмѣчено, что у такого-то князя родилась дочь, или умерла жена. Извѣстія о княгиняхъ, независимо отъ князя, чаще всего ограничиваются сообщеніемъ, что та или другая построила церковь или основала монастырь, гдѣ и постриглась. Иногда въ лѣтописяхъ попадается женское и не княжеское имя [2]); но оно также упоминается мимоходомъ, чтобы сказать, что у такой-то въ домѣ былъ пожаръ или происходилъ пиръ, или такая-то заявила о бывшемъ ей видѣніи. Въ Степенной книгѣ, составленной изъ лѣтописей и отдѣльныхъ сказаній, есть нѣсколько эпизодовъ благочестія и цѣломудрія княгинь; но эти извѣстія являются въ позднѣйшей переработкѣ первоначальныхъ преданій.

Съ XIV вѣка лѣтописи получаютъ характеръ оффиціальныхъ, правительственныхъ актовъ и въ нихъ, понятно, удѣляется еще менѣе мѣста извѣстіямъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ государственнымъ событіямъ. Въ это же время начинаетъ изсякать и другой источникъ свѣдѣній о женщинахъ. Житія святыхъ являются въ переработанномъ видѣ и вслѣдствіе пренебреженія къ первоначальнымъ преданіямъ, бо́льшая часть старыхъ свитковъ погибаетъ, вытѣсненная изъ письменнаго обращенія новыми, искусственно изложенными житіями [3]). Эти послѣднія составляются большей частью по распоряженіямъ митрополитовъ, или по заказу почитателей святого или учениками его. Сами митрополиты и высшія духовныя особы иногда писали, или же поручали дру-

[1]) См. также: *Сахаровъ*. Легенда о путешествіи игуменьи Евфросиньи Полоцкой (Сказанія русскаго народа. Т. II).

[2]) См. П. С. Р. Л. Томы III и IV.

[3]) *Ключевскій*. Древне-русскія житія.

гимъ составлять житія умершихъ высшихъ особъ церкви или чѣмъ-либо прославившихъ родину знаменитыхъ личностей, съ цѣлью оставить потомству память о нихъ. Понятно что тутъ еще рѣже могли встрѣчаться женскія имена. Чѣмъ могла тогда прославить родину женщина? „Подвигъ ея на землѣ не громокъ,—говоритъ Буслаевъ [1]),—она только страдала отъ пагубнаго зла".

Внѣ монастыря, въ міру, даже идеаломъ благочестія — высшимъ идеаломъ древней Руси,—женщина быть не могла. „Имѣетъ ли право женщина не монахиня, а супруга и мать, на общую извѣстность, если только она не отмѣчена въ лѣтописяхъ высокимъ саномъ?... Наша старина рѣшилась бы дать отрицательный отвѣтъ", говоритъ тотъ же авторъ [2]). Но не только живя въ кругу семьи, а даже тамъ, гдѣ женщина выступала на общественное поприще, играла политическую роль, ея имя, если и заносилось въ лѣтописи, то безъ всякихъ подробностей о ней самой. О Марѳѣ Борецкой такъ мало извѣстно изъ нашихъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, что ея личность такъ и осталась невыясненною для потомства.

Интересно, что какъ бы въ противоположность книжникамъ, относившимся съ такимъ пренебреженіемъ къ женщинѣ, она въ народномъ представленіи всегда играла большую роль. Рядомъ съ занесеннымъ къ намъ изъ Византіи образомъ злой жены [3]), передѣланной потомъ въ русскую бабу-ягу, женщина, въ народныхъ повѣстяхъ и легендахъ, является мудрою, мужественною, разумною (Повѣсть объ Иверской царицѣ Динарѣ), представительницею равенства и любви (Легенда о Марѳѣ и Маріи), вѣщею, обладающею тайными силами, которыя она употребляетъ для блага человѣка (Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи) [4]).

По всѣмъ приведеннымъ нами выше причинамъ мы считаемъ себя въ правѣ, основываясь на извѣстныхъ, немногихъ даже, примѣрахъ женщинъ грамотныхъ и по своему времени просвѣщенныхъ, видѣть въ нихъ не одни исключенія, а изъ этихъ примѣровъ сдѣлать выводъ, что женщины не были изъяты изъ общаго образованія, постольку конечно, поскольку оно существовало на Руси до Петра. Этому не противорѣчитъ и тотъ фактъ, что въ

[1]) Идеальные женскіе характеры древней Руси (Истор. очерки, Т. II, стр. 251).

[2]) *Буслаевъ*. Ид. ж. хар., стр. 268.

[3]) См. Русскія народныя картинки *Д. Ровинскаго*. Кн. V, стр. 37 (Сб. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, Т. XXVII). О томъ же см. *Буслаевъ*. Мои досуги. 1886.

[4]) *Костомаровъ*. Памятники стар. р. лит.—*Буслаевъ*. Историч. очерки. Т. II (Повѣсть о Марѳѣ и Маріи, стр. 245).

нашей древней письменности не сохранилось ни одного литературнаго памятника, оставленнаго женщиною. Правда, мы не можемъ указать ни одного такого женскаго сочиненія, какъ „Слово о благодати“ митрополита Иларіона, или лѣтопись Нестора и т. п. Но вѣдь такихъ писателей какъ Несторъ, и проповѣдниковъ какъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій и др. было очень немного. Большинство же произведеній нашей древней духовной литературы, по словамъ компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ, не отличается ни ученостью, ни особеннымъ талантомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ авторы рѣдко вдавались въ догматическія тонкости; они спорили о буквѣ и обрядахъ, обличали нарушенія ихъ, полемизировали съ ересями и свои проповѣди и обличенія подкрѣпляли выписками изъ священнаго писанія или ссылками на восточныхъ отцовъ церкви, которые были переведены у насъ на церковно-славянскій языкъ [1]). Для этого требовалась начитанность, которая была доступна и женщинамъ столько же, сколько и мужчинамъ. Что̀ же касается поэтическихъ и риторическихъ украшеній, бывшихъ въ ходу у тогдашнихъ проповѣдниковъ и церковныхъ писателей, то и въ этомъ женщины, особенно воодушевленныя религіознымъ энтузіазмомъ, не должны были уступать проповѣдникамъ, и вѣроятно этими качествами отличались двѣ Евфросиньи, проповѣдуя въ монастырѣ.

Но то, что̀ мы не знаемъ ни одного письменнаго памятника, оставленнаго потомству лицомъ женскаго пола, еще не можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что женщины въ монастыряхъ никогда и не писали сочиненій въ разъясненіе церковныхъ догматовъ или въ доказательство превосходства христіанской вѣры передъ всѣми другими; что онѣ не перелагали церковныхъ пѣсенъ и стихиръ, не писали и не произносили поученій для народа, не сочиняли домостроевъ, поученій къ дѣтямъ и пр. Въ Степенной книгѣ помѣщено одно, довольно длинное „Поученіе“ [2]) великой княгини Маріи, жены Всеволода Георгіевича, къ сыновьямъ (въ началѣ XIII вѣка). Трудно предположить, что только одна изъ всѣхъ княгинь, уходя передъ смертью въ монастырь и прощаясь съ дѣтьми, прибѣгла къ этому, употребительному въ то время, способу разставанія съ

[1]) *Щаповъ*. Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. 1870, стр. 14, 25 и др.

[2]) Стр. 290. О благодарномъ терпѣніи Великія Княгини Маріи Всеволожи и о монастыри ея.

міромъ. А вѣдь всякое поученіе, какъ и проповѣдь, были вѣроятно сначала сказаны, а потомъ записаны кѣмъ-нибудь или даже самимъ авторомъ, и только такимъ путемъ могли переходить въ лѣтопись. Но въ ней не приводится женскихъ поученій, которыя, какъ и все, касающееся ихъ самихъ, оставляется безъ вниманія.

Точно также, если игуменьи управляли монастырями, то вѣроятно и между ними были такія, которыя отмѣчали событія монастырской жизни, дѣлали записи и пр. [1]) Мы понимаемъ, что при болѣе позднемъ вступленіи нашемъ на путь цивилизаціи, чѣмъ западная Европа, у насъ не могло быть такихъ ученыхъ монахинь, какъ саксонская Росвита или Элоиза, слѣдовательно наши монахини и не могли писать ученыхъ трактатовъ, какія писали монахини на западѣ. Но среди духовныхъ писательницъ на западѣ сохранились имена не однѣхъ Росвитъ и Элоизъ, а и многихъ другихъ, второстепенныхъ, совсѣмъ мало извѣстныхъ, о существованіи которыхъ впервые узнаешь, читая древнія хроники или выписки изъ нихъ [2]). Есть нѣкоторые намеки на то, что и въ нашихъ женскихъ монастыряхъ сохранились старинные акты, относящіеся къ исторіи обители, также къ исторіи другихъ женскихъ монастырей, акты хозяйственные [3]). Поэтому мы думаемъ, что при болѣе тщательной разработкѣ нашихъ монастырскихъ архивныхъ матеріаловъ, особенно еслибы она началась своевременно, какъ это было на западѣ, и до насъ, быть можетъ, дошли бы труды монахинь не въ видѣ только рукодѣльныхъ церковныхъ украшеній, а и письменные. Но въ свое время неотмѣченные, они могли легко исчезнуть безслѣдно навсегда.

Отчасти это слѣдуетъ приписать особеннымъ, неблагопріятнымъ условіямъ, въ которыя съ самаго начала нашей исторіи были поставлены русскія женщины, ибо вѣдь не всѣ попадавшіяся подъ руку лѣтописцу сочиненія передавались имъ потомству. Для этого выбирались преимущественно такія, которыя принадлежали лицамъ, занимавшимъ видное мѣсто въ гражданской или духовной іерархіи, или пользовавшимся вліяніемъ на современниковъ, или, наконецъ, сочиненія, казавшіяся интересными самому лѣтописцу.

[1]) См. „Житіе препод. княжны Евфр. Сузд.“ Владиміръ. 1879. „Тамъ уже давно“, (прежде чѣмъ составленное въ XVI в. Житіе было принесено въ обитель) записывали чудеса, истекавшія отъ ея гроба“.

[2]) См. *Ampère*. Histoire littéraire de la France avant Charlemagne.

[3]) Чт. О. ист. и др. 1866 кн. IV. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ монастыряхъ и церквахъ Калужской эпархіи.

Женщины ни въ какомъ положенiи не имѣли влiянiя въ мiрской жизни. Въ стѣнахъ монастыря игуменья могла вѣдать и мiрскiя дѣла, т.-е. управлять монастырскими крестьянами, могла издавать правила для своего монастыря. Монахини могли произносить краснорѣчивѣйшiя проповѣди въ монастырской церкви, могли записывать событiя своего монастыря, вообще писать что̀ имъ угодно, но все это не должно было видѣть свѣта. Да и при той роли, какую женщины занимали въ жизни,—все это не представлялось важнымъ или заслуживающимъ вниманiя.

Привести положительныя доказательства за или противъ всего сказаннаго невозможно, потому что для этого не существуетъ никакихъ данныхъ даже въ первоначальныхъ нашихъ источникахъ. Поэтому по неволѣ приходится прибѣгать къ догадкамъ и соображенiямъ, которыя, намъ кажется, скорѣе говорятъ въ пользу того вывода, къ какому пришелъ и Лешковъ, основываясь на извѣстныхъ, хотя и немногихъ, историческихъ фактахъ, т.-е. что въ древности „образованiе мужскаго и женскаго пола шло у насъ болѣе или менѣе объ руку" [1]). На такихъ же вѣдь догадкахъ и соображенiяхъ основывается у насъ начало исторiи и мужскаго, вообще народнаго образованiя, ибо это начало, особенно въ далекiя времена нашей древности, не можетъ быть прослѣжено и обставлено положительными доказательствами.

Конечно мы далеки отъ мысли утверждать, что просвѣщенiе среди женщинъ шло у насъ въ уровень, количественно и качественно, съ просвѣщенiемъ мужчинъ. Такую мысль исключаетъ уже тотъ фактъ, что если не съ самаго введенiя его на Руси, то сначала наряду съ общимъ просвѣщенiемъ, а потомъ и исключительно, имѣлись въ виду цѣли спецiальныя. Женщины не могли быть ни священниками, ни подъячими, ни приказными, и уже поэтому число даже просто грамотныхъ между ними должно было быть меньше. Но въ такомъ же положенiи находился весь остальной народъ, а вѣдь было бы несогласно съ истиною утверждать, что кромѣ священниковъ и подъячихъ, въ Россiи до Петра, не было грамотныхъ и конечно, по понятiямъ времени, просвѣщенныхъ людей. Такъ говорить можно только противополагая наши теперешнiя представленiя о просвѣщенiи тому, какое было въ древней Руси. Мы хотимъ лишь сказать, что въ этой категорiи грамотныхъ и образованныхъ русскихъ людей до-петровскаго времени, какъ бы она ни была малочисленна, и на какомъ бы низкомъ

[1]) *Лешковъ.* Русскiй народъ и государство, стр. 436.

уровнѣ ни стояло у насъ тогда *общее* просвѣщеніе, женщины, по отношенію къ этому общему просвѣщенію, находились совершенно въ такихъ же условіяхъ, какъ мужчины. Для нихъ существовали тѣ же способы пріобрѣтенія и расширенія знаній, какія находились въ распоряженіи у всего русскаго народа. Этими способами русскія женщины и пользовались во все продолженіе древняго періода нашей исторіи.

III.

Первое въ Россіи учебное заведеніе для высшаго образованія. Изъ него фактически исключены женщины.—Различіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ обнаруживается рѣзче при Петрѣ. — Его заботы объ образованіи элементарномъ и высшемъ. — Указы 1721 и 1724 года о малыхъ народныхъ школахъ.—Отношеніе Петра къ женскому образованію.—Посѣщеніе Петромъ С. Сира въ 1717 году. — Вліяніе реформы Петра на образованіе женщинъ.— Ассамблеи въ Москвѣ (1722).—Берхгольцъ о русскихъ женщинахъ.—Обученіе женщинъ иностраннымъ языкамъ.—Обученіе дочерей царицы Прасковьи; также царевенъ Елизаветы и Анны.—Прогрессъ въ положеніи женщинъ при дворѣ Петра.—Предполагаемый кругъ знаній, которымъ обучали женщинъ высшаго круга при Петрѣ.—Берхгольцъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Сужденія и взгляды на него русскихъ и иностранцевъ.—Грубость нравовъ и вкусовъ у принцессъ, дочерей царицы Прасковьи.—Заботы о манерахъ и обученіе имъ.— „Юности честное зерцало".—Гувернантки царевенъ.—Состояніе образованности при Петрѣ. — Школы въ остзейскихъ провинціяхъ. — Иноземная школа въ Москвѣ.—Училище св. Петра въ Петербургѣ.—Обученіе письму при Петрѣ.— Частныя русскія школы.—Учащіяся женскаго пола.—Указъ Петра о монастыряхъ.—Возложеніе на монахинь обязанности воспитывать и обучать дѣтей.— Стремленіе западной католической церкви къ дѣятельному милосердію, въ томъ числѣ и къ воспитанію и обученію бѣдныхъ и сиротъ обоего пола.—Учрежденіе Екатериною I ордена св. Екатерины.—Женскіе учительскіе ордена на западѣ.—Обученіе у насъ въ монастыряхъ.—Указъ о вольныхъ нищихъ 1719 г.— Указы имп. Елизаветы 1743 и 1754 гг. (послѣдній о повивальныхъ бабкахъ).— Частные пансіоны при имп. Елизаветѣ. — Успѣхи въ домашнемъ образованіи женщинъ высшихъ классовъ при Елизаветѣ.

До тѣхъ поръ, пока образованіе русскаго человѣка, за весьма немногими исключеніями, стояло на уровнѣ элементарнаго, направленнаго главнымъ образомъ къ удовлетворенію религіозныхъ его потребностей, оно было общимъ для всѣхъ сословій и однороднымъ. Какъ ни скудно было наше просвѣщеніе, какъ ни рѣдки были у насъ даже только грамотные люди, но способы выучиться грамотѣ существовали. Знатные бояре и боярыни могли учиться у дьяковъ и учительницъ-мастерицъ, а съ XVII вѣка—у западнорусскихъ учителей; люди простаго класса—у мастеровъ и мастерицъ. Потомъ, чтеніемъ, люди всѣхъ классовъ и обоего пола

могли пріобрѣтать тѣ познанія въ св. писаніи, церковной исторіи и церковныхъ догматахъ, которыя составляли кругъ нашей образованности до конца XVII вѣка.

Передъ самой эпохою Петра была основана славяно-греко-латинская Академія съ высшимъ курсомъ наукъ, притомъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Въ ней преподавались семь свободныхъ мудростей и на первомъ планѣ грамматика, о которой еще Максимъ Грекъ отзывался какъ о наукѣ очень трудной, доступной весьма немногимъ.

По мысли царя Ѳеодора Алексѣевича предположенная имъ къ учрежденію Академія была предназначена къ тому, чтобы „сѣять сѣмена мудрости“ [1]); стало быть не имѣла прямой практической цѣли. На дѣлѣ же она была спеціальной высшей школой преимущественно съ церковнымъ характеромъ, служившей главнымъ образомъ для людей, приготовлявшихся къ духовному званію. Тѣмъ не менѣе, хотя бы и по мысли только основателя, славяно-греко-латинская Академія была первымъ въ Россіи заведеніемъ для высшаго *общаго* образованія, и изъ него фактически были исключены женщины.

Иначе оно и быть не могло, если вспомнить что въ то время, когда Академія была задумана, женщины были еще въ терему и не играли никакой роли въ общественной жизни. Какъ бы то ни было однако, тутъ впервые обозначилось различіе въ дѣлѣ *общаго* образованія между мужскимъ и женскимъ.

При Петрѣ это различіе легло глубже. Озабоченный созданіемъ нужныхъ государству людей, образованныхъ въ различныхъ спеціальныхъ отрасляхъ государственнаго, практическаго знанія, Петръ естественно обращалъ все свое вниманіе на образованіе мужчинъ, изъ которыхъ только и могли явиться нужные ему моряки, техники, полководцы, вообще военные и гражданскіе чиновники и пр. Но при геніальномъ своемъ умѣ Петръ не могъ не сознавать громаднаго значенія для вновь созидаемаго имъ государства общаго образованія, какъ элементарнаго, такъ и высшаго. Для удовлетворенія первой цѣли онъ приказалъ завести цыфирныя или ариѳметическія школы. По идеѣ ихъ учрежденія эти школы должны были быть народными для дѣтей всѣхъ состояній. Но такъ какъ никто не хотѣлъ посылать туда своихъ дѣтей, то постепенно пришлось освободить отъ обязательнаго посѣщенія школъ сначала дѣтей дворянскихъ, потомъ купеческихъ, а наконецъ и духовенства. Обязательность осталась лишь для

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XIII, стр. 326.

дѣтей приказныхъ, которыхъ и учили съ цѣлью приготовленія ихъ къ службѣ. Другая мысль Петра, объ учрежденіи малыхъ народныхъ школъ, гдѣ должны были учить только читать, писать и ариѳметикѣ (въ цыфирныхъ учили и начальнымъ основаніямъ геометріи) еще яснѣе выражаетъ заботу его объ общемъ элементарномъ образованіи народа. Указъ о заведеніи „во всѣхъ городахъ“ малыхъ народныхъ школъ былъ изданъ въ 1721 году [1]) и подтвержденъ въ 1724 году [2]), но остался неисполненнымъ.

Въ этихъ указахъ, также какъ и въ указѣ о цыфирныхъ школахъ, нигдѣ не говорится объ исключеніи изъ нихъ дѣвочекъ; но также, какъ во времена Владиміра и Ярослава, вездѣ упоминается о „малолѣтнихъ“ и „дѣтяхъ“. Практическая цѣль цыфирныхъ школъ указывала на то, что онѣ назначаются только для мальчиковъ. Но малыя школы по всей вѣроятности имѣли въ виду всѣхъ дѣтей, безотносительно къ ихъ полу. Въ нихъ давалось самое элементарное общее обученіе, и ему не ставилось никакой практической цѣли. Трудно допустить мысль, чтобы Петръ не желалъ распространенія грамотности во всемъ народѣ, а лишь въ одной его половинѣ.

Для высшаго научнаго образованія Петръ, за годъ до своей смерти, издалъ указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ Академіи, которая должна была совмѣщать въ себѣ три учрежденія: собственно Академію, университетъ и гимназію [3]). Ученымъ академикамъ предписывалось „науки производить“, а также публично обучать молодыхъ людей и нѣкоторыхъ изъ нихъ „обучать при себѣ“ для того, чтобы они могли въ свою очередь передавать другимъ „первые фундаменты всѣхъ наукъ“.

Понятно что тутъ о женщинахъ, ни въ качествѣ учащихъ, ни учащихся, не могло быть и рѣчи, хотя въ началѣ XVIII вѣка на западѣ пользовались извѣстностью ученыя женщины, — преимущественно въ Италіи, гдѣ онѣ читали публичныя лекціи, получали ученыя степени и пр. Двадцать-пять лѣтъ спустя послѣ смерти Петра папа Бенедиктъ XIV, приглашая одну изъ такихъ женщинъ (г-жу Аньези) въ Болонскій университетъ на каѳедру математики, при посылкѣ ей диплома писалъ: „Болонья *съ давнихъ поръ* привыкла видѣть на каѳедрѣ особъ Вашего пола, пуб-

[1]) П. Собраніе Зак. Т. VI, ст. 3708. Регламентъ или Уставъ Гл. Магистратамъ. Глава XXI. О школахъ.

[2]) П. С. З. Т. VII. Ст. 4624.

[3]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. XVIII, стр. 192.

лично преподающихъ науку“ [1]). Конечно, такія женщины были рѣдкимъ явленіемъ и на западѣ; Петръ могъ и не знать о нихъ. Женщинъ-художницъ онъ зналъ, и въ утвержденномъ имъ въ 1724 г. уставѣ Академіи Наукъ, одобрилъ распоряженіе президента ея, Блюментроста, которымъ предписывалось Шумахеру „пріискать двухъ мальчиковъ и отдать ихъ малярицѣ“ [2]). Эта малярица была дочь извѣстной въ свое время художницы Маріи Сивиллы Маріанъ; она вышла замужъ за швейцарскаго художника Кселля, вызваннаго Петромъ въ Россію послѣ 1717 года, и осталась послѣ смерти мужа при библіотекѣ и кунсткамерѣ Академіи, занимаясь, какъ о ней значилось уже въ 1741 г., „списываніемъ травъ и цвѣтовъ“ [3]). Если Петръ не нашелъ страннымъ пригласить женщину-художницу къ преподаванію русскимъ мальчикамъ искусства, то по всей вѣроятности онъ также безъ предразсудковъ отнесся бы и къ женщинѣ ученой, еслибы она нашлась въ Россіи. Но такихъ женщинъ не было, а Петру не могла и придти въ голову мысль привлечь къ наукѣ или искусству русскую женщину, только-что выходящую изъ терема, гдѣ она провела нѣсколько столѣтій вдали отъ дѣятельной жизни, среди узкаго мірка домашнихъ заботъ и интересовъ, окруженная ханжами, карлами, дурами, юродивыми. Такая женщина могла быть и грамотною, и начитанною въ божественныхъ книгахъ, и, по старинному, образованною, но уровень ея мысли, при всей обстановкѣ ея теремной жизни, никакъ уже не могъ быть выше уровня мужской половины грамотнаго даже общества ея времени. А и мужчины этого общества бѣжали отъ науки какъ отъ огня, не уважали ея, не видѣли въ ней нужды. На ученыхъ это общество смотрѣло свысока, какъ на людей низшей породы, и относилось къ нимъ съ пренебреженіемъ. Мальчиковъ брали въ ученье неволею, но дѣвочекъ оставляли въ покоѣ; а кто изъ родителей добровольно отдалъ бы своего ребенка, тѣмъ болѣе дочь, въ Академическую гимназію? И какая женщина согласилась бы идти въ публичную школу, сѣсть на скамью рядомъ съ школьниками, привлеченными туда силою, которыхъ били [4]), плохо кормили, заставляли учиться на непонятномъ языкѣ и, по общему мнѣнію, невѣдомо чему?

[1]) Р. Мысль. 1883. Октябрь. „Женщины-профессора въ Болонскомъ университетѣ.

[2]) *Пекарскій.* Наука и литература при Петрѣ. Т. I, стр. 61.

[3]) Тамъ же.

[4]) Въ „Регламентѣ или Указѣ Его Цесарскаго всероссійскаго Величества Како содержать себя чинно и послушно всегда въ Академіи, школьникамъ“, напечатанномъ въ 1716 году, въ § 8 собственноручная резолюція Петра: „Для унятія крика и без-

По поставленной себѣ цѣли, по складу своего ума, по личнымъ взглядамъ и вкусамъ, Петръ долженъ былъ желать, чтобы и женщины учились; но принуждать ихъ къ тому силою, бороться и противъ этой вѣковой рутины въ то время, когда ему на каждомъ шагу предстояла борьба со всевозможными препятствіями, Петръ и не начиналъ, и оставилъ женщинамъ, чуть ли не однѣмъ въ цѣломъ государствѣ, да развѣ еще крестьянамъ, привиллегію учиться или не учиться по своей охотѣ.

Такое рѣшеніе, можетъ быть, пришло Петру не сразу. Будучи въ 1717 году въ Парижѣ, онъ посѣтилъ заведеніе г-жи Мэнтенонъ, знаменитый С.-Сиръ. По словамъ сопровождавшаго его туда лица, Петръ „приказалъ себѣ показать пять степеней возраста воспитывавшихся благородныхъ дѣвицъ, каждый въ своемъ отдѣленіи, и похвалилъ всѣ учрежденія, въ пользу ихъ употребляемыя“ [1]). Вотъ все, что сообщаетъ нашъ соотечественникъ. По словамъ же французскаго автора книги о г-жѣ Мэнтенонъ [2]), Петръ прійдя въ классы воспитанницъ С.-Сира, встрѣтившихъ его въ парадныхъ платьяхъ, удивился какъ мало между ними красивыхъ лицъ, забавлялся ихъ играми и велѣлъ снять планъ дома [3]).

Впрочемъ если послѣднее извѣстіе и вѣрно, то едва ли Петръ, осматривая С.-Сиръ, имѣлъ въ виду завести что-либо подобное въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ. Среднее учебное заведеніе для дѣвочекъ, стоющее очень дорого, не приносящее немедленной практической пользы государству, не могло входить въ его планы. Но еслибъ это и было такъ, то С.-Сиръ въ 1717 году не могъ понравиться Петру. Первые годы опыта, когда воспитаніе въ С.-Сирѣ было направлено къ развитію въ дѣвушкахъ вкуса къ литературѣ, поэзіи, вообще къ развитію ума и внѣшности, то блестящее время, когда Расинъ нарочно для воспитанницъ писалъ „Esther“ и „Athalie“, которыя разыгрывались ими при роскошной обстановкѣ въ присутствіи короля; когда Фенелонъ развивалъ въ воспитанницахъ утонченную, изысканную набожность, чуждую однако всякаго ханжества, — этотъ золотой вѣкъ С.-Сира давно мино-

чинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой каморѣ во время ученія и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить несмотря какой бы онъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ“ *Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. II, стр. 362.

[1]) Р. Вѣстникъ. 1841 г. Т. II. Ежедневный журналъ пребыванія въ Парижѣ Государя Императора Петра Алексѣевича.

[2]) *Labeaumelle.* Mémoires pour servir à l'histoire de m-e de Maintenon et à celle du siècle passé. 1752.

[3]) *Labeaumelle.* T. V, p. 327. 1757. 3-e édition.

валъ. Приходилъ къ концу и второй періодъ—солиднаго образованія, дававшагося воспитанницамъ С.-Сира. При мимолетномъ посѣщеніи, этого образованія и замѣтить было нельзя; а то̀, что̀ бросалось въ глаза, не давало понятія о внутреннихъ достоинствахъ заведенія.

Еще при жизни короля г-жа Мэнтенонъ круто измѣнила прежнюю, свѣтскую систему воспитанія въ С.-Сирѣ. Она строго предписала воспитательницамъ „прятать дѣвушекъ, не показывать ихъ даже черезъ рѣшетку мужчинамъ, ни богатымъ, ни бѣднымъ, ни старымъ ни молодымъ, даже святымъ, еслибы такіе нашлись на землѣ“ [1]). Воспитательницами могли быть только монахини, которымъ Мэнтенонъ совѣтовала находить даже пріятнымъ то̀, что ихъ будутъ называть не „Dames de St. Louis“ какъ прежде, а „Filles de St. Louis“ [2]). Воспитанницамъ прежде всего внушали смиреніе и отреченіе отъ свѣта. „Еслибы вы знали свѣтъ“, писала Мэнтенонъ взрослымъ дѣвушкамъ старшаго класса, „вы бы возненавидѣли его“. По ея приказанію въ заведеніе не должны были доходить никакія извѣстія изъ міра; всѣ дни были похожи одинъ на другой; въ домѣ царило однообразіе, строгій во всемъ, разъ установленный, порядокъ, неподвижность и скука. Все это мало-по-малу превратило С. Сиръ въ монастырь. Такимъ и увидѣлъ его Петръ. Понятно что такой идеалъ женскаго воспитанія не могъ отвѣчать его вкусамъ; типъ смиренницъ и постницъ былъ ему ненавистенъ и слишкомъ хорошо знакомъ по русскимъ образцамъ.

Такимъ образомъ Петръ не сдѣлалъ ничего въ прямомъ смыслѣ для женскаго образованія. Но вся его реформа должна была сильно повліять на него. Отмѣна затворничества повела къ уничтоженію многихъ патріархальныхъ обычаевъ; а поощреніе браковъ съ иностранцами и, главное, любовь Петра къ образованнымъ людямъ, отразились и на образованіи женщинъ. Вступленіе ихъ въ общество само по себѣ не могло въ этомъ смыслѣ имѣть прямого значенія, ибо въ самомъ обществѣ, какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ дворянскомъ кругу, женщины не встрѣтили ничего такого, что̀ побуждало бы ихъ искать образованія. Это общество само стояло на такомъ уровнѣ образованности, при которомъ женщины не выдѣлялись изъ него невыгоднымъ для себя образомъ. Но въ немъ при Петрѣ было ужъ много иностранцевъ, при свѣтскихъ сношеніяхъ съ которыми женщины, по крайней

[1]) Lettres sur l'éducation des filles, par m-e de Maintenon. 1854.

[2]) Тамъ же.

мѣрѣ придворнаго круга, должны были стараться найти способъ чтобы какъ-нибудь понимать другъ друга. Описывая ассамблеи въ 1722 году, Берхгольцъ жалуется на то, что съ русскими дамами на придворныхъ празднествахъ очень трудно говорить. „Тѣ, которыя мало знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ", говоритъ онъ, „не отвѣчаютъ ничего, кромѣ: не знаю; а къ тѣмъ, которыя хорошо говорятъ по-нѣмецки, нѣтъ доступа за толпящимися вокругъ нихъ вельможами и императорскими камеръ-юнкерами" [1]). На купеческихъ же ассамблеяхъ въ Москвѣ дамы, по словамъ Берхгольца, сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, и разговаривать съ ними невозможно; когда не танцуютъ, то всѣ сидятъ какъ нѣмыя и только смотрятъ другъ на друга [2]). Однако онъ называетъ нѣсколькихъ женщинъ, хорошо, по его мнѣнію, образованныхъ, „прекрасно играющихъ на лютнѣ, отлично танцующихъ".

Во всякомъ случаѣ, сначала практически вѣроятно, а потомъ путемъ ученія, женщины при Петрѣ стали пріобрѣтать знаніе иностранныхъ языковъ. А это знаніе, если выдѣлить немногихъ людей петровскаго общества, по принужденію или по своей волѣ обладавшихъ хотя нѣкоторымъ научнымъ образованіемъ, и составляло тогда отличіе человѣка образованнаго отъ невѣжды. „Въ первой половинѣ XVIII вѣка,—говоритъ Пекарскій [3]),—даже у небогатыхъ людей было стремленіе воспитывать дѣтей по-европейски; но образованіе понимали по своему. Науки стояли на второмъ планѣ, между дѣломъ. Важнѣе считалось знаніе иностранныхъ языковъ, умѣнье говорить и писать на нихъ какъ на собственномъ. Это едва ли было не единственнымъ желаніемъ родителей, готовившихъ дѣтей къ блестящей карьерѣ или въ свѣтъ". При Петрѣ, въ отношеніи иностранныхъ языковъ, одни и тѣ же требованія предъявлялись къ мужчинамъ и къ женщинамъ, и повидимому, судя по обнаружившимся уже позже фактамъ, съ Петра началъ устанавливаться въ домахъ достаточныхъ родителей обычай, приглашая къ дѣтямъ учителей, обучать иностраннымъ языкамъ дочерей вмѣстѣ съ сыновьями.

Примѣръ конечно шелъ сверху. Еще до рожденія дочерей Петра, царевенъ Анны и Елизаветы, царица Прасковья Ѳедоровна, вдова царя Ивана, женщина вполнѣ стараго закала по воспитанію и по симпатіямъ, но всячески старавшаяся угодить Петру, единственно изъ этого побужденія дала своимъ тремъ

[1]) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго съ 1721 по 1725 г. Ч. 2-я, 1722, стр. 16.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

[3]) Русскіе мемуары XVIII вѣка (Современникъ. 1855. Т. L).

дочерямъ такое образованіе, какое нравилось ему. Она пригласила къ нимъ учителей: барона Гюйссена [1]), учившаго царевича Алексѣя, нѣмца Остермана, брата знаменитаго впослѣдствіи канцлера, и француза Рамбурха—учителя „танцовальнаго искусства и поступи, нѣмецкихъ учтивствъ, также французскимъ и нѣмецкимъ комплиментамъ" въ московской гимназіи пастора Глюка. Въ этомъ, какъ мы сказали, царица Прасковья сдѣлала уступку вкусамъ Петра. Сама же она до конца жизни держалась взгляда на пригодность для дѣвушки того образованія, какое давалось имъ въ старину. Незадолго до своей смерти (1723) она писала дочери, Екатеринѣ Ивановнѣ, герцогинѣ Мекленбургской, что держитъ у себя дѣвушку, которая „грамотѣ умѣетъ, чтобы та внучку (будущую правительницу Анну Леопольдовну) выучила русской грамотѣ" [2]).

Рамбурхъ училъ французскому языку и танцамъ и царевенъ Анну и Елизавету; онѣ знали и нѣмецкій языкъ. Судя по тому, что̀ разсказывала впослѣдствіи Елизавета Петровна, Петръ одобрялъ обученіе своихъ дочерей. Однажды заставъ ее и царевну Анну за уроками, онъ со вздохомъ сказалъ: „Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно!" [3])

Воспитаніе Елизаветы, по словамъ Ешевскаго, было довольно небрежно, но она хорошо знала языки, кромѣ русскаго, французскій, нѣмецкій и шведскій [4]). Повидимому все вниманіе при ея образованіи было обращено на иностранные языки и преимущественно на французскій. По крайней мѣрѣ всѣ свидѣтельства современниковъ объ образованіи Елизаветы выставляютъ на первый планъ обладаніе ею знаніемъ этого языка. Въ депешѣ къ аббату Дюбуа французскій консулъ Лави передаетъ сообщенное ему гувернанткой Делонуа извѣстіе, что царица просила Елизавету учиться прилежно и усовершенствоваться особенно во французскомъ языкѣ, говоря, что для этого она имѣетъ важныя причины [5]). На знаніе принцессами иностранныхъ языковъ обращалъ вниманіе французскаго посла Кампредона и Меньшиковъ, когда велъ съ нимъ переговоры о бракѣ принцессы Елизаветы съ французскимъ королемъ или по крайней мѣрѣ съ однимъ изъ французскихъ принцевъ. При этомъ говоря вообще о воспитаніи царевенъ, Меньшиковъ признался, что „личности, которымъ ввѣрено

[1]) Энциклопедическій словарь. 1862. Т. IV. Стат. *Пекарскаго*: Анна Іоанновна.

[2]) *М. Семевскій*. Царица Прасковья. 1861, стр. 61.

[3]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XIV, стр. 113.

[4]) *Ешевскій*. Сочиненія. Т. II. Очеркъ исторіи царствованія Елизаветы Петровны.

[5]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. XL. Депеша Лави къ аббату Дюбуа. № 15. 1719 г.

было ихъ воспитаніе, были мало образованы; но благодаря большимъ дарованіямъ обѣихъ принцессъ, онѣ сдѣлали такіе успѣхи во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что говорятъ и пишутъ на нихъ очень хорошо“ [1]).

Впрочемъ французскій языкъ при Петрѣ еще не былъ распространенъ въ русскомъ обществѣ. Петръ не любилъ Францію и французовъ [2]) и самъ по-французски не говорилъ. Но Екатерина I знала этотъ языкъ и должно быть умѣла на немъ изъясняться, судя по тому, что Кампредонъ, сообщая кардиналу Дюбуа о частной аудіенціи, которую онъ имѣлъ у царя, говоритъ, что переводчицей между ними была Екатерина [3]).

Царевна Наталья Алексѣевна, внучка Петра (умершая 14-ти лѣтъ въ 1728 году), отличалась, по свидѣтельству испанскаго посла, дюка де-Лирія, превосходнымъ образованіемъ, ловкостью, свободно говорила по-французски и по-нѣмецки“ [4]). Знаніемъ иностранныхъ языковъ обладали не однѣ царевны, но и знатныя дамы.

Вообще образованіе женщинъ въ томъ, въ чемъ оно среди нихъ могло проявляться при Петрѣ, подвинулось впередъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. При Петрѣ иностранные послы представлялись не только царю, но и царицѣ, и даже царевнамъ. Это былъ большой шагъ впередъ, сдѣланный женщинами, если вспомнить что не прошло и 50-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, по словамъ Котошихина, къ царицѣ не допускали иностранныхъ пословъ изъ опасенія, что она „отвѣту не учинила бы никакого, и отъ того пришло бы самому царю въ стыдъ“ [5]). Описывая свою аудіенцію у принцессъ, дюкъ де-Лирія говоритъ, что на произнесенную имъ по-французски рѣчь, ему отвѣчали по-французски же не сами принцессы, а, по порученію Елизаветы, ея статсъ-дама графиня Салтыкова, и Остерманъ по порученію Натальи Алексѣевны [6]).

По свидѣтельству Берхгольца [7]), довольно многіе изъ русскихъ, мужчины и женщины, даже средняго круга, говорили по-нѣмецки. Еще въ 1705 году Меньшиковъ писалъ Арсеньевой, чтобы она

[1]) Сб. рус. ист. общ. Т. LVIII. Кампредонъ кардиналу Дюбуа. № 24. 1725.

[2]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XV, стр. 75.

[3]) Сб. р. и. о. Т. LII. Письмо французскаго посла Кампредона къ кардиналу Дюбуа. № 10, 19 марта 1723.

[4]) Осмнадцатый вѣкъ, изд. Бартенева. Кн. 2. Письма о Россіи въ Испанію дука де-Лирія.

[5]) *Котошихинъ*. О Россіи. Изд. 3. 1884, стр. 63.

[6]) Письма о Россіи въ Испанію, стр. 30. (Осмнадц. вѣкъ. Кн. 2).

[7]) Дневникъ.

принуждала его сестру „непремѣнно учиться какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученію, чтобы даромъ время не пропадало“ [1]).

М. Д. Хмыровъ, говоря о воспитаніи графини Головкиной, прибавляетъ: „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княжна, какъ и всѣ, или почти всѣ, тогдашнія аристократки, говорила по-нѣмецки, училась, понимала и *можетъ быть* говорила по-французски“ [2]).

Кромѣ обученія языкамъ, женщинъ при Петрѣ учили и наукамъ. Въ чемъ заключался тогдашній курсъ женскаго образованія—объ этомъ, какъ и обо всемъ что касается женщинъ, даже аристократокъ, въ нашихъ источникахъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. О немногихъ женщинахъ, упомянутыхъ въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго [3]), онъ ограничивается общимъ выраженіемъ: „была отлично воспитана“. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметьева (род. 1714 г.), оставившая записки о своей несчастной жизни, разсказываетъ, что росла при матери (урожд. Салтыковой, по первому браку Нарышкиной), которая старалась объ ея воспитаніи, „чтобы ничего не упустить въ наукахъ“ [4]).

Чтò это были за науки которымъ учили женщинъ при Петрѣ, этого съ точностью опредѣлить нельзя. Тутъ возможны только предположенія. Въ біографіи графини Е. И. Головкиной, о которой и Бантышъ-Каменскій говоритъ что она получила „отличное воспитаніе“, М. Д. Хмыровъ дѣлаетъ такія предположенія о кругѣ знаній, который могъ входить въ воспитаніе аристократки временъ Петра: авторъ біографіи думаетъ, что образованіе ея должно было начинаться съ Букваря, затѣмъ перейти къ изученію письма по „Букварю словено-россійскихъ письменъ“ (изд. 1694 г.). Курсъ русскаго языка „для избранницъ“, говоритъ М. Д. Хмыровъ, оканчивался „грамматикою россійскою, съ руководствомъ къ грамматикѣ словенской“ Лудольфа (изд. оксфордское 1696 г.). Руководствомъ при обученіи дѣвицъ ариѳметикѣ могло служить „Краткое и полезное руковеденіе въ Арифметику“ Копіевскаго (изд. 1699 г.). Свѣдѣнія изъ исторіи могли почерпаться изъ переведеннаго съ греческаго и изданнаго въ 1701 году „Ѳеатръ или зерцало монарховъ“, также изъ перевода съ греческаго „Исторіи о Александрѣ,

[1]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. XVI, стр. 70.

[2]) *М. Д. Хмыровъ.* „Графиня Екатерина Ивановна Головкина“. Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ. 1867.

[3]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 1847.

[4]) Записки кн. Нат. Бор. Долгоруковой. стр. 7. Р. Архивъ. 1867.

царѣ Македонскомъ" (изд. 1709 г.) и „Исторіи раззоренія Трои, столичнаго города фригійскаго царства" (изд. 1709 г.). По географіи было руководство „Краткое земнаго круга описаніе". Были книги, которыя могли читать молодыя дѣвушки, въ родѣ „Зрѣлище житія человѣческаго, различныхъ животныхъ и старожитныхъ людей, примѣрами всякому добрыхъ нравовъ въ поученіе представленное" (изд. 1712 г.) и другія. Къ этому надо прибавить неподлежащее сомнѣнію, по словамъ М. Д. Хмырова, умѣнье всѣхъ почти тогдашнихъ аристократокъ говорить по-нѣмецки, а *можетъ быть* и по-французски; также обученіе дѣвицъ игрѣ на лютнѣ, клавесинѣ и танцамъ.

Если такое образованіе дѣйствительно давалось дѣвушкамъ при Петрѣ, то оно было совершенно новымъ и блестящимъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое существовало до него. Иниціатива въ такомъ случаѣ, конечно, должна была принадлежать не родителямъ дѣтей, а Петру, какъ это можно заключить изъ примѣра княжны Ромодановской, впослѣдствіи графини Головкиной. Она родилась въ 1701 г.; мать ея была родною сестрою царицы Прасковьи, а дѣдъ — знаменитый князь-кесарь Ромодановскій. Всѣ члены семьи Ромодановскихъ были заклятыми приверженцами старины; но въ дѣлѣ воспитанія дочери и внучки подчинились волѣ Петра.

То же должно было имѣть мѣсто и въ другихъ аристократическихъ семьяхъ. Берхгольцъ, восхищаясь маленькою княжною Черкасскою, говоритъ что это „не единственный ребенокъ, о воспитаніи котораго такъ тщательно заботятся. Вообще надо отдать справедливость здѣшнимъ родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей" [1]). Правда, изъ дальнѣйшихъ словъ Берхгольца видно, что его особенно плѣняла въ упоминаемыхъ имъ русскихъ женщинахъ пріятность обращенія, умѣнье вести разговоръ и тому подобныя свѣтскія качества; а также,— обидная для нашего самолюбія похвала,—что онѣ „мало уступаютъ нѣмкамъ и француженкамъ въ тонкости обращенія и свѣтскости, и даже иногда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, имѣютъ передъ ними преимущество".

Такія же похвалы русскимъ женщинамъ встрѣчаются и у иностранныхъ пословъ того времени. При переговорахъ о замужествѣ принцессы Елизаветы съ герцогомъ Шартрскимъ (ей было тогда всего 13 лѣтъ) Кампредонъ, хваля принцессу, говоритъ о ней: „она красавица, прелестно сложена, умница, ни нравомъ ни манерами

[1]) Дневникъ. Ч. 1-я. 1721, стр. 101.

не похожа на русскую“ [1]). Тоже и о графинѣ Румянцевой, урожденной Матвѣевой, которая, по словамъ Кампредона и Берхгольца, „очень образована и по манерамъ совсѣмъ не напоминаетъ русскихъ дамъ“ [2]). О второй женѣ графа Ягужинскаго, урожденной Головкиной, Берхгольцъ отзывается какъ объ одной изъ самыхъ пріятныхъ и образованныхъ дамъ въ Россіи, хорошо говорящей по-французски, въ совершенствѣ по-нѣмецки, „искуснѣйшей танцовщицѣ“ [3]). Онъ же, говоря о княгинѣ Валахской (Кантемиръ) и сестрѣ ея княгинѣ Трубецкой, какъ объ очень любезныхъ хозяйкахъ дома, прибавляетъ: „онѣ провели много лѣтъ за границей, считаютъ себя образованными и умѣющими жить“ [4]). И Меньшиковъ, въ приведенномъ уже выше разговорѣ съ Кампредономъ о воспитаніи принцессъ Анны и Елизаветы, выставляетъ на видъ, что у нихъ „прекрасныя манеры, умѣнье вести разговоръ и держать себя въ обществѣ“ [5]).

Изъ приведенныхъ сужденій о русскихъ женщинахъ видно, что въ образованіи ихъ всего больше цѣнились, какъ иностранцами, такъ и русскими людьми, хорошія манеры, умѣнье танцовать, ловкость въ обращеніи, иностранные языки. И дѣйствительно это были своего рода науки въ то время, когда „общество“ въ смыслѣ сношенія людей между собою еще только зарождалось. Оно и понятно, если вспомнить, что русское общество при Петрѣ находилось въ положеніи ребенка, начинающаго ходить и еще не умѣющаго управлять своими движеніями. Каждому шагу его надо учить для того, чтобы одно движеніе не мѣшало другому и чтобы ребенокъ не упалъ. Учить этому общество было еще необходимѣе потому, что при Петрѣ какъ мужчины, такъ и женщины, были грубы и не привыкли стѣсняться другъ передъ другомъ.

Женщины, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, охотно вышли изъ терема и вступили въ свѣтъ. Но скоро освоившись съ внѣшними пріемами свѣтской жизни, онѣ не могли такъ же скоро измѣнить свой внутренній строй и привычки. Царевна Екатерина Алексѣевна искала клады; вообще она и ея сестры, въ тѣхъ немногихъ даже чертахъ, которыя проскальзываютъ о нихъ въ

[1]) Сб. рус. ист. общ. Т. XLIX, стр. 324. Письмо Кампредона кардиналу Дюбуа. № 18. 1723.

[2]) Сб. р. и. о. Т. XL. Письмо Кампредона Дюбуа. 1721. № 106.—Дневникъ. Ч. 2-я, стр. 101. 1722.

[3]) Дневникъ. Ч. 4-я, стр. 145, 1725.

[4]) Тоже. Ч. 2-я, стр. 96, 1722.

[5]) Сб. р. и. о. Т. LVIII, стр. 113. Письмо Кампредона Дюбуа. № 24. 1725.

исторіи, являются грубыми, исполненными суевѣрія, съ дикими инстинктами существами, какими были вѣроятно и въ замкнутомъ быту терема. Только теперь эти черты проявляются рѣзче на просторѣ. Царица Прасковья, не уступая въ жестокости любому мужчинѣ, сама, своею рукою, поджигаетъ бороду провинившемуся передъ нею служителю [1]). Ея дочь, герцогиня Мекленбургская, приводитъ въ изумленіе Берхгольца, когда, принимая его и желая вѣроятно доставить ему и другимъ гостямъ удовольствіе, она „заставила полуслѣпого, грязнаго, страшно воняющаго чеснокомъ бандуриста играть и пѣть передъ ними свои и своей сестры любимыя пѣсни“, которыя, прибавляетъ Берхгольцъ, „кажется, всѣ были сальны, потому что принцесса Прасковья уходила изъ комнаты, когда онъ начиналъ нѣкоторыя изъ нихъ, и опять возвращалась, когда онъ оканчивалъ“ [2]). Другое развлеченіе, которое герцогиня доставила своимъ гостямъ, такъ грубо и въ такомъ некрасивомъ свѣтѣ рисуетъ ея вкусы, что желающіе убѣдиться въ этомъ могутъ прочесть у Берхгольца разсказъ объ его посѣщеніи герцогини [3]). Обуздать хотя бы внѣшнія проявленія такой дикости нравовъ, царившей въ средѣ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, было необходимо, и вотъ почему заботы „о манерахъ“ считались при Петрѣ важнымъ дѣломъ. По его повелѣнію было напечатано переведенное, какъ думаетъ Пекарскій, съ нѣмецкаго, сочиненіе: „Юности честное зерцало или показаніе къ жітеіскому обхожденію“ (Собранное отъ разныхъ авторовъ. Напечатася повелѣніемъ царскаго величества. Въ Санктъпітербурхѣ Лѣта Господня 1717, февраля 4 дня) [4]). Въ этой книгѣ давались наставленія о томъ, что слѣдуетъ соблюдать чистоту рукъ, лица, не слѣдуетъ громко сморкаться, чихать, плевать и пр. Также „младымъ отрокамъ“ предписывалось „всегда между собою говорить на иностранныхъ языкахъ какъ для того, чтобы пріобрѣсти въ нихъ навыкъ, такъ и съ тѣмъ, чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать“ [5]). Книга эта была два раза издана при Петрѣ, и послѣ него было еще два изданія. Татищевъ въ своей „Духовной“ рекомендовалъ „Юности честныя зерцало“ сыну [6]).

Въ аристократическихъ домахъ для обученія манерамъ, а

[1]) *М. Семевскій.* Царица Прасковья.

[2]) Дневникъ. Ч. 2, стр. 301.

[3]) Тамъ же.

[4]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. Т. II, стр. 383.

[5]) Тамъ же.

[6]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Біографіи и характеристики. 1882, стр. 73.

также необходимому ихъ признаку, французскому языку, приглашались иностранцы-гувернеры и гувернантки. У принцессы Елизаветы гувернанткой была жена высланнаго Петру изъ Парижа Зотовымъ, француженка Делонуа. У Натальи Борисовны Шереметевой (Долгоруковой) была учительница „мамзель" нѣмка Штауденъ, поѣхавшая съ нею въ ссылку [1]). Предпочтеніе отдавалось гувернанткамъ-француженкамъ и основывалось вѣроятно на свидѣтельствахъ нашихъ пословъ при французскомъ дворѣ, ослѣпленныхъ блескомъ этого двора при Людовикѣ XIV и герцогѣ Орлеанскомъ. Графъ Матвѣевъ приходилъ въ изумленіе отъ значенія, какимъ во Франціи пользовались женщины, восхищался ихъ манерами, обхожденіемъ, предупредительностью, вѣжливостью [2]).

У принцессы Анны Леопольдовны гувернанткой была вдова прусскаго генерала Адеркасъ; она сопровождала мужа во Францію, Германію, Испанію, и, по словамъ лэди Рондо, писавшей о ней въ 1737 году, „обогатила умъ чтеніемъ, развила умственныя способности и сужденіе". „Разговоръ ея", говоритъ лэди Рондо, „можетъ нравиться и принцессѣ, и женѣ торговца" [3]). Всѣ эти качества воспитательницы Анны Леопольдовны ничѣмъ не отразились однако на ея воспитанницѣ. Только у герцогини Курляндской, Анны Ивановны, главной воспитательницей была русская, графиня Матвѣева, жена сына знаменитаго боярина Матвѣева, въ домѣ котораго воспиталась мать Петра, царица Наталья Кириловна. Самъ человѣкъ образованный и цѣнившій образованіе, Матвѣевъ заботился о томъ, чтобы и сынъ былъ въ этомъ похожъ на него. „Онъ первый изъ русскихъ людей"—говоритъ Соловьевъ— „рушилъ преграду, отдѣлявшую семью хозяина отъ гостей, и собиралъ у себя общество для умной бесѣды, въ которой принимала участіе и его жена" [4]). Судя по этому, слѣдовало бы ожидать, что графиня Матвѣева могла бы имѣть воспитательное вліяніе на свою ученицу; но она имъ не воспользовалась, какъ это можно заключить изъ того, чтò мы знаемъ объ Аннѣ Ивановнѣ, привычки и вкусы которой не разнились отъ привычекъ и вкусовъ ея сестеръ.

Вообще надо сказать, что хотя между женщинами и были при Петрѣ знающія иностранные языки, но въ этомъ и заключалось все ихъ образованіе. Только объ одной Натальѣ Алексѣевнѣ, внучкѣ Петра, современники говорятъ что она любила чтеніе. Это не по-

[1]) Записки Нат. Бор. Долгоруковой (Р. Архивъ. 1867, стр. 7).

[2]) *Пекарскій.* Наука и литература. Т. I, стр. 154.

[3]) Записки лэди Рондо. Стр. 127.

[4]) *Соловьевъ.* Сочиненія, стр. 86.

мѣшало однако Шафирову, автору книги: „Разсужденіе какія законныя причины его ц. величество Петръ первый къ начатію войны противъ короля Карла XII шведскаго въ 1700 году имѣлъ“, писать: „Хотя прежде сего, кромѣ россійскаго языка книгъ читанія и письма никто изъ россійскаго народа не умѣлъ, и болѣ то въ зазоръ нежели за искусство почитано, но нынѣ видимъ и самого Его Величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго и нѣсколько тысящей подданныхъ его россійскаго народа, мужска и женска пола, искусныхъ разныхъ европейскихъ языковъ, якоже латинскаго́, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго и галанскаго, и такого притомъ обхожденія, что непостыдно могутъ равняться со всѣми другими европейскими народами, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ. И вмѣсто того, что кромѣ церковныхъ книгъ, почитай, никакихъ другихъ въ Россіи не печатывано, нынѣ многіе не токмо на чужестранныхъ языкахъ, но и на славено-россійскомъ, тщаніемъ и повелѣніемъ его величества напечатаны и еще печати предаются“ [1]).

Въ этомъ изображеніи успѣховъ нашего просвѣщенія много преувеличеннаго. „Петръ Великій“ — говоритъ Пекарскій [2]) — „сознавалъ силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ, и сознавая вліяніе, которое имѣли на него въ началѣ XVIII столѣтія журналистика и разныя политическія изданія [3]), желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ, т.-е. они должны были увѣрять европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что напротивъ тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ царя и вслѣдствіе распоряженій его министровъ, которые всѣ безъ исключенія отличнѣйшіе, образованнѣйшіе люди“ и т. д.

Въ дѣйствительности же, какъ это теперь извѣстно, книги хотя и печатались при Петрѣ, но кругъ читателей при немъ былъ такъ ограниченъ, что даже „немногія печатавшіяся тогда книги не находили почти сбыта, и послѣ Петра въ конторахъ московской и петербургской синодальныхъ типографій накопилось разныхъ петровскихъ изданій такое множество, что синодальное

[1]) *Морозовъ*. Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. 1880, стр. 179. Книга Шафирова вышла въ 1717 году, со многими вставками и дополненіями самого государя.

[2]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 90.

[3]) Первыя политическія газеты явились въ 1710 г. въ Англіи, и тогда печать въ первый разъ во всемірной исторіи сдѣлалась выразительницею общественнаго мнѣнія. *Бокль*. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I, ч. 1, стр. 491.

начальство три раза дѣлало распоряженіе о продажѣ ихъ на бумажныя фабрики или объ употребленіи на обертки вновь выходящихъ книгъ" [1]). Стало быть и среди мужчинъ число читателей было невелико.

То же можно сказать относительно иностранныхъ языковъ. Едва ли при Петрѣ были „тысячи" русскихъ, знавшихъ итальянскій, англійскій и другіе языки. Такихъ людей было напротивъ очень мало. И учителя даже латинскаго и греческаго были такъ рѣдки, что князь Дмитрій Кантемиръ жаловался Петру на то, что привезеннаго имъ изъ Молдавіи для обученія своихъ дѣтей учителя итальянскаго, латинскаго и греческихъ языковъ у него взяли въ духовную коллегію, а другого, знающаго эти языки, въ Петербургѣ найти невозможно" [2]).

Конечно одно умѣнье говорить хотя бы на всѣхъ европейскихъ языкахъ теперь, съ нашей точки зрѣнія, не есть доказательство образованности человѣка. Но если вспомнить, что безъ изученія ихъ невозможно было бы и впослѣдствіи знакомство съ наукою, существовавшею только на западѣ, то надо признать, что въ сравненіи съ тѣмъ что̀ было прежде, такое даже знаніе, въ какихъ бы уродливыхъ формахъ оно на первыхъ порахъ ни проявлялось, было въ просвѣщеніи русскаго общества шагомъ впередъ. При Петрѣ этимъ и ограничивалось наше „общее" просвѣщеніе. Академія Наукъ открылась уже послѣ него. Но въ первые годы ея существованія у профессоровъ, по словамъ Миллера, не было слушателей. „Еще въ гимназію",—пишетъ онъ,— „родители изъ порядочныхъ семействъ отдавали своихъ дѣтей для изученія новыхъ языковъ. Что̀ же касается до высшаго образованія, то Академія не знала бы что̀ ей и дѣлать съ тѣми, которые прошли бы основательно университетскій курсъ [3]). И въ гимназіи ученики проходили не полный курсъ назначенныхъ къ ученію предметовъ, а сами гимназисты или ихъ родители выбирали предметы, которые они считали для себя нужными или полезными, и какъ это обнаружилось гораздо позже изъ донесенія инспектора гимназіи Модераха (въ 1750 г.), почти втрое большее число учениковъ поступало только для изученія какого-либо языка" [4]).

[1]) Наука и литература. Предисловіе. Т. I, стр. I и II.

[2]) Тамъ же. Приложеніе IX, стр. 573. Прошеніе Дм. Кантемира къ Петру Великому.

[3]) *Гр. Д. А. Толстой.* Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи., стр. 7. (Зап. Имп. Ак. Наукъ. Т. 51.)

[4]) *Гр. Д. А. Толстой.* Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, стр. 22.

Изъ этого можно заключить, что пока дѣло просвѣщенія стояло у насъ въ такомъ положеніи, женщины не отставали въ образованіи отъ мужчинъ. Но по мѣрѣ того какъ подвигалось наше знакомство съ европейскоо наукою, русскія женщины все болѣе и болѣе оставались позади въ общемъ просвѣщеніи страны. Для нихъ знаніе иностранныхъ языковъ не послужило средствомъ къ дальнѣйшему образованію; оно надолго осталось главною, почти единственною цѣлью ихъ обученія и даже заслонило собою изученіе русскаго языка и всякой другой науки; это, естественно, отразилось невыгодно на общемъ развитіи ихъ мысли. Случилось это опять-таки не вслѣдствіе какого-либо опредѣленнаго распоряженія правительства, которое, и при Петрѣ, не запрещало имъ учиться, а просто игнорировало ихъ. Мальчиковъ, путемъ принудительныхъ, часто даже крутыхъ мѣръ, но также и путемъ поощреній всякаго рода, оно заставляло учиться, основывало для нихъ учебныя заведенія и школы, посылало за границу, гдѣ они входили въ общеніе съ учеными и образованными людьми другихъ странъ. Поѣздки за границу вообще имѣли весьма важное вліяніе на распространеніе просвѣщенія среди русскихъ людей. Конечно и при Петрѣ были вѣроятно типы молодыхъ людей, похожіе на изображенныхъ позже Фонвизинымъ въ лицѣ бригадирскаго сына Иванушки; но были хоть и немногіе, правда, такіе, которые, возвратясь изъ заграницы въ Россію, привезли съ собою не одно умѣнье говорить на иностранныхъ языкахъ, а болѣе серьезные интересы, для удовлетворенія которыхъ старались найти подходящее себѣ общество любознательныхъ людей. Такихъ интересовъ для женщинъ ни во внѣшней, ни во внутренней обстановкѣ ихъ жизни не было. Единственнымъ стимуломъ и поприщемъ для изученія иностранныхъ языковъ имъ служитъ „свѣтъ“ и „общество“; для этого онѣ и учились, а въ „свѣтѣ“ и „обществѣ“, какое онѣ посѣщали, не было запроса на какое-либо другое знаніе.

Кромѣ того на западѣ, откуда и послѣ Петра мы продолжали заимствовать образцы нужныхъ намъ учрежденій, и откуда при немъ взяли образецъ учебнаго заведенія для средняго мужскаго образованія, гимназіи, для женщинъ не нашлось ничего подходящаго. Сен-Сиръ, скоро послѣ смерти г-жи Ментэнонъ, (1719) пересталъ существовать какъ учебное заведеніе, и хотя былъ окончательно разрушенъ только въ 1793 году [1]), но за-

[1]) Интересно, что въ 1694 году г-жа Ментэнонъ въ письмѣ къ начальницѣ С.-Сира говоритъ: „Если Богъ въ своихъ вѣчныхъ велѣніяхъ положилъ что домъ Св. Людовика долженъ быть разрушенъ черезъ сто лѣтъ“ и пр. (Entretiens sur l'éduca-

долго до того представлялъ лишь „развалину королевскаго величія“. Во Франціи, правда, не прерывалась традиція женщинъ-писательницъ, также литературно и даже научно образованныхъ; въ теченіе всего XVIII вѣка до самой революціи ихъ вліяніе на литературу и языкъ страны было еще сильнѣе чѣмъ въ прежніе вѣка [1]); но французскія женщины высшихъ классовъ получали образованіе дома или въ монастыряхъ; общественнаго для нихъ не существовало.

У насъ было то же самое: но у насъ не только дѣвочки, но и мальчики въ аристократическихъ семьяхъ учились дома; даже въ концѣ XVIII вѣка ученіе обыкновенно начиналось еще со славянской азбуки, чтенія Часослова, Псалтыри и молитвъ. Впрочемъ иногда обучали и наукамъ, также, конечно, иностраннымъ языкамъ. Этому учили и дочерей [2]). Для среднихъ и низшихъ классовъ у насъ были школы, и даже отдѣльныя для дѣвочекъ; но такія школы были нерусскія, и большая часть ихъ находилась въ отвоеванныхъ Петромъ остзейскихъ провинціяхъ: въ Дерптѣ была городская дѣвичья школа (Stadt-Töchterschule съ 1555 г.), въ Митавѣ нѣмецкое приходское училище (съ 1605 г.), въ Ревелѣ большое дѣвичье училище (съ 1641 г.) [3]). И въ самой Россіи были школы, но „иноземныя“. Въ Москвѣ существовала при лютеранской церкви въ нѣмецкой слободѣ школа для дѣтей обоего пола“ [4]). Въ ней обучали русскому, нѣмецкому, французскому, латинскому языкамъ, исторіи, географіи, чистой математикѣ, логикѣ, христіанскому закону. Въ этой школѣ были и русскія дѣти; протестантскіе помѣщики отдавали туда, по словамъ Д. Цвѣтаева [5]), своихъ крѣпостныхъ; военные—татарскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ. Дѣтей приготовляли также въ „комедіанты для царскаго театра въ Преображенскомъ“. Съ 1703

tion des filles. Recueil de réponses aux dames de St. Louis par M-me de Maintenon). T. I, p. 148.

[1]) *Brunetière*. Chronique littéraire (Revue des deux mondes. 1-er novembre 1886).

[2]) *Соловьевъ*. Благодарное воспоминаніе о Ив. Ив. Шуваловѣ (Журналъ Мин—ва Нар. Просв. 1855).

[3]) *Кеппенъ*. Хронологическій списокъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Нар. Просв. съ 1424 г. по 1826 г.—*Krusenstern*, Précis du système des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. 1837.

[4]) Архивъ М—ва Нар. Просв.—Дѣла Главнаго Правленія училищъ. Здѣсь эта школа показана существующею съ 1691 года и переданною, въ числѣ другихъ школъ, Московскому университету изъ Дирекціи училищъ. Въ 1804 году, когда передача совершилась, въ школѣ показано 44 ученика и 24 ученицы. Сколько бывало раньше, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній.

[5]) *Д. Цвѣтаевъ*. Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра (Ж. М. Н. Пр. 1883, октябрь, стр. 199).

года и въ Петербургѣ была евангелическо-лютеранская школа при церкви св. Петра; въ нее принимались дѣти обоего пола; дѣвочекъ, кромѣ общаго съ мальчиками курса наукъ, жена учителя обучала, за особую плату, и рукодѣлію. Нѣмецкія школы существовали и въ другихъ остзейскихъ городахъ: Нарвѣ, Ригѣ; но за время Петра о нихъ не сохранилось свѣдѣній. Кромѣ того при Петрѣ были частныя, для дѣтей обоего пола, школы, въ которыхъ учили читать, „а писать,—говоритъ Вороновъ [1]),—обучали только дѣвушекъ, и то про себя". Приводя это извѣстіе безъ указанія на источникъ, изъ котораго оно взято, Вороновъ основывался вѣроятно на какихъ-нибудь оффиціальныхъ данныхъ; въ томъ что дѣвушекъ учили писать „про себя" онъ видитъ доказательство, „что тогда не считали нужнымъ учить дѣвицъ съ такою основательностью, какъ мальчиковъ, и что ихъ учили письму для домашняго, такъ сказать, обихода".

Обученіе письму и при Петрѣ не считалось у насъ обязательнымъ при обученіи грамотѣ вообще, а обыденное приложеніе къ дѣлу умѣнья писать подвергалось всякаго рода ограниченіямъ, особенно по отношенію къ учащимся. Въ Инструкціи, данной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ основанной имъ при Александро-невской лаврѣ школѣ, ученикамъ запрещалось писать письма: „если кто и доброе что̀ напишетъ, будетъ наказанъ какъ бездѣльникъ" [2]). При учрежденіи Александро-невскаго монастыря Петръ велѣлъ составить уставъ монашескаго житія, который и былъ напечатанъ въ 1723 г. Въ § 5 Устава было сказано: „а писемъ никакихъ по кельямъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ безъ собственнаго вѣдѣнія Настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ никому не писать и грамотокъ не принимать, кромѣ вѣдѣнія Настоятеля по духовнымъ и гражданскимъ регуламъ, чернилъ и бумаги не держать кромѣ тѣхъ, которымъ собственно отъ Настоятеля для общей духовной пользы позволится... А ежели которому брату что̀ потребно писать, въ трапезѣ общею чернилицею и на бумагѣ общей, за собственнымъ Настоятеля позволеніемъ да пишетъ" [3]).

[1]) *Вороновъ.* Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. Составлено по порученію г. Попечителя С.-Пет. учеб. окр. Т. Сов. М. Н. Мусина-Пушкина. 1849. Стр. 5.

[2]) *Сухомлиновъ.* Исторія русской Академіи. Вып. 3-й (Біографія Котельникова, стр. 3. Сборникъ отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. 16-й).

[3]) Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга отъ начала заведенія его съ 1703 г. по 1751 г., сочиненное г. Богдановымъ, со многими

Вообще при обученіи грамотѣ въ частныхъ школахъ письмо, какъ въ старину, такъ и при Петрѣ, считалось роскошью, за которую къ тому же надо было платить особо. Кто хотѣлъ выучиться письму для какой-либо практической цѣли, тотъ шелъ въ школу, гдѣ этому обучали болѣе искусные люди, нежели простые грамотѣи и церковники. Для женщинъ такихъ практическихъ цѣлей быть не могло; поэтому имъ не требовалось спеціальнаго обученія письму, которому онѣ могли научиться у перваго попавшагося грамотника, умѣющаго кое-какъ выводить каракули. Въ этомъ смыслѣ, намъ кажется, и слѣдуетъ понимать выраженіе, что женщинъ учили писать „только про себя“.

О частныхъ русскихъ школахъ, существовавшихъ при Петрѣ, дошло до насъ мало свѣдѣній. Нѣкоторое понятіе о нихъ даютъ извѣстія, полученныя уже въ нашемъ столѣтіи, когда въ концѣ 50-хъ годовъ правительство, озабочиваясь вопросомъ о народномъ образованіи, собрало данныя о положеніи его въ разныхъ губерніяхъ [1]). По оффиціальнымъ изслѣдованіямъ оказалось, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи были школы, возникшія вѣроятно гораздо раньше XVIII вѣка. Расколъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ поддерживалъ и распространялъ у насъ грамотность въ народѣ. Поэтому и большинство существовавшихъ при Петрѣ въ губерніяхъ частныхъ школъ были раскольничьи. Въ началѣ XVIII вѣка на сѣверо-востокѣ Россіи была Лексинская обитель, служившая разсадникомъ и женскаго образованія по старинѣ. Раскольницы, также какъ и раскольники, разъѣзжали по Россіи въ качествѣ проповѣдницъ и учительницъ народа. Обучали онѣ чтенію, письму, пѣнію и распространяли свое ученіе, нерѣдко подвергаясь за это жестокимъ наказаніямъ [2]). Въ раскольничьихъ, даже ничтожныхъ, скитахъ были „грамотни“, гдѣ учили преимущественно женщины-мастерицы мальчиковъ и дѣвочекъ одинаково. Какъ ни преслѣдовало правительство такія школы, но онѣ держались, и народъ имъ вѣрилъ. Даже въ Варшавскомъ округѣ, въ городѣ Сувалкахъ, гдѣ въ разное время, особенно при Петрѣ, еще селились раскольники, мастера и мастерицы учили дѣтей по старымъ книгамъ и приготовляли начетчиковъ и начетчицъ [3]).

изображеніями первыхъ зданій и нынѣ дополненное и изданное Надв. Сов., правящимъ должность Директора надъ Новороссійскими училищами... Васильемъ Рубаномъ. 1779. Изд. 1-е, стр. 337.

[1]) Эти свѣдѣнія напечатаны въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія разныхъ годовъ.

[2]) *Есиповъ*. Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. 1863. Т. II.

[3]) Русскія школы и обученіе русскому языку въ Привислянскомъ краѣ до изданія указовъ 30 августа 1864 г. (Журналъ М. Н. Пр. 1875).

Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Черниговской губерніи, по словамъ М. Сухомлинова [1]), было 370 школъ, возникшихъ не вслѣдствіе принужденія или вліянія извнѣ, а по потребности въ нихъ мѣстнаго населенія. Въ 1726 году, въ Арзамасѣ, воевода Стольникъ князь Добринскій открылъ на свой счетъ школу, въ которой самъ училъ безплатно до 1730 года, т.-е. до восшествія на престолъ Анны Ивановны. Арзамасская школа закрылась въ 1732 году по случаю смерти дочери князя Добринскаго, и тогда за обученіе взялись мастерицы, бравшія по 2 и по 3 коп. за обученіе одного листочка Часослова [2]).

Вездѣ въ то время, когда производилась ревизія школъ [3]), число учеиицъ было гораздо меньше числа учениковъ, но какъ было въ старину, объ этомъ можно судить по немногимъ, отрывочнымъ даннымъ. По донесенію смотрителя Нѣжинской городской школы, въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ осмотрѣнныхъ имъ дьячковскихъ школахъ, учащихся было: у соборнаго дьячка 30; у пономаря 7 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ; у дьячихи 5 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ; у старовѣрческаго майстера 6 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, да кромѣ того учили монахи и монахини, вдовы казачки и пр. [4]). Дьячекъ Московской церкви Адріана и Наталіи, показывая въ 1749 году въ консисторіи, что дочь обвинителя училась у его жены словесной грамотѣ и письму, сказалъ, что у его жены обучалось ежегодно по 20-ти и болѣе дѣтей [5]). На распространеніе грамотности въ народѣ среди женщинъ вліяли такія случайныя причины, какъ напримѣръ въ селѣ Бетькахъ, Казанской губерніи, гдѣ помѣщики налагали на замужнихъ крестьянокъ урокъ вдвое больщій, чѣмъ на дѣвушекъ; поэтому дѣвушки старались не выходить замужъ, и, не обремененныя слишкомъ тяжелыми работами, свободное время отдавали изученію грамоты. Такъ явились первыя грамотницы въ Бетьковскомъ помѣщичьемъ приходѣ [6]). Въ деревняхъ не помѣщичьихъ ихъ не было.

Кромѣ такихъ школъ, въ разныхъ губерніяхъ были еще школы,

[1]) *М. Сухомлиновъ.* Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи (Журналъ М. Н. Пр. 1864).

[2]) Журналъ М. Н. Пр. 1849 г.

[3]) Ревизіи производились въ губерніяхъ: Владимірской (1860 г.), Черниговской (1860 и 1862), Вологодской (1865), Оренбургской (1875). Были и другія въ разное время.

[4]) *М. Сухомлиновъ.* Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи.

[5]) *Владимірскій-Будановъ.* Государство и народное образованіе въ Россіи.

[6]) Журналъ М. Н. Пр. 1869. О состояніи грамотности въ селѣ Бетькахъ (Казанскія Губ. Вѣд. 1868. № 26).

въ томъ числѣ и женскія, при церквахъ, монастыряхъ и общинахъ.

Въ числѣ указовъ Петра по народному образованію есть одинъ, прямо касающійся женскаго обученія при монастыряхъ. Этотъ указъ—отъ 24 января 1724 года [1]). Имъ опредѣляются двѣ цѣли для монашества. Одна изъ нихъ—служеніе страждущему человѣчеству—предписана и монахинямъ. Онѣ должны были служить нищимъ, престарѣлымъ и больнымъ своего пола, а также воспитывать сиротъ обоихъ половъ. Мальчиковъ и дѣвочекъ монахини должны были кормить до 5-ти-лѣтняго возраста, а съ 5 лѣтъ обучать ихъ грамотѣ. Но мальчики, по указу Петра, могли оставаться въ женскомъ монастырѣ лишь до 7 лѣтъ [2]), послѣ чего ихъ слѣдовало отсылать въ опредѣленныя, въ выведенныхъ для того особыхъ монастыряхъ, школы; а дѣвочекъ кромѣ грамоты монахини обязывались обучать разнымъ мастерствамъ: пряжѣ, шитью, плетенію кружевъ [3]).

Зная, что преобразовывая монашество, Петръ имѣлъ въ виду дать практическую цѣль монастырямъ, какъ мужскимъ, такъ и женскимъ, можно думать что ему естественно пришла мысль обязать монахинь воспитывать и быть первыми учительницами дѣтей-сиротъ. Въ такомъ случаѣ Петръ, издавая указъ 1724 г., только узаконилъ бы древне-русскій обычай. Поэтому нѣтъ нужды предполагать что и въ этомъ онъ взялъ образецъ съ запада. Но мысль Петра—сдѣлать духовенство дѣятельнымъ, дать ему общественную цѣль на пользу и въ помощь человѣчеству, это та же мысль, изъ которой, вслѣдствіе сильнаго стремленія католической западной церкви возвратить себѣ прежній, поколебленный реформаціею, авторитетъ, скоро послѣ нея въ католическихъ странахъ

[1]) Полное Собр. № 4450.

[2]) По позднѣйшему указу 1738 года срокъ этотъ продленъ до 10-ти-лѣтняго возраста. *Владимірскій-Будановъ.* Гос. и нар. образ.

[3]) Мысль объ отдачѣ „нищенскихъ" дѣтей женскаго пола въ монастыри „для ученія" была высказана еще при царѣ Θедорѣ Алексѣевичѣ, въ проектѣ къ дополненію его указа 1682 года объ общественномъ призрѣніи. Самый указъ не былъ приведенъ въ исполненіе за смертью царя, послѣдовавшей въ томъ же году. Поэтому вѣроятно онъ не вошелъ и въ полное собраніе законовъ, а найденъ въ рукописи между старыми дѣлами и помѣщенъ въ сочиненіи бывшаго директора хозяйственнаго департамента министерства полиціи, *Стогова:* „О началѣ устроенія и распространенія въ Россіи общественнаго призрѣнія". Въ проектѣ дополненія къ означенному указу приводятся, между прочимъ, образцы устройства „нищенскихъ дѣтей, робятъ и дѣвокъ, которые по улицамъ бродятъ милостыни просить" на западѣ, гдѣ, говорится въ проектѣ, для нихъ построены „дворы, въ которыхъ перво изуча ихъ грамотѣ, научаютъ ремеслу, какому кто похочетъ, а дѣвокъ отдаютъ по монастыремъ для ученія-жъ".

Европы возникъ цѣлый рядъ учрежденій, проникнутыхъ духомъ милосердія и желаніемъ облегчить страданія, тѣлесныя и душевныя. Выкупъ плѣнныхъ, заботы о больныхъ, голодныхъ, сиротахъ, просвѣщеніе невѣжественныхъ массъ бѣднаго люда на томъ основаніи, что „хорошее воспитаніе равносильно постоянной милостынѣ“ [1]),—эти цѣли были поставлены западною церковью на первый планъ, и дѣятельными помощницами въ этомъ дѣлѣ явились женщины.

У насъ нѣчто подобное, но въ гораздо болѣе узкихъ рамкахъ, выразилось при учрежденіи императрицею Екатериною I ордена св. Екатерины, такъ-называемаго „о освобожденіи“, въ память „знатной и кровавой баталіи Прутской также и въ память всѣхъ прочихъ освобожденій предшествующихъ предсимъ“. Въ Уставѣ 1713 года [2]) объ учрежденіи ордена Екатерина говоритъ, что учреждаемый ею „орденъ кавалеріи будетъ сочиненъ изъ дамъ честныхъ и богобоязненныхъ, замужнихъ и безъ замужнихъ“, и далѣе: „Въ знакъ любви и почтенія къ царю, ему вручаю“. Обязанности, возлагаемыя уставомъ 1713 года на дамъ, были слѣдующія: 1) благодарить Бога по вся дни за милостивое освобожденіе, которое онъ донынѣ даровалъ Его Царскому Величеству, моему Государю; 2) молить Бога по вся дни о соблюденіи его освященной особы, о здравіи его и всей царской фамиліи; 3) по вся воскресные дни проговаривать трижды: „Отче нашъ“ въ честь св. Троицы; 4) трудиться сколько возможно о превращеніи нѣсколькихъ невѣрныхъ къ вѣрѣ нашей, употребляя къ тому добропорядочные способы и увѣщанія, а отнюдь никакимъ угрожденіемъ ниже понужденіемъ; 5) освободить одного христіанина изъ порабощенія варварскаго, выкупая за свои деньги. Сверхъ того каждая дама должна была дать торжественное обѣщаніе „пребыть вѣрной Его Царскому Величеству и въ томъ, что никогда она не сообщится ни въ какой умыселъ противъ его особы, ни противъ его власти Самодержавной“.

Впослѣдствіи, уже въ самомъ концѣ XVIII вѣка, изъ этого

[1]) *Paul Rousselot*. Histoire de l'éducation des femmes en France. T. I. Remontrances à M. M. les Prévosts des marchands Echevins et principaux habitants de la ville de Lyon. Pp. 318—319.

[2]) Архивъ IV Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцелярія. При печатномъ уставѣ 1713 г. ордена св. Екатерины находится слѣдующее указаніе: „Изъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 1775. Семенъ Салтыковъ графамъ Андрею Ивановичу и Алексѣю Михайловичу“. „Сего 25 апрѣля Синоду приказалъ отыскать богословскую книгу, имѣющуюся въ Спасскомъ монастырѣ. Она письменная на латинскомъ языкѣ. Тамъ копія съ печатнаго Устава 1713 г. объ учрежденіи ордена св. Екатерины“.

учрежденія ордена св. Екатерины возникли въ Россіи женскія учебныя заведенія и къ обязанностямъ кавалерственныхъ дамъ была прибавлена забота и попеченіе объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ первоначальномъ уставѣ въ кругъ дѣятельности дамъ не входило призрѣніе и воспитаніе бѣдныхъ и сиротъ. Между тѣмъ на западѣ просвѣщеніе именно бѣдныхъ дѣвушекъ было одною изъ главныхъ формъ дѣятельнаго милосердія, и забота объ этомъ породила учительныя конгрегаціи, преимущественно женскія [1]). Съ самыхъ послѣднихъ годовъ XVI вѣка на западѣ стали возникать женскіе ордена: въ Миланѣ—Урсулинокъ; нѣсколько позже, въ Вогезахъ—Августинокъ; еще позже, на югѣ Франціи—Визитинокъ и много другихъ подъ различными наименованіями. Основатели и основательницы женскихъ учительныхъ орденовъ настояли, чтобы монахиня прежде всего была воспитательницей и учительницей, и чтобы вновь основанные монастыри существовали при школахъ, а не школы при монастыряхъ, какъ это было въ средніе вѣка. Поэтому учредители упомянутыхъ женскихъ орденовъ ревностно заботились объ образованіи изъ монахинь хорошихъ учительницъ, и прежде чѣмъ поручать имъ обученіе дѣтей, обучали ихъ самихъ [2]).

У насъ, при изданіи указа 1724 года о воспитаніи и обученіи сиротъ при женскихъ монастыряхъ, имѣлось въ виду не доставленіе дѣвушкамъ бѣднаго класса возможности получить хорошее воспитаніе и обученіе, а то, чтобы дать монахинямъ полезное для общества назначеніе. Поэтому у насъ ни правительство, ни церковь не заботились о томъ, въ состояніи ли наши монахини исполнить эту задачу. Знаніе грамоты у нихъ очевидно предполагалось, а родители изъ небогатыхъ и незнатныхъ дворянъ

[1]) Если хорошее наставленіе (instruction) необходимо для бѣдныхъ мальчиковъ, оно также, для славы Божьей и общаго блага, необходимо дѣвушкамъ, полъ которыхъ еще больше нуждается въ поддержкѣ добродѣтелью, ибо онъ слабѣе, и отъ хорошаго ихъ начала зависитъ счастливый ихъ конецъ“ (Remontrances à M. M. les Prévosts и пр. Hist. de l'éduc. des femmes en France, pp. 318—319).

[2]) Августинокъ обучали по программѣ, начертанной основателемъ ордена (Фурье) слѣдующимъ предметамъ: катехизису, любви и добродѣтели, добрымъ дѣламъ, христіанскимъ нравамъ, вѣжливости и приличію; чтенію, письму, ариѳметикѣ, шитью и рукодѣліямъ, которыя могли бы служить и средствомъ для поддержки существованія въ случаѣ нужды. Рядомъ съ этимъ августинокъ учили составлять формы разныхъ квитанцій и счетовъ, также писать дѣловыя письма, воззванія къ добрымъ дѣламъ и предпріятіямъ, утѣшительныя посланія и пр.—все это въ видѣ сочиненій на разные благочестивые сюжеты. Ихъ пріучали также говорить народнымъ мѣстнымъ языкомъ. Монахини содержали и публичныя школы, куда принимались всѣ дѣвушки безплатно; но преимущественное вниманіе обращалось на бѣдныхъ, какъ на „вѣроятныхъ наслѣдницъ царствія небеснаго“. Hist. de l'éduc. des f. en France. T. I, p. 326.

охотно отдавали дѣтей въ женскіе монастыри для обученія. Какъ и чему учили наши монахини и вообще какое образованіе давали дѣвушкамъ средняго класса въ XVIII вѣкѣ, объ этомъ у насъ есть положительныя свѣдѣнія въ запискахъ русскихъ людей.

Даниловъ (род. въ 1722 г.) сынъ дворянина, выучился азбукѣ семи „или болѣе“ лѣтъ у сельскаго пономаря и продолжалъ ученіе въ домѣ своей родственницы, вдовы, Матрены Петровны, вмѣстѣ съ ея племянникомъ. Матрена Петровна жила близъ Тулы, сама грамоты не знала, но любила, разложивъ передъ собою на столѣ большую книгу, водить по ея страницамъ пальцемъ, произнося при этомъ наизустъ псаломъ [1]). О развитіи Матрены Петровны можно судить по тому, что, какъ говоритъ Даниловъ, въ ея домѣ всякій день была драка; какъ только подавали на столъ любимыя вдовою щи, приводили готовившую ихъ кухарку и сѣкли ее все время пока вдова ѣла. Ученіе Данилова заключалось въ чтеніи Часослова и Псалтыри. У Матрены Петровны въ домѣ учились и двѣ сестры Данилова; старшая, Анна (род. въ 1710 г.), выучилась читать, писать, россійской грамматикѣ и, по словамъ Данилова, читала много церковныхъ книгъ и исторій, „почему и знала многое, касающееся до закона“.

Бибиковъ (род. въ 1729 г.) учился у бабки и тетки, монахинь Зачатейскаго монастыря, которыя заботились о томъ, чтобы дать ему наилучшее воспитаніе и образованіе. Живя у нихъ, Бибиковъ выучился и французскому языку [2]).

Но всего болѣе подробностей касательно обученія въ женскомъ монастырѣ и вообще монахинями сообщаетъ А. И. Тимковскій [3]). Хотя его свѣдѣнія относятся уже ко второй половинѣ XVIII столѣтія, но они рисуютъ старые, издавна установившіеся педагогическіе пріемы монахинь.

Тимковскій былъ сынъ полковаго есаула въ Переяславскомъ полку. Грамотѣ (церковно-славянской) выучила его мать, а потомъ, вмѣстѣ съ старшею сестрою, двоюроднымъ братомъ и двоюродною сестрою которая ужъ знала грамоту, его отдали, по общему семейному совѣту, въ ученіе за десять верстъ въ Золотоношскій женскій монастырь, гдѣ у монахини Варсонофіи былъ родъ пансіона. Варсонофія была изъ дворянокъ, уставщицею праваго клироса. Но она только наблюдала за ученіемъ, а учила ея племянница, монахиня Ипполита, 28 лѣтъ. Объ ея знаніяхъ и о ней

[1]) Записки артиллеріи маіора *М. В. Данилова*, написанныя имъ въ 1771 г. Изд. П. М. Строевымъ. 1842, стр. 42.

[2]) Записки о жизни и службѣ Ал. Ив. Бибикова.—*А. А. Бибиковъ*. 1865.

[3]) Мое опредѣленіе въ службу (Москвитянинъ. 1852. Т. V).

самой Тимковскій сообщаетъ только, что она была клирошанкой, гладко читала проповѣди и особенно искусно „выбивала подъ звонъ неровными молоточками въ висящую въ колокольнѣ на столбахъ, на двухъ цѣпяхъ, концами книзу, бронзовую полукруглую доску“. Это особенно нравилось въ ней дѣтямъ. Какъ шло ученіе въ пансіонѣ Варсонофіи, Тимковскій не сообщаетъ; но дѣтей скоро отъ нея взяли и отдали „въ науку чтенія“ къ дальней свойственницѣ дяди Тимковскаго, пріѣхавшей изъ Кіева монахинѣ Іорданскаго монастыря, Анфисѣ, которая сама вызвалась учить дѣтей. Анфиса была изъ учениць Флоровскаго монастыря, 36 лѣтъ. Это была учительница строгая. Она разсказывала дѣтямъ библейскія повѣсти и лежа на постели пѣла духовные распѣвы, которые дѣти, по ея приказанію, должны были за нею повторять. Въ это время Анфиса водила рукою въ тактъ и на такомъ занятіи обыкновенно засыпала. По субботамъ она ходила съ дѣтьми въ церковь, гдѣ двоюродная сестра Тимковскаго, Софья, читала передъ обѣдней паракластъ, а дѣти пѣли „аллилуйя“. Анфиса и лечила: отъ испуга она велѣла перевернуть Елисею (двоюродному брату Тимковскаго) рубаху наизнанку и пазухой назадъ; такъ онъ долженъ былъ ходить три дня. Весной съ Анфисой оставались однѣ дѣвочки, которыхъ она учила по молитвеннику съ канонами, также шитью. Должно быть обученіе даже простой грамотѣ при такомъ способѣ ученія, недалеко ушедшемъ отъ „курлы́-мурлы́“ и „дьявола съ хвостомъ“ раскольничьихъ мастерицъ, подвигалось плохо, ибо мальчиковъ взяли у Анфисы и отдали одного въ домъ къ знакомымъ, а другого къ дьячку для изученія Часослова.

Но какъ бы то ни было, однако женскіе монастыри, вмѣстѣ съ раскольничьими частными школами, были у насъ единственными непрерывными проводниками грамотности среди женскаго населенія. Они были и единственными воспитательными для женщинъ заведеніями, о которыхъ въ теченіе всей нашей исторіи, до Императрицы Екатерины II, было упомянуто въ законодательномъ актѣ.

Впрочемъ былъ еще указъ, въ которомъ упоминается о школахъ для женщинъ. Это указъ 25 іюля 1729 года, о вольныхъ нищихъ [1]). Имъ предписывается бѣглыхъ помѣщичьихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, пойманныхъ въ Петербургѣ во время ненахожденія тамъ помѣщика, отдавать на время сношенія съ нимъ въ школу, а по заявленіи помѣщика брать обратно со взысканіемъ съ него

[1]) Полное Собр. З. № 5450.

истраченныхъ на содержаніе дѣтей казною денегъ. Очевидно тутъ относительно дѣвочекъ подразумѣвались тѣ же такъ называвшіяся „сиротскія“ школы при монастыряхъ, ибо къ частнымъ школамъ такое распоряженіе не могло относиться, а правительственныхъ, для дѣвочекъ, не было.

Кромѣ этихъ указовъ, уже при императрицѣ Елизаветѣ, въ 1743 году состоялся указъ [1]), которымъ повелѣвалось „дворянамъ и вольнымъ людямъ обучать дѣтей своихъ прежде обученія русскимъ книгамъ, букварю и катехизису и упражнять въ чтеніи церковныхъ книгъ, дабы узнавъ чрезъ это христіанскую должность и догматы православной вѣры, могли право поступать и охранять себя отъ иновѣрныхъ развратниковъ“. Повидимому при изданіи этого указа, Елизавета не имѣла въ виду женщинъ, такъ какъ, послѣ приведенныхъ нами словъ, въ указѣ прибавлено, что за необученіе означеннымъ предметамъ родителей будутъ штрафовать, а дѣтей „не повышать въ чины“. Но двадцать лѣтъ спустя послѣ изданія указа 1743 года, на него ссылались какъ на обязательный для дѣтей обоего пола, и въ этомъ смыслѣ высказался Сенатъ [2]). При Елизаветѣ же послѣдовалъ и другой указъ, касающійся спеціальнаго образованія женщинъ. Указъ этотъ 1754 г. [3]) былъ вызванъ предложеніемъ лейбъ-медика Кондоиди объ учрежденіи въ Москвѣ и Петербургѣ по одной школѣ для образованія присяжныхъ повивальныхъ бабокъ. Предполагалось обучать на первый разъ въ Москвѣ 15 учеництъ, и въ Петербургѣ 10; а потомъ учредить по одной такой школѣ въ губернскихъ городахъ и позже въ провинціяхъ [4]).

Въ нашемъ законодательствѣ упоминается о повивальныхъ бабкахъ и раньше. Въ 1689—1699 г. было постановлено „казнить смертью повивальныхъ бабокъ за умерщвленіе младенцевъ, родившихся уродами“ [5]), но объ обученіи ихъ не думали, и повивальныя бабки всегда отправляли свое ремесло навыкомъ, какъ это дѣлается и теперь въ деревняхъ. Указомъ 1754 года положено было обучать ихъ повивальному искусству и для этой цѣли опредѣлить въ проектированныя для повивальныхъ бабокъ

[1]) Полное Собр. З. № 8727.

[2]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XXVI, стр. 32?.

[3]) Полное Собр. З. № 10214.

[4]) *Гр. Дм. А. Толстой*. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года. 1883.—П. С. З. № 10214.

[5]) П. С. З. Т. III, ст. 1964.

школы акушеровъ [1]), или, какъ ихъ тогда называли, „докторовъ бабичьяго дѣла“ [2]).

Этими четырьмя указами исчерпывается все наше законодательство по женскому образованію за первыя 900 лѣтъ нашей исторіи.

Но уже при Елизаветѣ Петровнѣ появились частные пансіоны, большинство которыхъ содержали иностранцы и преимущественно французы и француженки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учились и даже содержались мальчики и дѣвочки вмѣстѣ; другіе были для дѣтей какого-нибудь одного пола. Отдѣльные пансіоны для мальчиковъ или для дѣвочекъ появились позже, а сначала заводились общіе. Въ нихъ принимались дѣти и взрослые; опредѣленнаго, систематическаго курса не было, ученики и ученицы оставались большею частью лишь нѣкоторое время, приходили и уходили, когда имъ вздумается. Объ одномъ изъ такихъ пансіоновъ, считавшемся въ 1749 году лучшимъ въ Петербургѣ, разсказываетъ Болотовъ [3]), который самъ учился въ этомъ пансіонѣ, содержавшемся кадетскимъ учителемъ Ферре. Между приходившими въ пансіонъ учиться была одна „нарочитаго уже возраста дѣвушка, дочь какой-то маіорши“. „Помню“,—говоритъ Болотовъ,—„что она при мнѣ недолго училась, а и прочіе изъ приходящихъ часто перемѣнялись и то прибывали, то убывали“. Большинство пансіоновъ находилось въ столицахъ, но были и въ другихъ городахъ. Державинъ въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка учился въ пансіонѣ, который содержалъ въ Оренбургѣ нѣмецъ Розе, со-

[1]) Интересно, что этотъ законъ вышелъ у насъ въ то время, когда на западѣ въ медицинскомъ мірѣ произошла маленькая революція, вызванная появленіемъ акушеровъ въ профессіи, которая до конца XVII вѣка считалась принадлежностью женщинъ. Врачи раздѣлились въ мнѣніяхъ на этотъ вопросъ и одна изъ знаменитостей того времени во Франціи, Филиппъ Геке (Hecquet) счелъ себя, по своему положенію въ медицинскомъ мірѣ, обязаннымъ высказаться, что́ онъ и сдѣлалъ въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: De l'indécence aux hommes d'accoucher les femmes. Ouvrage dans lequel on fait voir par des raisons de physique, de morale et de médecine que les mères n'exposeraient ni leurs vies ni celles de leurs enfants en se passant ordinairement d'accoucheurs et de nourrices“ (О неприличіи мужчинамъ оказывать женщинамъ помощь при родахъ. Сочиненіе, въ которомъ доказывается доводами физики, морали и медицины что матери не подвергали бы опасности свою жизнь, а равно и жизнь своихъ дѣтей, еслибы обыкновенно обходились безъ акушеровъ и кормилицъ). Сочиненіе это въ первый разъ появилось около половины XVIII вѣка и потомъ выдержало нѣсколько изданій. Послѣднее изданіе было въ 1881 году въ Брюсселѣ (Le Livre. 1881).

[2]) *Чистовичъ.* Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. 1883, стр. 198, 317.

[3]) Жизнь и приключенія *Андрея Болотова,* описанныя самимъ имъ, для своихъ потомковъ. 1738—1793. Т. I. Письма 10 и 11, стр. 104—105.

сланный туда въ каторжную работу. Въ этомъ пансіонѣ учились дѣти обоего пола и притомъ, по словамъ Державина, „лучшихъ благородныхъ людей“ [1]). О томъ каково было ученіе у Розе, можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующей характеристики учителя. „Сей наставникъ“—говоритъ Державинъ—„кромѣ того, что нравовъ былъ развращенныхъ, былъ и жестокъ; онъ наказывалъ своихъ учениковъ не только самыми мучительными, но и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно“. Ко всему этому Розе, по свидѣтельству Державина, былъ и невѣжда.

Судить о томъ, чему учили дѣвушекъ въ пансіонахъ, можно изъ слѣдующихъ объявленій о нихъ [2]): „1757 г. Г. де-Лаваль съ женою беретъ дѣвицъ для обученія французскому языку, географіи, исторіи, рисованію, ариѳметикѣ.—1758 г. Двѣ француженки открыли французскую школу для женщинъ, которыхъ будутъ обучать: нравоученію, исторіи, географіи, кто пожелаетъ ариѳметикѣ, музыкѣ, танцамъ, рисованію, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ.—Француженка Ришаръ будетъ обучать французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и прочему, что касается до добраго воспитанія.—Мадамъ де-Мога (въ Москвѣ) объявила: если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія французскому языку и географіи, то она не преминетъ удовольствовать, показывая притомъ благородные поступки, пристойные къ ихъ природѣ.—1760 г. Мадамъ Сиринъ начала обучать малыхъ дѣтей обоего пола французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ“.

Для вопроса о женскомъ образованіи не лишено нѣкотораго значенія то еще, что при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, цесаревна Елизавета Петровна и ея фрейлина (впослѣдствіи статсъ-дама, вышедшая замужъ за П. Шувалова) Мавра Егоровна Шепелева занимались литературою. Цесаревна писала стихи и слагала народныя пѣсни [3]), а Шепелева написала большую комедію на малороссійскомъ языкѣ [4]).

[1]) Записки *Г. Державина* (Соч. съ примѣчаніями Я. Грота. Т. VI, стр. 415).

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XXVI, стр. 320—321.

[3]) Пѣсни собр. *В. П. Кирѣевскимъ,* изд. Общ. люб. росс. слов. подъ ред. и съ дополн. П. А. Безсонова. Вып. 9, стр. 197, 204.

[4]) Р. Архивъ, 1865, стр. 343. Черты изъ жизни императрицы Елизаветы Петровны.

При Елизаветѣ нѣкоторые родители, правда немногіе, стали проявлять дѣйствительную заботливость о томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ возможно лучшее образованіе; оно должно было, по ихъ мнѣнію, заключаться преимущественно въ обученіи дѣтей иностраннымъ языкамъ и сообщеніи имъ вкуса къ чтенію книгъ. Такое образованіе давалось въ семьѣ канцлера Воронцова, гдѣ вмѣстѣ съ его дочерью (впослѣдствіи графинею Строгановою) воспитывалась и его племянница, княгиня Е. Р. Дашкова (въ замужествѣ). По ея словамъ, дядя ничего не щадилъ, чтобы доставить имъ лучшихъ учителей. „И согласно съ тѣмъ временемъ"—говоритъ Дашкова [1])—„мы были воспитаны превосходно. Насъ учили четыремъ языкамъ, и по-французски мы говорили свободно; государственный секретарь преподавалъ намъ итальянскій языкъ, а Бехтеевъ давалъ уроки русскаго, какъ мы плохо ни занимались имъ. Въ танцахъ мы оказали большіе успѣхи, и нѣсколько умѣли рисовать. Съ такими претензіями и наружнымъ свѣтскимъ лоскомъ, кто могъ упрекнуть наше воспитаніе въ недостаткахъ?... Но что̀ было сдѣлано для образованія характера и умственнаго развитія?"—спрашиваетъ Дашкова. Впрочемъ она воспользовалась знаніемъ иностранныхъ языковъ для довершенія своего образованія и еще въ молодости стала читать серьезныя книги. Въ этомъ княгиня Дашкова представляла исключеніе не только среди женщинъ, но и среди мужчинъ Елизаветинскаго времени. Вообще она была первою, и въ продолженіе очень долгихъ лѣтъ оставалась единственною русскою женщиною, образованною въ европейскомъ смыслѣ.

Въ такомъ положеніи находилось у насъ женское образованіе передъ самымъ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II.

[1]) Записки княгини *Е. Р. Дашковой*, писанныя ею самой. Пер. съ англ. 1859, стр. 7.

IV.

Дѣло женскаго воспитанія и образованія на западѣ ко времени вступленія императрицы Екатерины II на престолъ. — Теоріи воспитанія и обученія вообще, выработанныя на западѣ во второй половинѣ XVIII вѣка.—Теоріи женскаго образованія и воспитанія въ частности. — Женское образованіе на западѣ въ XVI вѣкѣ.—Вопросъ о женскомъ воспитаніи и образованіи въ западной литературѣ.—Сочиненіе картезіанца де-ла-Барръ.—Программа женскаго образованія аббата Флери.—Сочиненіе Фенелона: „Education des filles.—Сен-Сиръ. — Попытки подражать ему послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ.—Аббатъ де С. Пьеръ и его проектъ.

Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ дѣло императрицы Екатерины II по отношенію къ образованію русскихъ женщинъ, необходимо взглянуть: въ какомъ положеніи находилось это дѣло на западѣ ко времени ея вступленія на престолъ; были ли тамъ выработаны какія-либо теоріи женскаго воспитанія, были ли образцы, которые императрица могла имѣть въ виду, основывая въ Россіи на государственныя средства учебное заведеніе для средняго образованія русскихъ женщинъ.

Относительно теорій воспитанія и обученія вообще, ко второй половинѣ XVIII вѣка, передовыми мыслителями всѣхъ почти націй на западѣ съ эпохи Возрожденія, т.-е. съ XV-го вѣка, стали устанавливаться новые идеалы. Голландецъ Эразмъ Ротердамскій (XV—XVI в.), французъ Монтэнь (XVI в.), нѣмецъ Амосъ Коменскій (XVII), англичанинъ Локкъ (XVII в.) и, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ швейцарецъ Руссо, „Эмиль“ котораго вышелъ въ годъ воцаренія императрицы Екатерины, не упоминая о другихъ, менѣе выдающихся, преемственно трудились надъ педагогическими вопросами и, сходясь каждый въ общей идеѣ со своимъ предшественникомъ, развивали и дополняли ее новыми сторонами.

Такъ были выработаны въ западной литературѣ слѣдующіе педагогическіе принципы: цѣлью воспитанія и обученія должно быть образованіе характера въ человѣкѣ, направленіе его къ

добродѣтели, къ нравственности; нравственность выше учености; воспитаніе должно быть основано на разумѣ, на пониманіи дѣтской природы и личности; воспитаніе и обученіе должны быть естественны и реальны; обученіе должно быть подчинено воспитанію, оно должно служить лишь воспитательнымъ средствомъ, „которымъ надо пользоваться умѣючи“ (Локкъ). Задача обученія состоитъ не въ сообщеніи ребенку извѣстнаго количества знаній, а въ возбужденіи въ немъ самостоятельности; поэтому обученіе должно быть нагляднымъ; лучше обходиться безъ книгъ, „безъ грамматикъ и правилъ, безъ розогъ и слезъ“ (Монтэнь). Ученіе надо дѣлать пріятнымъ, чтобы оно казалось ребенку отдыхомъ, а не трудною работою; не принуждать къ нему силою, предоставлять въ этомъ отношеніи свободу дѣтямъ и не стѣснять ихъ независимости; дисциплина при воспитаніи должна не подавлять и уничтожать личность ребенка, а напротивъ, возбуждать и возвышать ее; дисциплинарными средствами должны быть: похвала, особенно въ присутствіи другихъ, и порицаніе наединѣ; воспитывать должно собственнымъ примѣромъ, любя дѣтей; показывать имъ, что въ предъявляемыхъ къ нимъ требованіяхъ старшіе руководствуются не прихотью и произволомъ, а разумностью и доброжелательствомъ; воспитаніе должно начинаться съ первыхъ лѣтъ жизни ребенка, чтобы не дать времени пороку укорениться въ немъ; надо удалять дѣтей отъ дурнаго общества, въ которомъ они могутъ заразиться.

Наконецъ, въ XVII вѣкѣ былъ провозглашенъ Локкомъ принципъ, на который еще раньше указывали Эразмъ и Монтэнь: важность физическаго воспитанія, высшею цѣлью котораго Локкъ поставилъ образовать „здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ“. Для физическаго воспитанія необходимы тѣлесныя упражненія: гимнастика, игры, бѣганье и пр., которыя, кромѣ того, служатъ хорошими воспитательными средствами и потому имъ слѣдуетъ удѣлять много мѣста въ жизни ребенка и юноши.

Всѣ эти принципы, выработанные въ теоріи и признанные лучшими западными людьми, еще нигдѣ ко времени императрицы Екатерины не были примѣнены на практикѣ, по крайней мѣрѣ во всей ихъ совокупности.

Чтò же касается собственно женскаго воспитанія и ученія, то начиная съ XV же вѣка нѣкоторые педагоги пытались осуществить принципъ совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола. Такой принципъ вводилъ въ Италіи Витторино-да-Фельтре [1]).

[1]) *А. Трачевскій.* Историческія основы воспитанія. (Наблюдатель 1889, февр.).

Незадолго до реформаціи въ Любекѣ и Нюрнбергѣ существовали отдѣльныя городскія школы для дѣвочекъ. Въ XVII вѣкѣ въ Германіи же педагогъ Ратихъ пытался ввести новую, изобрѣтенную имъ, систему обученія, примѣняя ее одинаково какъ къ мальчикамъ, такъ и къ дѣвочкамъ. У піэтистовъ дѣвочки учились въ народныхъ школахъ отдѣльно отъ мальчиковъ, а въ знаменитомъ Франковскомъ заведеніи (основанномъ въ 1695 г.) приготовлялись и учительницы [1]).

Но изъ всѣхъ реформаторовъ дѣла, только двое: Эразмъ Ротердамскій и Амосъ Коменскій, обратили вниманіе на образованіе и воспитаніе женщинъ и высказались о немъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Амосъ Коменскій доказывая необходимость образованія для людей всѣхъ званій, состояній, половъ и возрастовъ, мотивировалъ ее для женщинъ тѣмъ, что ихъ надо образовывать для добродѣтели и общаго благосостоянія. „Нѣтъ никакого основанія“, прибавляетъ онъ, „отстранять женскій полъ отъ ученія, происходитъ ли оно на народномъ нарѣчіи или на латинскомъ языкѣ; женщины такія же Божія созданія и часто болѣе насъ одарены умственными способностями и воспріимчивостью къ образованію; за что же оставлять ихъ на азбукѣ и вырывать у нихъ книги изъ рукъ? Опасаемся ли мы легкомыслія? Но чѣмъ болѣе вложимъ мы въ нихъ мыслей, тѣмъ менѣе мѣста останется для легкомыслія; оно происходитъ отъ умственной пустоты“ [2]).

Еще ранѣе XVII вѣка, въ лицѣ Эразма, эпоха Возрожденія выставила цѣлую доктрину женскаго образованія. Авторитетный представитель реакціи противъ средневѣковой системы аскетическаго воспитанія и формальнаго обученія, Эразмъ, „Вольтеръ XVI вѣка“, требовалъ умственной культуры и для женщины. Возлагая на мать обязанности кормленія и физическаго воспитанія дѣтей, онъ видѣлъ въ ней и первую наставницу ихъ. Но не въ этихъ только интересахъ молодаго поколѣнія Эразмъ полагалъ необходимымъ давать женщинамъ образованіе. Онъ его требовалъ во имя самихъ женщинъ... „Супруги должны не только любить, но и уважать другъ друга. А какъ уважать женщину невѣжественную, праздную, лѣнивую? [3])... Обучать женщину рукодѣ-

[1]) *Модзалевскій.* Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 1874. Ч. 1.

[2]) *Гр. Д. А. Толстой.* Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. стр. 78. (Прил. къ LIV тому Зап. Имп. Ак. Наукъ. № 1.) 1886.

[3]) Почти полтора вѣка спустя, ту же мысль выразилъ Мольеръ въ Ecole des femmes:

„Oultre qu'il est assez ennuyeux, que je croi,
D'avoir toute sa vie une bête avec soi“.

(Ec. d. f. Acte 1. Scène 1. Oeuvres. 1799. T. II).

ліямъ недостаточно; эти занятія нужны и полезны; но умъ въ нихъ не участвуетъ. Знаніе — вотъ лучшая гарантія нравственности и счастія, лучшее предохранительное средство отъ ошибокъ. Въ знаніи женщина найдетъ не только защиту отъ праздности, но въ немъ мы имѣемъ орудіе провести въ душу молодой дѣвушки правила добродѣтели... Наука трезва и скромна" [1]).

Кладя въ основу образованія женщинъ классическое изученіе греческой и латинской литературы, желая чтобы онѣ обучались и краснорѣчію, Эразмъ не полагалъ предѣловъ ихъ образованію [2]).

Проповѣдь эта не прошла безъ вліянія на современное ей общество. Въ XVI вѣкѣ, когда огромная масса женщинъ оставалась въ полномъ невѣжествѣ, было особенно много ученыхъ и литературно-образованныхъ женщинъ въ средѣ, конечно исключительно, высшихъ и богатыхъ классовъ, которыхъ однѣхъ и имѣлъ въ виду Эразмъ. Не только во Франціи и Италіи, но и въ другихъ странахъ, даже въ Германіи, между женщинами было очень распространено знаніе древнихъ языковъ и литературы [3]). „Міръ перевернулся"—писалъ Эразмъ—„монахи не умѣютъ читать, а женщины читаютъ со страстью". Онѣ не только читали, но писали и проповѣдывали по-латыни въ пользу своего дѣла [4]).

Гдѣ же, однако, могли западныя женщины пріобрѣтать свои знанія? Вѣдь учебныхъ заведеній, даже частныхъ, въ XVI вѣкѣ для нихъ не было, а въ монастыряхъ, гдѣ воспитывались знатныя дѣвушки, свѣтская наука въ XVI вѣкѣ считалась, больше чѣмъ когда-либо, ересью. Но за то въ мірскомъ обществѣ эта наука въ эпоху Возрожденія получила особое распространеніе, благодаря литературному движенію, начавшемуся въ Италіи и охватившему всѣ цивилизованныя страны. Путемъ общаго всѣмъ латинскаго языка, черезъ посредство ученыхъ, поэтовъ, художниковъ всѣхъ національностей, идеи и нравы одной быстро передавались другимъ. Эти представители умственной жизни своего времени, „всемірные граждане" были въ эпоху Возрожденія тѣмъ же, чѣмъ были пѣвцы въ средніе вѣка; только они держали себя

[1]) Dialogues. (Ed. des f. en Fr. T. I, p. 152).

[2]) L'abbé et la femme instruite. (Ed. d. f. en Fr. T. I, p. 157).

[3]) *С. Н. Середонинъ.* Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. (Журналъ М. Н. Пр. 1885, дек., стр. 125).—*Модзалевскій.* Очерки в. и обуч. съ др. времени. Ч. I, стр. 493.—*С. Трачевскій.* Историческія основы воспитанія (Наблюдатель 1889 г., февраль).

[4]) Марія Стюартъ произнесла въ присутствіи короля латинскую рѣчь о способности женщинъ къ наукѣ (Educ. d. f. en Fr. T. I. p. 180).

съ бо́льшимъ достоинствомъ и пользовались бо́льшимъ уваженіемъ и почетомъ въ обществѣ. Коронованныя и знатныя лица старались привлечь ихъ къ себѣ и считали за честь назвать ихъ друзьями дома. Переѣзжая отъ одного двора къ другому или живя подолгу при одномъ дворѣ, представители науки и литературы сообщали окружающимъ культъ ихъ. Женщины не остались въ сторонѣ отъ этого вліянія; напротивъ, группируя вокругъ себя выдающихся людей [1]), и находя въ общеніи съ ними лучшую для себя школу, онѣ, въ свою очередь, вліяли на нихъ. Этому-то вліянію и общенію женщинъ съ избранными умами эпохи и слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что на западѣ съ XVI вѣка литература поставила цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся женщинъ, въ томъ числѣ о женскомъ воспитаніи и образованіи; она же взяла на себя и разработку ихъ. Ниже ли женщина мужчины, или они равны, или она выше его? Какова природа женщинъ и въ чемъ ихъ назначеніе? Способны ли онѣ къ наукѣ? Нужно ли давать имъ образованіе? Чтѐ онѣ должны знать? Какъ ихъ слѣдуетъ воспитывать? Вотъ суть множества сочиненій, появившихся сначала въ популярной литературѣ [2]) XVI вѣка, а потомъ, ужъ въ XVII, въ научной и серьезной формѣ [3]). Большинство такихъ сочиненій появилось во Франціи какъ потому, что Парижъ былъ средоточіемъ умственной жизни въ Европѣ и тамъ печаталась бо́льшая часть литературныхъ и научныхъ изданій, такъ и потому, что Франція, если не по времени (ее опередила Италія), то по интересу, съ которымъ она относилась къ женскому вопросу, благодаря въ значительной степени вліянію, образованности, энергіи французскихъ женщинъ, всегда шла впереди движенія въ пользу ихъ образованія. Но всѣ писавшіе о немъ французы были писателями второстепенными. Изъ первоклассныхъ можно назвать только Мольера, который осмѣивалъ въ своихъ комедіяхъ крайности увлеченія литературной модой, педантство и вообще смѣшныя стороны претендовавшихъ на ученость женщинъ, пренебрегавшихъ, ради занятій ею, всѣми другими своими обязанностями. Рядомъ съ этими типами, однако, Мольеръ выставлялъ

[1]) Первый литературный „салонъ" былъ основанъ въ Ліонѣ извѣстною въ свое время поэтессой Луизою Лабэ около половины XVI вѣка. *Sainte-Beuve*. Nouveaux Lundis. T. IV, p. 301; также его Portraits contemporains. T. V. 1871.

[2]) Сочиненія такого рода смотрѣли, большею частью, на дѣло слегка и относились къ нему игриво, съ традиціонными насмѣшками. Это видно изъ самыхъ заглавій ихъ. См. Educ. d. f. en Fr. T. I, p. 257.

[3]) Первый философъ, писавшій по вопросу въ XVII вѣкѣ, былъ Мальбраншъ; онъ высказался не въ пользу женщинъ, но призналъ, что между ними есть блестящія исключенія. Ed. d. f. en Fr. T. 1, p. 254 - 255.

и другіе, воплощавшіе его идеи о женскомъ образованіи. Это были тѣ же идеи, которыя раньше его формулировала г-жа Скюдери [1]), и послѣ Мольера развивала въ своихъ письмахъ [2]) другая талантливая французская писательница, г-жа Севинье: „женщина не должна быть ни педанткой ни невѣждой“ (ni pédante ni sotte).

Въ средѣ писателей были и горячіе защитники вопроса, на два вѣка опередившіе самыхъ крайнихъ сторонниковъ его въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія. Бельгійскій пасторъ, картезіанецъ, де-ла-Барръ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „De l'égalité des deux sexes“, доказывалъ что мужчины и женщины равны, что анатомія не показываетъ никакого различія въ строеніи мозга обоихъ половъ, что поэтому женщины способны къ изученію всѣхъ наукъ, доступныхъ мужчинѣ [3]). „Такъ какъ“, писалъ онъ, „хорошо исполнять свои обязанности можно лишь тогда, когда мы ихъ знаемъ и понимаемъ, то просвѣщеніе ума есть необходимое условіе нравственности. Къ тому же всѣ люди имѣютъ право на счастіе, основою котораго есть познаніе истины. Поэтому было бы несправедливо отстранять женщинъ отъ науки и образованія“. Въ заключеніе де-ла-Барръ говоритъ: „конечно, намъ показалось бы теперь страннымъ видѣть женщину на каѳедрѣ читающею медицину, или въ судѣ произносящею рѣчь въ качествѣ адвоката, или засѣдающею въ парламентѣ, или командующею арміей, или въ качествѣ посланника обращающеюся съ рѣчью къ государямъ и республикамъ. Но это удивило бы насъ только потому, что представлялось бы необычнымъ. А еслибы при образованіи государствъ, когда учреждались различныя должности, къ ихъ отправленію были бы призваны и женщины, то мы также привыкли бы видѣть ихъ во всѣхъ мужскихъ должностяхъ, какъ онѣ привыкли видѣть въ нихъ насъ“ [4]).

Руссло, изъ книги котораго приведены эти выдержки, говоритъ, что сочиненіе де-ла-Барра обратило на себя мало вни-

[1]) Въ романѣ „Artamène ou le Grand Cyrus“. 1650.

[2]) Lettres de *M-me Sévigné*. 1863.

[3]) Свои „Principes de philosophie“, написанные по-латыни, Декартъ, основатель картезіанской философіи, посвятилъ Елизаветѣ княжнѣ Пфальцской. Въ предисловіи Декартъ говоритъ, что посвящаетъ свой трудъ ей потому, что „никто не въ состояніи лучше ея цѣнить и понимать его философію“. Елизавета была ученицей Декарта и потомъ долго переписывалась съ нимъ. Она изучала также его Алгебраическій анализъ (Отеч. Зап. 1847. Т. LIII. Смѣсь. Изъ книги: Женщины-математики).

[4]) *Poullain de la Barre*. De l'égalité des deux sexes. Discours physique et moral où l'on voit l'importance de se défaire des préjugés 1673. P. Rousselot. T. I, p. 266.

манія современнаго общества, хотя и выдержало два изданія. Если это и такъ, то все же за нимъ, какъ и вообще за всѣми, хотя бы и второстепенными, писателями, занимавшимися въ XVII вѣкѣ разработкою вопроса о женскомъ образованіи, остается заслуга, что они требовали его не для однѣхъ только знатныхъ и богатыхъ женщинъ, а для всѣхъ. Кромѣ того, подвергая критикѣ (это дѣлалъ и Эразмъ Ротердамскій) тогдашнее воспитаніе и образованіе женщинъ, они своими сочиненіями поддерживали интересъ къ вопросу и явились непосредственными предшественниками аббата Флёри, Фенелона, Роллена и другихъ. Благодаря этому, въ XVII вѣкѣ право женщинъ на образованіе не только было признано западной литературой въ теоріи, но въ ней появились опредѣленныя программы его.

Первымъ, нѣсколько ясно формулировавшимъ такую программу, былъ французскій аббатъ Флёри, наставникъ принцевъ королевскаго дома. Онъ изложилъ ее въ одной изъ главъ своего сочиненія: „Traité du choix et de la méthode des études“. Флёри полагалъ обучать женщинъ религіи, главнымъ образомъ внушая имъ правила христіанской нравственности, какъ можно раньше упражнять ихъ умъ въ логическомъ мышленіи и для этого сообщать имъ основныя начала логики; грамматикѣ обучать настолько, чтобы онѣ могли правильно читать, писать и составлять письма, записки; ариѳметику преподавать практически, также какъ и экономію, т.-е. знаніе предметовъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни.

Кромѣ того, по мнѣнію Флёри, женщинъ надо знакомить съ простѣйшими лекарствами, чтобы онѣ могли сами приготовлять ихъ дома, а также научить уходу за больными; равно необходимо сообщать имъ нѣкоторыя понятія изъ юриспруденціи, т.-е. обычные термины, употребляемые въ дѣлахъ, также главныя положенія науки права. Это, говоритъ Флёри, нужно женщинамъ потому, что имъ часто приходится не только принимать участіе во внѣшнихъ семейныхъ дѣлахъ, но и всецѣло управлять ими, а также съ тою цѣлью, чтобы онѣ были способны понимать даваемые имъ совѣты. Что касается остальныхъ наукъ: математики, литературы, исторіи, и даже языковъ, то безъ этого—Флёри полагалъ—женщины могутъ обойтись, ибо имъ не предстоятъ въ жизни обязанности, для исполненія которыхъ такія знанія могли бы понадобиться, да и обладаніе такими знаніями, пожалуй, сдѣлало бы женщинъ тщеславными. Однако Флёри предпочитаетъ чтобы онѣ уже лучше употребляли свое время на изу-

ченіе этихъ запретныхъ предметовъ, чѣмъ на чтеніе романовъ, „злословіе и разговоры объ юбкахъ и лентахъ“ [1]).

Сочиненіе Флёри напечатано въ 1686 году, а въ слѣдующемъ, во Франціи же, появилось другое, составляющее эпоху въ исторіи женскаго воспитанія и образованія. Сочиненіе это, „l'Education des filles“ аббата Фенелона [2]), имѣетъ большое для женщинъ значеніе во многихъ отношеніяхъ. Фенелонъ первый указалъ на связь между зависящими отъ женщинъ благосостояніемъ или разрушеніемъ семьи и благосостояніемъ или разрушеніемъ цѣлаго государства. Поэтому обязанностямъ женщинъ въ семьѣ онъ придавалъ значеніе соціальное, а основательное образованіе, конечно по тогдашнимъ воззрѣніямъ, считалъ необходимымъ для того, чтобы женщины могли какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности, „служащія основою человѣческой жизни“. Въ Education des filles Фенелонъ также впервые примѣнилъ къ женскому воспитанію и обученію педагогическіе принципы, до него выработанные другими, и, что̀ особенно важно, бо̀льшая часть этихъ принциповъ была (еще при жизни Фенелона) приложена на практикѣ, притомъ въ государственномъ среднеучебномъ заведеніи. Это заведеніе, знаменитый Сен-Сиръ, было первымъ по времени общественнымъ средне-учебнымъ заведеніемъ, содержимымъ на государственныя средства [3]), и оно было предназначено для женщинъ. Прямыхъ указаній на то, что самое возникновеніе Сен-Сира вызвано Фенелономъ, нѣтъ; но г-жа Мэнтенонъ высоко цѣнила педагогическіе принципы, изложенные въ его сочиненіи, которое въ первую эпоху существованія Сен-Сира она постоянно рекомендовала воспитательницамъ. Самъ Фенелонъ принималъ большое участіе при устройствѣ заведенія, много писалъ для него въ первые годы, проповѣдывалъ и давалъ наставленія какъ учащимъ, такъ и воспитанницамъ.

Въ теченіе одиннадцати лѣтъ Фенелонъ стоялъ во главѣ сначала женской общины св. Магдалины, а потомъ Новокатолической, гдѣ воспитывались молодыя дѣвушки протестантскихъ семей, обращенныя въ католичество. Тутъ, при тонкомъ умѣ и наблюдательности, онъ могъ изучить женскую природу и различныя проявленія души молодыхъ воспитанницъ. Плодомъ этихъ наблюденій и было его сочиненіе. Еще раньше Фенелона, его довольно многочисленные въ XVII вѣкѣ пред-

[1]) Hist. de l'éduc. d. f. en Fr. T. I, p. 277.

[2]) Education des filles par Monsieur l'abbé de Fenélon. A Paris. MDCLXXXVII. Avec Privilège du Roy.

[3]) P. Rousselot. Hist. de l'éduc. d. f. en Fr. T. II, p. 58.

шественники указывали на то, что причину споконъ вѣку приписываемыхъ женщинамъ недостатковъ слѣдуетъ искать не въ природѣ женщинъ, а въ плохомъ воспитаніи, какое имъ всегда давалось. Фенелонъ повторяетъ это, но съ бо̀льшею еще силою приписываетъ эти недостатки невѣжеству женщинъ. Благодаря этому невѣжеству, говоритъ онъ [1]), все серьезное кажется имъ скучнымъ, все требующее вниманія утомительнымъ... Изнѣженность, вѣчная праздность, въ связи съ невѣжествомъ, побуждаютъ ихъ къ постоянной погонѣ за развлеченіями и удовольствіями и вызываютъ нескромное, ненасытное любопытство. Ихъ страсти живы, а знанія ограничены; онѣ не разсуждаютъ и не обдумываютъ своихъ дѣйствій и положенія; вотъ почему для достиженія своихъ цѣлей женщины не гнушаются ничѣмъ и прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, къ которымъ никогда не прибѣгнетъ порядочный человѣкъ. Такъ какъ женщинамъ закрыты всѣ пути, приводящіе мужчинъ къ власти и славѣ, то онѣ стараются выдвинуться внѣшними сторонами ума и тѣла; онѣ умѣютъ сдѣлать свой разговоръ пріятнымъ и вкрадчивымъ, а стремленіе украсить себя доходитъ у нихъ до страсти; та или другая прическа, выше или ниже поднятая прядь волосъ, тотъ или другой цвѣтъ ленты и платья, составляютъ для нихъ дѣло первой важности [2]).

Признавая эти и другіе женскіе недостатки, Фенелонъ тѣмъ болѣе желаетъ ослабить ихъ и для этого считаетъ пригоднымъ все, что должно „возвышать умъ и облагороживать душу“. Во время Фенелона еще не додумались да сознанія, что женщина сама по себѣ представляетъ человѣческую личность. Что не всѣ женщины выходятъ замужъ, это, конечно, знали; но для такихъ неудачницъ предназначали монастырь. Поэтому всѣ женскія обязанности Фенелонъ сводитъ исключительно къ семьѣ: дѣлать счастливымъ мужа, воспитывать дѣтей, вести хозяйство. Эти обязанности онъ считаетъ не менѣе важными для человѣчества, чѣмъ всякія мужскія, но къ нимъ однѣмъ и пріурочиваетъ все женское воспитаніе [3]).

При обученіи онъ признаетъ необходимымъ сдѣлать женщинъ грамотными въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е чтобы онѣ не только умѣли читать и писать, но писать правильно, для чего и совѣтуетъ преподавать имъ грамматику; затѣмъ четыре дѣйствія ариѳметики и нѣкоторыя понятія обычнаго

[1]) Educ. d. filles. Chap. II. Inconvéniens des Educations ordinaires.

[2]) Ch. IX. Remarques sur plusieurs défauts des filles.

[3]) Ch. I. De l'importance de l'éducation des filles.

права составляютъ, по программѣ Фенелона, фундаментъ женскаго образованія [1]). Остальное, то, что̀ должно вести къ возвышенію ума и облагороженію души, слѣдуетъ, по его мнѣнію, сообщать женщинамъ съ большою осторожностью, чтобы не развить въ дѣвушкѣ того, что̀ тогда понималось подъ господствовавшимъ въ обществѣ „bel esprit“, т.-е. стремленія говорить обо всемъ, рѣшать о литературныхъ произведеніяхъ, часто недоступныхъ ихъ пониманію, афектаціи, и пр. Сюда относятся небезполезныя, по словамъ Фенелона, знанія: литературы, исторіи Франціи и сосѣднихъ странъ, латинскаго языка, музыки, рисованія. Чтеніе свѣтскихъ книгъ съ выборомъ, т.-е. такихъ, которыя не слишкомъ сильно дѣйствуютъ на безъ того уже горячее у женщинъ воображеніе, онъ признаетъ полезнымъ и видитъ въ этомъ средство отвратить ихъ отъ чтенія комедій и романовъ. Тоже самое и въ отношеніи поэтовъ и ораторовъ, „если умъ дѣвушки достаточно развитъ, чтобы вѣрно понимать ихъ“. Искусство, исключивъ изъ него то, что не ведетъ къ истинной его цѣли, заключающейся въ пробужденіи въ душѣ человѣка высокихъ и горячихъ помысловъ, Фенелонъ включаетъ въ програму образованія женщинъ; но такъ какъ поэзія и въ особенности музыка, по его мнѣнію, изнѣживаютъ душу и опьяняютъ чувства, то онъ совѣтуетъ стараться внушить молодой дѣвушкѣ вкусъ къ музыкѣ духовной. Если же это не удастся, говоритъ онъ, то противодѣйствовать ея музыкальнымъ влеченіямъ не слѣдуетъ, да и безполезно. Обученіе рисованію должно быть примѣнено къ практическимъ работамъ по части женскихъ рукодѣлій, которыя только при этомъ условіи могутъ быть дѣйствительно хороши.

Но въ искусствѣ Фенелонъ видѣлъ и моральное средство дѣйствовать на человѣка. Поэтому онъ хотѣлъ чтобы дѣвушкамъ показывали статуи и другія изображенія греческой и римской женщины „въ ихъ благородной простотѣ, съ небрежно завязанными назадъ волосами и падающимъ широкими и полными складками одѣяніемъ“. Фенелонъ мотивировалъ это необходимостью искоренить въ дѣвушкахъ испорченный вкусъ къ тогдашнимъ модамъ; но высказывая желаніе, чтобы имъ доставляли случаи слышать сужденіе художниковъ и истинныхъ цѣнителей о произведеніяхъ искусства, онъ этимъ выражалъ и желаніе сдѣлать женщинъ способными наслаждаться произведеніями античной скульптуры и живописи и понимать ихъ [2]).

[1]) Chap. XII. Suite des devoirs des femmes.

[2]) Ch. X. La vanité de la beauté et des ajustemens.

Для религіознаго образованія, которое Фенелонъ считаетъ существеннѣйшею частью воспитанія какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, онъ указываетъ въ своемъ сочиненіи методъ преподаванія этого предмета. Идеямъ о Богѣ, духѣ, душѣ, и пр., онъ старается придать въ представленіи ребенка, „призывая воображеніе на помощь разсудку", осязательную, чувственную форму [1]). Религія, согласно Фенелону, должна подкрѣплять въ женщинѣ мужество, содѣйствовать образованію твердаго характера. Поэтому, говоритъ Фенелонъ, она не должна быть дѣломъ памяти, не должна выражаться въ „аффектированныхъ словахъ"; напротивъ, надо пріучать дѣвушекъ относиться съ недовѣріемъ къ разнымъ непровѣреннымъ исторіямъ, не привязываться къ обрядностямъ, вводимымъ слишкомъ большимъ рвеніемъ набожныхъ людей и не одобреннымъ церковью [2]). Для того, чтобы истины религіи запечатлѣлись въ душѣ ребенка, нужно, говоритъ Фенелонъ, употребить все, чтѡ можетъ заставить его полюбить религію, и съ этою цѣлью рекомендуетъ знакомить съ нею дѣтей разсказами не печальнаго или суроваго характера, а мягкаго и величественнаго. Противъ суевѣрія Фенелонъ считалъ могущественнѣйшимъ средствомъ солидное образованіе, „заключенное въ должныя рамки".

Методъ, рекомендованный Фенелономъ для обученія дѣтей, тотъ же, какой цѣлымъ столѣтіемъ раньше его указывалъ Монтэнь, т.-е. ученіе надо сдѣлать пріятнымъ и легкимъ, надо увеселять его [3]). Въ живыхъ разговорахъ Фенелонъ, какъ и Монтэнь, видитъ лучшее средство передавать дѣтямъ множество полезныхъ знаній не только изъ сферы вещественнаго, но и нравственнаго міра. Напримѣръ, при обученіи дѣвушекъ „экономіи", которой Фенелонъ придавалъ самый широкій смыслъ, слѣдуетъ, говоритъ онъ, „поручая дѣвушкѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ управленіе какою-либо частью домашняго хозяйства, тогда же научить ее наукѣ пользоваться услугами другихъ", внушить ей, что если въ жизни люди раздѣляются на прислуживающихъ другимъ и на принимающихъ эти услуги, то это существуетъ вопреки естественному равенству всѣхъ людей и что пользуясь чужими услугами, надо дѣлать все для облегченія этой несправедливости [4]).

Точно также, совѣтуя при обученіи дѣвушекъ сообщать имъ понятія изъ обычнаго права, онъ находитъ необходимымъ, чтобъ

[1]) Ch. VI. De l'Usage des histoires pour les Enfans.—Ch. VII. Comment il faut faire entrer dans l'esprit des Enfans les premiers principes de la religion.

[2]) Ch. VII.

[3]) Ch. V. Instructions indirectes. Il ne faut pas presser les Enfans.

[4]) Ch. XI. Instruction des femmes sur leurs devoirs.

имъ вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняли, какъ эти понятія темны, сбивчивы, какъ правосудіе измѣнчиво, а процедура его изворотлива, какъ достойны сожалѣнія тѣ, кому приходится имѣть съ нимъ дѣло, какъ адвокаты, прокуроры и другія лица судебнаго персонала стремятся обогатиться насчетъ тяжущихся, и пр. Признавая также нужнымъ, чтобы знатныхъ и богатыхъ дѣвушекъ знакомили съ искусствомъ управлять помѣстіями, Фенелонъ требуетъ, чтобы имъ сообщали не только понятія обо всемъ, что̀ можетъ касаться помѣщичьяго управленія, но чтобы отъ нихъ не скрывали неурядицъ и злоупотребленій, неизбѣжно встрѣчающихся въ деревняхъ. Въ число обязанностей помѣщика онъ включаетъ и заведеніе въ деревняхъ маленькихъ школъ и благотворительныхъ обществъ для помощи бѣднымъ и больнымъ [1]).

На воспитаніе Фенелонъ смотрѣлъ также, какъ Локкъ, сочиненіе котораго: „Нѣсколько мыслей о воспитаніи“ (Some Thoughts concerning Education), вышло болѣе нежели шестью годами позже (оно вышло послѣ 1692 года), чѣмъ „Education des filles“: человѣкъ рождается ни хорошимъ, ни дурнымъ, но можетъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ, смотря по тому, какъ сложится его воспитаніе и какіе примѣры онъ будетъ имѣть передъ собою. Поэтому Фенелонъ считаетъ существенно важнымъ, чтобы воспитаніе ребенка начиналось съ колыбели, и чтобы съ момента, когда начнутъ обнаруживаться первыя проявленія дѣтской души, обнаруживаемая имъ способность любить направлялась на любовь къ хорошему и доброму, а способность чувствовать отвращеніе — на отвращеніе отъ дурного и порочнаго. Точно также при обученіи Фенелонъ совѣтовалъ пользоваться свойственною дѣтямъ любознательностью, „идущею какъ бы на встрѣчу обученію“. Въ этомъ слѣдованіи натурѣ ребенка и помощи ей Фенелонъ видѣлъ весь секретъ воспитанія. „Часто“, говоритъ онъ, „все дѣло воспитанія зависитъ отъ того, чтобы не торопиться съ нимъ, какъ можно ближе и больше быть съ дѣтьми, наблюдать ихъ, внушать имъ къ себѣ довѣріе, никогда и ни въ чемъ ихъ не обманывать, а ясно и разумно отвѣчать на всѣ ихъ вопросы, какъ бы они ни были незначущи, давать свободу дѣтской натурѣ для того, между прочимъ, чтобы легче узнать ее и, въ случаѣ ошибокъ или проступковъ со стороны дѣтей, исправлять ихъ съ терпѣніемъ [2]).

Эти мысли раньше Фенелона развивалъ Монтэнь [3]); онъ же на-

[1]) Ch. XII.

[2]) Ch. III. Quels sont les premiers fondemens à l'Education.

[3]) Essais. 1871. T. I. Ch. XIX, XXIV, XXV.

ставалъ на важности физическаго воспитанія и на необходимости во всемъ обращаться къ разуму ребенка на томъ основаніи, что человѣкъ существо разумное. Если прибавить къ этому принципъ Фенелона, что дѣвушку надо воспитывать сообразно съ ея состояніемъ, мѣстомъ гдѣ ей придется жить, и профессіей, какую, повидимому, ей придется избрать [1]), то всѣ принципы, изложенные въ „Education des filles", были примѣнены г-жею Мэнтенонъ къ Сен-Сиру. Ими она руководствовалась и послѣ того, какъ уже разошлась съ Фенелономъ.

Сен-Сиръ былъ основанъ въ 1686 году; но онъ возникъ не сразу, а сначала (въ 1680 году) г-жа Мэнтенонъ поддерживала своими средствами маленькую школу въ Монморанси, переведенную потомъ въ Рюэль. Тутъ въ 1684 году воспитывались 60 дворянокъ, бывшихъ пенсіонерками, и, кромѣ того, допускались приходящими ученицами мѣщанки. Средства школы были очень скудны и г-жа Мэнтенонъ обратилась за помощью къ королю, который подарилъ ей для помѣщенія школы замокъ въ Нуази и опредѣлилъ сумму на содержаніе въ ней ста пенсіонерокъ изъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ. Скоро помѣщеніе и въ Нуази оказалось тѣснымъ; тогда король велѣлъ купить въ деревнѣ Сен-Сиръ землю съ тѣмъ, чтобы на ней было выстроено новое зданіе для помѣщенія женскаго учебнаго заведенія, которое съ тѣхъ поръ и стало называться Сен-Сиромъ. Число воспитанницъ со ста было увеличено до 250; всѣ воспитывались на счетъ короля; но допускались только такія, которыя могли доказать свое дворянское происхожденіе четырьмя поколѣніями съ отцовской стороны. На содержаніе Сен-Сира король предоставилъ доходы съ аббатства Сен-Дени, составлявшіе около 200.000 ливровъ въ годъ и кромѣ того приказалъ впослѣдствіи отчислять еще по 20.000 червонцевъ ежегодно для составленія капитала, изъ котораго выдавалось бы по 1.000 червонцевъ на приданое каждой воспитанницѣ, выходящей, по окончаніи курса, изъ Сен-Сира. Отстроенное по планамъ извѣстнаго французскаго архитектора, Мансара, зданіе было окончено въ 1686 году и тогда же въ него переведено женское учебное заведеніе изъ Нуази. Одновременно съ начатіемъ постройки въ Сен-Сирѣ, Людовикъ XIV поручилъ г-жѣ Мэнтенонъ, вмѣстѣ съ начальницею школы въ Нуази, составить „Учрежденія" (Constitutions) для „Института дамъ св. Людовика", орденъ котораго только-что былъ имъ учрежденъ. „Учрежденія дома св. Людовика", просмотрѣнныя епископомъ Шартрскимъ и духовни-

[1]) Educ. des filles. Ch. XII. Suite des devoirs des femmes.

комъ короля, отцомъ Лашэзомъ, проредактированныя Расиномъ и Буало [1]), были затѣмъ представлены королю, который самъ сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія.

Намѣреніе короля, при основаніи Сен-Сира, было создать не монастырь, а „общину набожныхъ и благоразумныхъ сестеръ, способныхъ воспитывать дѣвицъ въ страхѣ Божіемъ и дать имъ приличное ихъ полу образованіе". Къ этому дамы св. Людовика обязывались простыми обѣтами: бѣдности, цѣломудрія, послушанія, и четвертымъ—воспитывать и обучать дѣвицъ. Послѣдній былъ поставленъ главнымъ, и въ этомъ состояло отличіе „дома св. Людовика" отъ другихъ монастырей. „Сен-Сиръ былъ созданъ для дѣвицъ, а васъ", писала г-жа Мэнтенонъ одной изъ дамъ св. Людовика, „присоединили къ нему лишь изъ необходимости обезпечить дѣвицамъ матерей и учительницъ" [2]). Эти обязанности г-жа Мэнтенонъ понимала очень глубоко: „Вы должны", писала она наставницѣ, „пригибаться, съеживаться, чтобы стать ближе къ дѣтямъ. Не глядите съ отвращеніемъ или презрѣніемъ на ихъ грязь, болѣзни, грубость... Надо ихъ согрѣть, когда они дрожатъ отъ холода, надо обтереть съ ихъ тѣла потъ, когда они въ испаринѣ, надо всюду быть съ ними, еслибы это даже стоило вамъ жизни; вы должны запереться съ ними въ случаѣ если они заболѣютъ какою-нибудь заразительною болѣзнью" [3]).

Дамы св. Людовика носили однообразную, но не монашескую одежду; ихъ не называли „сестра" или „мать", а какъ велѣлъ король: „madame". Вообще, по опредѣленію отца Лашэза, цѣль основанія Сен-Сира заключалась не въ увеличеніи числа монастырей, которые сами собою достаточно размножаются, а въ томъ, чтобы дать государству хорошо образованныхъ женщинъ [4]).

„Учрежденія", данныя королемъ Сен-Сиру, не касались внутренняго быта воспитанницъ, и организація этого дѣла всецѣло была предоставлена г-жѣ Мэнтенонъ. Еще въ Нуази она раздѣлила воспитанницъ на четыре класса, различавшихся между собою цвѣтомъ ленты: голубой, желтой, зеленой и красной, которую онѣ носили на черномъ платьѣ. Въ Сен-Сиръ принимались дѣвочки не моложе 7-ми и не старше 12-ти лѣтъ; выходили 20-ти и, слѣдовательно, должны были оставаться въ заведеніи три-

[1]) Histoire de la maison Royale de St. Cyr par *Th. Lavallée*. 1853.

[2]) Lettres historiques et édifiantes adressées aux Dames de St. Louis par M-me de Maintenon. Publiées pour la première fois sur les manuscrits authentiques avec des notes par M. Th. Lavallée Paris. 1856. T. I. p. 119. Lettre à m-me du Pérou.

[3]) Lettres historiques. T. II, p. 55, 56.

[4]) *P. Rousselot*. T. II. p. 11.

надцать и не меньше восьми лѣтъ; во все это время никогда и никуда не выходили; съ родителями видѣлись лишь четыре раза въ годъ, въ парлуарѣ, въ присутствіи дамъ. Такая система замкнутаго и продолжительнаго воспитанія объяснялась желаніемъ г-жи Мэнтенонъ удержать молодыхъ дѣвушекъ въ стѣнахъ заведенія до того возраста, когда у нихъ окрѣпнетъ разумъ и пройдутъ самые опасные, какъ тогда думали, годы.

Съ первыхъ же лѣтъ основанія Сен-Сира г-жа Мэнтенонъ старалась осуществить въ немъ свой идеалъ воспитанія на подобіе большой семьи, въ которой у каждаго есть свои обязанности. Каждый классъ раздѣлялся на группы изъ 8—10 дѣвушекъ; во главѣ такой группы стояла „мать семейства", выбиравшаяся изъ воспитанницъ же, и къ ней двѣ помощницы. Изъ двухъ старшихъ классовъ поочереди выбирались восемь или десять дѣвицъ, которыя должны были помогать дамамъ въ ихъ занятіяхъ съ двумя младшими классами, и кромѣ того, двадцать другихъ изъ старшихъ классовъ исполняли тѣ-же обязанности помощницъ дамъ во всѣхъ классахъ; онѣ же отправляли различныя службы въ домѣ. День воспитанницъ долженъ былъ проходить въ строгомъ, заранѣе опредѣленномъ г-жею Мэнтенонъ порядкѣ. Въ письмѣ къ начальницѣ отъ сентября 1686 года [1]) она сообщаетъ, что восемь воспитанницъ голубого класса должны ходить къ церковнымъ службамъ утромъ и вечеромъ; другія восемь будутъ по очереди на недѣлѣ помогать маленькимъ одѣваться и раздѣваться; шесть воспитанницъ того же голубого класса должны по субботамъ помогать прачкѣ складывать бѣлье; кромѣ того, каждый день по нѣскольку дѣвицъ слѣдуетъ назначать для мытья посуды и метенія столовой. Во внѣшней обстановкѣ воспитанницъ не допускалось никакой роскоши; но проявлялась забота объ ихъ здоровьѣ. Пища полагалась въ изобиліи, но простая. „Когда пшеница дорога", писала г-жа Мэнтенонъ, „пусть ѣдятъ ситній хлѣбъ; когда цѣна понизится, надо опять давать бѣлый". Постели и вся мебель были жесткія, безъ спинокъ. Зимой топили мало; воспитанницы должны были согрѣваться движеніемъ и работой, убирая дортуары, лазаретъ, кухню и проч. Даже самыя маленькія пріучались помогать въ хозяйствѣ; онѣ ощипывали листья цвѣтовъ для приготовленія сироповъ, собирали плоды, чистили овощи и пр.

Въ установленіи такихъ правилъ жизни въ Сен-Сирѣ г-жа Мэнтенонъ руководствовалась цѣлью пріучить воспитанницъ къ исполненію обязанностей практической жизни, а также желаніемъ „по-

[1]) Lettres historiques. 34. A m-me de Brinon.

низить гордость молодыхъ дѣвушекъ, считавшихъ себя слишкомъ высоко поставленными по рожденію чтобы снисходить къ такимъ вульгарнымъ занятіямъ, которыя, однако, полезны и сдѣлаютъ ихъ самихъ болѣе сильными, болѣе ловкими и болѣе скромными“ [1]). „Пусть кто хочетъ придетъ въ Сен-Сиръ“, писала она воспитанницамъ, „и застанетъ васъ съ метлой въ рукахъ; это никому не покажется страннымъ. Мы всѣ рождены дворянками, но бѣдными дворянками“ [2]).

Вѣрная принципу Фенелона, г-жа Мэнтенонъ хотѣла чтобы и при образованіи въ С.-Сирѣ не обращалось вниманія на внѣшнія украшенія ума воспитанницъ: „знаніе иностранныхъ языковъ и тысячи другихъ талантовъ, которыми“,—писала она,—„требуется украшать дѣвицъ благороднаго происхожденія, имѣютъ свои неудобства: воспитанницы св. Людовика не должны быть такъ воспитаны, еслибъ даже была къ тому возможность, ибо не имѣя состоянія, имъ не годится возвышать свой умъ и сердце способомъ, столь мало пригоднымъ къ ихъ положенію“. Это письмо отъ 1 августа 1686 года [3]), т.-е. оно писано черезъ два мѣсяца послѣ открытія Сен-Сира. Но на первыхъ же порахъ г-жѣ Мэнтенонъ пришлось отступить отъ такой программы. Отчасти изъ уступчивости вкусамъ Людовика XIV, находившаго удовольствіе бывать въ Сен-Сирѣ и присутствовать на театральныхъ представленіяхъ, которыя воспитанницы исполняли въ богатыхъ костюмахъ и подъ руководствомъ искусныхъ учителей, отчасти увлекаясь традиціями XVII вѣка, въ которыхъ она сама была воспитана и среди которыхъ провела бо̀льшую часть своей жизни, г-жа Мэнтенонъ допустила, что съ первыхъ же лѣтъ главное вниманіе при воспитаніи въ Сен-Сирѣ обращено было именно на внѣшнюю его сторону. Въ воспитанницахъ поощрялась наклонность къ разсужденіямъ, изысканному фразерству, остроумному, насмѣшливому, но пріятному тону разговора, т.-е. именно къ тому, что̀ называлось „bel esprit“ и противъ чего предостерегалъ Фенелонъ. Отъ наставницъ требовалось даже краснорѣчіе при преподаваніи.

Въ каждомъ классѣ было по четыре наставницы, кромѣ помощницъ, назначаемыхъ изъ воспитанницъ, и одна главная наставница, направлявшая все ученіе, программа котораго состояла въ обученіи религіи, чтенію и письму, счету, французскому языку и грамматикѣ, свѣдѣніямъ изъ исторіи, географіи и миѳологіи, танцамъ, рукодѣлію, хозяйственнымъ занятіямъ. Воспитанницы

[1]) Entretiens sur l'education des filles par Mad. de Maintenon. 1853.

[2]) Lettres et entretiens. T. I, p. 349.

[3]) Lettres sur l'éducation des filles. Aux dames de St. Louis. 1854. Письмо 16

сами сочиняли піесы для сцены, вообще въ нихъ развивали страсть къ сочинительству всякаго рода. Для чтенія, г-жа Скюдери, по просьбѣ своей пріятельницы г-жи Мэнтенонъ, написала для Сен-Сира „Conversations". Вообще весь характеръ воспитанія, манеры, разговоръ, были свѣтскіе; декламація, пѣніе, заботы о туалетѣ для театральныхъ представленій, занимали воспитанницъ гораздо болѣе чѣмъ ожидала г-жа Мэнтенонъ. Сен-Сиръ былъ въ модѣ; частыя посѣщенія короля съ блестящей свитой и другой избранной публики, лесть и комплименты, расточавшіеся воспитанницамъ, все это не осталось безъ вліянія на нихъ. „Богъ знаетъ, что я хотѣла водворить въ Сен-Сирѣ добродѣтель",—писала г-жа Мэнтенонъ [1]),—„но строила на пескѣ... Положеніе Сен-Сира при дворѣ, величіе дома, его богатство, ласки великаго монарха, заботы особы, пользующейся его милостями, примѣры тщеславія и свѣтскихъ манеръ,—все это вошло въ привычку, породило гордость у молодыхъ дѣвушекъ, которыя",—говоритъ она въ другомъ письмѣ",—еще наканунѣ своего вступленія въ Сен-Сиръ нуждались чтобы имъ подарили юбку; здѣсь онѣ забыли о своей бѣдности, о нуждѣ своихъ семействъ" и пр. Замѣтивъ это, г-жа Мэнтенонъ нашла нужнымъ преобразовать Сен-Сиръ въ монастырь. На ея просьбы объ этомъ, король долго не соглашался, но наконецъ уступилъ, и въ 1692 году, послѣ шестилѣтняго блестящаго періода, „Институтъ дамъ св. Людовика" сдѣлался монастыремъ св. Августина.

Совершивъ такую коренную реформу въ жизни Сен-Сира, г-жа Мэнтенонъ нѣкоторое время выдерживала совсѣмъ противоположную систему воспитанія, „болѣе соотвѣтствующую положенію бѣдныхъ дѣвушекъ". Все, что̀ могло развивать въ воспитанницахъ гордость, самомнѣніе, было уничтожено; театральныя представленія продолжались, но на нихъ присутствовалъ одинъ король безъ свиты; все, что̀ хотя издали носило характеръ „bel esprit", писательство во всѣхъ его видахъ—все это было изгнано навсегда. Но такая строгая система, почти исключавшая образованіе, продержалась недолго. „Мы всѣ рождены дворянками, но бѣдными дворянками", часто повторяла г-жа Мэнтенонъ въ своихъ письмахъ; а хотя и для бѣдныхъ, но все-таки дворянокъ, образованіе она считала необходимымъ. Поэтому послѣ отмѣны прежнихъ порядковъ въ Сен-Сирѣ, г-жа Мэнтенонъ еще болѣе стала заботиться о томъ, чтобы изъ воспитанницъ вышли не только хорошія христіанки, но чтобы онѣ удовлетворяли главному своему

[1]) Lettres sur l'éduc. des filles. A m-me de Fontanes, 20 septembre, 1691.

назначенію — жить въ свѣтѣ, и были бы способны хорошо исполнять всѣ предстоящія имъ обязанности не только въ семьѣ, но и въ обществѣ. Требуя чтобы воспитанницы имѣли вѣрное понятіе обо всемъ, что̀ входитъ въ область практической, обыденной жизни, чтобы онѣ мыли полы, носили дрова и пр., она требовала также, чтобы онѣ говорили хорошимъ языкомъ, въ которомъ видѣла орудіе разума; чтобы умъ ихъ былъ способенъ не только понимать обыденныя вещи, но и возвышаться надъ ними.

Преподаваніе велось, согласно Фенелону, практически, путемъ живого слова и бесѣдъ самой г-жи Мэнтенонъ, или черезъ передачу имъ наставницами составленной ею бесѣды. Но при чтеніи ли книгъ, или при бесѣдахъ, главное вниманіе г-жи Мэнтенонъ обращалось на то, чтобы излагаемое воспитанницамъ въ классѣ было не только понято ими, но усвоено и отражалось въ ихъ словахъ, характерѣ и поступкахъ. Благодаря превосходному методу, веденному ею, воспитанницы, „не учась многому, не зная азбуки многихъ наукъ", привыкали думать и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ [1]).

Разумъ лежалъ въ основѣ всей системы какъ обученія, такъ и воспитанія этого второго періода Сен-Сира. Этому доминирующему принципу заведенія должны были служить даже игры, которыя всячески поощрялись г-жею Мэнтенонъ.

Руководствъ въ то время почти не было. При преподаваніи исторіи г-жа Мэнтенонъ сама составляла для воспитанницъ Сен-Сира небольшіе разсказы, мастерски очерчивавшіе главнымъ образомъ современныхъ или ближайшей эпохи дѣятелей Франціи [2]). При этомъ, какъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, она, конечно, старалась внушить воспитанницамъ любовь къ королю и поставленнымъ имъ властямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя указаніямъ Фенелона, знакомила ихъ съ такими сторонами государственной жизни, которыя, по принятому обычаю, не должны были касаться женщинъ и никогда, ни до, ни послѣ нея, не входили въ программу женскаго учебнаго заведенія. Она предупреждала, напримѣръ, воспитанницъ, что имъ придется узнать или увидѣть людей, считающихъ позволительнымъ обкрадывать казну, уклоняясь подъ всякими предлогами отъ платежа налоговъ. Такіе поступки г-жа Мэнтенонъ объясняла отчасти незнаніемъ многими людьми сво-

[1]) *P. Rousselot*. T. II, p. 64.

[2]) Преподаваніе исторіи такъ понималось даже въ нашемъ вѣкѣ; особенно „для дѣвицъ" оно рекомендовалось не какъ нѣчто цѣльное, уясняющее смыслъ событій, а какъ рядъ отдѣльныхъ біографій, преимущественно королей, полководцевъ и др.

ихъ гражданскихъ обязанностей. Поэтому она считала нужнымъ знакомить съ послѣдними воспитанницъ старшаго класса и въ этихъ видахъ прибѣгала къ обычному способу, къ которому обращалась каждый разъ, когда хотѣла передать имъ понятіе о какихъ-либо серьезныхъ вещахъ, въ легкой, доступной 18-ти-лѣтнимъ дѣвушкамъ формѣ. Способъ этотъ заключался въ разыгрываніи воспитанницами написанныхъ г-жею Мэнтенонъ піесъ, (Conversations, Proverbes и пр.), гдѣ въ разговорной формѣ, при сценической обстановкѣ, онѣ обсуждали съ различныхъ сторонъ предметы, съ которыми г-жа Мэнтенонъ желала познакомить ихъ. Въ одной изъ такихъ піесъ: „Sur les discours populaires", она затронула занимавшіе тогда общественное мнѣніе вопросы о покровительственной системѣ, торговыхъ и промышленныхъ привилегіяхъ, свободномъ обмѣнѣ, системѣ податей, правительственной отвѣтственности и т. п. Дѣйствующія въ піесѣ „Sur les discours populaires" лица, каждое защищаетъ какое-либо изъ существовавшихъ тогда въ обществѣ мнѣній по приведеннымъ вопросамъ. Одно излагаетъ идеи Кольбера, другое критикуетъ ихъ, третье возмущается тѣмъ, что налоги всею своею тяжестью падаютъ на бѣдныхъ и т. д. Въ концѣ піесы, конечно „благоразумныя" одерживаютъ верхъ, хотя и такими аргументами, что человѣческія дѣйствія вообще несовершенны, что лучшее изъ правительствъ то, при которомъ совершается возможно меньше несправедливостей; но совсѣмъ избѣжать ихъ однако нельзя [1]).

Такія же бесѣды г-жа Мэнтенонъ вела съ воспитанницами и на другія темы, нравственнаго порядка: „о заблужденіяхъ ума въ дѣлѣ набожности", „о томъ, какъ мы понимаемъ удовольствіе" и др. [2]). Желая чтобы онѣ вступили въ свѣтъ подготовленными къ различнымъ случайностямъ жизни, она не стѣснялась раскрывать передъ ними мрачныя ея стороны, и не боясь затрогивала при этомъ самые щекотливые вопросы. Одна изъ такихъ бесѣдъ, написанныхъ г-жею Мэнтенонъ, касалась „Опасности случаевъ", о которыхъ она предупреждала воспитанницъ ничего не скрывая, но старалась вызвать въ нихъ чувство чести и собственнаго достоинства, указывая въ этомъ вѣрнѣйшее для нихъ средство избѣжать такой опасности. Точно также о бракѣ она говорила имъ съ полною откровенностью и безъ всякихъ иллюзій. Узнавъ, что одна изъ маленькихъ воспитанницъ шокировалась однажды тѣмъ, что ея отецъ упомянулъ при ней о своихъ пан-

[1]) Conseils aux jeunes filles qui entrent dans le monde, par m-me de Maintenon. —*P. Rousselot*. Hist. de l'éduc. d. femmes en Fr. T. II, 56.

[2]) Lettres historiques. Recueil des réponses, pp. 71. 120.

талонахъ; что другая, перечисляя таинства, запнулась передъ словомъ „бракъ", что воспитанницы говорятъ другъ другу на ухо, не рѣшаясь вслухъ произнести слово „беременность", г-жа Мэнтенонъ возмутилась этою „нескромностью" и потребовала отъ наставницъ чтобы онѣ при случаѣ знакомили воспитанницъ съ обязанностями брака. „Когда онѣ выйдутъ замужъ", писала она главной наставницѣ [1]), „то увидятъ, что въ бракѣ ничего нѣтъ такого, что̀ вызывало бы смѣхъ. Надо пріучать воспитанницъ смотрѣть на него очень серьезно и даже печально, ибо ни въ какомъ другомъ состояніи не приходится испытывать столько скорби, какъ въ бракѣ, даже лучшемъ".

Такая система воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, основанная исключительно на разумѣ, во имя котораго устранялась всякая поэзія, всякій идеалъ, имѣла и свои дурныя стороны; „но если", говоритъ Руссло, „цѣлью воспитанія ставить, какъ это дѣлала г-жа Мэнтенонъ, приготовленіе къ практической жизни, то система второго періода Сен-Сира должна была достигать цѣли". И дѣйствительно, успѣхъ Сен-Сира въ первыхъ годахъ XVIII вѣка былъ огромный; воспитанницы его приглашались наставницами ко двору и въ знатные дома. Лучшія аристократическія, даже королевскія семьи старались помѣстить своихъ дочерей въ Сен-Сиръ.

Принявъ, въ видѣ исключенія, и то на время, герцогиню Бургонскую, г-жа Мэнтенонъ ни за что не соглашалась преступить основного правила учрежденія, предназначеннаго для воспитанія исключительно бѣдныхъ дворянокъ; но она всячески помогала возникновенію частныхъ заведеній (все монастырскихъ) на подобіе Сен-Сира, надѣясь этимъ путемъ распространить даваемое въ немъ воспитаніе во всѣ достаточныя семьи. Для такихъ заведеній она рекомендовала бывшихъ воспитанницъ Сен-Сира въ качествѣ наставницъ, давала имъ совѣты, писала инструкціи, составляла программы по образцу Сен-Сира, но съ измѣненіями сообразно съ мѣстными условіями проектируемыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Такъ какъ монастыри не могли удерживать воспитанницъ до 20-ти-лѣтняго возраста, какъ въ Сен-Сирѣ, и въ нихъ принимались не однѣ дворянки, но и дѣти другихъ сословій, то и образованіе въ монастыряхъ, по мнѣнію г-жи Мэнтенонъ, должно было завершаться скорѣе и разниться по происхожденію дѣвицъ. „Воспитывайте мѣщанокъ мѣщанками", писала она [2]): „нѣтъ надобности украшать ихъ умъ; надо научить ихъ чтенію, письму,

[1]) Lettres sur l'éducation des filles: à m-me du Tour. 9 juillet 1694; à m-me du Pérou. 1697.

[2]) Lettres et entretiens sur l'éducation des filles. T. II, 296.

ариѳметикѣ, а главное нужно пріучить ихъ къ исполненію семейныхъ обязанностей: послушанію мужу, заботамъ о дѣтяхъ, умѣнью обращаться съ прислугою, также хожденію по воскресеньямъ въ церковь, скромности въ отношеніяхъ съ покупщиками, честности въ торговлѣ". По воззрѣніямъ г-жи Мэнтенонъ было бы противно Божьимъ установленіямъ выводить людей изъ состоянія, въ которомъ они родились. Даже разумъ, совѣтывала она, надо проповѣдывать соображаясь съ состояніемъ воспитываемыхъ. „Если въ заведеніи никогда не будетъ проявляться презрѣнія къ мѣщанкѣ или крестьянкѣ, то онѣ не будутъ страдать отъ того, что съ ними обращаются не какъ съ барышнями. Если взрослая барышня будетъ убирать волосы маленькой мѣщанкѣ, или будетъ учить ее читать, то мѣщанка сама захочетъ чѣмъ-нибудь услужить ей". Въ этомъ смыслѣ и понимала г-жа Мэнтенонъ роль разума, примѣняемаго къ состоянію воспитываемыхъ. Но отказывая мѣщанкамъ въ умственной культурѣ, она настаивала на томъ, чтобы имъ прочно прививали то̀, „что̀ имъ всегда пригодится", т.-е. религію, разумъ, истину.

Вообще какъ съ дворянками, такъ и съ мѣщанками, она совѣтывала держаться слѣдующихъ правилъ, въ которыхъ заключалось послѣднее слово ея педагогической системы: всегда говорить дѣтямъ правду „безъ утонченностей, безъ увертокъ", одинаково какъ большимъ, такъ и маленькимъ съ минуты когда послѣднія будутъ въ состояніи понимать то̀, что̀ имъ говорятъ, ибо „правда обладаетъ притягательной силой, существенно отличающеюся отъ тонкостей и изворотливостей свѣтскаго ума" [1]).

Послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ (въ 1719 г.) въ Парижѣ явилось учрежденіе, подобное Сен-Сиру. Это былъ Институтъ Младенца Іисуса, принятый впослѣдствіи подъ покровительство королевы Маріи Лещинской, для 40 бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ, которыхъ воспитывали даромъ. Такія же попытки подражанія Сен-Сиру въ XVIII вѣкѣ дѣлались въ Германіи, Швеціи, Даніи, Польшѣ, но ни одна изъ нихъ не удалась [2]). И въ самомъ Сен-Сирѣ, послѣ смерти его основательницы, не нашлось среди образованныхъ г-жею Мэнтенонъ и помогавшихъ ей наставницъ ни одной, которая могла бы продолжать дѣло. Очевидно что Сен-Сиръ держался только одною личностью г-жи Мэнтенонъ, которая была душою его не по своему положенію всесильной особы, близкой королю, а какъ идеальная наставница по

[1]) *P. Rousselot*. T. II, p. 90

[2]) Тамъ же.

призванію, такая, о какой мечталъ Фенелонъ [1]). Она обладала, по выраженію Руссло, всѣми качествами такой наставницы: „тонкою наблюдательностью, разумомъ, умѣющимъ пользоваться ея выводами, организаторскимъ духомъ порядка, импонирующимъ авторитетомъ, нѣжностью, вызывающею къ себѣ привязанность“ [2]), Г-жа Мэнтенонъ была, кромѣ того, и главной исполнительницею различныхъ функцій организованнаго ею заведенія. Она изо дня въ день слѣдила за воспитанницами, проводила съ ними нерѣдко цѣлые дни, лично исполняла при нихъ обязанности начальницы, классной дамы, наставницы, даже экономки. Ни въ уставѣ (Constitutions) Сен-Сира, ни въ его программахъ, не было ничего опредѣляющаго внутренній строй Института; все это заключалось въ письмахъ, инструкціяхъ, бесѣдахъ г-жи Мэнтенонъ съ воспитанницами и наставницами, образованіе которыхъ было главною ея заботою. По отношенію къ нимъ она была чѣмъ-то въ родѣ директрисы нормальной школы, и въ ея письмахъ заключается, говоритъ Руссло, цѣлый педагогическій курсъ для наставницъ. Но при жизни г-жи Мэнтенонъ эти письма хранились у дамъ св. Людовика, и хотя она соглашалась (еще въ 1698 г.), чтобы они были тогда же напечатаны, „если епископъ Шартрскій это одобритъ“ [3]), но потомъ было рѣшено, чтобы письма оставались попрежнему въ рукописяхъ и только часть ихъ, притомъ съ искаженнымъ текстомъ, была въ первый разъ издана въ 1752 году [4]).

Послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ и послѣдовавшей за четыре года передъ нею (въ 1715 г.) смерти Фенелона, во Франціи появился цѣлый рядъ сочиненій о женскомъ воспитаніи и образованіи, носящихъ явные слѣды его идей. При этомъ повторилось то же, что было до Фенелона: первостепенные писатели или игнорировали вопросъ, или высказывались противъ него (Монтескьё, Дидро). Второстепенные (Роллэнъ, аббатъ Сен-Пьерръ, Бернарденъ де-Сен-Пьерръ) придавали ему большое значеніе и много занимались имъ. Французскія женщины также участвовали въ разработкѣ вопроса объ улучшеніи женскаго образованія.

[1]) Education des filles. Ch. XIII. Des gouvernantes.

[2]) *P. Rousselot*. T. II, p. 83.

[3]) Lettres historiques, etc., p. 35.

[4]) *Labeaumelle*. Mémoires pour servir à l'histoire de m-me de Maintenon et celle du siècle passé. Второе изданіе этого сочиненія появилось въ 1757 г. (Nouvelle édition augmentée des remarques critiques de M-r. de Voltaire tirées de son Essai sur l'histoire générale. Paris). Потомъ, уже въ XIX столѣтіи, письма г-жи Мэнтенонъ издавались отдѣльными частями въ разное время; но полный и провѣренный по подлинникамъ ихъ текстъ вышелъ лишь въ 1856 году, подъ заглавіемъ: Lettres historiques, и пр., изданный Лавалле.

Начиная съ непосредственной преемницы Фенелона, маркизы Ламберъ, въ салонѣ которой вопросъ о воспитаніи и образованіи женщинъ, среди другихъ серьезныхъ вопросовъ, вызывалъ диспуты, веденные по всѣмъ правиламъ академическихъ преній, и возбуждалъ живѣйшій интересъ [1]), она и всѣ такіе писатели послѣдовательно расширяли програму Фенелона, включая въ нее не одну литературу, но и науки, въ томъ числѣ естественныя, которыми еще съ начала XVII вѣка [2]), и особенно во второй половинѣ XVIII-го, увлекалось современное общество.

Французскія женщины наравнѣ съ мужчинами посѣщали публичныя засѣданія Академіи Наукъ, слушали лекціи въ Collége de France, конкурировали даже на академическія преміи. Въ Италіи женщины продолжали заниматься науками и участвовали въ ученыхъ диспутахъ. Въ Германіи научное движеніе среди женщинъ въ XVIII вѣкѣ было слабѣе нежели въ другихъ государствахъ; но, должно быть, и тамъ оно было замѣтно, судя потому, что въ Германіи въ это время писались брошюры, направленныя противъ умственныхъ занятій женщинъ [3]). Ученыя женщины были, конечно, и въ концѣ XVIII-го вѣка явленіемъ необычнымъ. На нихъ смотрѣли скорѣе какъ на диковину; пріѣзжіе, въ числѣ достопримѣчательностей города, считали нужнымъ видѣть ученыхъ женщинъ и не только на кафедрѣ, а и лично побесѣдовать съ ними. О нихъ говорили и писали. Въ этомъ сказывалось, конечно, отличавшее XVIII-й вѣкъ уваженіе къ наукѣ вообще, но это уваженіе распространялось и на ученыхъ женщинъ, къ которымъ такъ относились и коронованныя лица [4]).

Такимъ образомъ, если къ половинѣ XVIII вѣка нигдѣ въ Европѣ не было ни одного, кромѣ Сен-Сира, средне учебнаго заведенія для женщинъ, то къ этому времени всѣми образованными людьми на западѣ была признана несостоятельность какъ семейнаго, такъ и монастырскаго воспитанія и образованія женщинъ, и дѣлались попытки улучшить его.

Тоже самое было и относительно мужскаго образованія. Реакція,

[1]) *Gérard*. L'éducation des femmes par les femmes. Etudes et portraits. Paris. 1887.

[2]) Англійскія аристократки пріѣзжали въ каретахъ шестерней слушать лекціи и приходили въ восторгъ отъ свойствъ магнита и отъ микроскопа (*Трачевскій*. Ист. основы воспитанія. 67).

[3]) *Alberti*. „О безплодіи тѣла въ женщинахъ плодовитаго ума". Галле, 1743. Книга написана по-латыни.

[4]) Русская Мысль. 1883, октябрь и ноябрь. *С. Никитенко*. Женщины-профессора въ Болонскомъ университетѣ.

начавшаяся въ XV вѣкѣ противъ господствовавшей предъ тѣмъ системы, заключавшейся въ сообщеніи юношеству множества голыхъ, въ весьма ограниченной сферѣ науки, формальныхъ знаній, а равно и въ полномъ небреженіи къ нравственному и физическому воспитанію, переходила иногда въ противоположную крайность. Науку считали дѣломъ второстепеннымъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ жизни; за ней не признавалось воспитательнаго вліянія на характеръ человѣка и на укрѣпленіе въ немъ нравственныхъ началъ. Напротивъ думали, что эти два фактора взаимно исключаютъ другъ друга. За то въ воспитаніи видѣли чуть ли не единственное средство излечить общество отъ золъ и пороковъ, которые и приписывали главнымъ образомъ неудовлетворительности тогдашняго частнаго и семейнаго воспитанія. Поэтому, напряженно слѣдя за педагогическими вопросами и вѣря что усовершенствованные педагогическіе пріемы могутъ улучшить и даже совершенно измѣнить человѣческій родъ, лучшіе и наиболѣе просвѣщенные западные люди возлагали заботу о народномъ воспитаніи и образованіи на государство. Въ XVII вѣкѣ эту мысль высказалъ Мильтонъ [1]), а въ XVIII-мъ повторилъ и развилъ ее аббатъ Сен-Пьерръ, который въ 1730 году, составилъ даже проектъ учрежденія „постояннаго бюро для улучшенія публичнаго воспитанія дѣтей обоего пола въ коллегіяхъ и монастыряхъ“.

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія народной пользы, счастья отдѣльной личности и благосостоянія государственнаго, Сен-Пьерръ настаивалъ на одинаковой важности въ этихъ видахъ воспитанія дѣвочекъ, также какъ и мальчиковъ. Онъ предлагалъ постепенно открывать мужскія и женскія коллегіи, послѣднія по образцу преобразованнаго въ свѣтское учрежденіе и значительно расширеннаго Сен-Сира [2]). Ни одному изъ многочисленныхъ проектовъ реформатора-утописта, какъ принято называть Сен-Пьерра, не суждено было осуществиться [3]), но брошенная имъ во Франціи идея о возложеніи на государство заботъ о воспитаніи и образованіи какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, нашедшая себѣ позже поддержку въ ученіи физіократовъ, вошла въ половинѣ XVIII-го вѣка въ общественное сознаніе на западѣ.

[1]) *Модзалевскій.* Очеркъ исторіи воспитанія и обученія. Ч. I, стр. 509.

[2]) *P. Rousselot.* T. II. p. 124.

[3]) Аббатъ Сен-Пьерръ самъ приготовилъ изданіе своихъ сочиненій въ 1735 — 1741 г. г. (Ouvrages de politique et de morale). Впослѣдствіи одно изъ нихъ, „Annales“, нашлось въ дорожной библіотекѣ Императрицы Екатерины съ собственноручною ея отмѣткою: „Лѣтопись аббата С. Пьерра, два небольшихъ тома — прекрасная книжечка“ (Р. Старина 1874, январь).

Въ такомъ положеніи стоялъ вопросъ о воспитаніи и образованіи молодого поколѣнія на западѣ, когда императрица Екатерина выростала (она родилась въ 1729 году) и, какъ большинство коронованныхъ особъ и принадлежавшихъ къ нимъ лицъ, воспитывалась подъ вліяніемъ французскихъ идей, при посредствѣ французскихъ воспитательницъ и воспитателей. Конечно она не могла еще тогда интересоваться педагогическими вопросами; но по всей вѣроятности, привыкнувъ съ дѣтства смотрѣть безъ предубѣжденія на женщинъ, не только обладавшихъ литературнымъ и салоннымъ образованіемъ, но и занимавшихся науками, она съ такими взглядами и пріѣхала пятнадцатилѣтнею дѣвушкою въ Россію.

V.

Отношеніе русскаго общества въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія къ вопросамъ воспитанія и образованія вообще.—Взглядъ на науку.—Указъ 1755 г. объ учрежденіи Московскаго университета. — Вопросъ о воспитаніи и образованіи въ русской литературѣ.—Ежемѣсячныя Сочиненія.—Рѣчь Барсова.—Собственноручныя замѣтки великой княгини Екатерины Алексѣевны объ учрежденіи въ Россіи женскаго учебнаго заведенія на подобіе Сен-Спра.—Записка Теплова о воспитательныхъ Академіяхъ.—Генеральный планъ Московскаго Воспитательнаго Дома. — Докладъ Бецкаго: Генеральное Учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола.—Общія черты Уставовъ первыхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ на началахъ Генеральнаго Учрежденія. — Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ.—Условія, при которыхъ основывалась система воспитанія русскаго юношества при Екатеринѣ.—Ея задачи и цѣли при воспитательныхъ реформахъ.—Образованіе и воспитаніе Екатерины.—Значеніе, которое она придавала чтенію книгъ.—Сходство ея взглядовъ со взглядами Монтэня. — Взглядъ Екатерины на образованіе женщинъ.—Различіе между Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ и Сен-Сиромъ.—Объясненіе нѣкотораго сходства въ правилахъ обоихъ заведеній.—Главныя цѣли воспитанія и образованія женщинъ тѣ же, какія Екатерина имѣла въ виду при воспитаніи и образованіи всего русскаго юношества.—Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ. — Достоинства Устава и его недостатки. — Одна изъ причинъ его неосуществимости. — Значеніе дѣла Императрицы Екатерины для женскаго образованія.

Въ сороковыхъ годахъ XVIII-го вѣка, когда Екатерина пріѣхала въ Россію (въ 1744 г.), русское общество оставалось равнодушнымъ къ вопросамъ, занимавшимъ образованныхъ людей на западѣ. Большинство относилось къ наукѣ даже враждебно. Молодые люди, посланные еще при Петрѣ учиться за границу, возвратились оттуда съ нѣкоторымъ запасомъ знаній; но бо́льшая часть побывавшихъ за границей русскихъ усвоили себѣ лишь внѣшній лоскъ европейскаго образованія и, вернувшись въ отечество, внесли въ русскую жизнь новый элементъ—свѣтскую пустоту, самомнѣніе, презрительное отношеніе ко всему русскому. Эти пороки мало-по-малу стали проникать въ среду какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и Сумароковъ обличалъ ихъ въ своихъ первыхъ ко-

медіяхъ (Чудовищи, Пустая ссора, Мать—совмѣстительница дочери).

Число истинно просвѣщенныхъ людей было у насъ ничтожно; но эти немногіе просвѣщенные люди, вглядываясь въ недостатки и пороки своего времени, пришли къ сознанію, что одно практическое знаніе безъ нравственнаго воспитанія безсильно противодѣйствовать злу, и поэтому, защищая науку, въ то же время ставили ей уже не ту цѣль, какая была при Петрѣ, а другую. Они требовали, чтобы наука вліяла на нравственный строй человѣка и чтобы не ученіе, а воспитаніе стояло на первомъ планѣ. Эту мысль за двадцать лѣтъ до того, какъ сочиненіе Локка „Мысли о воспитаніи" стало извѣстно русскому образованному меньшинству въ переводѣ профессора Поповскаго, выразилъ Кантемиръ [1]. Горячій защитникъ просвѣщенія, другъ Ѳеофана Прокоповича, едва ли не образованнѣйшій человѣкъ своего времени, онъ въ сатирѣ „О воспитаніи" [2], появившейся въ 1739 году, такъ опредѣлилъ роль науки по отношенію къ воспитанію:

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенчее зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ; къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки.

Мало-по-малу однако, къ концу царствованія императрицы Елизаветы, и въ русскомъ обществѣ стало замѣчаться пробужденіе умственной дѣятельности. Явились немногіе еще, правда, русскіе ученые и просто образованные люди, стремившіеся къ просвѣщенію, знавшіе иностранные языки и, благодаря имъ, познакомившіеся съ литературою, преимущественно французскою, которая господствовала тогда во всемъ образованномъ мірѣ.

Такіе люди были проникнуты сознаніемъ необходимости просвѣщенія для русскаго народа и это сознаніе выразилось даже въ законодательномъ актѣ, которымъ учреждался первый русскій университетъ, въ Москвѣ, въ 1755 году. Въ Именномъ указѣ Елизаветы объ учрежденіи университета [3]) прямо сказано: „Наше желаніе и воля въ произведеніи народнаго благополучія; но какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напро-

[1]) Кантемиръ учился за границей и прожилъ потомъ шесть лѣтъ въ Лондонѣ, гдѣ вѣроятно и познакомился съ сочиненіями Локка.

[2]) Сатира VII. Къ князю Н. Ю. Трубецкому. Сочиненія, письма и переводы кн. А. Д. Кантемира. Ред. П. А. Ефремова, 1867, стр. 152.

[3]) П. Собр. Т. XIV, ст. 10346.

Bayerische Staatsbibliothek München

тивъ того зло искореняется, то, слѣдовательно, нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрастить въ пространствѣ Имперіи Нашей всякое полезное знаніе“.

Подъ „полезнымъ“ знаніемъ понималось не одно практическое, а наука вообще; это видно изъ самой программы нашего перваго университета [1]). Но необходимость именно такого знанія сознавалась весьма немногими. Большинство, даже считавшихся образованными, людей, вѣря въ безусловную силу воспитанія, относились съ недовѣріемъ ко всякому иному знанію, кромѣ такого, какое могло пригодиться для службы или иной практической цѣли, или же требовалось напоказъ, какъ украшеніе. Вообще же боязнь просвѣщенія и вражда къ нему даже во второй половинѣ XVIII-го вѣка продолжали существовать, и въ нѣкоторой части общества доходили до того, что Ломоносовъ счелъ нужнымъ включить въ привилегіи проектируемаго имъ въ 1760 году Петербургскаго университета ту, чтобы „обязать духовенство не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“ [2]).

Помимо вліянія извнѣ, страхъ передъ водвореніемъ у насъ науки вызывался еще и тѣмъ, что первыя проявленія учености на русской почвѣ при господствовавшей во всемъ обществѣ грубости и непониманіи значенія истиннаго просвѣщенія, сопровождались несимпатичными чертами въ лицѣ отечественныхъ и иностранныхъ представителей этой учености. Не мудрено поэтому, что въ такомъ же смыслѣ стала высказываться и наша литература. Еще въ первомъ изъ русскихъ литературныхъ журналовъ „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“, издававшемся съ января 1755 года въ С.-Петербургѣ при Академіи Наукъ, въ одной изъ первыхъ книжекъ (майской) доказывается родителямъ необходимость „стараться объ обученіи дѣтей своихъ по достатку пристойныхъ наукъ“ [3]). Но и въ ней воспитаніе выдвигается на первый планъ. При этомъ обнаруживается замѣчательное смѣшеніе самыхъ послѣднихъ гуманныхъ западныхъ педагогическихъ принциповъ съ старыми пріемами русскаго воспитанія. Рядомъ съ внушеніями обращаться съ дѣтьми ласково,

[1]) Въ немъ предполагалось три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Въ послѣдній, кромѣ преподаванія философіи, которая обнимала логику, метафизику и нравоученіе, включалась физика экспериментальная и теоретическая, краснорѣчіе (ораторія и стихотворство), исторія всеобщая и русская съ вспомогательными науками: древностями и геральдикою.—Исторія Моск. университета. *С. Шевырева*, стр. 13.

[2]) *Сухомлиновъ*. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи (Ж. М. Нар. Просв. 1865, октябрь), стр. 42.

[3]) Статья „Правила воспитанія дѣтей“, пер. Ѳ. П.

съ довѣріемъ, и даже вступать съ ними въ разговоры и совѣтываться о дѣлахъ, въ той же статьѣ говорится, что „въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ суровый видъ и малая розга могутъ болѣе сдѣлать, какъ напослѣдокъ наибольшія наказанія... За ложь, упрямство и всякую умышленную злобу наказывать наижесточайше и въ семъ никогда не упускать". Тутъ же дается курьезный совѣтъ внушать дѣтямъ „понятіе о низменности сего свѣта и пріятное воображеніе смерти".

Предостереженіе противъ увлеченія наукою высказывалось и въ рѣчахъ профессоровъ, за исключеніемъ одного Ломоносова. Московскій профессоръ Барсовъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей Елизаветинскаго времени, въ рѣчи „О цѣли ученія", произнесенной въ 1760 году въ Московскомъ университетѣ [1]), перефразируя мысли Монтэня, опредѣлилъ роль ученія такъ: „Конецъ и намѣреніе ученія есть знаніе. Но знаніе подобно оружію: и во благо, и во зло употребить его можно... Надобно умѣть управлять имъ: управляетъ знаніемъ сердце, а въ немъ добродѣтель... Честное сердце предпочитается великому разуму" [2]).

Въ это время, когда объ образованіи женщинъ никто въ Россіи не обмолвился ни единымъ словомъ, Екатерина, будучи еще великой княгинею, въ собственноручныхъ замѣткахъ писала: „Учрежденіе С.-Сира. Лучшимъ и болѣе удобнымъ средствомъ подражать ему съ пользою было бы вызвать наставницу классовъ и получить уставы и журналы заведенія непосредственно отъ французскаго двора, такъ какъ дамы св. Людовика обязаны держать ихъ въ тайнѣ. Домъ найти не трудно, также какъ и средства. А чтобы помѣшать невѣждамъ кричать о монахинѣ француженкѣ и ея ереси, надо, подъ видомъ частнаго воспитанія, поручить ей сначала одну или двухъ сиротъ, которыя впослѣдствіи могли бы быть наставницами въ заведеніи; и такимъ путемъ, когда изъ года въ годъ приготовлялось бы достаточное число русскихъ наставницъ, можно было бы обходиться безъ помощи француженокъ. Это тѣмъ легче, что въ С.-Сирѣ принято за правило поручать болѣе юнымъ пансіонеркамъ обучать другъ друга тому, въ чемъ одна болѣе свѣдуща передъ другою" [3]).

[1]) Ист. Имп. Моск. унив. *С. Шевырева*, стр. 67.

[2]) „Or, il ne faut pas attacher le sçavoir à l'âme, il l'y fault incorporer; il ne l'en fault pas arrouser, il l'en fault teindre; et, s'il ne la change et méliore son estat imparfaict, certainement il vault beacoup mieulx le laisser là: c'est un dangereux glaive, et qui empesche et offense son maistre s'il est en main faible, et qui n'en sçache l'usage... Toute aultre science est dommageable à celuy qui n'a la science de la bonté". *Montaigne*. Essais. T. I, pp. 107—108.

[3]) Сб. р. ист. о. Т. XVII, стр. 82. Замѣтки писаны между 1761—1762 годами.

Писавъ это, Екатерина была едва ли не единственнымъ, кромѣ развѣ еще Бецкаго, человѣкомъ въ Россіи, думавшимъ въ то время о воспитаніи и образованіи женщинъ. Какимъ образомъ она пришла къ этой мысли, мы не знаемъ; о существованіи Сен-Сира Екатерина могла слышать еще живя въ Германіи, а потомъ изъ разсказовъ Бецкаго, который нѣсколько разъ въ царствованіе Елизаветы ѣздилъ за границу и осматривалъ различныя благотворительныя и воспитательныя учрежденія. Неизвѣстно также были ли доставлены Екатеринѣ уставы и журналы Сен-Сира. Но беря его за образецъ женскаго учебнаго заведенія, о которомъ она очевидно думала прежде еще своего вступленія на престолъ, Екатерина, какъ это обнаружилось впослѣдствіи, ставила дѣло шире: она не ограничивалась цѣлью Сен-Сира давать государству образованныхъ женщинъ, а хотѣла ввести женское образованіе въ общую систему воспитанія русскаго юношества, руководствуясь при этомъ вполнѣ государственной задачею—путемъ гуманнаго и раціональнаго воспитанія и образованія молодаго поколѣнія обоего пола, улучшить породу русскихъ „отцовъ и матерей", доставить счастье отдѣльной личности и этимъ поднять благосостояніе всего государства.

Такое намѣреніе обнаружилось тотчасъ же по вступленіи ея на престолъ. По воцареніи, одною изъ первыхъ мыслей Екатерины было учредить во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ „пенсіонные дома" или „воспитательныя Академіи", составленіе плана которыхъ она поручила нѣсколькимъ лицамъ и въ томъ числѣ Теплову, одному изъ умнѣйшихъ и наиболѣе образованныхъ людей того времени.

Тепловъ, воспитавшійся въ Александро-Невской школѣ Ѳеофана Прокоповича и потомъ проведшій нѣсколько лѣтъ за границею въ качествѣ наставника графа Кир. Гр. Разумовскаго, возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Россію въ 1746 году.

Представленная имъ Императрицѣ Екатеринѣ записка [1]) о воспитательныхъ Академіяхъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ автора съ самыми передовыми западными педагогическими идеями. Тутъ есть и воспитаніе главнымъ образомъ примѣромъ, ежеминутное наблюденіе и пребываніе воспитателей съ дѣтьми, „отеческое" отношеніе къ нимъ, дружескій, пріятный, шутливый раз-

[1]) Мнѣніе о провинціальныхъ школахъ, представленное Императрицѣ Екатеринѣ II Т. Сов. Тепловымъ (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1844, іюнь. Отдѣлъ V). Годъ записки не обозначенъ, но повидимому она была составлена одновременно или даже предшествовала составленію Генеральнаго Плана Моск. Восп. Дома, утвержденнаго Императрицею въ 1763 году.

говоръ съ ними, совѣтъ въ случаѣ крайней необходимости наказанія дѣлать это съ „холодной кровью“ и безъ гнѣва (Локкъ). Самая внѣшняя обстановка „Академій“ должна быть, по проекту Теплова, такова, чтобы житье въ нихъ казалось дѣтямъ „не темницей, но мѣстомъ пріятнымъ, ибо бѣдное черезъ-чуръ содержаніе мертвитъ духъ и мысли“. Поэтому же надо въ Академіяхъ ввести въ обыкновеніе пристойныя по лѣтамъ забавы и веселости и даже въ соблюденіи установленнаго въ домѣ порядка распредѣленія дня не слѣдуетъ проявлять излишнюю строгость, чтобы не стѣснять вольность духа у дѣтей (Мнѣніе, § 14).

Но въ отношеніи обученія Тепловъ пошелъ даже дальше своихъ западныхъ учителей XVI [1]) и XVII вѣка. Онъ полагалъ, что первое поколѣніе будущихъ воспитанниковъ Академій совсѣмъ не надо обучать, а только воспитывать. Да и къ воспитанію Тепловъ совѣтуетъ приступать съ крайнею осторожностью: брать дѣтей обоего пола прямо отъ груди, ибо „предоставленный на свою волю ребенокъ уже на 3-мъ или 4-мъ году окажется необузданною фуріею“; предпочитать дѣтей „лучше рожденныхъ происшедшимъ отъ злонравныхъ родителей“ и изъ первыхъ выбирать такихъ, которые соединяютъ „съ тихимъ нравомъ веселость духа“. Этому Тепловъ придавалъ такую важность, что боясь какъ бы не ошибиться въ наличности у будущаго питомца всѣхъ требуемыхъ качествъ, онъ совѣтовалъ не полагаться на свидѣтельство и одобреніе родителей и свойственниковъ; не вѣрить также „физіогноміи“ ребенка, „хотя“ — говоритъ Тепловъ — „ученые думаютъ, что всякая страсть отражается на лицѣ, которая ежели часто притворяется, то она будто оставляетъ нѣкоторые слѣды на сердцѣ и на лицѣ“. Чтобы избѣжать могущей быть ошибки, Тепловъ рекомендуетъ брать сначала дѣтей на полгода, для опыта, „ибо въ этотъ срокъ“ — говоритъ онъ — „можно будетъ имѣть много случаевъ чтобы по поступкамъ ребенка высмотрѣть внутренность его сердца“ (Мн., § 7). И вотъ когда отъ этихъ, съ такимъ тщаніемъ выбранныхъ и воспитанныхъ на новыхъ началахъ отцовъ и матерей, произойдетъ вполнѣ благовоспитан-

[1]) Вооружаясь противъ учености своего времени, Монтэнь разумѣлъ главнымъ образомъ такую, которая заключалась въ „искусствѣ измышлять разныя діалектическія тонкости, составлять апелляціонные отзывы, прописывать пилюли“ (Essais. T. I, p. 116). Но онъ не отрицалъ пользы науки и признавая полезнымъ прежде всего познакомить воспитанника съ самимъ собою, сдѣлать его лучшимъ и мудрымъ при посредствѣ философіи и исторіи, полагалъ затѣмъ обучать его и другимъ наукамъ: логикѣ, физикѣ, геометріи, риторикѣ, говоря, что разъ способность сужденія развита въ юношѣ, онъ легко можетъ овладѣть всѣми науками (Essais. T. I, p. 126).

ное и благоправное потомство, то это второе или даже третье „порожденіе“ можно будетъ уже обучать и наукамъ: „философіи нравоучительной, Богословіи Естественной [1]), математическимъ и физическимъ въ теоріи, иностраннымъ языкамъ и словеснымъ наукамъ для изощренія памяти и разума и какъ дѣлающимъ человѣка способнымъ къ службѣ“. Необходимость обучать наукамъ Тепловъ счелъ нужнымъ мотивировать и указалъ при этомъ, что если потратить трудъ на воспитаніе только благоправныхъ и добродѣтельныхъ людей, то „придется ихъ за одну диковинку или рѣдкость показывать другимъ, ибо ни къ какому дѣлу употребить ихъ будетъ невозможно и ихъ добродѣтель не принесетъ пользы ни Государю, ни обществу“ (Мн., § 6).

Нѣкоторыя изъ изложенныхъ въ запискѣ Теплова мыслей вошли въ докладъ Бецкаго „Генеральное Учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола“, конфирмованный Императрицею 12 марта 1764 года [2]). Но еще раньше Бецкій формулировалъ свои мысли въ „Генеральномъ Планѣ Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома и госпиталя“, конфирмованномъ Екатериною 26 августа 1763 года. „Безъ сомнѣнія“, говоритъ Бецкій, „справедливо оное всего свѣта общее мнѣніе, что добрые или худые нравы каждаго человѣка во всю его жизнь зависятъ отъ перваго его добраго или худаго воспитанія“ [3]). Признавая такое важное значеніе перваго воспитанія, Бецкій намѣчаетъ въ появившейся тогда первой лишь части Генеральнаго Плана тѣ качества, которыя должны преимущественно развиваться въ питомцахъ обоего пола для того, чтобы они, ставъ взрослыми, служили примѣромъ для другихъ и такъ же воспитали своихъ дѣтей, „вслѣдствіе чего“, говорится въ Планѣ, „можетъ со временемъ послѣдовать щастливая перемѣна въ нравахъ и склонностяхъ всей той части народа, къ которой они принадлежать будутъ“. На первомъ мѣстѣ такого воспитанія Бецкій ставитъ гу-

[1]) Въ Планѣ университетовъ, составленномъ въ 1787 году Коммиссіею народныхъ училищъ, предметъ „естественной богословіи“ объясняется такъ: „когда учащійся пріобрѣлъ понятія о Богѣ, о собственномъ назначеніи, о добродѣтели и злѣ, ему показывается теперь согласіе этого ученія съ здравымъ разсудкомъ, подкрѣпляемое естественными (въ противоположность сверхъестественнымъ) доказательствами. Это составляетъ предметъ естественной богословіи, содержащейся въ метафизикѣ и нравственной философіи“. *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Журн. М. Нар. Просв. 1865. Октябрь.

[2]) Учрежденія и Уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола, во удовольствіе Общества собраны и новымъ тисненіемъ изданы. Въ Санктпетербугѣ. 1774. Т. II.

[3]) Тамъ же. Т. I. Предъувѣдомленіе къ читателямъ. Генер. Планъ. Ч. 1-я.

манность въ обращенiи съ дѣтьми. Такъ какъ все воспитанiе должно было заключаться въ примѣрахъ, какiе они будутъ имѣть передъ собою, то чтобы не прiучить ихъ къ суровости, запрещались въ Воспитательномъ Домѣ побои и вообще всякiя тѣлесныя наказанiя даже по отношенiю къ служащимъ (Генер. Пл., гл. 5, § 10). Исправлять дѣтей предписывалось увѣщанiями, а въ случаѣ необходимости наказать ребенка, наблюдать чтобы „жестокостью не привести его къ упорству и безчувствiю“ (гл. 5, § 11).

Однако однимъ только воспитанiемъ, какъ бы оно хорошо ни было, Бецкiй очевидно не считалъ возможнымъ достигнуть цѣли, указанной самою Императрицею въ Манифестѣ „о заведенiи и построенiи“ Воспитательнаго Дома; а цѣль эта, какъ сказано въ Манифестѣ, заключалась въ двухъ „верьховныхъ должностяхъ и добродѣтеляхъ каждаго боголюбиваго Владѣтеля: призрѣнiи бѣдныхъ и попеченiи о умноженiи полезныхъ обществу жителей [1]). Въ послѣднихъ видахъ, рядомъ съ обязанностью воспитывать, Генеральный Планъ предписываетъ и учить питомцевъ, начиная съ 7-го года: закону Божiю, чтенiю, письму, цыфири. А когда они подростутъ настолько, что будутъ обнаруживать свои склонности, то такихъ, которые окажутъ „дарованiе къ понятiю вышнихъ наукъ и художествъ и изученiемъ ихъ могутъ принести государству больше пользы чѣмъ изученiемъ какого-нибудь грубаго мастерства“, обучать еще „рисованiю, чтенiю иностранныхъ книгъ и писанiю на иностранномъ языкѣ, чтобы черезъ чтенiе книгъ они могли всѣми новыми изобрѣтенiями пользоваться“. При этомъ Бецкiй два раза считаетъ нужнымъ оговорить, что „изъ сего толь преполезнаго основанiя въ наученiи не выключается и женскъ полъ“ (Ген. Пл. Предъувѣдомленiе, стр. 23.— Гл. 2-я, § 11).

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ обнародованiя первой части Генеральнаго Плана, Бецкiй представилъ Императрицѣ другой свой докладъ — „Генеральное Учрежденiе о воспитанiи обоего пола юношества“, положенный въ основу правительственной системы воспитанiя при Екатеринѣ. Въ этомъ докладѣ уже прямо сказано: „Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, естьли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены“ (п. 5). Признавая это неоспоримымъ, Генеральное Учреж-

[1]) Манифестъ 1 сентября 1763 г. (Учр. и Уставы. Т. I, стр. 13).

деніе видитъ одно средство достигнуть цѣли, а именно: произвести новую породу отцовъ и матерей путемъ заведенія особыхъ воспитательныхъ училищъ для дѣтей обоего пола. Въ такія училища дѣтей слѣдуетъ принимать не старѣе какъ 4 — 5-лѣтнихъ ибо въ такіе годы дитя „начинаетъ приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія“ и позже уже нельзя поправить худой нравъ ребенка, если онъ заразился дурными примѣрами въ окружавшей его до тѣхъ поръ средѣ. А чтобы устранить такіе примѣры на все время пока дитя будетъ воспитываться, Генеральное Учрежденіе предписываетъ оставлять дѣтей въ училищѣ до 18-ти или 20-ти-лѣтняго возраста, и во все это время имъ не сообщаться даже съ родителями иначе, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи начальниковъ (п. 9).

Въ училищѣ воспитаніе должно было совершаться постоянно имѣющимися передъ дѣтьми образцами добродѣтелей. Прежде всего Генеральное Учрежденіе предписываетъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать его къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію каждаго правиламъ; возбуждать въ дѣтяхъ охоту къ трудолюбію и чтобы страшились праздности какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; „однимъ словомъ“, сказано въ п. 10 Учрежденія, „ко всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшеніемъ“. „Просвѣщая притомъ“ — сказано дальше (п. 11) — ихъ разумъ науками и художествами „по природѣ, полу и склонности“ каждаго, надо, разсмотрѣвъ его склонности и охоту, предоставить выборъ той или другой (науки или художества) ему самому, ибо „давно доказано, что не предъуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилѣжать поневолѣ, а не по своему желанію“.

Въ Генеральномъ Учрежденіи указывается необходимость обращать вниманіе и на то̀, что̀ къ жизни, „цѣлости здравія и крѣпости сложенія“ дѣтей служить можетъ, и въ числѣ такихъ мѣръ признается необходимымъ увеселять юношество невинными забавами и играми, чтобы „чрезъ то мысли его приводить всегда въ

ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ“ (п. 12). Въ заключеніе Бецкій говоритъ, что Императрица уже поручила ему представить ей регламенты и инструкціи для предполагаемыхъ ею къ основанію на началахъ Генеральнаго Учрежденія воспитательныхъ училищъ: 1) въ С.-Петербургѣ, при Академіи Художествъ; 2) во всѣхъ губернскихъ городахъ, и 3) для двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, для которыхъ, прибавляетъ Бецкій, уже назначено Императрицею и зданіе, построенное Елизаветою Петровною. „Это зданіе“, говоритъ онъ, „яко монументъ Ея набожности и благочестія, обращенное въ воспитательное училище для дѣвицъ, соединитъ Ея намѣренія и пользу государства“.

Узаконенныя Генеральнымъ Учрежденіемъ правила воспитанія русскаго юношества легли въ основу Уставовъ: Воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ (2 мая 1764 года), Академіи Художествъ съ воспитательнымъ при ней училищемъ (октябрь, 1764 г.), Особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанское, января 31-го, 1765 г.), Императорскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго корпуса (сентября 11-го, 1766 г.) и, наконецъ, 2-й и 3-й частей Генеральнаго Плана Московскаго Воспитательнаго Дома (13-го августа 1767 года). Правила, изложенныя въ послѣднихъ, тогда же по повелѣнію Императрицы, должны были быть примѣнены къ основанному раньше Училищу мѣщанскихъ дѣвушекъ.

Стало быть одна и та же система была положена во всѣ Уставы отдѣльныхъ заведеній, которыя, какъ сказано въ Манифестѣ, приложенномъ къ Уставу Кадетскаго Корпуса [1]), должны были „взаимною помощью каждое изъ нихъ одно другому новую придавать силу“... и „всѣ части государственной твердости стекаться въ одно общее благо“. Такимъ образомъ относительно всего, касающагося собственно воспитанія, все русское юношество было подчинено однимъ и тѣмъ же правиламъ.

Поэтому во всѣхъ Уставахъ встрѣчаются одинаковыя для всѣхъ, часто даже однѣми и тѣми же словами выраженныя предписанія относительно воспитанія согласно главному, 10-му, пункту Генеральнаго Учрежденія. Кротость, благопристойность, учтивость, благоразуміе, справедливость, а также непритворная веселость, отсутствіе лишней важности и строгости въ обращеніи съ дѣтьми требуются какъ отъ Начальницы Воспитательнаго Общества благо-

[1]) Учрежденія и Уставы. Т. II.

родныхъ дѣвицъ и ея помощницъ, такъ и отъ Генералъ-директора, ценсора, подполковника, вообще всѣхъ военныхъ лицъ, приставленныхъ къ воспитанію кадетъ; тоже и въ Академіи по отношенію къ воспитанникамъ, а равно отъ главной надзирательницы надъ питомцами Воспитательнаго Дома. Кромѣ поименованныхъ качествъ, которыя предъявлялись къ воспитателямъ въ тѣхъ видахъ, чтобы они перешли къ дѣтямъ, въ разныхъ Уставахъ, по отношенію къ воспитываемымъ замѣчаются нѣкоторые оттѣнки въ правилахъ ихъ воспитанія. Въ программы всѣхъ учебныхъ заведеній включены какъ особый предметъ „Правила благонравія". Но согласно господствовавшему тогда духу времени, сословности, эти правила различались между собою тонкою, не сразу уловимою чертою сообразно „съ состояніемъ воспитываемыхъ" (Генер. Учр., п. 10).

Въ программѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ (§ 2) заключаются: „всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости". Въ Академіи Художествъ въ программѣ ученія 1-го возраста (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ) п. 2: всѣ части дѣтскаго воспитанія, а въ отроческомъ (отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ) сказано просто: краткія правила благонравія (п. 4). Въ Учрежденіи для малолѣтнихъ дѣвушекъ: въ 1-мъ возрастѣ: всѣ правила воспитанія, благонравія, обхожденія и чистоты. Въ Уставѣ Кадетскаго корпуса во 2-мъ возрастѣ, въ п. 9 программы: учтивство и долгъ пристойности. Только въ Генеральномъ Планѣ Московскаго Воспитательнаго дома не включенъ особый предметъ, подобный тѣмъ, какіе приведены нами изъ другихъ Уставовъ, но въ разныхъ мѣстахъ Плана, въ разъясненіяхъ его программы безпрестанно напоминается о необходимости воспитывать въ питомцахъ обоего пола учтивость, справедливость, пріятное обхожденіе, также „быть всегда веселу и довольну, пѣть и смѣяться", какъ способы къ произведенію людей здоровыхъ, добраго сердца и остраго разума. (Ч. 3-я, гл. IX, п. 4). За то въ числѣ предметовъ ученія, въ программѣ Воспитательнаго Дома есть такой: „Правила гражданской жизни управляемой законами Отечества". Еще общая черта всѣхъ, кромѣ Академіи Художествъ, Уставовъ—обученіе дѣтей домостроительству. Въ Уставѣ кадетскаго корпуса (Разсужденія о установленіи Кадетскаго корпуса, § 8) особо поясняется, что „г. Loккъ то присовѣтываетъ въ книгѣ „о воспитаніи благороднаго человѣка, дабы оный могъ управлять своимъ домомъ и жить порядкомъ". Съ этою цѣлью кадетъ, также какъ и обоего пола питомцевъ

Воспитательнаго Дома, признается необходимымъ обучать умѣнью вести приходо-расходныя книги.

Представляя Императрицѣ 2-ю и 3-ю части Генеральнаго Плана, уже въ 1767 году, Бецкій повторяетъ еще разъ высказанную въ Генеральномъ Учрежденіи мысль, говоря, что хотя Воспитательный Домъ—„этотъ драгоцѣнный залогъ человѣколюбія Вашего“—уже „снабдѣнъ приличными для воспитанія законами, но сего недовольно: Ваше Императорское Величество хощете, чтобы съ изящнымъ разумомъ изящнѣйшее еще соединялось сердце; ибо качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ, украшаетъ оныя, а не составляетъ“ [1]).

Различіе, полагаемое п. 11-мъ Генеральнаго Учрежденія „по природѣ, полу и склонности“ каждаго воспитываемаго, должно было полнѣе выразиться собственно въ ученіи, и сравнивая программы различныхъ учебныхъ заведеній, нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства въ намѣреніи съ которымъ группировались тѣ или другіе предметы въ программахъ перваго возраста Академіи Художествъ и Училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ. Тутъ для дѣвочекъ, какъ и для мальчиковъ, полагаются одни и тѣже предметы ученія: законъ Божій, чтеніе и письмо на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, рисованіе и первыя основанія ариѳметики. Кромѣ того дѣвочки должны были обучаться еще танцованію, женскимъ рукодѣліямъ, а способныя изъ нихъ, „по разсмотрѣніи ихъ дарованій и склонностей“, еще „голосной и инструментальной“ музыкѣ. Тоже самое въ первомъ возрастѣ полагалось и для благородныхъ дѣвицъ съ тою разницею, что обученіе языкамъ не ограничивалось однимъ чтеніемъ и письмомъ на этихъ языкахъ. Въ Кадетскомъ корпусѣ программа перваго возраста была уже чѣмъ для благородныхъ дѣвицъ, такъ какъ въ ней, кромѣ: познанія вѣры, русскаго и иностранныхъ языковъ, рисованія и танцевъ, полагалось лишь обученіе цыфири, и то въ послѣднемъ году изъ трехъ лѣтъ этого возраста, а обученіе собственно ариѳметикѣ начиналось со 2-го только возраста.

Въ Училищѣ для мѣщанскихъ дѣвушекъ предметами перваго возраста исчерпывалось все ученіе и въ остальныя девять лѣтъ эти предметы должны были повторяться. Но программа ученія благородныхъ дѣвицъ слѣдующихъ трехъ возрастовъ была, относительно предметовъ общаго образованія, основательнѣе даже нежели для кадетъ, хотя число предметовъ въ корпусѣ было больше.

Со 2-го возраста, т.-е. отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ кадетъ учили,

[1]) Учрежденія и Уставы. Т. I, стр 58.

кромѣ началъ славянскаго языка, еще географіи, хронологіи, исторіи, миѳологіи, ариѳметикѣ, геометріи; но всѣ эти предметы „въ сокращеніи“. Въ 3-мъ возрастѣ: совершеніе славянскаго языка, основанія воинской и гражданской архитектуры и бухгалтерство, а для желающихъ и латинскій языкъ. Съ 4-го возраста для кадетъ, которые оставались въ корпусѣ не 12-ть лѣтъ, какъ воспитанницы Общества благородныхъ дѣвицъ, а 15-ть, начиналось раздѣленіе „на воинское и гражданское званіе“ и число предметовъ увеличивалось до 22-хъ, „всѣми гражданскими и полезными“ науками. Въ разъясненіяхъ этой обширной программы, въ Уставѣ корпуса предписано: „для пользы воспитываемыхъ наблюдать, чтобы прилежаніе къ наукамъ было умѣренное“ (гл. 2-я, § 6), и чтобы кадетъ обучали не такъ, какъ въ университетахъ и другихъ училищахъ, а „самымъ дѣломъ, слышаніемъ и видѣніемъ“ (Разсужденія о установленіи Кад. корпуса, гл. VI, п. 10).

Программа обученія благородныхъ дѣвицъ со 2-го возраста увеличивалась только географіей и исторіей; но эти предметы должны были преподаваться не сокращенно. Въ 3-мъ возрастѣ къ этимъ наукамъ присоединялись еще „науки словесныя, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, также часть архитектуры и геральдики. Въ разъясненіи подробностей программы (Уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, гл. 2, § 6) сказано, что россійскому и чужестраннымъ языкамъ обучать надо такъ, чтобы на нихъ исправно читать, писать и говорить умѣли; также чтобы дѣвицы обучались стихотворству, „а въ художествахъ не только рисованію, но и миніатюрѣ“. Въ 4-мъ же, послѣднемъ, возрастѣ, кромѣ занятій хозяйствомъ и рукодѣліемъ (шитье платьевъ, вязанье чулокъ и пр.) ежедневно по двѣ воспитанницы этого возраста должны были обучать дѣвочекъ первыхъ двухъ классовъ (гл. 2, § 8).

Хотя и при обученіи благородныхъ дѣвицъ предписывается соблюдать общія для всѣхъ правила: чтобы учителя и учительницы не заставляли дѣтей много учить наизусть, „чтобы не отягощали незрѣлый умъ излишними понятіями“, не принуждали къ ученію съ жестокостью, чтобы оно „въ самомъ началѣ не показалось имъ горестью и не поселилось бы къ нему отвращенія“, чтобы разбирали „сложеніе ребенка: скоропонятенъ ли онъ или медлителенъ въ понятіяхъ“ и пр. (гл. I, § 8, разд. 5), но нигдѣ въ Уставѣ Воспитательнаго Общества не говорится ничего подобнаго тому, что̀ сказано въ Уставѣ Кадетскаго корпуса. Напротивъ, учительницамъ предписывается „стараніемъ, искусствомъ и трудами нечувствительно достигнуть до того, отъ чего

прямо происходитъ, что та или другая въ наукѣ не поспѣваетъ"; въ случаѣ же нежеланія учиться или упрямства дѣвицы, учительница должна „тотъ часъ употреблять пристойные способы къ отвращенію онаго... но безъ пристрастія и не для посторонней какой-либо причины" (§ 9). Учительницы должны были наблюдать успѣхи каждой дѣвицы, „прилежаніе ихъ или лѣность, и употреблять разные способы для возбужденія въ нихъ вящшей къ обученію ревности" (§ 10). Въ числѣ способовъ обученія наибольшую важность Уставъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ придаетъ „приваживанію дѣвицъ къ чтенію книгъ" и возлагаетъ на учительницъ „вперять въ нихъ охоту къ книгамъ" (§ 5).

Пріученіе дѣтей къ чтенію книгъ рекомендуется во всѣхъ уставахъ первыхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Екатериною. Въ Уставѣ Академіи Художествъ и въ Генеральномъ Планѣ Московскаго Воспитательнаго Дома это мотивируется тѣмъ, что если питомцы и питомки не будутъ разумѣть иностранныхъ книгъ, въ которыхъ „всегда изобилуютъ новыя изобрѣтенія по художествамъ, то весь свой вѣкъ останутся посредственными художниками" (Ч. I, гл. 2, § 11). Стало быть въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ имѣлась въ виду главнымъ образомъ практическая цѣль при возбужденіи въ воспитанникахъ охоты къ чтенію книгъ. Тоже самое и въ Кадетскомъ корпусѣ; для кадетъ необходимость чтенія обусловливается тѣмъ, чтобы они въ корпусѣ получили охоту къ чтенію „о дѣлахъ славныхъ военныхъ людей". (Разс. о устан. Кад. корп., гл. I, § 13). Съ этой цѣлью Уставъ предписываетъ имѣть при корпусѣ „благоразумно собранную библіотеку не токмо для употребленія кадетамъ, но и самимъ офицерамъ, учителямъ и къ воспитанію благороднаго юношества опредѣляемымъ людямъ" (О нѣкоторыхъ заведеніяхъ для корпуса, V, § 1). Въ Воспитательномъ Обществѣ предписывается „паче всего возбуждать въ воспитанницахъ охоту къ чтенію книгъ какъ для собственнаго увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы". При немъ также полагается имѣть библіотеку, какъ для упомянутой цѣли, такъ и для словесныхъ наукъ, (гл. I, разд. 6, § 11). Чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ включено, какъ уже выше сказано, и въ самую программу ученія благородныхъ дѣвицъ, начиная съ 3-го возраста.

Для того чтобы понять настоящій смыслъ вообще ученія, положеннаго для учебныхъ заведеній, основанныхъ Екатериною въ первые годы ея царствованія, и въ особенности для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, необходимо вникнуть

въ обстоятельства, при которыхъ оно предъявлялось русскому обществу, и вспомнить какой образецъ былъ тогда у всѣхъ передъ глазами. Первая часть Генеральнаго Плана была составлена Ив. Ив. Бецкимъ, а 2-я и 3-я его части профессоромъ Барсовымъ по матеріаламъ, доставленнымъ ему Бецкимъ и по мысли послѣдняго. Но мысли Бецкаго были мысли самой Императрицы. „Не знаю", говоритъ онъ въ Генер. Учрежденіи [1]), „изъяснилъ ли я слабымъ моимъ писаніемъ Вашего Императорскаго Величества намѣренія какимъ образомъ учредить въ Россіи воспитательныя училища; но то знаю, что всѣ мѣры употребилъ, тщательно стараясь изобразить точно, слово отъ слова, всѣ данныя мнѣ изустно повелѣнія и высокія мысли Августѣйшей моей Монархини какъ слѣдуетъ".

Европейски образованный, проникнутый тѣми же умственными и нравственными интересами, какими была проникнута Екатерина, гуманный и добрый человѣкъ, Бецкій былъ драгоцѣннымъ ея сотрудникомъ; но вліять и руководить ею онъ могъ лишь въ томъ, что̀ отвѣчало ея вкусамъ, мыслямъ, желаніямъ и цѣлямъ, которыхъ онъ и былъ ревностнымъ исполнителемъ. Его идеалъ человѣка былъ—добрый [2]), благовоспитанный, свѣтски образованный. Эти качества нравились и Екатеринѣ; но она понимала значеніе и науки, и истиннаго, а не внѣшняго только образованія. Благовоспитанный, свѣтскій невѣжда былъ ей и въ личныхъ сношеніяхъ такъ же невыносимъ, какъ грубый, неотесанный педантъ. Науку и истинную ученость она уважала [3]), а умъ, во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, не только уважала, но и любила. Педагогическія ея убѣжденія сложились, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ двухъ писателей, Монтэня и Локка, преимущественно Монтэня. Мысли послѣдняго пришлись ей особенно по душѣ; онѣ отвѣчали ея природѣ, складу ея ума; она ихъ не только усвоила, но провѣрила на себѣ, и къ почерпнутымъ изъ „Essais" Монтэня взглядамъ присоединила свои собственные, сложившіеся у нея изъ продолжительныхъ наблюденій и размышленій, чтенія и—что̀ особенно важно—изъ собственнаго опыта.

[1]) Учр. и Уставы. Т. II. Генер. Учрежденіе, стр. 2.

[2]) „Наименованіе „добраго" есть лучшимъ въ свѣтѣ для человѣка удовольствіемъ". Слова Бецкаго въ письмѣ къ Демидову. 2 сентября 1771 г. (Учр. и Уставы. Т. I. Достопамятныя дѣла и произшествія по Имп. Моск. Восп. Дому со времени учрежденія онаго).

[3]) Многочисленныя и несомнѣнныя доказательства такого ея отношенія къ ученымъ и даже просто талантливымъ людямъ можно найти въ ея письмахъ къ Гримму (См. Сб. р. ист. общ. Т. XXIII).

Найдя нужнымъ перевоспитать свой народъ, создать новую породу людей, Екатерина поставила себѣ цѣлью „достигнуть самыхъ истинныхъ и прочныхъ причинъ благополучія россійскаго рода". Такъ опредѣлена эта цѣль въ „Генеральномъ Учрежденіи" (п. 15). Въ частности намѣреніе Императрицы заключалось въ томъ, чтобы люди новой породы были „по своему состоянію полезны себѣ и обществу", безъ чего, какъ сказано въ „Предварительномъ объясненіи предметовъ Воспитательнаго Дома" (Генер. Пл., ч. 1) всякій человѣкъ тщетное бремя на землѣ". Изъ Наказа и другихъ источниковъ мы знаемъ, что Екатерина хотѣла воспитать не только полезныхъ, но и такихъ членовъ общества, которые служили бы ему украшеніемъ" [1]). А изъ частныхъ писемъ Императрицы видно, что она задалась еще мыслью сдѣлать своихъ подданныхъ и счастливыми" [2]). Всѣ эти задачи, взятыя въ совокупности, не могли быть достигнуты однимъ только воспитаніемъ въ добрыхъ нравахъ. Тутъ требовалось и образованіе, и не только оно, а по выраженію г-жи Мэнтенонъ — „еще тысячи другихъ вещей".

Что таковъ былъ взглядъ Екатерины на воспитаніе, это видно изъ многихъ ея сочиненій и, между прочимъ, изъ Инструкціи князю Салтыкову [3]), гдѣ она говоритъ: „замыкается же оное (воспитаніе) въ четырехъ вещахъ: 1) въ добродѣтели, 2) въ учтивости, 3) въ добромъ поведеніи, 4) въ знаніи". Таже мысль выражена и въ составленномъ Императрицею „Гражданскомъ начальномъ ученіи" [4]): § 145 „Знанія къ мудрости столь же нужны, какъ зрѣніе здравію".

Когда Бецкій писалъ свой докладъ, онъ руководствовался лучшими педагогическими идеями, выработанными на западѣ; но кромѣ того онъ долженъ былъ имѣть въ виду взгляды и вкусы Императрицы, а сама она должна была невольно являться ему живымъ образцомъ того идеала образованія, какого она желала для своихъ подданныхъ и какое считала для нихъ возможнымъ, а также и тѣхъ способовъ, какими этотъ идеалъ могъ быть достигнутымъ. Его ошибка, а также ошибка Екатерины, заключа-

[1]) Наказъ Ея Имп. Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссійскія, данный коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. С.-Петербургъ при Имп. Ак. Наукъ. 1770 года. Гл. XIV „О воспитаніи", § 356.

[2]) Письмо къ Циммерману.—Также Сб. р. ист. общ. XXIII, стр. 77. Примѣчаніе. Эпитафія Екатерины, написанная ею самою въ 1778 году.—Планъ Коммерческаго Воспитательнаго училища (Учр. и Уставы. Т. I, стр. 186).

[3]) Инструкція кн. Ник. Ив. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей. Соч. Имп. Ек. II. Изд. А. Смирдина. С.-Петерб. 1849. Т. I.

[4]) Тамъ же.

лась въ томъ, что они забывали, что не всѣ дѣти родятся съ такими способностями какъ Императрица и не всѣ люди бываютъ геніальными.

Екатерина получила самое поверхностное образованіе; на это есть много подробныхъ указаній въ ея письмахъ къ Гримму [1]). У нея была учительница француженка, мамзель Кардель. Пасторъ Вагнеръ училъ ее нѣмецкому языку, а m-r Laurent писать по-французски. Обоихъ Екатерина считала глупыми. Объ образованіи дѣвицы Кардель она прямо не говоритъ, но обыкновенно отзывалась о ней въ шутливомъ тонѣ. По словамъ Екатерины, Кардель могла по пальцамъ перечесть всѣ существовавшія въ ея время комедіи и трагедіи и оттуда, полагаетъ Екатерина, извлекала свои правила воспитанія. Она требовала чтобы Екатерина всегда въ разговорѣ прибавляла слово „monsieur", заставляла ее много читать Мольера. Кардель „и сама по себѣ была очень забавна", прибавляетъ Екатерина [2]). Не смотря однако на эти смѣшныя стороны своей воспитательницы, Императрица всегда отзывалась о ней какъ объ „умной дѣвицѣ, знавшей почти все ничему не учившись—почти также, какъ ея ученица", замѣчаетъ она.

И свое воспитаніе Екатерина не считала дурнымъ [3]). „Тогда", говоритъ она, „воспитаніе не было такимъ процѣженнымъ (épurée), какъ теперь, когда, какъ мнѣ сказала великая княгиня [4]), чтеніе и представленіе комедій Мольера противно добрымъ нравамъ; это жаль, до сихъ поръ я находила его очень хорошимъ" [5]). Въ другомъ своемъ письмѣ Екатерина противопоставляетъ свое воспитаніе позднѣйшему, представительницею котораго очевидно подразумѣваетъ великую княгиню Марію Θедоровну. „Хуже всѣхъ" (внучекъ), пишетъ она Гримму, „будетъ Екатерина: ея имя сдѣлаетъ то, что у ней будетъ больше причудъ, чѣмъ у сестеръ... Будь ихъ десять, я бы назвала ихъ всѣхъ именемъ святой Дѣвы Маріи; тогда, по моему, онѣ держались бы прямо, заботились бы о своей тальѣ и цвѣтѣ лица, ѣли бы за четверыхъ, съ осторожностью выбирали бы себѣ чтеніе и, наконецъ, достигли бы того,

[1]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII.

[2]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII, стр. 18.

[3]) Въ письмѣ къ г-жѣ Біелке отъ 30 апр. 1766 г. Екатерина, прося ее пріискать даму для фрейлинъ, говоритъ: „вы лучше чѣмъ кто-либо знаете, въ какомъ духѣ я была воспитана, и стало быть то, что мнѣ нужно". Сб. р. ист. общ. Т. X.

[4]) Марія Θедоровна.

[5]) Сб. р. ист. общ. XXIII, стр. 111. Письмо отъ 19 ноября 1778.

что вездѣ, гдѣ бы онѣ ни жили, ихъ называли бы превосходными гражданками“ [1]).

И дѣйствительно, съ такой ученицей какою была Екатерина, воспитаніе, данное ей дѣвицею Кардель, имѣло свои хорошія стороны, въ чемъ, быть можетъ, всего меньше была повинна сама воспитательница. „Учить нетрудно“, писала Екатерина, „но надо, по моему, подождать чтобы голова и свойства головы ребенка развились прежде чѣмъ отуманивать ее всякимъ хламомъ прошедшихъ временъ. Да и изъ этого хлама надо выбирать тò, чтò слѣдуетъ ей предлагать; а чего нѣтъ въ природѣ, того не дастъ никакое ученіе. Между тѣмъ оно часто заглушаетъ природную остроту и нѣтъ ничего хуже какъ люди, по выраженію г-жи Жоффренъ, натертые умомъ и знаніемъ“ [2]). Вотъ на такую систему и напала случайно, сама того вѣроятно не подозрѣвая, и не понимая съ какою ученицею имѣетъ дѣло, г-жа Кардель. Она называла умъ своей ученицы „неповоротливымъ“, потому что та думала обо всемъ по своему. А что она думала, это видно изъ того, что во время урока пастора Вагнера Екатеринѣ, по ея разсказамъ, приходили въ голову такія мысли: „чтобы быть чѣмъ нибудь на этомъ свѣтѣ, надо имѣть для этого чего нибудь должныя качества; посмотримъ въ себя: есть ли они у насъ? а если нѣтъ, то образуемъ ихъ“ [3]).

Уже одинъ этотъ примѣръ показываетъ какъ сильно у Екатерины было развито мышленіе, когда она была еще ребенкомъ. Рядомъ съ этимъ, обладаніе здравымъ смысломъ, о которомъ ей постоянно твердила Кардель, умѣнье владѣть собою, на что есть много указаній въ отрывочныхъ разсказахъ Екатерины о своемъ дѣтствѣ [4]), вмѣстѣ съ стремленіемъ отыскивать всюду „лучшее“ (das Beste), которое ей Кардель и Вагнеръ, „люди XVII вѣка“ постоянно проповѣдывали—вотъ плоды, какіе вынесла Екатерина

[1]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII, стр. 92. 1778. 8 іюня. Въ другомъ, болѣе раннемъ письмѣ (отъ 24 авг. 1777 г.) Екатерина говоритъ Гримму, что Эйлеръ предсказываетъ конецъ міра, ибо появятся двѣ кометы, которыя столкнутся съ Сатурномъ. „Великая княгиня“, прибавляетъ Екатерина, „совѣтуетъ мнѣ ничему этому не вѣрить, ибо еще не исполнились пророчества Евангелія и Апокалипсиса и не объединились всѣ вѣрованія. Первому я отвѣчаю: „да благословитъ васъ Богъ“, а другой: „поди спать“. Стр. 62.

[2]) Сб. р. ист. общ. Т. XXIII, стр. 147.

[3]) Тамъ же, стр. 12.

[4]) Въ письмѣ къ Гримму 16 октября 1779 г. она говоритъ: „я никогда не поддаюсь первымъ искушеніямъ, противъ которыхъ, думаю, дѣвица Кардель и пасторъ Вагнеръ такъ закалили меня, что только послѣдующія могутъ заставить меня уступить (Сб. р. и. о. Т. XXIII, стр. 162).

изъ своего воспитанія. „Къ несчастію“, пишетъ она Гримму [1]), „бездѣлушки не входили у насъ въ это „Beste“. Рафаэль и пр. были бы оставлены безъ вниманія, еслибы нашлось что-нибудь лучшее“. Такія привычки и вкусы навсегда запечатлѣлись въ умѣ и характерѣ Императрицы Екатерины. Поэзія и музыка никогда не давались ей, но „самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія“ [2]), т.-е. любовь къ чтенію и привычка размышлять по поводу того, что̀ ей давали книги [3]), замѣнили для нея правильное, систематическое образованіе и сдѣлали изъ нея высокообразованнаго человѣка, притомъ разносторонне-образованнаго, которому доступны были всѣ сферы человѣческаго знанія, начиная отъ философіи и кончая архитектурой.

Это „самостоятельное образованіе путемъ упражненія“ Екатерина и разумѣла, когда въ данномъ ею „Наставленіи великимъ княгинямъ россійскимъ“ (1773 г., § 11) предписывала имъ чтеніе книгъ, которое „образуетъ вкусъ, сердце, умъ“ [4]). Въ „Гражданскомъ начальномъ ученіи“ § 97 гласитъ: „на часъ увѣщевать человѣка языкомъ, на вѣкъ книгою“ [5]). Съ тѣмъ же намѣреніемъ, думаемъ мы, уставами различныхъ учебныхъ воспитательныхъ заведеній предписывалось: „внушать паче всего юношеству вкусъ къ чтенію книгъ“. Чтеніе должно было служить ключомъ къ образованію, которое однако само по себѣ не ставилось цѣлью предположенной Екатериною реформы воспитанія, а должно было служить лишь средствомъ къ достиженію другихъ, главныхъ ея цѣлей. Въ „Гражданскомъ начальномъ ученіи“ такъ опредѣлены самою Императрицею гражданскія обязанности человѣка [6]): „добрый гражданинъ есть тотъ, который выполняетъ съ точностью всѣ гражданскія обязательства, домашнія: яко сынъ, яко братъ, яко мужъ, яко отецъ, яко получающій услуги, или яко отправляющій служеніе по состоянію, въ которомъ находится; общественныя: яко въ обществѣ живущій, и дружескія: яко другъ и яко добрый сосѣдъ“ (§ 88).

Научить этимъ обязанностямъ считалось возможнымъ путемъ

[1]) Тамъ же, стр. 212.

[2]) Слова Инструкціи Имп. Ек. князю И. Салтыкову.

[3]) По поводу записокъ Блэкстона (проф. гражд. и полит. правъ къ Оксфордѣ) Екатерина пишетъ Гримму: „я неразлучна съ его комментаріями; это неисчерпаемый поставщикъ фактовъ и идей; я ни въ чемъ не слѣдую тому, что онъ говоритъ въ своей книгѣ, но по своему развертываю мой мотокъ нитокъ“. Сб. р. и. о. Т. XXIII, стр. 52.

[4]) Сб. р. и. о. Т. XIII, стр. 335.

[5]) Соч. Ек. II. Т. I.

[6]) Тамъ же, стр. 176.

преподаванія извѣстнымъ способомъ закона Божія, законовъ гражданскихъ, нравоученія. Образовать полезнаго и пріятнаго обществу члена думали сообщеніемъ ему техническихъ пріемовъ того или другого дѣла или свѣдѣній, также нѣкоторыхъ поверхностныхъ знаній. Но для достиженія послѣдней изъ главныхъ цѣлей Екатерины—сдѣлать людей счастливыми—существенное значеніе въ ея мысляхъ должно было имѣть привитіе имъ привычки и вкуса къ чтенію книгъ, т.-е. къ умственнымъ занятіямъ. Въ этомъ Екатерина могла руководствоваться собственнымъ опытомъ, а для Бецкаго—опять служить живымъ примѣромъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Циммерману Екатерина говоритъ: „родъ человѣческій вообще склоненъ къ неразумію и несправедливости, а съ этимъ нельзя быть счастливымъ. Еслибы онъ слушался разума и справедливости, то *въ насъ* не было бы нужды“ [1]). Такъ думала Екатерина уже въ старости, но ея взглядъ на счастье былъ одинъ и тотъ же втеченіе всей ея жизни. Она его полагала не въ матеріальныхъ или внѣшнихъ условіяхъ, а во внутреннемъ довольствѣ человѣка, въ умѣньи стать выше обстоятельствъ жизни, найти въ себѣ опору противъ всевозможныхъ ея невзгодъ. Все это она вынесла изъ собственнаго опыта и притомъ въ ранней молодости. Скоро послѣ выхода замужъ (16-ти лѣтъ), увидѣвъ себя несчастною, Екатерина огорчилась и возмутилась этою мыслью; ея уязвленная гордость подсказала ей рѣшимость не давать воли своему горю и противодѣйствовать ему всѣми силами. Она сказала себѣ: „счастье и несчастье въ сердцѣ и душѣ каждаго человѣка; если ты чувствуешь себя несчастною, стань выше этого и сдѣлай такъ, чтобы твое счастье не зависѣло ни отъ какого внѣшняго обстоятельства“ [2]). Ей удалось этого достигнуть благодаря, въ значительной по крайней мѣрѣ степени, серьезному, „возвышающему душу“ чтенію. Къ этому средству она прибѣгла по совѣту шведскаго посланника, стараго знакомаго ея матери, графа Гилленбурга. По его указаніямъ она, до вступленія своего на престолъ, прочла „Жизнь знаменитыхъ людей, Плутарха“, „Жизнь Цицерона“, „Исторію и причины величія и упадка римской республики“, Монтескьё и много другихъ историческихъ и философскихъ книгъ [3]). Такимъ образомъ Екатерина съ полнымъ основаніемъ могла впослѣдствіи сказать, что у нея „были хорошіе учителя: несчастіе съ уединеніемъ“ [4]).

[1]) Соч. Имп. Ек. II. Т. III. Письмо къ Циммерману отъ 29-го ноября 1789 г.

[2]) Mémoires de Catherine II, p. 330.

[3]) Тамъ же, стр. 29.

[4]) Сб. р. и. о. Т. XXIII, стр. 77.

Въ это же время она, можетъ быть, познакомилась и съ Монтэнемъ [1]), который въ основу своей системы воспитанія кладетъ философію и исторію. Эти двѣ науки, по взгляду Монтэня, должны служить важнымъ воспитательнымъ средствомъ и способствовать развитію мышленія и сужденій. Поэтому подъ философіей онъ разумѣетъ не ту философію, которая служила бы источникомъ, откуда можно заимствовать и при случаѣ блеснуть знаніемъ того, „какъ думалъ Платонъ или что̀ сказалъ Аристотель“ [2]), а какъ источникъ мыслей „великихъ умовъ лучшихъ вѣковъ“. Эти мысли должны служить матеріаломъ для собственныхъ размышленій и сужденій ученика, которому Монтэнь совѣтуетъ какъ можно скорѣе забыть даже, откуда у него развилось то или другое убѣжденіе: почерпнулъ ли онъ первоначальную мысль у Платона, Аристотеля или эпикурейцевъ [3]). Исторію онъ понималъ не какъ собраніе фактовъ и чиселъ, а какъ „общеніе съ людьми умершими, живущими лишь въ книгахъ“. Съ этой цѣлью и Монтэнь рекомендуетъ читать Плутарха и Цицерона.

Именно такъ и читала Екатерина; въ ея запискахъ и письмахъ никогда не видно признаковъ учености, но она была настоящимъ философомъ въ томъ смыслѣ, что философскія сочиненія, которыя она читала, были для нея, какъ говоритъ Монтэнь, „анатоміей философіи, при посредствѣ которой мы можемъ проникать въ глубочайшія части нашей природы“. Такая философія, которую онъ называетъ святою [4]), ибо она дѣлаетъ насъ мудрыми, научая насъ познавать себя, „хорошо жить и хорошо умереть“ [5]), сдѣлала и Екатерину мудрою. По крайней мѣрѣ половина этого девиза Монтэня была и ея девизомъ.

Тождество въ идеяхъ ея и Монтэня отражалось даже во внѣшности Екатерины. „Мудрость, какъ надлунный міръ“, говоритъ Монтэнь, „всегда ясна“... Душа, вмѣщающая ее въ себѣ, своимъ здоровьемъ должна оздоровить и тѣло... Ея покой и довольство должны сіять и отражаться во внѣшности, сообщать ей

[1]) Изъ двухъ томовъ Essais *Монтэня*, вопросамъ воспитанія посвящены три главы: IX—Que philosopher c'est apprendre à mourir; XXIV—Du pédantisme; и XXV—De l'institution des enfants. T. I. Nouvelle édition avec des notes choisies dans tous les commentateurs et la traduction de toutes les citations que renferme le texte, par M. *J. V. Leclerc*. Paris. 1874.

[2]) Essais. T. I, p. 104.

[3]) Essais. T. I, p. 118.

[4]) Тамъ же, 50.

[5]) Тамъ же. 125.

граціозное достоинство, дѣятельную, живую, дышащую привѣтливостью осанку“ [1]).

Еслибы мы не знали, что Монтэнь писалъ свои Essais почти за полтораста лѣтъ до рожденія Екатерины, можно было бы подумать что онъ имѣлъ ее передъ собою, когда изображалъ вліяніе философіи на внѣшность проникнутаго ею человѣка. Нелѣпо было бы думать, конечно, что чтеніе и изученіе Монтэня само по себѣ наложило печать на внѣшній обликъ Императрицы; но что мысли Монтэня отвѣчали существу ея природы—это представляется несомнѣннымъ: онѣ навсегда запечатлѣлись въ ея душѣ, можетъ быть даже сложились у нея раньше еще чѣмъ она прочла ихъ формулированными Монтэнемъ.

Такая философія, усвоенная въ молодости, помогла ей узнать самое себя [2]), выработать въ себѣ характеръ, взглядъ на людей и жизнь, умѣнье овладѣть собою и разобраться въ очень трудныхъ обстоятельствахъ жизни, выйти изъ нихъ побѣдительницею. И впослѣдствіи, до самой смерти, Екатерина всегда искала въ самой себѣ и въ умственныхъ занятіяхъ спасенія отъ горя и всевозможныхъ непріятностей и всегда его находила въ нихъ [3]).

Въ этой независимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ она видѣла счастье, которое, казалось ей, въ рукахъ каждаго; только надо указать пути, какими оно достигается, а этотъ путь извѣстенъ ей былъ по опыту.

Если вспомнить, что новая система воспитанія въ Россіи вводилась исключительно по волѣ самой Императрицы и подъ непосредственнымъ ея руководствомъ; если взять также во вниманіе, что чтеніе книгъ въ умѣ Екатерины должно было служить ключомъ къ образованію и къ счастью, то станетъ понятнымъ важное значеніе, какое придавалось этому въ ученіи русскаго юношества. Подъ скромнымъ требованіемъ „паче же всего возбу-

[1]) T. I, p. 128.

[2]) Будучи еще 15-ти лѣтъ, Екатерина изобразила себя въ письмѣ къ гр. Гилленбургу такою, какою сама себя знала. Это описаніе озаглавленное ею тогда: Portrait d'un philosophe de quinze ans“ она перечитала когда ей было ужъ 29-ть лѣтъ и сама удивилась глубинѣ и вѣрности своихъ сужденій о себѣ (Mémoires, p. 29—30).

[3]) Прочитавъ книгу Циммермана „о уединеніи“ Екатерина писала ему: „Сначала я боялась раскрыть вашу книгу потому что судя по ея названію опасалась чтобы она не усилила во мнѣ ипохондрію къ которой я и безъ того нѣсколько мѣсяцевъ чувствовала въ себѣ наклонность; но сія книга болѣе нежели что другое остановила и потомъ уменьшила дѣйствія оныя. Въ сей книгѣ есть сила и величіе, и красота души. Судя по дѣйствію на меня сей драгоцѣнной книги думаю, что она можетъ быть лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ“ (Соч. Имп. Ек. II. T. III. Письмо отъ 22-го февраля, 1785 г.).

ждать охоту къ чтенію“ подразумѣвалась такимъ образомъ весьма обширная программа.

Слѣды личности Императрицы должны были отразиться также въ нѣкоторыхъ особенностяхъ системы собственно воспитанія. Тепловъ, Бецкій и другіе, составлявшіе, по ея порученію, проекты новыхъ правилъ воспитанія, брали образцы, какъ извѣстно, съ запада. Тамъ принципы гуманности къ дѣтямъ, вниманіе къ ихъ природѣ, желаніе до крайнихъ предѣловъ облегчить имъ трудности ученія, и пр., хотя и были окончательно признаны всѣми, но дальше теоріи дѣло не пошло. На практикѣ не было и случаевъ примѣнить точныя и подробныя предписанія относительно внѣшнихъ даже формъ, въ которыхъ должны были проявляться новыя педагогическія начала.

Эти подробности впервые вырабатывались у насъ, но въ примѣненіи ихъ къ дѣлу, у насъ въ систему новаго воспитанія были включены нѣкоторыя особенныя требованія, ни откуда не заимствованныя, хотя и представляющія дальнѣйшее развитіе тѣхъ же западныхъ началъ. Такъ и въ „Генеральномъ Учрежденіи“ и во всѣхъ его примѣненіяхъ къ Уставамъ различныхъ заведеній безпрестанно повторяется требованіе не только чтобы у дѣтей былъ бодрый видъ, веселость, „вольныя дѣйствія души“, и пр., но воспитателямъ и воспитательницамъ вмѣняется даже въ обязанность, чтобы всѣ ихъ дѣйствія были не только „благоразумны и искусны“, но и соединены съ кротостью, а „наипаче съ непринужденною веселостью“. Для того, чтобы не привести дѣтей въ уныніе, приставленныя къ нимъ лица должны были даже „скрывать отъ нихъ свои огорченія“ [1]).

Это считалось очевидно весьма важной стороной воспитанія, ибо для предотвращенія унылаго и грустнаго вида у ребенка Бецкій даетъ самые разнообразные совѣты, и въ составленномъ имъ „Краткомъ наставленіи о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества“ [2]) есть особый отдѣлъ: „о темпераментѣ или свойствѣ человѣческомъ“. Тутъ родителямъ и воспитателямъ указываются способы, какъ по внѣшнему виду ребенка распознавать его наклонности, которыя должны вполнѣ обнаружиться къ 15-ти годамъ, и „свойства сложенія, которое будетъ владычествовать въ человѣкѣ“. Самымъ лучшимъ „сложеніемъ“ признается многокровный или сангвиникъ. Его „знаки“: „свѣжій и румяный цвѣтъ

[1]) Уставъ восп двухсотъ бл. дѣв. Гл. I, разд. 5, § 9.

[2]) Краткое наставленіе выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества. С.-Петербургъ. 1768 г. (Учр. и Уставы. Т. II).

лица, непостояненъ, веселъ, малымъ доволенъ, непопечителенъ, любитъ смѣхъ, шутливъ безъ обиды другихъ, и пр. Флегматикъ: тихъ, нѣженъ, вида пріятнаго, не имѣетъ бѣглаго разума, лѣнивъ, тупъ и неспособенъ къ вымысламъ, но способенъ къ точному познанію наукъ; столь любопытнымъ бываетъ фисикомъ, что одно крыло бабочкино цѣлый день разсматривать въ состояніи; любитъ жалкую и унылую музыку, стихотворство пастушье, и пр. Вспыльчивый—имѣетъ взоръ быстрый, блестящій, чувствителенъ и скоръ къ гнѣву, разсуждаетъ немедлительно, твердо и основательно; мысли у него изобильныя, любитъ горячо и въ ненависти непримиримъ... Въ трудахъ, въ великихъ работахъ терпѣливъ и ревнителенъ, чрезвычайно любитъ хитрости и удивительно производитъ оныя; любовникъ страстный и замысловатый, другъ искренній и живой, любитъ упражняться въ наукахъ, и пр. (Такому дается совѣтъ воздерживаться отъ вина и крѣпкихъ напитковъ.) Подробнѣе всѣхъ описывается четвертый типъ—меланхолика или „Задумчиваго". Его знаки: „лицо худощавое, кожа присохлая къ костямъ и горячая, волосы черные и жесткіе, по бо́льшей части лицомъ не пригожъ, хотя и бываетъ хорошъ въ ребячествѣ; глаза малы и нѣсколько суровы, видъ угрюмый, мысли изобильныя, память твердая, разсужденіе скорое и острое, много разума, но часто употребляемъ бываетъ на осужденіе людскихъ недостатковъ; способенъ къ наукамъ самымъ высшимъ; любовникъ чувствительный, готовъ умертвить себя за невѣрную женщину; скука, уныніе, праздность и уединеніе суть лучшія его забавы; желанія превосходятъ силы". Противъ такого „сложенія" особенно предостерегаетъ „Краткое Наставленіе" и совѣтуетъ „всячески, но безъ принужденія и *не говоря о болѣзни*, развеселять и разбивать задумчивыя мысли юноши, удалять отъ людей печальныхъ, вывозить на увеселительныя позорища, а не на трагедію, всего же лучше быть ему въ путешествіяхъ".

Въ своихъ сочиненіяхъ, легкихъ и серьезныхъ, Екатерина, хотя бо́льшею частью въ отрицательной формѣ и не говоря прямо отъ себя, такъ много высказывалась, что всякому, знакомому съ ея трудами, легко догадаться, который изъ этихъ типовъ ей нравился, и какой, напротивъ, былъ ей непріятенъ. Въ „Краткомъ Наставленіи" типъ меланхолика признается даже ненормальнымъ; ему Бецкій приписываетъ тѣ черты, противъ которыхъ предостерегаетъ и въ своемъ докладѣ [1]). „Лѣность",

[1]) Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества. Съ прочими въ пользу Общества установленіями. 1789. Т. I. Предварительное объясненіе предметовъ Восп. Дома.

говоритъ онъ, „уныніе и грусть—предшественники дурныхъ нравовъ". Въ этихъ словахъ слышится отголосокъ мысли Монтэня: „сумрачный, печальный видъ у человѣка прямо свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ его душѣ философіи" [1]).

Особо важное значеніе, которое въ новой системѣ воспитанія у насъ придавалось привитію дѣтямъ бодрости, веселости и пр., можно конечно объяснить тѣмъ, что сама Императрица была веселаго характера и любила веселіе. Но такое объясненіе было бы не полно. Екатерина была слишкомъ умна и справедлива, чтобы одобрять и предписывать другимъ все, что было въ ней самой или что ей нравилось. Музыка и поэзія [2]) были ей не по вкусу, она была къ нимъ и неспособна; это не помѣшало однако включенію въ программы учебныхъ заведеній для благороднаго юношества обученія вокальной и инструментальной музыкѣ, также и стихотворству. Слѣдовательно тутъ, какъ во всемъ, что предпринимала Екатерина, надо искать болѣе серьезную причину.

Объясненіе этому даетъ сама Императрица въ своихъ письмахъ. „Надо быть веселою",—говоритъ она г-жѣ Біельке [3]), — „только при этомъ условіи можно преодолѣть все. Говорю по опыту, ибо мнѣ пришлось преодолѣвать и переносить многое въ жизни. Я однако смѣялась когда могла"... Изъ этихъ словъ можно заключить, что бодрость и веселость, въ умѣ Екатерины, помимо другихъ своихъ хорошихъ сторонъ, представлялись ей и средствомъ облегчающимъ жизнь. Кромѣ того что веселіе она справедливо считала потребностью нашей природы [4]), веселость характера помогаетъ также сближенію людей между собою, а жизнь „въ обществѣ" Екатерина считала не только средствомъ

[1]) Философію, такую какъ ее понималъ Монтэнь, онъ изображаетъ „веселою, ясною, говорящею о вѣчномъ праздникѣ и ясной свѣтлой погодѣ"; онъ считаетъ ее доступною даже дѣтямъ, „ибо", говоритъ онъ, „у нея есть слова для человѣка при вступленіи его въ жизнь, точно также какъ и при концѣ ея". Essais. T. I, pp. 127, 128, 130.

[2]) Изъ всѣхъ наукъ, которымъ Монтэнь полагалъ обучать юношу, предварительно развивъ въ немъ способность самостоятельнаго сужденія, онъ совершенно исключалъ изученіе лирической поэзіи, подтверждая свой взглядъ на нее словами Цицерона: „еслибъ мнѣ суждено было жить два вѣка, я и тогда не захотѣлъ бы изучать лирическихъ поэтовъ". Essais. T. I, p. 130.

[3]) Сб. р. ист. общ. Т. X, стр. 102. Письмо отъ 26 августа 1766 года.

[4]) Въ томъ же письмѣ къ Біельке Екатерина говоритъ: „Божусь вамъ, что и теперь, при всѣхъ заботахъ моего званія, я охотно играю при всякомъ случаѣ по вечерамъ въ жмурки съ сыномъ, а очень часто и безъ него. Мы это оправдываемъ говоря, что такъ поступаемъ ради здоровья, но, по правдѣ, между нами, намъ просто хочется поребячиться".

пріятно проводить время, но дѣломъ [1]). Самое широкое обращеніе съ людьми, жизнь въ свѣтѣ, въ обществѣ, путешествія горячо рекомендуетъ и Монтэнь, какъ средство „потереть и обточить нашъ мозгъ о мозги другихъ“ [2]) и удивительно проясняющее нашъ взглядъ на самихъ себя. Къ тому же бодрый видъ у человѣка служилъ, по мнѣнію Екатерины, отраженіемъ его характера и внутренняго настроенія и содержанія [3]). Такой видъ производитъ и пріятное впечатлѣніе въ обществѣ, а эта сторона не была забыта въ системѣ воспитанія Екатерины и Бецкаго. Все, что̀ могло служить украшеніемъ обществу, было принято ими во вниманіе [4]).

Но заботы о внѣшности, въ смыслѣ излишнихъ заботъ о туалетѣ или прическѣ по модѣ, не стояли при этомъ у Екатерины на первомъ планѣ. Сама она и воспитаніемъ повидимому не была къ нимъ пріучена. Въ письмѣ къ г-жѣ Біельке Екатерина вспоминаетъ о графинѣ Вахтмейстеръ, которая, говоритъ она, „22 года тому назадъ бранила меня въ Гамбургѣ за то, что я не завивала волосъ“ [5]). И хотя въ найденной между ея бумагами французской запискѣ о воспитаніи дѣтей, составленной Екатериною въ концѣ 1777 года, собственноручно и переписано ею наставленіе прусскаго короля о воспитаніи кронпринца, гдѣ приведены слова Фридриха Вильгельма I: „по старинному правилу тотъ дрянь человѣкъ, который неряшливъ и пренебрегаетъ своею наружностью“ [6]), однако въ Уставъ Кадетскаго корпуса включено было запрещеніе кадетамъ „завиваніе, пудры, помады и всѣ не кстатѣ уборы“ (Разс. объ устан. кад. корп., Заключеніе). Благородная же осанка, вѣжливость, привѣтливость, какъ внѣшніе знаки взаимнаго расположенія людей, имѣли въ глазахъ Екатерины значеніе.

[1]) Отвѣтъ Екатерины Фон-Визину на его вопросъ (12-й): „Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?“ — Сіе не ясно, — отвѣчаетъ Екатерина, — стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего“ (Соч. Ф.-Визина, ред. П. А. Ефремова, стр. 203).

[2]) Essais, T. I, p. 119.

[3]) Отвѣтъ Екатерины на 13-й вопросъ Ф.-Визина: „Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства?“—„Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка, и пр., то уже оказываютъ“.

[4]) Монтэнь, не придавая большаго значенія знаніямъ, служащимъ лишь для „украшенія“ человѣка, не отвергаетъ ихъ однако безусловно. Напримѣръ, умѣнье хорошо говорить онъ считаетъ желательнымъ для своего воспитанника; но думаетъ, что оно явится само собою у того, кто имѣетъ въ головѣ достаточный запасъ мыслей

[5]) Сб. р. ист. общ. T. X, стр. 106. Письмо отъ 26 авг. 1766 года.

[6]) Сб. р. ист. общ. T. XXVII, стр. 143.

Въ число предписываемыхъ ею въ этихъ видахъ мѣръ входили: опрятность и чистота [1]). „Благопристойность, учтивство и честь столь неразрывно сопряжены съ сею добродѣтелью (если можно такъ ее назвать), что отъ недостатка чистоты воспитаніе не можетъ быть въ совершенствѣ“ [2]). Той же цѣли должны были служить и танцы, обученіе которымъ и при Екатеринѣ признавалось нужнымъ всѣмъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, какъ благороднымъ, такъ и мѣщанскимъ дѣтямъ, за исключеніемъ лишь питомцевъ (обоего пола) воспитательнаго дома. Но и на танцы у Екатерины былъ свой взглядъ, отличавшійся отъ предшествовавшихъ ей.

Обученіе танцамъ, начавшееся у насъ при Петрѣ, продолжалось непрерывно и послѣ него. Необходимость такого обученія признавали даже академики, и въ числѣ ихъ Ломоносовъ, смотрѣвшій на танцы какъ на средство „пріучить къ общежитію“, къ „пристойному обхожденію“. Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія академикъ Фишеръ ставилъ поднятіе въ обществѣ уваженія къ ученымъ и даже къ наукѣ въ зависимость отъ обученія танцамъ студентовъ академической гимназіи. „И о самыхъ ученыхъ людяхъ“ — писалъ онъ въ рапортѣ о состояніи гимназіи — „худо говорятъ, что они не по модѣ поступаютъ и никогда хорошенько поклона отдать не умѣютъ, буде когда къ какому знатному господину, къ какой госпожѣ или въ какое честное собраніе придутъ. Оттого презираютъ сперва ученыхъ, а потомъ и самыя науки, понеже наукамъ въ порокъ ставятъ угрюмство и не модное обращеніе ученыхъ. Хотя бы другой причины къ припятію танцмейстера въ гимназію не было, кромѣ сей токмо, чтобъ онъ своихъ учениковъ училъ комплиментамъ, весело и непринужденно стать и свободно поворачиваться, однако сего довольно, что танцмейстера должно принять и содержать“ [3]). Десятью годами позже Державинъ, описывая преподаваніе въ Казанской гимназіи (въ 1758 г.), говоритъ, что хотя питомцы выходили изъ гимназіи „въ наукахъ неискусными, но обученіе танцамъ, фехтованію, произношенію рѣчей въ торжественныхъ

[1]) У Монтэня есть также намекъ на необходимость опрятности и чистоты: „Карнеадъ“ — говоритъ онъ — „за занятіями забывалъ о своей бородѣ и ногтяхъ“. Essais. T. I, p. 131.

[2]) Краткое наставленіе. Глава: о чистотѣ. § 119.

[3]) *Сухомлиновъ*. Исторія россійской Академіи. Вып. 2-й, стр. 33 (Сб. отд. русск. языка и слов Имп. Акад. наукъ. Т. XIV).

собраніяхъ, доставило воспитанникамъ людскость и розвязь въ обращеніи“ [1]).

Въ Инструкціи кн. Салтыкову, въ главѣ „касательно учтивости и того, что̀ потому отъ дѣтей требуется“, сказано: „учтивость много зависитъ отъ ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи, и пр.; доброй походкѣ и наружности ничѣмъ лучше выучиться не можно, какъ танцованіемъ“. Но всякая искусственность: комплименты, присѣданія, и т. п., не облегчаютъ, а напротивъ, затрудняютъ сношенія между людьми. Танцы же, не усложняемые ничѣмъ другимъ, должны были способствовать естественности, ловкости въ движеніяхъ, а это дѣлало человѣка свободнымъ въ обществѣ и помогало сближенію людей между собой. „Благородная, а не принужденная учтивость“ [2]) должна была воспитываться въ дѣтяхъ новой породы. Поэтому, хотя при Екатеринѣ танцы и включались въ программы всѣхъ почти новыхъ заведеній, но въ дополненіи къ 3-й части „Генеральнаго Плана“, въ особой главѣ: „о надобности воспитанія сходственнаго съ заведеніемъ“, высказывается порицаніе взгляду на танцы какъ на искусственное обученіе манерамъ.

Если прибавить ко всему сказанному заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, которое впервые при Екатеринѣ вводилось въ систему общаго воспитанія русскаго юношества и правила котораго были разработаны въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ Бецкимъ, то всякому будетъ ясно, что воспитаніе Екатерина понимала въ самомъ обширномъ смыслѣ. Образованіе, въ видѣ сообщенія дѣтямъ научныхъ свѣдѣній, было подчинено въ ея системѣ воспитанію; но оно входило въ него какъ неотъемлемая составная часть; а въ совокупности, то и другое имѣли предметомъ всего человѣка, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго.

Вся система Екатерины и Бецкаго была строго обдумана. Они раздѣляли воззрѣнія Фенелона и Локка, и думали что человѣкъ рождается ни дурнымъ, ни хорошимъ, и что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ него все [3]). Поэтому въ основу ихъ системы были положены самые гуманные принципы, которые должны были прививаться дѣтямъ примѣрами окружающихъ ихъ лицъ, любовью

1) Соч. *Державина*. Т. VI. Записки, стр. 420.

2) Уставъ восп. двухсотъ благ. дѣвицъ. Разд. 6, § 3.

3) „Нѣтъ врожденныхъ пороковъ и злодѣйствъ,—говоритъ Бецкій въ одномъ изъ своихъ докладовъ,—но дурные примѣры ихъ внушаютъ“ (Собр. учр. и предпис. касательно восп. въ Россіи обоего пола юношества. Т. I).

и лаской, а не розгами и побоями [1]). Императрица понимала, что успѣхъ такой системы всецѣло зависитъ отъ лицъ, которымъ придется примѣнять ее на дѣлѣ, и зная умственное и нравственное состоянiе семейной и общественной среды своего времени, не рѣшилась положиться въ этомъ на семью, вредное влiянiе которой должно было сразу парализовать ея благiя намѣренiя. Она взяла все дѣло въ свои руки, предоставивъ себѣ приставить къ нему избранныхъ ею самою лицъ, а отъ семьи потребовала даже совершеннаго отреченiя отъ дѣтей на все время, пока они будутъ воспитываться. Екатерина и Бецкiй думали, что отторгая на время дѣтей отъ родной семьи и возвращая ихъ ей, а также и всему обществу, лучшими нежели они были, именно черезъ этихъ усовершенствованныхъ воспитанiемъ его членовъ, плоды полученнаго ими воспитанiя распространятся на все общество и улучшатъ его.

Поставивъ общею цѣлью своихъ реформъ гражданское благоденствiе своихъ подданныхъ, путемъ воспитанiя сдѣлавъ каждаго изъ нихъ хорошимъ человѣкомъ, хорошимъ гражданиномъ, хорошимъ членомъ общества, и кромѣ того способнымъ быть счастливымъ, Екатерина въ частностяхъ допускала различiе въ образованiи, смотря по полу и званiю тѣхъ, кому оно дается. Но отличая образованiе мужское отъ женскаго, она признавала одинаковую важность обоихъ для общаго благоденствiя и въ смыслѣ всесторонняго развитiя человѣческой личности. Въ этомъ она существенно расходилась съ Монтэнемъ, сходство взглядовъ съ которымъ простиралось у нея до того, что до сихъ поръ, рядомъ съ тѣмъ или другимъ, ея или Бецкаго, взглядомъ, можно было почти постоянно указывать на соотвѣтствующiй ему взглядъ Монтэня, и такую параллель можно было бы провести гораздо полнѣе, чѣмъ это требовалось для нашей цѣли. Но подойдя непосредственно къ вопросу о женскомъ образованiи, возможность такой параллели прекращается. Въ трехъ главахъ своихъ Essais, посвященныхъ воспитанiю, Монтэнь только одинъ разъ упоминаетъ о женщинахъ и то для того, чтобы согласиться съ мнѣнiемъ герцога Бретанскаго, что „женщина достаточно учена, если умѣетъ отличить рубашку отъ фуфайки своего мужа“ [1]).

[1]) „Я нарисовалъ бы въ школѣ“—говоритъ Монтэнь—„Радость, Веселiе, Флору, Грацiй“. Essais. T. I, p. 132.

[2]) T. I, p. 108. „Comme on lui parla de son mariage avec Isabeau, fille d'Ecosse, et qu'on luy adjousta qu'elle avait esté nourrie simplement et sans aulcune instruction de lettres, respondit: „qu'il l'en aymait mieulx, et qu'une femme estait asse

Если судить по оффиціальнымъ источникамъ о мотивахъ, побуждавшихъ Екатерину въ частности, независимо отъ общаго, изложеннаго въ „Генер. Учрежденіи“ ея плана, образовывать женщинъ, то въ конфирмованномъ Императрицею 22 марта 1764 г., докладѣ графовъ Н. И. и П. И. Паниныхъ: „О планѣ роздачи въ Новороссійской губерніи казенныхъ земель къ ихъ заселенію“, въ главѣ VIII: „о школахъ“ (§ 2), говорится объ учрежденіи для дѣвочекъ „такого же какъ для мальчиковъ воспитательнаго дома“. „Изъ сего послѣдуетъ“, сказано въ докладѣ, „немалое поправленіе суровыхъ и жестокосердыхъ обычаевъ способомъ благонравныхъ женщинъ, а особливо и то вкоренить весьма нужно, чтобы женщины съ младенчества обучались и привыкали къ домостроительству и всякой приличной работѣ“ [1]). Въ Генеральномъ Планѣ Московскаго Воспитательнаго Дома (ч. 3), въ особой главѣ (VI): „*Надобноли въ семъ заведеніи дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчиковъ сказано?*“ послѣ утвердительнаго отвѣта на поставленный вопросъ слѣдуетъ: „Мы всѣмъ одолжены женщинамъ. Но мы, мужчины, столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды и упрямы и неправосудны, что и въ пріобрѣтеніи наставленій къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ полу, которому за все одолжены... за первое предводительство оказанное намъ какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь и сбереженіе, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся“... Кромѣ этого мотива, въ той же главѣ приводится и другой, относящійся спеціально къ питомцамъ и питомицамъ Воспитательнаго Дома, а именно вредъ, который произойдетъ для дворянскихъ дѣтей отъ сообщества съ крѣпостными. „Тотъ самой крѣпостной, котораго ты“ — обращается авторъ Плана къ дворянину — „столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну... Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная первый будетъ наперстникъ или наперстница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей... Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣд-

sçavante quand elle sçavait mettre différence entre la chemise et le pourpoint de son mary“.

[1]) П. С. З. Т. XVI, ст. 12099: „брать всѣхъ малолѣтнихъ, обучать грамотѣ, читать, писать, ариѳметикѣ, закону; а способныхъ или желающихъ иностраннымъ языкамъ и другимъ наукамъ; неимущихъ и сиротъ на казенномъ коштѣ; достаточнымъ же за содержаніе въ казну платить, а за науку ни съ кого ничего не требовать. Для женскаго пола такой же воспитательный домъ учредить“.

ствуютъ они невѣжество, свирѣпство, развратные нравы: въ ихъ мысли вперяются разсказы тѣмъ гнуснѣйшіе и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ *рабами*". „Понявъ это", продолжаетъ авторъ Плана, „не сыщется еще такой, кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы нечувствительно было благоденствіе рода человѣческаго, и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями для гражданской жизни полезными. Будучи матерями, лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и чужихъ ввѣренныхъ имъ дѣтей; будучи въ супружествѣ, прилежнѣе исполнятъ свою должность; будучи кормилицами или нянькам, не помрачатъ ихъ пустыми разсказами, странными повѣстьми о привидѣніяхъ. Напротивъ того разговоры ихъ будутъ подражанія достойны, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено". Еслибы воспитанницы Воспитательнаго Дома предназначались быть крестьянками, то не слѣдовало бы, по мнѣнію автора Плана, и упоминать объ ихъ обученіи. Но онѣ „назначены учиться кромѣ предметовъ, указанныхъ въ первой части Генер. Плана, еще искусствамъ жизни человѣческой и гражданству потребнымъ, хранить въ цвѣтущемъ состояніи фабрики, купечества и ремесла, способствовать къ заведенію оныхъ, управлять всѣ, а наипаче ихъ полу принадлежащія части домостроительства, разумѣть подробности онаго, знать какъ въ казначействѣ поступать и проч.".

Вотъ какія разнообразныя и важныя цѣли ставились образованію женщинъ „третьяго чина", задуманнаго къ учрежденію впервые въ Россіи Екатериною. Что касается образованія благородныхъ дѣвицъ, то разсматривавшіе, по повелѣнію Императрицы, составленный Бецкимъ проектъ Устава „воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ" „всеподданнѣйшіе рабы: кн. Як. Шаховской, Н. Панинъ, Гр. Э. Минихъ, кн. С. Гагаринъ, Гр. Г. Орловъ и кн. А. Голицынъ, признали въ немъ „истинную государственную пользу соединенную съ христіанскимъ человѣколюбіемъ", и благодарили Императрицу „за особливое призрѣніе столь важной части всего общества" [1]).

Собственно въ Уставѣ главными цѣлями женскаго воспитанія и образованія, какъ это несомнѣнно изъ него явствуетъ, поставляются тѣ же, какія имѣла Екатерина при воспитаніи и образованіи всего юношества. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія

[1]) Учр. и Уставы. Т. II. Уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ учрежденнаго въ Санктпетербургѣ 1764 г.

Уставъ представляется совсѣмъ не случайнымъ подборомъ правилъ и учебныхъ предметовъ, какимъ онъ кажется при первомъ поверхностномъ на него взглядѣ и особенно съ нашей нынѣшней точки зрѣнія. Напротивъ, вся программа ученія Воспитательнаго Общества была приноровлена къ различнымъ, указаннымъ уже нами, цѣлямъ, общимъ для всего юношества. Личные взгляды и желанія Екатерины могли быть проведены ею даже полнѣе и ярче въ женскомъ воспитаніи, ибо въ мужскомъ надо было имѣть въ виду требованія и нужды государственной службы: кадетъ надо было воспитывать не только хорошими гражданами, но и хорошими солдатами, а воспитанниковъ Академіи художествъ—художниками. Женщины не имѣли никакого спеціальнаго назначенія въ жизни и все воспитаніе ихъ могло быть направлено къ тому, чтобы изъ воспитанницъ вышли хорошіе люди, которые „по состоянію“ были бы полезными себѣ и обществу, служили бы ему украшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы впослѣдствіи быть счастливыми—все это разумѣя въ томъ смыслѣ, какъ понимала Екатерина.

Для того чтобы сдѣлать изъ воспитанницъ хорошихъ людей въ Уставѣ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, кромѣ примѣровъ, которые во всѣ 12 лѣтъ своего пребыванія въ Воспитательномъ Обществѣ онѣ должны были видѣть вокругъ себя, предназначалось „яко первое всему основаніе“ наставленіе въ законѣ Божіемъ. Уставъ такъ строго относится къ религіозному воспитанію дѣвицъ, что при всей гуманности его правилъ „за малѣйшее во время молитвы или службы Божіей преступленіе“ предписываетъ „строго поступать по возвращеніи въ покои, въ присутствіи всего того класса или при собраніи воспитываемаго общества, дабы стыдъ одной служилъ навсегда къ воздержанію другихъ отъ подобныхъ поступковъ“ (гл. 2, § 4). Сюда же относятся и свѣтскія добродѣтели, которыя должны были воспитываться въ дѣвицахъ: „повиновеніе начальствующимъ, взаимная учтивость, кротость, воздержаніе, равенственное въ благонравіи поведеніе, чистое, къ добру склонное и праводушное сердце, а напослѣдокъ благороднымъ особамъ приличная склонность и великодушіе, однимъ словомъ удаленіе отъ всего того, чтò гордостью и самолюбіемъ назваться можетъ“ (гл. 2, § 2).

Чтобы воспитанницы Смольнаго могли быть впослѣдствіи полезными себѣ и обществу, онѣ, начиная съ 4-го, т.-е. старшаго, возраста, должны были поочередно, по двѣ каждый день, обучать въ двухъ первыхъ классахъ маленькихъ воспитанницъ; это предписывалось какъ для того, чтобы „возбудить въ дѣвицахъ

прочихъ трехъ классовъ похвальную ревность", такъ и для заблаговременнаго навыка, „какъ имъ будучи матерями обучать дѣтей своихъ и въ собственномъ своемъ воспитаніи найти себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось" (гл. 2, § 8). Кромѣ того онѣ должны были пріучаться къ „содержанію въ добромъ порядкѣ домашней экономіи" (гл. 1, разд. 6, § 6) и для этого обучаться ариѳметикѣ. Занятія хозяйствомъ предполагались Уставомъ не для формы только, а серьезно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ его повторяется о необходимости, чтобы воспитанницы по дежурству назначались въ „поварни", а въ 4-мъ возрастѣ онѣ должны были „вести записку расходамъ, какіе бы ни были, донося объ оныхъ г-жѣ начальницѣ; договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать разсчетъ и при себѣ платежъ производить; опредѣлять цѣну всякому товару по качеству онаго; а наипаче смотрѣть, чтобъ во всемъ наблюдаемъ былъ совершенной порядокъ и чистота" (гл. 2, § 8). Точно также и рукодѣліямъ онѣ должны были обучаться такъ, чтобы съ 3-го возраста могли сами шить себѣ платья, также носить собственной работы чулки и „прочей уборъ" (гл. 2, § 7).

Стихотворство, геральдика (оба эти предмета преподавались и въ университетѣ), архитектура, музыка, пѣніе, рисованіе, искусство представлять „нѣкоторыя драматическія сочиненія", должны были способствовать тому, чтобы сдѣлать воспитанницъ пріятными членами общества, котораго онѣ служили бы украшеніемъ.

Такъ какъ воспитанницы Смольнаго монастыря, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, предназначались для жизни въ свѣтскомъ обществѣ, то на ихъ свѣтское воспитаніе обращено большое вниманіе въ Уставѣ. Прежде всего Уставъ настоятельно требуетъ отъ воспитательницъ привитія дѣвицамъ двухъ качествъ, отсутствіемъ которыхъ страдало тогдашнее русское общество: опрятности и учтивости. Объ учтивости „благородной, а не принужденной", и притомъ не только съ равными, но и съ самыми послѣдними „какого бы званія кто ни былъ" (гл. 2, § 10), безпрестанно напоминаетъ Уставъ. Рядомъ съ этимъ стоитъ пріученіе воспитанницъ къ „пристойной и благородной скромности въ поведеніи, осанкахъ пріятныхъ, разговорахъ вѣжливыхъ и разумныхъ, въ ласковыхъ поступкахъ". Для этого учительницамъ, въ числѣ другихъ мѣръ, предписывается, какъ только воспитанницы начнутъ понимать и говорить на иностранныхъ языкахъ, по окончаніи классовъ, вступать съ ними въ разговоры, позволяя каждой высказывать и объяснять свои мысли „съ пристойною вольностью",

поощрять чтобы и между собою онѣ разговаривали, причемъ должно было поощряться въ нихъ и остроуміе, ибо „изрядно и къ статѣ сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію“ (Гл. 2, § 14).

Собственный взглядъ Екатерины на свѣтское обхожденіе выраженъ въ „Инструкціи князю Салтыкову“. „Знать обращеніе въ свѣтѣ“—говоритъ она—„и обхожденіе сходственное рожденію Ихъ Высочествъ и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ“... „Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ есть тотъ, чтобы знать свѣтъ“ [1]). Послѣдняго знанія, понятно, никакими способами нельзя было сообщить 16-ти-лѣтнимъ дѣвицамъ еслибы даже онѣ воспитывались и не въ закрытомъ заведеніи; но такъ какъ свѣтское ихъ воспитаніе должно было окончиться раньше чѣмъ онѣ вступятъ въ свѣтъ, то въ стѣнахъ заведенія старались практически приготовить воспитанницъ къ ожидавшей ихъ въ обществѣ роли. Съ этою цѣлью Уставомъ предписывались въ Воспитательномъ Обществѣ [2]) (также и въ кадетскомъ корпусѣ), по праздникамъ и воскреснымъ днямъ собранія для „пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей“. Одно собраніе назначалось для концерта, даваемаго воспитанницами; другое для спектакля „драматической или пасторальной игры“, ими же исполняемой, и третье для обыкновенныхъ собраній. На всѣхъ этихъ собраніяхъ воспитанницы двухъ старшихъ возрастовъ должны были играть роль хозяекъ, „быть украшеніемъ и пріятностью оныхъ, дабы“, какъ сказано въ Уставѣ, „чрезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, какое честной природѣ и доброму воспитанію особливо приличествуетъ, то-есть, не имѣть застенчивости и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться“ (§ 11).

Нравственное, свѣтское, а также физическое воспитаніе дѣвицъ должно было завершаться до выхода ихъ изъ Смольнаго монастыря. Все что̀ касается физическаго воспитанія обдумано и изложено въ Уставѣ съ большими подробностями. „Всякая излишняя нѣга вовсе изгнана быть долженствуетъ“—говорится въ § 18. Пища предписывается здоровая и обильная; платье, для 1-го возраста цвѣта кофейнаго, 2-го—голубаго, 3-го—сѣраго и 4-го—бѣлаго, въ обыкновенные дни полагалось камлотное, а для воскресеній и праздниковъ шелковое. Воспитанницы должны были гу-

[1]) Инструкція. Литера Е. Наставленіе касательно знанія и того, что потому отъ дѣтей требуется.

[2]) Гл. 2, § 11.

лять въ хорошую погоду въ садахъ, а въ дурную—въ особо для того устроенныхъ мѣстахъ (Гл. 2 § 21). Въ спальняхъ долженъ былъ провѣтриваться воздухъ; топить печи предписывалось „съ умѣренностью и по термометру“ (§ 28). Время сна было опредѣлено смотря по возрасту дѣтей; пользованіе банями признано нужнымъ, а надлежащее ихъ употребленіе должно было зависѣть отъ указаній доктора. Всякія игры „по склонностямъ и времени“ также признавались очень важными для дѣвицъ; вообще Уставъ предписываетъ „паче всего стараться все Общество содержать въ забавахъ“ (§ 24). Въ случаѣ болѣзни, воспитанницы должны были помѣщаться въ особо устроенномъ мѣстѣ „близъ сада или имѣющемъ положеніе къ какому-либо другому увеселительному виду“ (§ 33).

Въ образованіи, какое полагалось Уставомъ для воспитанницъ Смольнаго монастыря, замѣтны двѣ цѣли: одна внѣшняя, которая должна была достигаться обученіемъ воспитанницъ иностраннымъ языкамъ такъ, чтобы онѣ умѣли не только хорошо читать и писать на нихъ, но и говорить. Отчасти ради этой внѣшней цѣли предписывалось учительницамъ заставлять дѣвицъ съ первыхъ же лѣтъ заучивать наизусть „краткія исторіи и нравоучительныя рѣчи искусныхъ мужей, дабы время отъ времени пріятнымъ обхожденіемъ пріобрѣтая бо̀льшее познаніе, въ состояніи были уподобляться или равняться съ тѣми, кои бо̀льшее уже знаніе въ чемъ-либо имѣютъ“ (Гл. 1 Разд. 6. § 12). Это же должно было служить отчасти и для внутренней цѣли ученія, т.-е. давать воспитанницамъ матеріалъ для развитія самостоятельнаго мышленія и быть орудіемъ для расширенія дальнѣйшихъ ихъ познаній.

Такимъ знаніямъ только полагалось основаніе въ стѣнахъ заведенія.

Взглядъ самой Императрицы на знанія вообще—выраженъ ею въ „Инструкціи князю Салтыкову“ (Литера Е.). „Языки и знанія“—говоритъ она—„суть меньшая часть воспитанія Ихъ Высочествъ... Исторію россійскую имъ знать нужно... Познаніе человѣка еще нужнѣе“... Но далѣе, какъ заключеніе, въ „Инструкціи“ сказано: „не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить его“. Вотъ внушеніе этой любви́ и охоты къ пріобрѣтенію знаній и имѣлось въ виду при обученіи „словеснымъ наукамъ, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ“, которое, по программѣ Устава, должно было начинаться съ третьяго возраста (отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ).

Если вспомнить значеніе, какое придавала Екатерина чтенію

книгъ, то подъ этимъ слѣдуетъ понимать подготовленіе воспитанницъ Смольнаго монастыря къ самому широкому образованію, безъ ограниченія его какими-либо предѣлами „женскаго" ума или „женскихъ" силъ и способностей.

Въ тоже время этимъ удовлетворялась и другая желанная цѣль Екатерины—сдѣлать людей, а въ данномъ случаѣ воспитанницъ Смольнаго, счастливыми; ибо получивъ въ своемъ первомъ образованіи орудіе къ дальнѣйшему просвѣщенію своего разума, онѣ въ этомъ, согласно убѣжденію Екатерины, могли впослѣдствіи обрѣсть способъ быть счастливыми.

Подтвержденіемъ того, что полагаемое Уставомъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ образованіе имѣло характеръ именно подготовительнаго, въ смыслѣ развитія въ воспитанницахъ способности къ воспріятію впослѣдствіи знаній, и что программа ихъ образованія не исчерпывалась тѣми предметами, которые предписывались Уставомъ, служитъ § 10 этого Устава (Гл. 2); въ немъ сказано, что въ четвертомъ, послѣднемъ возрастѣ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ), воспитанницы „въ разсужденіи мыслей, честнаго поведенія и благонравія почти все то уже пріобрѣли, что̀ отъ добраго воспитанія зависитъ... благоразумными же въ семъ возрастѣ размышленіями, воспитаніемъ подкрѣпляемыми, получаютъ себѣ для переду *какъ въ наукахъ*, такъ и въ честномъ обхожденіи руководства".

Въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ, также какъ въ Воспитательномъ Обществѣ, въ послѣднемъ возрастѣ только повторялись предметы, пройденные въ предшествовавшихъ, предписывается и кадетамъ „зрѣло разсуждать какое для себя избрать состояніе въ обществѣ, на великомъ театрѣ свѣта". (Уст. Кад. корп. X, п. 4). Но въ корпусѣ совершенно заканчивалось образованіе кадетъ и въ послѣдніе три года наставникамъ предписывалось внушать имъ, чтобы „просвѣщаясь наиболѣе собственнымъ разсудкомъ", кадеты старались при выпускѣ получить „честь и славу", и выдти съ такими свидѣтельствами отъ Совѣта, „съ которыми бы можно было благонадежно показать себя свѣту".

Это различіе въ конечной цѣли образованія мужскаго и женскаго „благороднаго" юношества обусловливалось различіемъ предстоящей имъ сферы дѣятельности по выходѣ изъ учебнаго заведенія. Но оно служитъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что Екатерина хотѣла давать женщинамъ не только воспитаніе, но и образованіе, и притомъ общее, а не пріуроченное къ какимъ-нибудь спеціальнымъ „женскимъ" цѣлямъ.

Ея идеалъ человѣка вообще — извѣстенъ. Что касается соб-

ственно женскаго, если можно такъ выразиться, ея идеала, то въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г-жѣ Біельке (19-го ноября 1765 г.) она высказываетъ какія качества могли ей нравиться въ женщинѣ. „Главное,—пишетъ Екатерина Біельке, которую проситъ пріискать воспитательницу для своихъ фрейлинъ,—чтобы она была добронравна, и отнюдь не сплетница; была бы чувствительна и сообщала это окружающимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ тиха, умна, благоразумна, образована, любила бы чтеніе, пріятна" [1]. Такихъ женщинъ вокругъ Екатерины тогда не было; она сама называетъ ихъ „чудомъ" и признается Біельке, что во всемъ свѣтѣ есть только двѣ женщины, съ которыми она можетъ говорить полчаса сряду [2]. Одною изъ этихъ двухъ женщинъ была княгиня Дашкова, которая въ своихъ запискахъ подтверждаетъ, что въ ту эпоху, когда она подружилась съ Екатериной, навѣрное можно сказать, во всей Россіи нельзя было найти и двухъ женщинъ, которыя, подобно ей и Екатеринѣ, серьезно занимались бы чтеніемъ. Къ этому Дашкова прибавляетъ: „отсюда, между прочимъ, и возродилась наша взаимная привязанность" [3].

Изъ того, что Екатерина сблизилась съ Дашковой, тогда еще 15-ти-лѣтней женщиной потому, что она была образована и интересовалась умственными вопросами, позволительно вывести заключеніе, что Екатерина высоко цѣнила въ женщинѣ образованіе. Поэтому основывая первое женское учебное заведеніе въ Россіи, она, надо думать, отводила въ немъ широкое мѣсто образованію, хотя пока воспитанницы Смольнаго монастыря оставались въ стѣнахъ заведенія, главное вниманіе, согласно господствовавшимъ тогда воззрѣніямъ, должно было обращаться на ихъ воспитаніе, безъ котораго образованіе, и въ глазахъ Екатерины, не имѣло цѣны.

Благодаря тому, что при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины русское общество, въ отношеніи къ женскому воспитанію и образованію, представляло почти непочатую почву, Императрицѣ, создававшей по одной своей волѣ новое, небывалое еще даже въ Европѣ, учрежденіе, не пришлось ничего ни реформировать, ни ломать, такъ какъ собственно говоря ничего для воспитанія и образованія женщинъ у насъ до нея не существовало, а то незначительное, чтò было, не возбуждало въ обществѣ ни вниманія, ни критики. Стало быть и бороться было не съ чѣмъ. Въ этомъ Императрица Екатерина была счастливѣе своего вели-

[1]) Сб. р. и. о. Т. X, стр. 47.

[2]) Сб. р. ист. об. Т. X, стр. 105. Письмо 26-го авг. 1766 г.

[3]) Записки княгини Дашковой, стр. 13.

каго предшественника Петра. Большимъ благомъ для русскихъ женщинъ было то, что лицо, по мановенію руки котораго онѣ, безъ всякихъ съ своей стороны усилій, даже безъ желаній, ибо и думать ни о чемъ подобномъ имъ до тѣхъ поръ не приходилось, получили благо, котораго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ тщетно добивались западныя женщины и ихъ сторонники; что лицо это, говоримъ мы, олицетворявшее собою тогда все государство, было просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи; что это была женщина, и женщина геніальная, глубоко проникнутая идеями, если можно такъ выразиться носившимися тогда въ воздухѣ на западѣ, понимавшая важную роль женщинъ въ дѣлѣ осуществленія этихъ идей въ жизни. Благодаря Екатеринѣ мы воспользовались плодами движенія, въ которомъ сами не принимали никакого участія и о которомъ даже не подозрѣвали.

У насъ и теперь остается принятымъ мнѣніе, что Смольный монастырь или, какъ онъ былъ названъ при основаніи, „Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ“, былъ не болѣе какъ копіей Сен-Сира. Но такое мнѣніе ошибочно. Кромѣ различія въ цѣли основанія обоихъ женскихъ учебныхъ заведеній, между ними и въ другихъ отношеніяхъ съ самаго начала была большая разница. Взявъ за образецъ для Воспитательнаго Общества внѣшнюю организацію Сен-Сира, Екатерина создала, какъ Вольтеръ называлъ Воспитательное Общество, „plus que St.-Cyr“ [1]). Нѣкоторое же сходство, замѣчаемое въ правилахъ Устава Воспитательнаго Общества съ правилами, которыя г-жа Мэнтенонъ сама лично примѣняла къ воспитанію въ Сен-Сирѣ, объясняется не подражаніемъ со стороны Екатерины, а скорѣе нѣкоторымъ сходствомъ въ ея идеяхъ съ идеями г-жи Мэнтенонъ, почерпнутыхъ обѣими изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Точно также и различіе между Воспитательнымъ Обществомъ и Сен-Сиромъ обусловливалось отчасти болѣе нежели полувѣковымъ разстояніемъ во времени основанія обоихъ, а главнымъ образомъ различіемъ въ характерѣ, взглядахъ и вкусахъ Императрицы Екатерины и г-жи Мэнтенонъ. Обѣ наложили печать своей сильной личности на основанные ими Институты. Только, благодаря непосредственному, личному вліянію г-жи Мэнтенонъ на воспитаніе въ Сен-Сирѣ, ей онъ былъ обязанъ тѣмъ, чѣмъ былъ при ея жизни, и примѣняя сюда извѣстное изреченіе Людовика XIV: „государство—это я“, можно сказать о Сен-Сирѣ: „Сен-Сиръ—это г-жа Мэн-

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire. 1821. T. XLII. Correspondance avec les souverains. Письмо Вольтера Екатеринѣ отъ 12-го декабря 1772 г.

тенонъ". Тоже можно было бы сказать объ Императрицѣ Екатеринѣ по отношенію къ Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ, еслибы она могла лично направлять воспитаніе въ немъ сообразно съ духомъ намѣреній, изложенныхъ въ его Уставѣ. Но это было невозможно ужъ по самому положенію Екатерины какъ Императрицы, и можетъ быть отчасти вслѣдствіе этого, не говоря о многихъ другихъ причинахъ, благія ея намѣренія на практикѣ не получили должнаго осуществленія.

Но это не умаляетъ значенія дѣла Императрицы, и какъ бы ни казались намъ теперь мелочны, несущественны, неправильны и подчасъ даже смѣшны нѣкоторыя стороны того, что при Екатеринѣ входило въ понятіе о добромъ „совершенномъ" воспитаніи дѣвушки, но читая Уставъ, правила котораго положены Императрицею въ основу женскаго общественнаго воспитанія и образованія, нельзя не проникнуться глубокимъ благоговѣніемъ къ великой его основательницѣ и ея исполнителю, Бецкому. Весь Уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ дышетъ такою гуманностью, сердечною любовью къ дѣтямъ, уваженіемъ къ ихъ природѣ, боязнью въ чемъ-нибудь помѣшать правильному и свободному ея развитію, что передъ этимъ всѣ заблужденія и ошибки, обусловленныя иными временами и иными взглядами на воспитаніе, исчезаютъ безслѣдно. Еслибы даже теперь, когда, сравнительно съ временемъ Екатерины и Бецкаго, мы такъ далеко ушли въ педагогикѣ, нашлись такіе исполнители духа Устава, какихъ Екатерина и Бецкій думали создать путемъ особо составленныхъ Наставленій и Инструкцій, то идеалы Екатерины и Бецкаго, ихъ педагогическіе пріемы и принципы не потеряли бы и для насъ своей цѣны. Но и теперь, какъ сто двадцать пять лѣтъ назадъ, воспитатели, даже самые лучшіе изъ нихъ, все-таки остаются людьми, а Уставъ Бецкаго, для полнаго своего осуществленія, требовалъ ангеловъ.

Впрочемъ и самъ Бецкій не былъ вполнѣ увѣренъ, что найдутся удовлетворяющіе новымъ требованіямъ, т.-е. способные не только преподавать научные предметы, но и наставлять дѣтей собственнымъ примѣромъ, разговорами и пр., воспитатели и учители. „Есть ли"—говоритъ онъ въ „Разсужденіяхъ объ установленіи Кадетскаго корпуса"—„найдутся подобные учители, то объ успѣхахъ и о благосостояніи онаго сомнѣваться не можно; буде же по несчастію такихъ людей не достанемъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ" [1]).

[1]) Учрежд. и Уставы. Т. II. Уставъ Шл. Сух. к. корп. Ч. 1, стр. 119.

Такихъ людей не нашлось, а при самомъ введеніи новой системы воспитанія, пришлось выбирать и для Воспитательнаго Общества наставницъ изъ тѣхъ, которыя были на лицо, или искать ихъ на западѣ, между наставницами Сен-Сира, какъ это и предполагала, еще будучи великою княгинею, Екатерина.

Но, какъ уже было нами сказано, ни къ одной изъ наставницъ, даже еще при жизни г-жи Мэнтенонъ, не перешли тѣ качества, которыми она отличалась, и благодаря которымъ только и могло успѣвать подобное Сен-Сиру учебное заведеніе. Тѣмъ труднѣе было найти такихъ наставницъ 45 лѣтъ спустя послѣ смерти его основательницы, когда выросло новое поколѣніе, не имѣвшее даже передъ собою живого источника, изъ котораго можно было черпать то, что требовалось для успѣшнаго веденія дѣла.

У насъ же, несмотря на изданный Императрицею Елизаветою въ 1755 году указъ, запрещавшій обучать и воспитывать русскихъ дѣтей иностранцамъ предварительно не выдержавшимъ экзамена въ Академіи Наукъ и не представившимъ свидѣтельства о своей личности, и въ 1757 году были такіе наставники и наставницы. Составъ ихъ даже въ столицѣ былъ таковъ, что французскій посланникъ, только что тогда пріѣхавшій въ Россію, счелъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе русскаго правительства. По словамъ секретаря французскаго посольства, Ла-Месселъера, большинство цѣлыми массами являвшихся въ посольство французовъ и француженокъ, взявшихся въ Россіи за воспитаніе юношества, были „бѣжавшіе изъ Франціи и скрывавшіеся отъ полиціи дезертиры, банкроты, развратники обоего пола“, вообще, какъ выразился Ла-Месселъеръ, „пѣна Франціи“ [1]). Эта „пѣна“ продолжала свое учительское ремесло и при Екатеринѣ. Ив. Ив. Шуваловъ, основатель Московскаго университета, разсказывалъ, что онъ выписалъ для Кадетскаго корпуса восемь французовъ-лакеевъ и всѣ они разошлись учителями по домамъ [2]). Можно себѣ представить какъ трудно было выбрать изъ подобныхъ людей хорошихъ наставниковъ, а въ особенности, хорошихъ наставницъ для вновь учреждавшагося Воспитательнаго Общества.

Какъ бы то ни было, но уже самое учрежденіе такого учебнаго заведенія, какъ Воспитательное Общество, было для женскаго образованія и воспитанія шагомъ огромной важности. Учрежде-

[1]) Записки Ла-Месселъера о пребываніи въ Россіи съ мая 1757 г. по мартъ 1759 г. (Р. Архивъ. 1874. Тетр. 4-я, стр. 973).

[2]) *Тимковскій.* Мое опредѣленіе въ службу.

ніемъ этого Общества женское образованіе впервые, со времени существованія русскаго государства, узаконялось, и признанное важною отраслью государственнаго благосостоянія, поставленное подъ непосредственное покровительство Императрицы, снабженное средствами изъ государственной казны, отнынѣ вводилось въ общій строй нашей государственной жизни и управленія.

Учрежденіемъ же Воспитательнаго Общества Екатерина опередила Европу въ дѣлѣ женскаго образованія, и до самаго послѣдняго времени мы, въ этомъ отношеніи, стояли во главѣ всѣхъ европейскихъ государствъ.

VI.

Указъ 5 мая 1764 года объ основанiи Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Воскресенскiй Новодѣвичiй монастырь.—Сумма на первые расходы и по устройству Воспитательнаго Общества. — Указъ 19 мая 1764 года о пожалованiи Обществу Императрицею Екатериною капитала въ 2,500,000 рублей. —Управленiе дѣлами Общества.—Учительницы и учителя.—Организацiя быта воспитанницъ.—Сравненiе Устава Воспитательнаго Общества съ правилами г-жи Мэнтенонъ.—Первые члены Совѣта Воспитательнаго Общества.—Первая Начальница, княжна А. С. Долгорукова.—Правительница С. де-Лафонъ.—Первыя учительницы-иностранки.—Первый прiемъ на благородной половинѣ.—Причины медленности съ которою набирались первыя воспитанницы на благородной половинѣ. — Первыя дѣйствiя Совѣта. — Учрежденiе Особливаго училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ.—Указъ 31 января 1765 г.—Первый прiемъ на мѣщанской половинѣ.—Программа ученiя.—Деньги на приданое.—Привилегiя о вольности данная мѣщанскимъ воспитанницамъ.—Цѣль Екатерины при основанiи отдѣльнаго училища для мѣщанскихъ дѣтей. —Сравненiе ихъ программы съ программою питомицъ Воспитательнаго Дома. — Второй прiемъ на мѣщанской и благородной половинахъ. —Взглядъ Совѣта на Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ.—Пенсiонерки Императрицы Екатерины.—Плата за нихъ.—Пенсiонерки Бецкаго и баронессы Штакельбергъ.—Признанiе Императрицею и Сенатомъ заслугъ Бецкаго.—Докладъ Бецкаго о пенсiонеркахъ.— Пенсiонерки великаго князя и частныхъ лицъ.—Своекоштныя пенсiонерки.— Общее число пенсiонерокъ. — Отступленiя отъ правилъ прiема. — Сокращенiе числа мѣщанскихъ воспитанницъ. — Мотивы Совѣта. —Послѣднiй прiемъ при Екатеринѣ (1794 г.).—Число всѣхъ воспитанницъ въ годъ ея смерти (1796 г.).— Равнодушiе русскаго общества и въ концѣ царствованiя Екатерины къ женскому образованiю.—Причины изобилiя отдаваемыхъ дворянами въ Общество дѣтей.—Число всѣхъ получившихъ, за время Екатерины, воспитанiе въ Обществѣ.—Число окончившихъ въ немъ курсъ.

5-го мая 1764 года былъ объявленъ именной указъ Императрицы Екатерины „о воспитанiи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ“ [1]). Къ указу былъ приложенъ Уставъ и штатъ „сего Воспитательнаго Общества“. Въ указѣ было сказано: „Для пользы всего государства учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества: равное

[1]) П. Собр. З. Т. XVI, ст. 12154.

имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли Мы учредить такое жъ воспитаніе; и потому назнача въ С.-Петербургѣ новостроющійся Воскресенскій монастырь, въ коемъ бы содержалось завсегда до двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, повелѣли сочинить на то Уставъ, и особой Коммиссіи препоручили разсмотрѣніе, которое съ приложеннымъ докладомъ оной Намъ и представлено. Мы, находя всѣ постановленныя въ томъ Уставѣ учрежденія полезными, утвердили его Высочайшимъ своимъ подписаніемъ и при семъ повелѣваемъ Сенату, напечатавъ сей Уставъ, разослать его по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, которое при освященіи монастыря, дѣломъ самымъ начнется будущаго іюня 28-го дня сего года, каждый изъ дворянъ могъ, ежели пожелаетъ, дочерей своихъ въ младыхъ лѣтахъ препоручать сему отъ Насъ учрежденному воспитанію такъ, какъ въ Уставѣ предписано. Начальницею же къ сему воспитанію опредѣлена уже Нами княжна Анна Долгорукова, а Правительницею умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника де-Лафона жена, вдова Софья де-Лафонъ".

Упомянутый въ указѣ Воскресенскій монастырь, въ которомъ должно было помѣщаться первое государственное женское учебное заведеніе, находился за городомъ, на мѣстѣ гдѣ при шведскомъ владычествѣ было урочище—Смоляной дворъ. По завоеваніи мѣстности Петромъ, тутъ былъ построенъ для царевны Наталіи Алексѣевны дворецъ, перешедшій при дѣлежѣ наслѣдства царевны къ Екатеринѣ I, а послѣ ея смерти къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Тутъ же рядомъ, на мѣстѣ Спасскаго села, завѣдывавшій матеріальными складами флота, адмиралтеецъ Ал. Вас. Кикинъ, построилъ себѣ каменный домъ, дивившій всѣхъ, по словамъ современниковъ, громадностью размѣровъ и роскошью отдѣлки. Послѣ арестованія Кикина по дѣлу царевича Алексѣя, его домъ былъ взятъ въ казну и Петръ помѣстилъ въ немъ натуральный кабинетъ или Кунсткамеру [1]), а по перенесеніи ея въ Кикины палаты, здѣсь былъ выстроенъ загородный дворецъ для великой княжны Елизаветы Петровны (въ 1720 году), который и былъ названъ Смольнымъ, по мѣсту бывшаго тутъ прежде Смольнаго двора. Этотъ дворецъ былъ истребленъ пожаромъ уже послѣ вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, которая въ 1744 г. велѣла строить на его мѣстѣ иноческую женскую обитель, гдѣ, по преданію, хотѣла, передавъ правленіе своему племяннику,

[1]) Исторія Санкт-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городскаго управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ. 1703—1782. Соч. *П. Н. Петрова.* 1885. Стр. 112.

Петру III, кончить свои дни. Планъ задуманной въ грандіозныхъ размѣрахъ постройки будущаго монастыря, названнаго Императрицею Воскресенскимъ Новодѣвичьимъ, Елизавета поручила Растрелли. Въ 1748 г. совершена была, при торжественной церемоніи въ присутствіи Императрицы, закладка храма монастыря, а въ 1751 г. уже отдѣлывались для монахинь 111 келій. Зданіе монастыря было отстроено вчернѣ въ 1759 году; семилѣтняя война невыгодно повліяла на окончаніе работъ по постройкѣ, особенно же собора, который такъ и оставался недостроеннымъ до 1734 года [1]).

Уже при Императрицѣ Екатеринѣ, въ 1764 году, три мѣсяца спустя послѣ открытія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ въ монастырскомъ зданіи, сюда же были переведены изъ находившагося на Васильевскомъ островѣ Воскресенскаго монастыря 18 монахинь. На нихъ, по Уставу Воспитательнаго Общества, возлагались обязанности: составлять церковный клиросъ въ двухъ церквахъ новаго монастыря, обучать малолѣтнихъ дѣвочекъ грамотѣ и ходить за больными [2]).

На первые расходы по устройству новаго учебнаго заведенія была опредѣлена сумма въ 60.000 рублей, изъ которыхъ 40.000 (20.000 серебромъ, а 20.000 мѣдною монетою), еще 18-го ноября 1763 года, т.-е. до изданія указа объ основаніи Воспитательнаго Общества, были даны изъ комнатныхъ, частныхъ суммъ Императрицы, а 20.000 изъ конторы коллегіи экономіи [3]). Но уже въ 1766 году, послѣ того какъ за годъ передъ тѣмъ было открыто при томъ же Воскресенскомъ монастырѣ училище и для мѣщанскихъ дѣвушекъ, Совѣтъ Попечителей Воспитательнаго Общества представилъ Императрицѣ докладъ, въ которомъ просилъ ее ассигновать на содержаніе опредѣленныхъ Уставомъ 200 благородныхъ дѣвицъ и 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, по ста тысячъ рублей въ годъ въ теченіе 25 лѣтъ [4]).

[1]) *Петровъ*. Прим. стр. 74, § 672. Приведенныя нами свѣдѣнія взяты, кромѣ сочиненія Петрова, изъ различныхъ актовъ (Дѣла Гос. Архива), а также Указовъ Императрицы Елизаветы Петровны (Арх. Канцеляріи Совѣта Восп. Общ. бл. дѣвицъ).

[2]) Уставъ воспитанія двухсотъ благ. дѣвицъ. Генеральный штатъ Воспитательнаго Общества. (Учрежденія и Уставы касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола во удовольствіе Общества собраны и новымъ тисненіемъ изданы. Въ Санктпетербургѣ. 1774 г. Т. II, стр. 37).

[3]) Протоколы Совѣта Восп. Общества (Арх. Канцеляріи Восп. Общ.).

[4]) Именные указы и конфирмованные доклады по Восп. Обществу съ 1766 по 1776 г. (Арх. Канц. Восп. Общ.). Совѣтъ полагалъ на содержаніе перваго пріема благородныхъ дѣвицъ (50) 25.000 руб. въ годъ, мѣщанскихъ (60) 7.000 р. При второмъ пріемѣ 1767 г., на благородныхъ, которыхъ будетъ уже 100—35.000 р., мѣщан-

Въ своемъ докладѣ Совѣтъ дѣлалъ такой разсчетъ, что въ первыя 9-ть лѣтъ, когда еще не будетъ полнаго числа воспитанницъ, отъ ежегодно отпускаемыхъ ста тысячъ рублей будутъ остатки. При помѣщеніи этихъ остатковъ на проценты въ дворянскій банкъ и присоединяя къ капитальной суммѣ проценты на проценты (по 6 на 100), эта сумма черезъ 25-ть лѣтъ достигнетъ такихъ размѣровъ, что нужные на ежегодное содержаніе Общества 100.000 рублей будутъ составляться изъ процентовъ на нее [1]).

На это послѣдовалъ сенатскій указъ (отъ 19 мая 1766 г.), въ которомъ объявлялось „во всенародное извѣстіе“, что Ея Императорское Величество имѣя милосердное попеченіе о воспитаніи юношества какъ изъ дворянъ, такъ и мѣщанъ обоего пола, нынѣ новый опытъ Своего щедраго на оныя призрѣнія оказать соизволила Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ въ сроки, для воспитуемыхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, суммы состоящей въ 2.500,000 рублей съ тѣмъ, чтобы оное воспитаніе производимо было получаемыми уже съ той суммы процентами“. „Таковая Ея Императорскаго Величества изліянная вновь щедрота“, говорилось далѣе въ сенатскомъ указѣ, „приводящая симъ благополучнымъ пріуготовленіемъ юношество обоего пола къ добродѣтели и утверждающая въ оныхъ просвѣщеніе, умножаетъ очевидно общее благополучіе и воспаляетъ сердца наши новою къ Ея Императорскому Величеству и безконечною благодарностью и обязываетъ Правительствующій Сенатъ сообщить и сію Императорскаго Величества новую щедроту для свѣдѣнія, будучи твердо увѣренными, что всѣ вообще, наслаждаясь толикимъ благоденствіемъ, изъявятъ истинной Матери отечества и благодѣтельницѣ въ сердцахъ своихъ за всѣ Ея Императорскаго Вели-

скихъ (120)—13.000 р. При 3-мъ пріемѣ въ 1770 году, на 150 благородныхъ 55.000 р. въ годъ, мѣщанскихъ (180)—19.000 р. И наконецъ въ 1773 году, когда будетъ принято полное число воспитанницъ, на 200 благ.—70.000 р. въ годъ, а на 240 мѣщ.—24.450 р. Да на содержаніе строеній, садовъ, скотнаго и птичьяго двора, и прочаго для обученія, экономіи и другихъ необходимыхъ надобностей, коихъ нынѣ предвидѣть не можно—5.500 р. въ годъ.

[1]) Капиталъ Общества оставался въ дворянскомъ банкѣ до 1775 года, когда именнымъ Указомъ Императрицы повелѣно было передать его въ Московскій Воспит. Домъ, при которомъ тогда учреждались вдовья, ссудная и сохранная казны. Моск. Восп. Домъ отказался было выплачивать Обществу по 6%, и удерживалъ себѣ 1% „подаяніемъ въ свой доходъ“; но Императрица велѣла ему отпускать всю сумму „включая въ нее и получаемый шестой процентъ, яко на дѣло богоугодное и равно полезное, какъ и прочія воспитательнаго дома заведенія въ пользу коихъ такое подаяніе обращается“ (Им. Указъ 3-го августа 1792 г.).

чества милосерднѣйшія попеченія и щедроты наичувствительнѣйшую благодарность и, вкореня оную въ потомство, Всевышнему о вожделѣнномъ и долголѣтнѣйшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи неумолкаемыя принесутъ молитвы“ [1]).

Въ такихъ же прочувствованныхъ и запутанныхъ выраженіяхъ благодарилъ Императрицу Совѣтъ Воспитательнаго Общества. „Сей Совѣтъ“—говорилъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ—„живѣйшимъ образомъ чувствуетъ, что гласъ Милосердія къ опекунству младенчества благородныхъ дѣвицъ и мѣщанскихъ дѣвушекъ воспитанія и училищъ никакъ не вкоторыя веки не только симъ младенцамъ, но всему россійскому дворянству и мѣщанству достаточно Ваше Императорское Величество возблагодарить и прославить того невозможно“. Подписались подъ докладомъ „всеподданнѣйшіе рабы: княжна Анна Долгорукова, Петръ Панинъ, Иванъ Бецкой, князь Петръ Трубецкой, Сергѣй Козминъ“ [2]).

Управленіе дѣлами Воспитательнаго Общества по Уставу (Гл. 1, Разд. 1) возлагалось на Совѣтъ Попечителей „четырехъ знатныхъ особъ, господъ сенаторовъ или другихъ именитыхъ чиновъ“, назначаемыхъ самою Императрицею. Они обязывались Уставомъ отправлять свою должность поперемѣнно, изъ одной чести и любви къ ближнему, засѣдая въ собраніи какъ для совѣта и свидѣтельства дворянства молодыхъ дѣвицъ, такъ и для экономіи. Главнымъ же, почти полновластнымъ лицомъ по управленію, надзору и по всѣмъ распоряженіямъ относительно воспитанія, обученія и хозяйства, поставлена была Начальница. Послѣ удостовѣренія Совѣтомъ свидѣтельствъ дворянства представляемыхъ къ пріему воспитанницъ, она принимала ихъ; при переходѣ изъ одного класса въ другой ей поручалась Уставомъ раздача воспитанницамъ наградъ, а также свидѣтельствъ при выпускѣ. Начальницѣ предоставлялось назначеніе и увольненіе служащихъ; она принимала отчеты отъ эконома, который не смѣлъ сдѣлать никакого чрезвычайнаго расхода безъ ея особаго приказанія; вообще Начальница должна была входить во всѣ подробности всѣхъ частей управленія. Ей давалось даже право „промышлять о всемъ томъ, что̀ по собственному ея изобрѣтенію за лучшее и полезнѣйшее для порядку, успѣха, благосостоянія, а наипаче для воспитанія молодыхъ дѣвицъ признано будетъ, которыя, яко драгоцѣнный для нея, для государства и отечества залогъ, ввѣрены благо-

[1]) П. Собр. Т. XVII, ст. 12652.

[2]) Им. Указы и конфирм. доклады по Восп. Общ. съ 1766 по 1776 г. Докладъ Совѣта 25-го мая 1766 года (Арх. Канц. В. О. благ. дѣв.).

разумному ея попеченію“ [1]). Но за то отъ Начальницы — „яко важнѣйшей и передъ всѣми прочими преимущественной“ — требовались особенныя качества: она должна была быть всѣми, не только воспитанницами, но и принадлежащими къ Воспитательному Обществу, любимой и почитаемой; собственнымъ примѣромъ ободрять всѣхъ прочихъ, возбуждать ласковымъ обращеніемъ съ воспитанницами желаніе въ нихъ быть съ нею, благоразуміе и искусство въ „поступкахъ“ соединять съ кротостью, а найпаче съ непринужденною веселостью, чтобы „симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что̀ скукою, грустію или задумчивостію назваться можетъ“ [2]).

Въ помощь Начальницѣ опредѣлялась Правительница, на особомъ попеченіи которой лежало наблюденіе за надзирательницами и учительницами, а также (Гл. 1, Разд. 4, § 4) „крайнее раченіе о чистотѣ и учтивости“, ибо „нерадѣніе въ семъ пунктѣ ни по какой мѣрѣ терпимо быть не можетъ“.

Для ближайшаго надзора за воспитанницами полагалось четыре надзирательницы, по одной на каждый классъ. Онѣ должны были постоянно быть при дѣтяхъ, помогать учительницамъ и въ случаѣ надобности замѣнять ихъ. На обязанности надзирательницъ лежало также попеченіе о платьѣ и бѣльѣ воспитанницъ. Онѣ должны были наблюдать за тѣмъ, благопристойно ли ведутъ себя воспитанницы во время стола, „съ благородною ли и приличною осанкою и опрятно ли кушаютъ, словомъ, такъ ли поступаютъ, какъ благороднымъ и хорошо воспитаннымъ дѣвицамъ надлежитъ“ (Уст., Гл. 1, Разд. 5, § 6). Надзирательницы, какъ сказано въ Уставѣ (Гл. 1, Разд. 5, § 3), имѣютъ преимущество надъ учительницами, но ограниченное“. Въ числѣ другихъ указаній о гуманности въ своихъ отношеніяхъ съ дѣтьми, надзирательницамъ предписывалось Уставомъ [3]) „не одумавшись сердце свое не изъявлять надъ молодою дѣвицею („что весьма часто случается у большей части безразсудныхъ учителей и учительницъ“), а также „собственныхъ или домашнихъ своихъ огорченій воспитываемымъ дѣтямъ отнюдь не показывать, но всячески оныя отъ нихъ скрывать“ (§ 9).

Обученіе воспитанницъ ввѣрялось 12-ти учительницамъ, кромѣ монахинь, которыя должны были обучать лишь грамотѣ самыхъ маленькихъ. Учительницы, также какъ и надзирательницы, должны были быть постоянно съ дѣтьми. Во время обѣда воспи-

[1]) Уст. восп. двухсотъ благ. д. Гл. 1, Разд. 3. §§ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 12.
[2]) Уст. Гл. 1, Разд. 3, § 5, 6, 11.
[3]) Гл. 1, разд. 5, § 8.

танницъ каждой изъ учительницъ ввѣрялся отдѣльный столъ, а каждые четыре стола—одной изъ надзирательницъ. Главный пунктъ, упущеніе по которому учительницею, какъ сказано въ § 15 (Гл. 1, Разд. 6) Устава, прощаемо быть не можетъ, это — чистота и учтивость. Учительницамъ предписывалось также „благоразумными и искусно къ слову приведенными разговорами, при всякомъ случаѣ удобнѣе въ мысли молодыхъ дѣвицъ вперять благонравіе и вкоренять оное въ нѣжныя ихъ сердца; а всякій пунктъ наставленія, о чемъ бы ни былъ, довольный способъ къ нравоученію подать можетъ“ [1]). На ихъ обязанности лежало также стараніе, чтобы дѣвицы „не привыкали излишне важничать, а потомъ и унылый видъ являть“.

Учительницы должны были обучать не только иностраннымъ языкамъ, но и всѣмъ предметамъ и только въ крайнемъ случаѣ, „ежели въ какихъ наукахъ учительницъ не сыщется“, то вмѣсто нихъ опредѣлялись учителя или „мастера“ (Уст. Гл. 1, Разд. 6, § 16). Послѣднимъ, въ особомъ параграфѣ (18) Устава, внушалось, чтобы они „вели себя весьма благопристойно съ дѣвицами со всякою учтивостью, должною ихъ полу и породѣ, такъ что еслибы случилось имъ (что либо?) и представлять, то въ пристойныхъ, а отнюдь не подлыхъ или грубыхъ изображеніяхъ“. По штату же полагалось при Воспитательномъ Обществѣ 12 учительницъ и 17 учителей: 2—россійскаго языка, 3—иностранныхъ языковъ, 2 — танцмейстера, 3 — рисовальныхъ мастера, 2 — музыки вокальной, 2—музыки инструментальной, 2—географіи, исторіи и геральдики, 1—для показанія нѣкоторыхъ правилъ архитектуры [2]).

Внѣшняя организація быта воспитанницъ была взята изъ Сен-Сира. Также какъ тамъ, онѣ раздѣлялись на четыре возраста, причемъ каждый отличался отъ другого цвѣтомъ платья (въ Сен-Сирѣ цвѣтомъ ленты на одинаковомъ для всѣхъ черномъ платьѣ). Но у насъ пріемный возрастъ былъ опредѣленъ въ 5—6 лѣтъ, воспитанницы должны были оставаться въ Обществѣ 12-ть лѣтъ и выходили изъ него не старше 18-ти.

Важнѣе было различіе между обоими учрежденіями въ характерѣ даваемаго дѣвицамъ воспитанія. Хотя и у насъ при пріемѣ въ Воспитательное Общество требовалось отъ родителей дѣвицы, или ея родственниковъ, обязательство въ томъ, что они „по собственному своему произволенію и видя будущую дочерямъ ихъ отъ сего воспитанія пользу, препоручаютъ въ опеку совер-

[1]) Уст. восп. двухсотъ благ. дѣв. Гл. 1, Разд. 6, § 2.

[2]) Уст. восп. двухсотъ благ. дѣв. Генеральный штатъ Воспитательнаго Общества.

шенно до 18-лѣтняго возраста, такъ что до исходу того 12-лѣтняго времени ни подъ какимъ видомъ обратно требовать ихъ не станутъ“ (Гл. 1, Разд. 1, § 9) и „черезъ все время пребыванія ихъ дочерей въ Воспитательномъ Обществѣ отъ всякаго попеченія о нихъ свободны“ (Гл. 2, § 25), но родителямъ и родственникамъ позволялось навѣщать дѣтей въ опредѣленные для этого дни, въ присутствіи Начальницы или кого-либо изъ подчиненныхъ ей (§ 26). Кромѣ того Уставъ даже предписывалъ въ стѣнахъ самого заведенія устраивать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собранія для пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей.

Вообще нашъ Уставъ повидимому взялъ за образецъ первый, блестящій, періодъ Сен-Сира; онъ былъ составленъ въ гораздо болѣе аристократическомъ духѣ, нежели правила г-жи Мэнтенонъ. Въ немъ безпрестанно упоминается о „благородномъ происхожденіи“, „породѣ“, воспитанницъ. Только съ двѣнадцатилѣтняго возраста онѣ должны были начинать сами одѣваться и убирать себѣ голову. Правда, съ 12-ти же лѣтъ онѣ должны были вязать себѣ чулки и шить платья, но ни о метеніи половъ, какъ въ Сен-Сирѣ, ни о какой другой черной работѣ въ Уставѣ Воспитательнаго Общества не говорится. Въ содержаніи воспитанницъ у насъ допускалась даже нѣкоторая роскошь: столовое бѣлье должно было мѣняться ежедневно для всѣхъ, а для двухъ старшихъ классовъ и къ обѣду, и къ ужину (Гл. 2, § 17). Тоже и въ одеждѣ воспитанницъ: кромѣ обыкновеннаго, для учебныхъ дней, камлотоваго платья, полагались и шелковыя, для воскресныхъ и праздничныхъ (Гл. 2, § 20).

Что касается программы ученія, то въ Воспитательномъ Обществѣ съ перваго же, самаго младшаго класса (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ), кромѣ отечественнаго, должны были преподаваться и иностранные языки, также ариѳметика; затѣмъ еще рисованіе, танцы, музыка и рукодѣлія. Во 2-мъ возрастѣ (отъ 9-ти до 12-ти л.), кромѣ указанныхъ предметовъ, обучали географіи и исторіи. Въ 3-мъ (отъ 12-ти до 15-ти л.) присоединялось обученіе „словеснымъ наукамъ, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ“, часть архитектуры и геральдики. Наконецъ, въ 4-мъ (отъ 15-ти до 18-ти л.) полагалось Уставомъ: 1) знаніе совершенное закона; 2) всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости; 3) повтореніе всего прежняго, въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣютъ, и 4) во всѣ части экономіи дѣйствительно вступаютъ по очереди (Гл. 1, Разд. 2).

Сравнивая нашу программу съ программой Сен-Сира, первая

представляется гораздо обширнѣе; но, въ примѣненіи, програма г-жи Мэнтенонъ, какъ было нами раньше указано, была шире своей формулы, а наша, какъ оказалось впослѣдствіи, въ дѣйствительности не выполнялась и на половину.

На первые два года членами Совѣта Воспитательнаго Общества были назначены Императрицею слѣдующія лица: сенаторъ, генералъ-поручикъ Ив. Ив. Бецкій, сенаторъ, генералъ-аншефъ (а съ 1767 года графъ) П. Ив. Панинъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, князь П. Трубецкой и секретарь Императрицы Сергѣй Козминъ. Кромѣ этихъ четырехъ лицъ, въ Совѣтѣ должна была засѣдать и Начальница Воспитательнаго Общества, княжна Анна Сергѣевна Долгорукова.

Она была дочерью князя Сергѣя Петровича (1697—1761) и княжны Ирины Петровны, рожденной Голицыной (1700—1751) Долгоруковыхъ [1]). Отецъ Анны Сергѣевны, сосланный при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ другими членами семьи Долгоруковыхъ, по дѣлу о составленіи духовнаго завѣщанія отъ имени Императора Петра II, при Императрицѣ Елизаветѣ былъ возвращенъ изъ ссылки и состоялъ посланникомъ въ Константинополѣ. Мать княжны Анны Долгоруковой извѣстна тѣмъ, что оставшись въ Голландіи, когда ея мужъ, въ 1727 году, былъ вызванъ братьями въ Россію, приняла тамъ католичество. Она умерла въ Россіи въ 1751 г. До своего назначенія Начальницей Воспитательнаго Общества, княжна Анна Сергѣевна (род. въ 1719 г.) [2]) состояла камеръ-фрейлиною при дворѣ Екатерины, а при назначеніи ея Начальницею (ей было тогда 45 л.) она была сдѣлана статсъ-дамою и ей пожалованъ портретъ Императрицы, осыпанный бриліантами [3]). Княжна Долгорукова пробыла Начальницей Воспитательнаго Общества недолго и, при увольненіи ея въ 1768 году „за слабостью здоровья“ по ея прошенію, Екатерина назначила ей тысячу рублей ежегодной пенсіи изъ суммъ Общества [4]).

Кромѣ этихъ свѣдѣній о личности первой Начальницы перваго женскаго общественнаго учебнаго заведенія, другихъ нѣтъ и неизвѣстно, почему выборъ Екатерины палъ именно на нее. Повидимому, княжна Долгорукова ничѣмъ до тѣхъ поръ не выдавалась ни при дворѣ, ни въ обществѣ, и даже въ высшемъ кругу была

[1]) Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. 1854. Ч. I, стр. 92.

[2]) Росс. род. кн. Ч. I, стр. 96.

[3]) Русскій дворъ въ XVIII столѣтіи. *Карабановъ* (Р. Старина 1871. I и II).

[4]) Им. указы и конф. докл. по В. Общ.

мало извѣстна [1]). Поэтому можно вѣрить объясненію этого назначенія, сдѣланному бывшею воспитанницею Воспитательнаго Общества перваго пріема, Ржевскою, которая оставила записки, касающіяся и подробностей первыхъ годовъ жизни въ Смольномъ монастырѣ [2]). Ржевская говоритъ, что во главѣ новаго учебнаго заведенія поставили знатную, титулованную особу для того, чтобы внушить къ нему болѣе довѣрія. Долгорукову Ржевская рисуетъ неспособною, гордою, кичившеюся знатностью и богатствомъ, остроумною, но ханжею, суевѣрною и „недостаточно умною", прибавляетъ Ржевская, „чтобы быть выше предразсудковъ, которые рѣшено было изгнать изъ нашего мирнаго пріюта. Ее осыпали милостями, чтобы склонить отказаться отъ должности" [3]).

Правительницей была опредѣлена съ самаго начала вдова д. ст. сов. де-Лафонъ, которая, по увольненіи княжны Долгоруковой, исполняла обязанности Начальницы до 1773 года и утвержденная въ должности оставалась въ этомъ званіи тридцать лѣтъ.

Семейство де-Лафонъ, по словамъ Ржевской, поселилось въ Россіи, оставивъ Францію вслѣдствіе религіозныхъ тамъ раздоровъ. Отецъ Софьи де-Лафонъ былъ виноторговецъ и продолжалъ эту торговлю въ Петербургѣ. Здѣсь же онъ съ женою открылъ первую гостинницу, которую посѣщала знать. Наживъ такимъ путемъ состояніе, родители Софьи дали хорошее образованіе своей красивой дочери и выдали ее замужъ, когда ей минуло 15 лѣтъ, за француза де-Лафонъ, генерала русской службы. Это замужество не было счастливо. Де-Лафонъ растратилъ состояніе жены, сошелъ съ ума и умеръ за границей. Оставшись послѣ его смерти въ Парижѣ и желая вернуться въ Россію, чтобы собрать деньги, данныя ея отцомъ взаймы разнымъ лицамъ, Софья де-Лафонъ обратилась за помощью въ русское посольство. Тутъ съ нею познакомился бывшій тогда въ Парижѣ Бецкій и потомъ указалъ на нее Императрицѣ, какъ на лицо, способное исполнять обязанности Начальницы Воспитательнаго Общества.

Повидимому, Лафонъ вполнѣ отвѣчала требованіямъ Екатерины отъ воспитательницы, выраженнымъ ею въ письмѣ къ г-жѣ Біельке: „не молода, не католичка, все равно какого званія, но лучше изъ знатныхъ. Особа не титулованная, безъ должности,

[1]) Извѣщая графиню Строганову объ учрежденіи Восп. Общ., П. Бакунинъ (членъ иностранной коллегіи), принадлежавшій къ высшему кругу, писалъ, что Начальницею будетъ „une princesse Dolgorouky" (Арх. кн. Воронцова. Т. 34, стр. 329).

[2]) Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской (Р. Архивъ. 1871. № 1).

[3]) Зап. Ржевской, стр. 7.

независимая, будетъ для меня превосходна“ [1]). По словамъ Ржевской, Лафонъ была кротка, умна, веселая и съ знаніями. Воспитанницы ее любили и были откровенны съ нею, а она—по крайней мѣрѣ такъ было съ Ржевской если вѣрить ея словамъ—платила имъ тѣмъ же, и даже, вопреки предписанію Устава служащимъ скрывать свои огорченія отъ воспитанницъ, повѣряла нѣкоторымъ изъ нихъ свое горе [2]). Ржевская, вообще скорѣе пристрастная къ Лафонъ, обвиняетъ однако ее въ томъ, что она во всемъ помогала Бецкому, и даже въ вещахъ недостойныхъ, если вѣрить правдивости автора Записокъ.

Надзирательницы, также какъ и учительницы, въ первое время все были иностранки. Екатерина поручила генералъ-маіору Бюлау пріискивать за границей гувернантокъ и гувернеровъ для дѣтей обоего пола, которыхъ, говоря ея словами, „она воспитываетъ“ [3]). При этомъ, какъ видно изъ письма Вольтера къ князю Д. Голицыну, женевскій магистратъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, не разрѣшилъ приглашеннымъ Бюлау, въ Женевскомъ и Ваатландскомъ кантонахъ, учительницамъ ѣхать въ Россію. Неизвѣстно откуда онѣ были набраны, но въ числѣ учительницъ перваго времени, имена которыхъ упоминаются въ протоколахъ Совѣта Воспитательнаго Общества, не встрѣчается ни одной русской фамиліи, а изъ иностранныхъ преимущественно французскія: Паржъ, Бернаръ, Вотрень, Берже, Буржуа и др.; Нико, Эркенсъ, Дюнанъ были англичанки [4]). Только въ 1772 году въ первый разъ упоминается фамилія учителя и притомъ русскаго, „студента не у дѣлъ“—Матвѣя Пахомова, опредѣленнаго Совѣтомъ для „производства письменныхъ дѣлъ въ должность секретаря Совѣта, также и для обученія благородныхъ дѣвицъ и мѣщанскихъ“ [5]).

28-го іюня 1764 года начался пріемъ въ Воспитательное Общество, а 7-го августа открылись засѣданія Совѣта. По Уставу дворянство каждой представляемой дѣвицы должно было доказываться „настоящими дипломами и справками изъ герольдіи“; также дозволялось принимать „и офицерскихъ дѣтей“. Но на первыхъ же порахъ оказалось невозможнымъ строго соблюсти эти предписанія. Желающихъ отдать въ Общество своихъ дѣтей, изъ дворянъ явилось такъ мало, что Совѣтъ положилъ: „о дворян-

[1]) Сб. р. и общ. Т. X, стр. 47.

[2]) Зап. Гл. И. Ржевской, стр. 10.

[3]) Письмо Ек. къ Біельке отъ февраля 1766 г. (Сб. р. и. о. Т. X).

[4]) Протоколы В. О. благ. дѣв. 1764—1772.

[5]) Протоколъ 25-го марта 1772 г.

скихъ фамиліяхъ утверждаться на томъ, когда можетъ быть засвидѣтельствовано, что за родными дѣдами по мужнему колѣну представленной дѣвицы состояли недвижимыя имѣнія. Относительно офицерскихъ дѣтей, принимать безъ доказательствъ о настоящемъ дворянствѣ лишь штабъ-офицерскихъ дѣтей, кои не при отставкѣ штабъ-офицерами, а дѣйствительно штабъ-офицерами служили". Другое послабленіе, допущенное Совѣтомъ, касалось возраста принимаемыхъ дѣтей. По Уставу должны были приниматься 5-ти и не старше 6-ти лѣтъ. Совѣтъ рѣшилъ, не допуская тѣхъ, которыя старше 6-ти лѣтъ хотя бы всего на 2 мѣсяца, принимать 4-лѣтнихъ и „хотя бы только нѣсколькими мѣсяцами болѣе 4-хъ лѣтъ, ибо въ три года всего одинъ пріемъ въ теченіи цѣлаго года, а стало быть 4-лѣтнія почти достигнутъ 5-ти лѣтъ". Дѣлая эти отступленія отъ Устава, Совѣтъ оговаривался, что „какъ о превосходствѣ и недостаткѣ положенныхъ лѣтъ, такъ и объ штабъ-офицерскихъ дѣтяхъ безъ доказательства дворянства, онъ полагаетъ лишь для перваго случая при недовольномъ еще состояніи представляющихся дѣвицъ, а когда ихъ будетъ довольно, то поступать по точной силѣ Устава" [1]).

Дѣйствительно, судя по протоколамъ Совѣта, пріемъ въ Воспитательное Общество шелъ медленно, вслѣдствіе недостатка представляемыхъ къ первому пріему родителями дѣтей. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо съ увѣренностью можно сказать, что при учрежденіи Общества, кромѣ Императрицы и Бецкаго, едва ли нашелся бы еще десятокъ лицъ во всей Россіи, которыя понимали бы цѣль, съ какою оно основывалось, и еще менѣе такихъ, которыя сочувствовали бы этой цѣли. Учрежденіе общественнаго учебнаго заведенія для знатныхъ дѣвушекъ не встрѣтило, особенно вначалѣ, сочувствія, а вызвало скорѣе изумленіе, преимущественно въ высшихъ кругахъ общества. Во всѣхъ семействахъ, принадлежавшихъ къ этимъ кругамъ, были гувернантки-иностранки, учившія дѣвушекъ, и это считалось достаточнымъ. Самая же идея общественнаго воспитанія ихъ, и не могла въ то время быть принята сочувственно въ высшихъ кругахъ если вспомнить, что предубѣжденіе въ этомъ смыслѣ существуетъ и теперь, болѣе чѣмъ сто лѣтъ послѣ учрежденія такого воспитанія [2]). О томъ, что такое предубѣжденіе проявилось при самомъ

[1]) Архивъ Восп. О. благ. дѣв.—Протоколъ Совѣта отъ 7-го августа 1764 г.

[2]) Впослѣдствіи, когда выяснилось отношеніе Императрицы къ Обществу, измѣнился и взглядъ на него въ высшихъ кругахъ. По дѣлу о разводѣ супруговъ Сиверсъ, третейскій судъ рѣшилъ пристроить дочерей въ „благопристойное" мѣсто. „А какъ кромѣ Новодѣвичьяго монастыря", говорится въ его постановленіи по этому дѣлу,

основанiи Общества, притомъ даже не только въ высшихъ, но и въ среднихъ дворянскихъ кругахъ тогдашняго общества, говоритъ и Ржевская (урожденная Алымова), встрѣтившая его въ собственной семьѣ.

Если не всѣ, богатые и бѣдные, дворяне-помѣщики смотрѣли на образованiе своихъ дочерей такъ, какъ Чудихина или Христина въ комедiи Екатерины „О время!“ [1]), то можно навѣрное сказать, что никто изъ нихъ не ощущалъ въ немъ потребности и не признавалъ его значенiя. Во многихъ семействахъ среднихъ дворянскихъ круговъ, дочерей въ столицахъ отдавали въ пансiоны, содержимые иностранцами и иностранками; понемногу и въ эти круги стала переходитъ мода приглашать или, какъ тогда обыкновенно выражались, нанимать „мадамъ“ или „мамзель“ къ дочери. Это дѣлалось отчасти чтобы не отстать отъ другихъ, а отчасти потому, что „мамзель“, кромѣ обученiя дочери манерамъ и говорить по-французски, представляла еще и другiя удобства: она мыла кружева хозяйки, шила ей чепчики и этому же выучивала свою воспитанницу [2]). Но въ Воспитательное Общество принимали дѣтей не только для обученiя ихъ, а и на полное содержанiе. Эта сторона новаго учрежденiя придавала ему въ глазахъ большинства характеръ благотворительный и она-то, можно думать, привлекла къ нему тѣхъ немногихъ родителей, которые отдали своихъ дѣтей въ Общество въ первый же годъ его открытiя.

„трудно прiискать такое мѣсто, которое было бы равно пристойно какъ для родителей, такъ и для дѣтей, то“ и пр. (Архивъ кн. Воронцова, кн. 26).

[1]) Чудихина говоритъ: „Быть добру! нынче, сказываютъ, и дѣвокъ въ Питерѣ учатъ“... „Кабы у меня была дочь, меньше бы и я имѣла заботы“.

Христина говоритъ бабушкѣ: „Какъ не смѣяться! 18-ти лѣтъ парень Часовникъ учитъ; вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать“ (Соч. Имп. Ек. II. Изд. Смирдина. 1849. Т. II).

[2]) Характеризуя воспитанiе дѣвушекъ своего времени, неизвѣстный авторъ статьи „О смыслѣ слова воспитанiе“ въ Собесѣдникѣ любителей россiйскаго слова разсказываетъ: „Нерѣдко случалось слышать въ замоскворѣцкихъ съѣздахъ или бесѣдахъ: что ты, матушка, своей мамзели даешь?—Дарага, проклятая, дарага! да что дѣлать, хочется воспитать дѣтей благородно! 180 р. деньгами, да сахару по 5 ф. и чаю по 1 фунту на мѣсяцъ ей даю.—И, матушка, я своей больше плачу; 250 р. въ годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ довольное число. За то она уже моетъ кружево мое и чепчики мнѣ шьетъ, да и Танюшу выучила ихъ дѣлать. Нынче, матушка, ужъ и замужъ дочери не выдать коли по-французски она говорить не умѣетъ, а вѣдь постричь ее нельзя. Да я и сама-таки люблю французское благородство и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ“ (Соб. л. росс. слова, содержащiй разныя сочиненiя въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ россiйскихъ писателей. 1783 года. Ч. 2, стр. 12).

Среди послѣднихъ, „знатныхъ“ дѣвушекъ было сначала немного. Къ первому засѣданію Совѣта, т.-е. къ 7-му августа, было представлено всего 16 дѣвочекъ, изъ которыхъ 5-ти было отказано, а 11 принято. Между ними была всего одна титулованная, и то съ иностранной фамиліей, графиня фонъ-Вальштейнъ. Она была принята несмотря на то, что ей было уже больше шести лѣтъ. Между привезенными къ пріему дѣвочками была одна—моложе даже четырехъ лѣтъ; ей Совѣтъ отказалъ по малолѣтству [1]).

Первый пріемъ продолжался болѣе чѣмъ цѣлый годъ, ибо только 9-го іюля 1765 г. была принята послѣдняя дѣвочка, дочь князя Щербатова, и Совѣтъ постановилъ поднести Императрицѣ списокъ 50-ти принятыхъ въ Общество воспитанницъ. Къ этому времени выяснилось, что съ 28-го іюня 1764 года по 9-е іюля 1765 г. было представлено къ пріему всего 71 дѣвочка. Изъ 50-ти принятыхъ было 7 титулованныхъ (въ числѣ непринятыхъ не было ни одной титулованной) и нѣсколько дочерей низшихъ придворныхъ служителей: камеръ-фурьера, каморъ-цалмейстера, тафель-декера. Нѣкоторымъ изъ родителей, дочерямъ которыхъ было отказано въ пріемѣ, Совѣтъ выдалъ на покрытіе расходовъ по привозу и увозу обратно дѣтей по 25-ти и 10-ти рублей. Кромѣ того, въ февралѣ 1765 года были уже возвращены родителямъ 4, принятыя въ 1764 году, дѣвочки, оказавшіяся, по заявленію княжны Долгоруковой, „къ наукамъ совсѣмъ неспособными“. Сверхъ комплекта и внѣ правилъ, въ первый пріемъ, по повелѣнію Императрицы, была принята всего одна—дочь генералъ-аншефа, бѣлорусскаго генералъ-губернатора, Пассекъ, „хотя и не въ указныхъ лѣтахъ“ [2]).

Въ числѣ причинъ непринятія Совѣтомъ представленныхъ къ первому пріему дѣтей, было нѣсколько случаевъ отказовъ „за болѣзнью“. Этотъ пунктъ, повидимому, очень затруднялъ на первыхъ порахъ Совѣтъ. Такъ какъ Уставомъ предписывалось принимать здоровыхъ, „а этого“, рѣшилъ Совѣтъ, „узнать нельзя“, то онъ и постановилъ принимать всѣхъ, но если у кого-нибудь изъ принятыхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ окажутся болѣзни въ такихъ припадкахъ, съ какими по § 8, Р. 1. Устава принимать не велѣно, то такихъ отдавать назадъ родителямъ. При этомъ Совѣтъ, какъ выражено въ протоколѣ 7-го марта 1765 г., „имѣлъ политическое разсужденіе о деликатности того, чтобы о случающихся болѣзненныхъ припадкахъ благородныхъ и мѣщан-

[1]) Протоколъ Совѣта Восп. Общ. 7-го авг. 1764 года.

[2]) Протоколъ 7-го марта 1765 г.

скихъ дочерей содержать всегда въ секретѣ и никому о тѣхъ болѣзняхъ ни чрезъ кого никакого увѣдомленія, кромѣ г-жи Начальницы, отнюдь не было". Докторъ, служащій при Обществѣ, и „медицинскіе служителя" обязывались подпиской, что даже въ медицинскую коллегію они подъ присягой никакихъ разглашеній дѣлать не будутъ.

Кромѣ этихъ мѣръ, Совѣтъ, заботясь о внѣшнемъ декорумѣ ввѣреннаго ему учрежденія, предписалъ канцеляристу, „въ разсужденіи достоинствъ сего Воспитательнаго Общества и учрежденнаго для него Совѣта", носить шпагу, „яко и тѣ, состоящіе при ономъ Обществѣ, чужестранныхъ націй служители шпаги имѣютъ". Дѣйствительно, большинство даже низшихъ служителей въ Обществѣ были иностранцы: экономъ былъ итальянецъ—Мерелло, бухгалтеръ—Циммерманнъ, швейцаръ—Препейнъ.

Этими мѣрами ограничились дѣйствія Совѣта въ первые мѣсяцы существованія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Съ небольшимъ черезъ полгода послѣ открытія пріема въ Общество, Бецкій, въ засѣданіи 10-го января 1765 года, передалъ Совѣту письменное повелѣніе Императрицы о томъ, чтобы пока не конфирмуется новое учрежденіе „о воспитаніи малолѣтныхъ дѣвушекъ, на основаніи Устава Академіи Художествъ, такого-жъ званія, какъ тамъ мальчики, публиковать печатными листами отъ Совѣта для приводу оныхъ и, до постройки отдѣльнаго строенія, помѣстить въ Воскресенскомъ монастырѣ въ особливомъ мѣстѣ". Совѣтъ рѣшилъ напечатать 600 экземпляровъ объявленій о вновь открывающемся училищѣ, также сообщить въ Сенатъ и Синодъ, а для распубликованія разослать въ канцеляріи: главную полиціймейстерскую, конюшенную, лейбъ-гвардіи въ полковыя и главную артиллерійскую „по препорціи" [1]). Три недѣли спустя, а именно 31-го января 1765 года, было объявлено указомъ [2]) объ учрежденіи „особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтныхъ дѣвушекъ". Указомъ 31-го января 1765 г. объявлялось, что, въ „конфирмованномъ Ея Императорскимъ Величествомъ Генеральномъ Учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества, повелѣно во всѣхъ губерніяхъ заводить воспитательныя училища. Вслѣдствіе чего въ С.-Петербургѣ для благородныхъ дѣвицъ въ

[1]) Протоколъ 10-го января 1765 г.

[2]) Полн. Собр. Т. XVII, ст. 12323.

Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а для мѣщанскихъ мальчиковъ при Академіи Художествъ оныя уже дѣйствительно начало свое воспріяли; но для пользы Общества не меньше требуется, чтобъ всякаго чина и женскій полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ; чего ради при ономъ же Воскресенскомъ монастырѣ, въ особливо опредѣленномъ строеніи учредить должно училище и для малолѣтнихъ дѣвушекъ, которымъ равномѣрно быть подъ управленіемъ госпожи Главной Начальницы и Правительницы; а казнѣ и экономіи состоять въ вѣдомствѣ Совѣта господъ Попечителей; по тому же какъ предписано въ Уставѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ".

Цѣль, съ которою учреждалось училище для мѣщанскихъ или, какъ онѣ были сначала названы, „малолѣтныхъ". дѣвушекъ, въ „Учрежденіи особливаго училища" для нихъ, поясняется тѣмъ, „чтобы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвесть новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли, вслѣдствіе Высочайшаго намѣренія Ея Императорскаго Величества" [1]).

Къ первому пріему назначено было допустить 60 мѣщанскихъ дѣвушекъ, а полный комплектъ долженъ былъ состоять изъ 240. „Учрежденіе" предписывало раздѣлить ихъ на четыре возраста, отъ 6-ти до 18-ти лѣтъ, такъ какъ онѣ „по состоянію своему съ воспитываемыми при Академіи Художествъ мальчиками одинаки".

Ученіе въ 1-мъ возрастѣ должно было заключаться въ поученіи по лѣтамъ Закона Божія, всѣхъ правилъ воспитанія, благонравія, обхожденія и чистоты, россійскаго и иностраннаго языка (читать и писать), рисованія, ариѳметики, танцованія. Къ этому присоединялось обученіе „надлежащимъ, особливо женскому полу, упражненіямъ и рукодѣліямъ, а при томъ, разсмотря природное дарованіе и склонность каждой, пріучать ихъ къ голосной и инструментальной музыкѣ" [2]). Стало быть, изъ наукъ преподавались мѣщанскимъ дѣвушкамъ только русскій и иностранный языки и ариѳметика. Во 2-мъ возрастѣ, съ 9-ти до 12-ти лѣтъ, присоединялось лишь „пріученіе къ домостроительству". Но съ этого возраста предписывалось, также какъ и въ Академіи Художествъ,

[1]) Учрежденіе особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтныхъ дѣвушекъ. § 2. (Учрежденія и Уставы. Т. II, стр. 69).

[2]) Учрежденіе особл. уч., § 4.

„разсматривать у каждой природную склонность, понятіе и успѣхи, и по экзаменѣ таковыхъ отмѣчать въ журналахъ, дабы въ 3-мъ возрастѣ (12—15 лѣтъ), продолжая все прежнее, особливо тѣмъ, которыя по такомъ испытаніи окажутъ себя во всемъ отмѣнными, преподавать въ томъ и наставленіе, а прочихъ пріучать, чтобъ при выпускѣ въ 4-й возрастъ дѣйствительно могли употребляемы быть ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ и работамъ, т.-е. шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять". Наконецъ, въ 4-мъ возрастѣ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ), продолжая все прежнее, упражнять каждую въ томъ искусствѣ, художествѣ или знаніи, къ которому оказала она наибольшую способность, а прочихъ употреблять въ дѣйствительныя работы для совершенной выучки. Причемъ, сказано въ § 4 „Учрежденія", „паче всего слѣдовать должно во все время сего воспитанія правиламъ физическихъ примѣчаній и наблюдать неотмѣнно чистоту, учтивость и благопристойность въ поведеніи".

При вступленіи каждой мѣщанской дѣвушки, ей опредѣлялось 50 рублей (§ 5), которые должны были быть положены въ банкъ и тамъ храниться во все время ея пребыванія въ училищѣ; а при выпускѣ эта сумма, вмѣстѣ съ наросшими на нее въ теченіе 12-ти лѣтъ процентами, должна была дѣлиться поровну между оставшимися до выпуска отъ даннаго пріема дѣвушками и отдавалась имъ въ приданое. Кромѣ того, всѣ сработанныя во время пребыванія въ училищѣ дѣвушкою вещи, должны были продаваться въ ея пользу и вырученныя деньги отдавались ей также при выходѣ изъ училища. Для этого „Учрежденіе" предписывало Начальству училища вести „вѣрную" записку, кѣмъ именно какая вещь, „до простого рукодѣлія или до художества касающаяся, сдѣлана". Точно также на Совѣтъ возлагалась обязанность, какъ и относительно благородныхъ, принимать отъ родителей мѣщанскихъ дѣвушекъ, если они пожелаютъ дать, деньги, которыя и выдавать имъ при выпускѣ вмѣстѣ съ наросшими на нихъ въ банкѣ процентами.

По окончаніи 12-ти-лѣтняго пребыванія въ училищѣ, мѣщанскія дѣвушки, какъ сказано въ „Учрежденіи" (§ 8), „могутъ быть выпускаемы въ замужество за достойныхъ по ихъ состоянію жениховъ; другія, по желаніямъ своимъ, вступаютъ на урочные годы въ службу съ договоромъ и заплатою при училищѣ благородныхъ дѣвицъ; прочія же, кои не имѣвъ достойныхъ жениховъ и въ

[1]) Учр. ос. уч. для мал. дѣв. § 6.

службу вышеписаннаго Общества вступить не похотятъ, могутъ еще остаться три года не въ числѣ классныхъ, а для отвращенія праздности, получать имъ отъ училища только покой, дрова и свѣчи; въ прочемъ довольствовать за плату изъ прибыли отъ продажи собственныхъ ихъ трудовъ, которой инако пріобрѣсть не могутъ, какъ трудолюбіемъ, искусствомъ и вкорененною въ нихъ съ юныхъ ихъ лѣтъ добродѣтелью". По прошествіи трехъ лѣтъ, дѣвушка, которой уже будетъ 21 годъ, выпускается, какъ сказано въ „Учрежденіи", „на волю" съ атестатомъ, предоставляющимъ ей тѣ же вольности и преимущества, которыми пользовались, въ силу пожалованной имъ привилегіи, воспитанники Академіи Художествъ. Но и потомъ „въ каковыхъ либо обидахъ и притѣсненіяхъ, бывшія воспитанницы мѣщанскаго училища всегда подъ опекою Совѣта Попечителей благородныхъ дѣвицъ состоять имѣютъ" (§ 9 „Учрежденія").

Въ упомянутой привилегіи дарованной Академіи Художествъ при ея преобразованіи 14-го ноября 1764 года[1]), распространяемой и на мѣщанскихъ дѣвушекъ, было сказано: „Наистрожайше запрещаемъ всѣмъ и каждому какова бъ кто званія ни былъ, изъ сихъ художниковъ, мастеровъ, дѣтей ихъ и потомковъ въ крѣпостные себѣ люди записывать и утверждать какимъ бы то ни было образомъ; а хотя бы паче чаянія сіе обманомъ учинилося, или и самъ таковый по уговору и доброй волѣ у кого-нибудь крѣпостнымъ записался, либо на крѣпостной дѣвкѣ или вдовѣ женился, то однако оное не токмо кабальнымъ его не дѣлаетъ, но и вступившая съ нимъ въ бракъ и рожденныя отъ нихъ дѣти отъ того часа имѣютъ быть вольными жъ".

Мысль Екатерины—обучать и воспитывать мѣщанскихъ дѣвушекъ въ особо съ этой цѣлью основанномъ для нихъ училищѣ— не покажется странною если вспомнить, что Императрица поставила себѣ задачею перевоспитать весь свой народъ, создать новую породу отцовъ и матерей. Кромѣ того, взявъ во вниманіе то презрѣніе, съ какимъ русское общество относилось тогда къ наукѣ, ученымъ и учителямъ, будетъ и безъ всякихъ объясненій понятно, что возможность учиться, и притомъ еще въ общественномъ заведеніи, не казалась привилегіей, а напротивъ, къ этому считали предназначенными людей, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ Общества. Профессоръ исторіи и правовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ, Дильтей, предлагалъ даже (въ 1766 г.)

[1]) Привиллегія и Уставъ Имп. Ак. трехъ знатнѣйшихъ художествъ, живописи, скульптуры и архитектуры съ воспитательнымъ при оной Академіи училищемъ (Учрежденія и Уставы. 1774. Т. II, стр. 5).

Императрицѣ, въ составленномъ имъ проектѣ, учредить особыя „рабскія“ школы, для образованія учителей изъ крѣпостныхъ людей [1]). Но на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что Екатерина, проводившая во всѣхъ реформахъ идею сословности, провозгласившая (въ Инструкціи князю Салтыкову), что „всякое воспитаніе учреждено быть должно смотря на того, кому оное дается“, отступила отъ этого принципа при устройствѣ учебной части въ мѣщанскомъ училищѣ. Въ программу его были включены и дворянскія науки: одинъ изъ иностранныхъ языковъ, танцы а для способныхъ еще и пѣніе, также музыка. При сравненіи этой программы съ программою воспитанницъ Воспитательнаго Дома [2]), назначеніе которыхъ имѣло нѣкоторое сходство съ назначеніемъ мѣщанскихъ дѣвушекъ, оказывается большое различіе въ обѣихъ программахъ. Питомицъ Воспитательнаго Дома обучали географіи и исторіи, чего въ программѣ мѣщанскихъ дѣвушекъ не полагалось; но за то имъ не преподавался ни одинъ изъ иностранныхъ языковъ, а относительно танцевъ въ Генеральномъ Планѣ прямо выражено, что „въ подобныхъ сему заведеніяхъ не нужны танцмейстеры и пр.; также не нужны дѣвочкамъ учительницы для показанія модъ, безполезныхъ способовъ обхожденія и множества подобныхъ сему вредныхъ и гнусныхъ излишествъ, кои произошли отъ одной роскоши и нынѣ у праздныхъ людей въ большихъ городахъ обыкновенно бываютъ“ [3]).

Поэтому надо предполагать, что кромѣ общей цѣли—перевоспитать весь народъ, у Екатерины, при основаніи мѣщанскаго училища, была и частная, и можетъ быть именно та, на которую было указано въ Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома: мѣщанскія дѣвушки, также какъ и крѣпостныя, къ которымъ прямо относятся слова Плана, „будутъ первыми наперстницами дочерей дворянина“ [4]). На такую мысль наводитъ то, что когда нѣсколько позже, при Шляхетскомъ Кадетскомъ корпусѣ было учреждено, по мысли Бецкаго, „заведеніе воспитанія мѣщанскихъ дѣтей“, то „причиной“ его Бецкій указалъ на необходимость имѣть собственныхъ, для корпуса, учителей. Ради этого Бецкій также поступилъ вопреки господствовавшаго духа того времени—

[1]) Педагогія прошлаго вѣка. *А. И. Кирпичникова* (Историческій Вѣстникъ. 1885, августъ, Т. XXI, стр. 440).

[2]) Генеральный Планъ Воспитательнаго Дома. Ч. III. (Учрежденія и Уставы. Т. I, стр. 86.) Показаніе чему учиться питомцамъ обоего пола.

[3]) Ген. Планъ. Ч. III. О надобности воспитанія сходнаго съ намѣреніемъ, съ которымъ заведенъ Домъ Воспитательный.

[4]) Тамъ же. Ч. III. § VI. (Учр. и Уставы. Т. I, стр. 93)

сословности, предложивъ Императрицѣ чтобы въ Кадетскій корпусъ принимались мѣщанскіе мальчики совершенно на одинаковыхъ съ кадетами условіяхъ какъ относительно воспитанія, такъ и обученія. При этомъ Бецкій опредѣленно высказалъ, что это слѣдуетъ сдѣлать не ради экономическихъ разсчетовъ, а ради воспитательныхъ и нравственныхъ цѣлей. „Черезъ такое ежедневное общеніе", говорилъ онъ въ своемъ докладѣ [1], „кадеты привыкнутъ заблаговременно не пренебрегать тѣми, кои законами общества опредѣлены къ низшему противъ ихъ состоянію, научатся исподволь судить о людяхъ по прямымъ достоинствамъ, а не по дѣламъ нимало отъ нихъ независящимъ". Мѣщанскихъ мальчиковъ, также какъ и кадетъ, посылали по окончаніи совершенно одинаковаго съ кадетами курса за границу и внутрь Россіи, выдавали имъ тѣже свидѣтельства, что и кадетамъ, и даже не требовали, чтобы они непремѣнно, по выпускѣ, остались на службѣ въ корпусѣ, а полагали, что они „вѣрно сами захотятъ" остаться въ немъ.

Основывая мѣщанскую половину Воспитательнаго Общества, Екатерина, очевидно, не имѣла въ виду приготовлять изъ мѣщанскихъ дѣвушекъ учительницъ для благородныхъ. На это нѣтъ и намека и въ „Учрежденіи особливаго училища", и напротивъ есть большое различіе въ программѣ обученія тѣхъ и другихъ. Мѣщанокъ полагалось обучать лишь самымъ элементарнымъ знаніямъ, въ отдѣльномъ отъ благородныхъ дѣвицъ, училищѣ. Повидимому ихъ считали нужнымъ воспитывать и обучать ради нихъ самихъ. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему въ программу ихъ обученія были включены предметы, не входившіе въ программу питомицъ Воспитательнаго Дома. Трудно предположить чтобы эта программа была случайна; и какъ во всемъ, что предпринимала Екатерина, она и при этомъ должна была имѣть какія-нибудь серьезныя основанія, которыя приходится искать въ условіяхъ жизни тогдашняго времени.

Еще задолго до Екатерины, когда дворяне и не думали объ обученіи своихъ дѣтей въ пансіонахъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, они иногда отдавали въ ученіе дѣтей своей прислуги, не исключая и женскаго пола. Иногда дѣвушекъ учили только читать, а не писать, изъ опасенія чтобы онѣ не стали потомъ писать любовныя письма; иногда же такого ограниченія не дѣлалось. Цѣль, съ которою отдавали въ ученіе, заключалась въ томъ, чтобы крѣпостной или крѣпостная впослѣдствіи могли на-

[1]) Заведеніе воспитанія мѣщанскихъ дѣтей при Имп. Шляхетномъ Сухоп. Корпусѣ. Причины къ заведенію этого воспитанія. (Учрежд. и Уставы. Т. II, стр. 162.)

учить грамотѣ дѣтей своихъ господъ. Прислугу часто заставляли учиться также пѣнію, музыкѣ и танцамъ. Это дѣлалось дворянами съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы имѣть артистовъ и артистокъ для домашняго господскаго театра и вообще въ видахъ увеселенія господъ. Такимъ образомъ обычай обучать дѣвушекъ простаго класса, существуя съ относительно давняго времени, могъ утвердиться и стать дѣломъ неновымъ.

Но со времени царицы Прасковьи, державшей у себя грамотную дѣвку, которая должна была научить грамотѣ ея внучку, прошло много времени и, какъ можно судить по комедіямъ Екатерининскаго времени и ея самой, роль грамотной дѣвки въ господской семьѣ при Екатеринѣ не ограничивалась болѣе обученіемъ дочерей грамотѣ, а пріобрѣла извѣстное, опредѣленное значеніе. Въ комедіяхъ самой Императрицы, также и Сумарокова, роль разумнаго и, относительно говоря, просвѣщеннаго лица принадлежитъ почти вездѣ прислугѣ и преимущественно женской. Въ комедіи „О время!“ служанка Мавра говоритъ, что ея барыня называетъ ее бусурманкой за то, что она „читаетъ Ежемѣсячныя сочиненія а иногда и Клевеланда“. Внучка Мавриной госпожи, Христина, по словамъ Мавры „ничему не учена и грамотѣ украдкой,—говоритъ Мавра,—у меня училась для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобы она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ“. Сама Христина проситъ Мавру почаще читать ей „Памелу“, чтобы она могла „перенять какъ съ людьми говорить“. Мавра порицаетъ языкъ тогдашнихъ модныхъ барынь и барышенъ: „болванчикъ“, „махаться“ и пр. и говоритъ, что не разумѣетъ этого языка „хотя весьма долго въ домѣ новомодной француженки служила“. Въ комедіи „Недоразумѣнія“ служанка, опять Мавра, говоритъ: „родившись въ сиротствѣ, я выросла, воспитана и жила въ домахъ разныхъ; въ оныхъ видѣла и слышала, что въ свѣтѣ водится“.

Первая комедія Императрицы „О время!“ написана въ 1772 г., т.-е. семь лѣтъ спустя послѣ учрежденія училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ и пять лѣтъ послѣ основанія Воспитательнаго Дома. Можно было бы подумать, что изображая эти типы прислуги, Екатерина брала за образецъ новыхъ, воспитавшихся въ этихъ учрежденіяхъ, лицъ; но въ 1772 году не было еще ни въ одномъ изъ нихъ выпуска. Поэтому намъ кажется вѣрнѣе предположеніе, что рисуя благоразумныхъ, опытныхъ, нѣсколько просвѣщенныхъ служанокъ, Императрица выражала не то, что въ дѣйствительности существовало, а тѣ предполагаемые плоды, которые она ожидала отъ новаго воспитанія дѣвушекъ простаго

класса, и ту пользу, какую такія „подруги и наперстницы“ могутъ впослѣдствіи принести, хотя бы только молодому поколѣнію дворянскихъ семей.

Такимъ образомъ учреждая училище для воспитанія мѣщанскихъ дѣвушекъ, какъ отдѣльнаго класса общества, кромѣ общей цѣли воспитанія всего народа, Екатерина могла въ частности имѣть при этомъ въ виду воспитать ихъ для домашняго, семейнаго обихода дворянскихъ семей, и тогда включеніе въ программу мѣщанскаго училища изученія иностраннаго языка имѣло бы и для насъ теперь нѣкоторый смыслъ.

Какъ и изъ кого составился первый пріемъ мѣщанокъ, объ этомъ въ протоколахъ Совѣта Воспитательнаго Общества нѣтъ никакихъ подробностей; но повидимому онъ совершился легко, ибо въ протоколѣ Совѣта, отъ 1-го марта 1765 года, т.-е. черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія о вновь открывающемся училищѣ, коротко сказано, что пріемъ на мѣщанскую половину Общества конченъ и что приняты 60 дѣвушекъ, т.-е. опредѣленный „Учрежденіемъ“ комплектъ перваго пріема. Но черезъ три года, при второмъ пріемѣ, въ 1767 году, и въ отношеніи мѣщанскихъ родителей обнаружилось то-же недовѣріе къ основанному для ихъ дѣтей училищу, какое имѣло мѣсто на благородной половинѣ Общества.

Пріемъ этотъ для мѣщанокъ долженъ былъ производиться въ московской губерніи. Основываясь, вѣроятно, на легкости, съ какою удалось набрать въ Петербургѣ 60 мѣщанскихъ дѣвочекъ, Совѣтъ Общества въ засѣданіи 17-го октября 1766 года, т.-е. за 8 мѣсяцевъ до начала пріема, просилъ Опекунскій Совѣтъ московскаго Воспитательнаго Дома свидѣтельствовать представляемыхъ къ пріему дѣтей, „чтобы излишнимъ привозомъ ихъ не затруднять родителей“. Петербургскій Совѣтъ распорядился, чтобы были напечатаны въ Москвѣ и розданы при церквахъ и прочихъ мѣстахъ „гдѣ надлежитъ“, объявленія о предстоящемъ пріемѣ, чтобы такія же объявленія были разосланы и въ другіе города Московской губерніи. При этомъ петербургскій Совѣтъ предупреждалъ московскій, что хотя, при представленіи дѣтей, родители и сообщаютъ ихъ года, но эти сообщенія бо́льшею частью бываютъ невѣрны. Для избѣжанія ошибокъ петербургскій Совѣтъ указывалъ московскому на необходимость принять слѣдующія мѣры: „сыскать двухъ дѣвушекъ, одну по 5-му году повыше, а другую пониже ростомъ, которыя вѣроятно Совѣту извѣстны, между нихъ становить представляемую, и выше бо́льшей, а ниже ме́ньшей, не принимать“. „И темъ, мнится“, писалъ Совѣтъ, „лехче избегнуть

можно ошибки въ лѣтахъ такой, въ чемъ вся важность состоитъ“ [1]). Точно также, опасаясь очевидно обмана со стороны родителей представляемыхъ дѣтей при освидѣтельствованіи ихъ докторомъ, петербургскій Совѣтъ рекомендовалъ московскому при „записи въ реэстръ годныхъ къ пріему дѣвочекъ, отрѣзывать у нихъ нѣсколько волосовъ съ головы и припечатывать вреэстрѣ противъ ее јмени“ [2]). Затѣмъ взявъ отъ родителей подписку въ добровольномъ отданіи дочери въ училище, скрѣплять ихъ подпись подписью одного изъ опекуновъ и съ этимъ препровождать принятыхъ дѣвочекъ въ петербургскій Совѣтъ.

Но опасенія послѣдняго въ излишнемъ привозѣ мѣщанскихъ дѣтей изъ московской губерніи оказались напрасными. Хотя послѣдній срокъ пріема былъ назначенъ 1-го февраля 1767 года, но и 24-го марта во всей московской губерніи, не исключая и самой Москвы, не нашлось болѣе пяти годныхъ къ пріему мѣщанскихъ дѣвочекъ. Сообщая объ этомъ, Московскій Опекунскій Совѣтъ прибавлялъ, что больше пяти и не будетъ. Тогда петербургскій Совѣтъ рѣшилъ публиковать въ Петербургѣ, что принимаются дѣти „какого бы званія ни были“, не старѣе 5-ти—6-ти лѣтъ, за исключеніемъ лишь крѣпостныхъ, не имѣющихъ отъ своихъ господъ вѣчнаго увольненія [3]). По словамъ Георги [4]), въ числѣ набранныхъ такимъ способомъ дѣтей были и солдатскія дочери.

Второй пріемъ и на благородной половинѣ прошелъ также туго, какъ и первый. Всего, судя по протоколамъ Совѣта, представлено было родителями 64 дѣвочки, изъ которыхъ принято 51, а 13-ти отказано [5]). Но въ этомъ пріемѣ среди представленныхъ дѣтей было уже гораздо болѣе чѣмъ въ первомъ, знатныхъ и титулованныхъ, а изъ послѣднихъ, троимъ даже было отказано. Не смущаясь недостаточнымъ количествомъ представляемыхъ родителями дѣтей, Императрица при второмъ пріемѣ подтвердила Совѣту, чтобы онъ „наистрожайше при пріемѣ благородныхъ и мѣщанокъ наблюдалъ точность положенныхъ лѣтъ и росту“, также чтобы изъ двухъ сестеръ принималъ лишь одну.

Повидимому Екатерина вообще намѣревалась, по крайней мѣрѣ вначалѣ, твердо противодѣйствовать взгляду русскаго об-

[1]) Протоколъ Совѣта В. О. благ. дѣв. отъ 17-го октября 1766 г. (Архивъ В. Общ. благ. дѣв.).

[2]) Тамъ же.

[3]) Протоколъ Совѣта В. О. благ. д. 24-го марта 1767 г.

[4]) Описаніе Импер. россійскаго столичнаго города Санкт-Петербурга. 1794. Ч. II, стр. 393.

[5]) Протоколъ Совѣта 12-го апрѣля 1767 года.

щества на Смольный, какъ на благотворительное заведеніе или пріютъ, куда родители могли бы помѣщать дѣтей, отъ которыхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, они хотѣли освободиться. Противодѣйствовать такому взгляду было тѣмъ необходимѣе, что и Совѣтъ Воспитательнаго Общества раздѣлялъ его. Передъ пріемомъ 1767 года, когда Императрица была въ Москвѣ, Совѣтъ представилъ ей докладъ, къ которому было приложено поступившее въ числѣ другихъ прошеній „объявленіе отъ генералъ-маіора, князя Щербатова“. Онъ писалъ, что желаетъ „препоручить свою дочь Дарью въ благородное воспитаніе, но такъ какъ жена его, по волѣ своей матери, будучи еще беременною, отошла отъ него къ ней въ домъ, гдѣ умерла черезъ годъ послѣ родовъ, и ему не только не дали знать о рожденіи дочери, но и до сихъ поръ не допускаютъ его къ свиданію съ нею (дочерью), и дочь ево должна неинако какъ развращенно, и во всегдашней противъ отца злобѣ быть воспитана“, то „находя себя въ такомъ случаѣ собою исполнить не въ состояніи“, онъ проситъ Совѣтъ взять его дочь отъ дѣда ея, князя Черкасскаго, живущаго въ Москвѣ, и помѣстить въ Общество. Представляя эту просьбу Императрицѣ, Совѣтъ прибавлялъ, что „видя такое жалости достойное обстоятельство, и на основаніи изданнаго объ учрежденіи сего Общества Устава и Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества „о призреніи благородныхъ дѣвицъ“ намѣренія, онъ проситъ Императрицу Высочайшимъ указомъ повелѣть „о взятіи той княжны Щербатовой“, для которой до полученія резолюціи будетъ оставлено въ Обществѣ мѣсто [1]). Но Екатерина не согласилась съ Совѣтомъ и 10-го марта 1767 года положила слѣдующую резолюцію: „Какъ я въ партикулярныя ссоры и хлопоты не вступаюсь, а еще меньше желаю Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ отяготить могущими чрезъ то произойти тяжбами, то не могу и по прозбѣ князя Щербатова здѣлать, тѣмъ наипаче, что дѣло его и давнишныя ссоры принадлежатъ до разобранія въ учрежденныхъ на то правительствахъ“ [2]).

Несмотря однако на то, что дворя́не, особенно изъ провинцій, неохотно отдавали своихъ дѣтей въ Общество, комплектъ каждаго пріема не только пополнялся сиротами (ихъ присылали и изъ провинцій), также дочерьми столичныхъ жителей, военныхъ, служащихъ въ гвардіи, равно и лицъ, состоявшихъ

[1]) Протоколъ Совѣта отъ 1-го февраля 1767 года.

[2]) Имен. указы и конфирмованные доклады по Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ съ 1766 по 1776 годъ (Арх. Восп. Общ. благ. дѣв.).

при дворѣ, но съ третьяго же года основанія Общества, Императрица стала помѣщать въ него и своихъ пенсіонерокъ, которыхъ при открывавшихся потомъ вакансіяхъ обыкновенно зачисляли въ казенныя воспитанницы. Такихъ пенсіонерокъ съ 1766 года было три на благородной половинѣ и три на мѣщанской. Плата за нихъ не была опредѣлена и за всѣхъ была разная; за каждую изъ благородныхъ Кабинетъ выдавалъ Обществу по 324 р. 71 к. въ годъ, а на всѣхъ (3-хъ) мѣщанскихъ 431 р. 70 к.: на содержаніе еще 2-хъ пенсіонерокъ Екатерины, ея крестницъ-турчанокъ, отпускалось въ 1770 году всего 100 рублей въ годъ на обѣихъ [1]). Объявляя въ 1767 году княжнѣ Долгоруковой о повелѣніи Императрицы принять пенсіонеркой на ея счетъ одну дѣвочку, Бецкій сообщилъ, что на ея содержаніе назначено изъ Кабинета по 400 р. въ годъ, но если княжна Долгорукова найдетъ эту сумму недостаточной, то пусть объ этомъ заявитъ.

Кромѣ пенсіонерокъ Императрицы, число которыхъ къ 1770 году увеличилось до двѣнадцати только на одной благородной половинѣ, съ 1769 года были десять пенсіонерокъ Бецкаго на мѣщанской. На содержаніе ихъ получалось изъ банка въ видѣ процентовъ съ капитала въ 50.170 р. [2]), нарочно съ этою цѣлью положеннаго Бецкимъ, по 100 р. въ годъ на каждую; съ 1773 г. прибавилось 5 его же пенсіонерокъ „изъ бѣднаго дворянства" на благородной половинѣ. Прося Императрицу о дозволеніи ему содержать на свой счетъ 20 пенсіонерокъ (по 5-ти въ каждомъ возрастѣ) благородныхъ и 40 (по 10-ти въ каждомъ возрастѣ) мѣщанокъ, Бецкій упомянулъ о томъ, что „сему достохвальному примѣру" (примѣру Екатерины, которая первая стала помѣщать своихъ пенсіонерокъ въ Общество), „уже послѣдовала бывшая ея гофмейстерина, Екатерина Карловна Штакельбергъ, урожденная Арнандрова". Въ оставленномъ ею и конфирмованномъ Императрицею завѣщаніи, Штакельбергъ изъявила волю, чтобы изъ оставшагося послѣ нея имѣнія былъ опредѣленъ капиталъ „въ вѣчныя времена для воспитанія нѣкотораго числа малолѣтнихъ дѣвицъ изъ бѣднаго лифляндскаго дворянства". Къ этому Бецкій, на котораго Штакельбергъ возложила исполненіе ея посмертной воли, прибавилъ, что съ 1770 года уже воспитываются на проценты съ капитала Штакельбергъ по пяти въ каждомъ возрастѣ

[1]) При помѣщеніи ихъ въ Общество, Императрица велѣла положить въ банкъ по тысячѣ рублей на каждую.

[2]) Указъ 19-го января 1770 года. (Им. указы и конфирмованные доклады по Восп. Общ. благ. дѣвицъ съ 1766 по 1776 г.)

благородныхъ дѣвицъ лифляндскаго происхожденія [1]). Отчисленный для этой цѣли капиталъ, первоначально составлялъ, какъ передалъ Бецкій Совѣту Воспитательнаго Общества, 10.000 р. ассигнаціями [2]). Въ 1775 году выяснилась покупная цѣна имѣнія Штакельбергъ въ суммѣ 39.855 р., но въ 1777 году оно было продано графу Гр. Орлову за 35.060 р. 31¼ к. [3]). На проценты съ этого капитала [4]), извѣстнаго подъ названіемъ „Арнандерскаго заведенія", выдавались на воспитаніе каждой изъ 20-ти пенсіонерокъ по 198 р. въ годъ и кромѣ того, при каждомъ выпускѣ, изъ процентовъ же выдавалось пяти выпускнымъ пенсіонеркамъ на приданое 1.880 рублей на всѣхъ.

На содержаніе новыхъ своихъ пенсіонерокъ 20-ти на благородной и 30-ти (кромѣ 10-ти бывшихъ ранѣе) на мѣщанской половинахъ, также какъ и на пенсіонеровъ (20 въ Шляхетномъ корпусѣ и 50 въ Академіи Художествъ), Бецкій не положилъ особаго капитала, и въ прошеніи, обращенномъ по этому поводу къ Императрицѣ, просилъ ее дозволить ему впослѣдствіи, или говоря его словами, „въ жизни моей что-либо учинить въ отмѣну вышеписаннаго по случающимся мнѣ надобностямъ" [5]). Но онъ внесъ тогда же (въ 1770 году) 1.694 р. 90 к. на содержаніе благородныхъ, и 2.893 р. на мѣщанскихъ воспитанницъ, сдѣлавъ соотвѣтствующее распоряженіе въ своей духовной, переданной имъ С.-Петербургскому Опекунскому Совѣту. Распоряженіе это оставалось въ силѣ до 1787 г., т.-е. въ теченіе 16-ти лѣтъ, или шести пріемовъ. Въ этомъ году Бецкій сообщилъ Совѣту Воспитательнаго Общества, также и Сухопутнаго корпуса и Академіи Художествъ, что за „умаленіемъ доходовъ по уменьшенію процентовъ съ капиталовъ въ силу Государственнаго постановленія", онъ не можетъ „поддерживать предпріятаго". Послѣднія его пенсіонерки были приняты въ Общество въ 1785 году и на ихъ содержаніе до выпуска въ 1797 г. Бецкій, въ сдѣланномъ имъ за годъ до своей смерти завѣщаніи, назначилъ 38.999 р. 70 к. [6]).

Крупныя денежныя пожертвованія Бецкаго, его труды, за-

[1]) О воспитаніи извѣстнаго числа какъ благородныхъ, такъ и мѣщанскихъ дѣвушекъ и мальчиковъ на вѣчномъ иждивеніи Д. Т. Сов. и Кавалера Ив. Ив. Бецкаго. (Учр. и Уставы. Т. II, стр. 165).

[2]) Протоколъ Совѣта 4-го февраля 1770 года.

[3]) Протоколъ Совѣта 1777 г. 28-го августа.

[4]) Почти черезъ сто лѣтъ, въ смѣтѣ вѣдомства учрежденій Имп. Маріи на 1867 годъ, этотъ капиталъ значился въ суммѣ 38.662 р. *серебромъ* (стр. 52).

[5]) О воспитаніи извѣстнаго числа и пр. (Учр. и Уст. Т. II, стр. 166).

[6]) Чт. О. ист. и др. росс. 1863. Кн. 4, стр. 148. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ.

боты, попеченіе о воспитаніи русскаго юношества, были оцѣнены Екатериною, которая еще въ 1772 году повелѣла Сенату сдѣлать „на сей случай“ медаль. Исполненіе этого повелѣнія Сенатъ возложилъ на генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго, который и представилъ ему три рисунка, сдѣланные особымъ, учрежденнымъ „для медаллической исторіи“ Комитетомъ. Утвержденный Сенатомъ рисунокъ изображалъ „на наличной сторонѣ портретъ Бецкаго, на оборотной, вдали, зданіе Воспитательнаго училища, а напереди Человѣколюбіе въ видѣ жены, которая съ благопріятнымъ взоромъ единою рукою объемлетъ младенцевъ, а другою показываетъ на объявленное зданіе и ведя ихъ туда, яко бы сіи слова къ нимъ речетъ: Воспитаетъ и научитъ“ [1]. Только надпись Сенатъ измѣнилъ и вмѣсто послѣднихъ словъ велѣлъ вырѣзать: „снабдѣваетъ и воспитаетъ“. Замѣна однихъ словъ другими имѣетъ свое значеніе, какъ указаніе на то, что и Сенатъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, ставилъ призрѣніе и воспитаніе дѣтей выше просвѣщенія ихъ. Такая медаль была уже вырѣзана, но Императрица одобрила рисунокъ, предложенный членомъ Монетнаго Департамента Нартовымъ. Эта медаль [2] и была торжественно, въ полномъ собраніи Сената, поднесена Бецкому 18 декабря 1773 г. Привѣтствуя его отъ Сената, князь Вяземскій сказалъ, что подвиги, труды и матеріальныя пожертвованія Бецкаго по воспитанію русскаго юношества заслуживаютъ благодарности еще и потому, что они „возбуждаютъ другихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ“. Эту мысль князь Вяземскій два раза повторилъ въ своей короткой рѣчи, которую онъ и закончилъ словами, что изъявляя Бецкому свою благодарность медалью, Сенатъ надѣется „побудить и прочихъ согражданъ своихъ къ ревнованію объ общемъ благѣ“ [3].

Но такой взглядъ на дѣло Бецкаго, также какъ и признаніе его заслугъ, явились у Сената не сразу; можно даже думать, что это случилось лишь тогда, когда ему сталъ извѣстенъ

[1]) Чт. О. ист. и др. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. (Выписка изъ дѣлъ Прав. Сената), стр. 131.

[2]) На ней было изображено зданіе Воспитательнаго Дома, передъ которымъ поставленъ въ честь Бецкаго монументъ, къ которому юноши прибиваютъ съ украшеніемъ щитъ, на коемъ начертаны двѣ литеры: „И. Б.“; подлѣ сего монумента изображена сидящая Благодарность и при ней два юноши, означающіе съ вышеписанными всѣ четыре возраста, за нею птица Аистъ, знакъ ей принадлежащій, надпись кругомъ: „За любовь къ отечеству“, внизу: „Отъ Сената“. (Мат. объ Ив. Ив. Бецкомъ, стр. 134.)

[3]) Журналъ Прав. Сената 1773 г., 18 дек. (Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ, стр. 135).

взглядъ Екатерины на дѣятельность Бецкаго. Это можно вывести изъ того, что въ первомъ своемъ опредѣленіи, 1772 г., 19-го сентября, когда былъ полученъ Сенатомъ конфирмованный Императрицею докладъ Бецкаго о дозволеніи ему содержать пенсіонеровъ и пенсіонерокъ, Сенатъ отнесся къ его поступку совершенно равнодушно и сдѣлалъ обычное въ этихъ случаяхъ постановленіе: списать копію съ конфирмованнаго доклада, подлинный возвратить Бецкому, напечатать для свѣдѣнія публики отъ Академіи въ газетахъ, дать знать указами въ столичныя присутственныя мѣста, въ губерніи, провинціи и города, и пр. [1]); но черезъ мѣсяцъ, въ засѣданіи 22 октября, какъ сказано въ журналѣ 1-го департамента, „имѣли разсужденіе, что въ Вѣдомостяхъ Академіи Наукъ конфирмованный докладъ Бецкаго напечатанъ безъ всякаго о семъ достохвальномъ его поступкѣ къ публикѣ отзыва“, и приказали: „Академіи Наукъ дать знать, чтобъ въ слѣдующихъ Вѣдомостяхъ, для поощренія къ таковому-жъ благотворенію протчихъ, припечатано было, что правительство приняло сіе съ крайнимъ удовольствіемъ и уваженіемъ, надѣясь притомъ, что каждый истинный сынъ отечества не оставитъ приписать ему (Бецкому) за то достойной похвалы, которую онъ по справедливости заслуживаетъ“, и пр. [2]).

Въ промежутокъ времени между этимъ постановленіемъ Сената и поднесеніемъ медали, Бецкій, по изъявленной ему Императрицею волѣ, представилъ на ея утвержденіе въ маѣ 1773 года докладъ „о принятіи въ воспитательныя училища тѣхъ дѣтей, которыя представлены будутъ отъ кого-либо на временный или вѣчный собственный ихъ капиталъ“ [3]). Отданный сначала, по повелѣнію Императрицы, на разсмотрѣніе графа Н. Панина, гр. Э. Миниха, кн. А. Голицына, гр. И. Чернышева и Григ. Теплова, докладъ Бецкаго былъ конфирмованъ Екатериною 24-го мая 1773 г. Съ этого года учрежденіе пенсіонерокъ въ Обществѣ было узаконено и оформлено. Утвержденными Императрицею правилами опредѣлялась разъ навсегда и одинаковая для всѣхъ плата. Этими правилами предоставлялось на волю каждаго, желающаго помѣстить на свой счетъ воспитанницу, внести разомъ капиталъ, проценты съ котораго (6%) равнялись бы опредѣленной за годовое содержаніе пенсіонерки суммѣ, или вносить за нее плату ежегодно. Плата за каждую воспитанницу на благородной половинѣ была назначена въ 198 р. въ годъ (въ Кадетскомъ корпусѣ 240 р.),

[1]) Чт. Общ. ист. и др. 1863, кн. 4. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ, стр. 131.

[2]) Тамъ же, стр. 137.

[3]) Учрежденія и Уставы. Т. II, стр. 171.

на мѣщанской—120 р. (въ Академіи Художествъ 180 р.). Единовременный взносъ за все время пребыванія пенсіонерки въ учебномъ заведеніи полагался: въ Воспитательномъ Обществѣ за 12-ти лѣтнее содержаніе на благородной половинѣ 3.300 р., на мѣщанской 2.000 р. По выбытіи пенсіонерки изъ Общества, положенный на ея содержаніе капиталъ могъ быть, по желанію вкладчика, взятъ обратно или оставленъ съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него въ Обществѣ постоянно воспитывалась пенсіонерка. Вкладчиковъ вѣчнаго капитала предлагалось въ докладѣ Бецкаго (§ 5) „почтить какъ даваемымъ отъ Совѣта благодарственнымъ свидѣтельствомъ, такъ и для соблюденія въ вѣчныя времена того ихъ добродѣтельнаго поступка, оставить на волю имъ самимъ, буде бы пожелали, и нѣкоторую малую отмѣну сдѣлать на принятыхъ своихъ воспитанницахъ съ согласія Совѣтовъ [1]), дабы самое то благотвореніе по ихъ желанію было видимо и потомкамъ ихъ на память оставалось“ [2]).

Въ докладѣ Бецкаго опредѣлялось и число пенсіонерокъ, могущихъ быть отнынѣ помѣщаемыми въ Общество. „А дабы“, сказано въ 6 § доклада, „отъ опредѣленнаго числа принимаемыхъ сверхъ штата на временномъ или вѣчномъ капиталѣ питомцовъ, состоящіе на штатномъ положеніи стѣснены не были (чего безъ уваженія оставить не должно), то по нынѣшнему размѣрному положенію, въ Общество благородныхъ дѣвицъ сверхъ комплекта, по усмотрѣнію Совѣтомъ выгоды и свободности въ помѣщеніи, дозволяется принимать еще до сорока, что съ прежними учинитъ сто; сіе же разумѣется и о мѣщанскихъ дѣвушкахъ“.

Совѣтъ, въ первомъ же своемъ засѣданіи послѣ утвержденія правилъ о пенсіонеркахъ, постановилъ чтобы желающіе помѣщать ихъ въ Общество представляли вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣту и трехъ поручителей, которые должны были давать письменное обязательство въ исправномъ платежѣ слѣдуемыхъ за пенсіонерку денегъ.

Въ первый годъ явилось 22 пенсіонерки, почти всѣ на благородной половинѣ. Великій князь Павелъ Петровичъ прислалъ, какъ сказано въ протоколѣ Совѣта отъ 12-го іюля 1773 года, „семь дѣвочекъ и ассигнацію при томъ“. Графъ Гр. Орловъ изъявилъ желаніе имѣть десять пенсіонерокъ на благородной половинѣ и внесъ за нихъ 1.980 р. Демидовъ взялъ на свое со-

[1]) Докладомъ Бецкаго „О принятіи извѣстнаго числа“, и пр., установлялись правила какъ для пенсіонерокъ Воспитательнаго Общества, такъ и для пенсіонеровъ Шляхетнаго корпуса и Академіи Художествъ.

[2]) О принятіи (Учр. и Уст., стр. 171).

держаніе трехъ воспитанницъ также на благородной половинѣ, за которыхъ и внесъ 1.188 р. на два года. Явились и двѣ частныя пенсіонерки изъ высшаго круга общества: графъ Апраксинъ и Салтыковъ [1]) помѣстили своихъ дочерей въ Общество. Но изъ средняго дворянства, если не допускать мысли что Совѣтъ заносилъ въ свои протоколы лишь пенсіонерокъ знатныхъ и привилегированныхъ лицъ, не нашлось никого, кто пожелалъ бы содержать на свой счетъ чужихъ дѣтей, или даже отдать на собственныя средства своихъ. Въ послѣдующіе за 1777 годомъ пріемы, и среди знатныхъ явилось очень немного такихъ, которые пожелали содержать на свой счетъ пенсіонерокъ въ Обществѣ.

Частныхъ пенсіонерокъ до 1791 года было двѣ, кромѣ помѣщенныхъ въ 1773 году Апраксиной и Салтыковой. Одна изъ новыхъ пенсіонерокъ была помѣщена матерью, вдовою, и одна (Сухтеленъ)—отцомъ. Можетъ быть потому, что всѣ переименованныя лица принадлежали къ высшимъ кругамъ и были, вѣроятно, извѣстны Императрицѣ, имъ предоставлялось самимъ назначать плату, также помѣщать своихъ пенсіонерокъ между пріемами и на неопредѣленные сроки. Кн. Голицынъ платилъ за одну изъ своихъ пенсіонерокъ 500 р. [2]) въ годъ, за другую 700 р. Салтыковъ и Сухтеленъ—по 250 р. за своихъ дочерей. Пенсіонерки великаго князя Павла Петровича отличались отъ другихъ голубою лентою, которую онѣ носили на шеѣ, Бецкаго—зеленою, Демидова—померанцевою, Салтыкова—малиновою.

Относительно пенсіонерокъ Императрицы, въ докладѣ Бецкаго есть особое постановленіе, утвержденное Екатериною. Въ § 7 сказано, что разъ установленное для всѣхъ пенсіонеровъ и пенсіонерокъ положеніе должно быть строго соблюдаемо. „Сему слѣдуя правилу“, говорится дальше, „ни для кого и ни подъ какимъ видомъ въ противность онаго не поступать; а для нерушимости сего положенія, отъ сего времени въ тѣ самыя училища и отъ Вашего Величества на пенсіонъ посылаемы и отдаваемы уже болѣе не будутъ. Равнымъ образомъ, еслибъ какое повелѣніе въ чемъ-либо съ сими уставами несходственное послѣдовало, то для непоколебимости онаго законоположенія Всемилостивѣйше снисходя повелѣваете, чтобъ не исполняя представить о томъ Вашему Величеству“ [3]).

[1]) Помѣщеніе Салтыковой князь Ив. Мих. Долгорукій объясняетъ нелюбовью къ ней отца, желавшаго удалить отъ себя дочь. См. Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Соч. кн. И. М. Долгорукова, стр. 314 (Чт. О. ист. и др. росс., 1872 и 1873).

[2]) Протоколъ Сов. В. О. б. д. 28-го августа 1777 г.

[3]) О принятіи въ восп. училища тѣхъ дѣтей, и пр. (Учр. и уставъ т. II, стр. 172).

До 1773 года, т.-е. до утвержденія Императрицею доклада Бецкаго о пенсіонеркахъ, пенсіонерокъ Императрицы на благородной половинѣ было, какъ мы уже сказали, 12, да на мѣщанской неопредѣленное число. По ея повелѣнію отъ 4-го августа 1770 года, отпускалось изъ Кабинета по 300 р. на каждую благородную и по 100 р. на мѣщанскую воспитанницу. Но въ пріемъ 1773 года, бывшій уже послѣ утвержденія правилъ о пенсіонеркахъ, приняты однако новыя пенсіонерки Императрицы, а въ 1788 году, т.-е. черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе правилъ, онѣ значились уже не пенсіонерками, а сверхштатными и за нихъ вносилась изъ Кабинета та же сумма, по 300 рублей на каждую благородную воспитанницу.

Въ первые годы существованія Общества, когда съ трудомъ набирался комплектъ воспитанницъ, особенно на благородную половину, Императрица присылала иногда Совѣту дѣтей, которыхъ онъ и помѣщалъ, несмотря на то, что ихъ года не подходили къ требованіямъ Устава. Принимались дѣвочки разныхъ возрастовъ, трехъ, четырехъ, девяти лѣтъ; а въ 1772 году были приняты „на время, по исключенію“, разомъ двѣ сестры, изъ которыхъ одной было два, а другой всего одинъ годъ. Присылались дѣти до пріема и въ промежутки между пріемами. Допущенныя въ первое время, вслѣдствіе особенныхъ тогдашнихъ условій, отступленія отъ правилъ пріема - стали впослѣдствіи, начиная съ 1770 г., повторяться все чаще и чаще. Въ 1785 году были сразу приняты четыре сестры, сначала пенсіонерками, а потомъ три изъ нихъ зачислены казенными воспитанницами. Мѣщанскихъ дѣвушекъ при полученіи ихъ родителями штабъ-офицеркаго чина, переводили среди курса на благородную половину, и даже въ 4-й, старшій, возрастъ. „Таковое снисхожденіе“, по словамъ Совѣта, „оказываемо было по просьбѣ самихъ родителей“ [1]). Съ 1790 г. принимались, по повелѣнію Императрицы, и 10-ти-лѣтнія, прямо въ возрастъ „по приличности лѣтъ“ [2]). По повелѣнію же Екатерины, на мѣщанскую половину были взяты двѣ дочери умершаго оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара, изъ которыхъ младшей было 2 года. Съ 1789 года о лѣтахъ присылаемыхъ дѣтей часто и совсѣмъ не сообщалось. Повелѣнія Императрицы принять ту или другую дѣвочку просто передавались Совѣту черезъ его члена, Завадовскаго, и въ послѣдній годъ ея жизни эти повелѣнія передавались

[1]) Протоколъ 30-го сентября 1785 г.

[2]) Дочь Суворова принята 11-ти лѣтъ по повелѣнію Екатерины, въ 1786 году. (Р. Арх. 1866, стр. 932. Письма и записки кн. Итал., гр. Суворова-Рымникскаго 1787—1800. Предисловіе П. Б.).

почти въ каждомъ засѣданіи Совѣта. Обыкновенно Екатерина приказывала принять пенсіонеркой ту или другую дѣвочку „пока“, т.-е. до зачисленія въ казенныя воспитанницы.

Всѣ подобныя отступленія отъ правилъ Устава имѣли, въ большинствѣ случаевъ, источникомъ желаніе Екатерины доставить возможно бо̀льшему числу дѣтей случай получить воспитаніе въ Обществѣ, а также помочь заслуженнымъ въ ея глазахъ родителямъ во время трудныхъ ихъ семейныхъ обстоятельствъ. Такъ, когда нашъ посланникъ въ Константинополѣ, Обресковъ, былъ заточенъ турками въ башню, Екатерина писала гр. Н. Панину, чтобъ онъ обнадежилъ ея именемъ Обрескова въ томъ, что его дѣти не будутъ ею оставлены. „Я ихъ тотчасъ роздамъ“, пишетъ Екатерина, „дѣвокъ въ дѣвичей монастырь, а мальчиковъ въ Кадетской корпусъ, какъ наилучшіи училища, и то еще такія, гдѣ я сама часто бываю, очевидной свидѣтель успѣховъ сихъ питомцевъ“ [1]).

Вслѣдствіе такихъ отступленій отъ установленныхъ правилъ, къ концу царствованія Императрицы Екатерины всѣ порядки пріема и выпуска въ Обществѣ перепутались. Принимаемыя во всякое время, на неопредѣленные сроки, за различную плату, различныхъ возрастовъ, воспитанницы оставались иногда въ Обществѣ лишь 2—3 года, а иногда 14—16 лѣтъ, и выходили изъ него не 18-ти лѣтъ, какъ полагалось Уставомъ, а нѣкоторыя 14-ти, другія 20-ти. Графиня Ефимовская, пенсіонерка князя Голицына, была помѣщена имъ въ 1780 году (не въ пріемъ) когда ей было 16 лѣтъ, всего на 2 года. По смерти кн. Голицына Ефимовская оставалась еще 2 года на казенный счетъ, а при приближеніи срока ея выпуска, мать ея, въ совершенно безграмотномъ письмѣ Совѣту, просила оставить ея дочь „и напредь“. Совѣтъ почти всегда снисходилъ къ такимъ просьбамъ. Салтыкова, принятая въ Общество въ 1773 году пенсіонеркой отца, оставалась тамъ и въ 1790 году, стало быть жила уже 17-й годъ, согласно постановленію Совѣта „чтобы родители ея вносили столько, сколь долго вышеписанная дочь жить будетъ“ [2]).

Помѣщая своими пенсіонерками тѣхъ, кого нельзя было принять въ комплектъ штатныхъ воспитанницъ, Екатерина поступала такъ по отношенію не только къ дворянскимъ дѣтямъ, но и къ мѣщанскимъ. О послѣднихъ вообще очень мало свѣдѣній въ протоколахъ Общества, но и изъ нихъ видно, что на мѣщанской

[1]) Сб. р. ист. общ. Т. X, стр. 336. Записка гр. Н. Панину отъ 8-го мая 1769 года.

[2]) Протоколъ Совѣта 3-го сентября 1790 года.

половинѣ постоянно были пенсіонерки Императрицы. Кромѣ того были, хотя и немного, пенсіонерки частныхъ лицъ, кромѣ сорока Бецкаго; только своекоштныхъ, т.-е. воспитывавшихся на счетъ родителей, кажется, не было ни одной. Но въ 1791 году была допущена крупная относительно мѣщанскихъ дѣтей несправедливость.

Въ пріемѣ этого года дворяне привезли изъ провинцій, какъ сказано въ докладѣ Совѣта уже Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [1]), нѣсколько сотъ дѣтей. „Убѣдительные отзывы", говоритъ Совѣтъ, „что отцы служили Отечеству въ тогдашнихъ войнахъ и дальнее разстояніе возвращать ихъ при крайней нищетѣ, преклонили Императрицу Екатерину и по ея волѣ принято больше на благородную половину. Тогда, чтобы воспитанницъ не было болѣе положеннаго числа и не было, слѣдовательно, болѣе расходу", Совѣтъ постановилъ, чтобы „изъ мѣщанокъ 4-го возраста по представленію Начальницы, Надзирательницы и учителей, 34 дѣвушки оказавшихся упорными и къ наукамъ неспособными" исключить сообщивъ о томъ Опекунскому Совѣту Петербургскаго Воспитательнаго Дома, откуда онѣ вступили. А взамѣнъ ихъ, при пріемѣ въ первый возрастъ на мѣщанскую половину Совѣтъ предоставилъ Начальницѣ „по выбору" принимать имѣющихъ и дворянское достоинство, если родители того пожелаютъ" [2]). Мотивировалъ тогда же свое рѣшеніе Совѣтъ тѣмъ, что „по опыту зная, что мѣщанки, принимаемы будучи изъ низкаго состоянія людей, по выпускѣ не приносятъ предполагаемыя пользы Обществу", а дворянство не можетъ по крайней бѣдности воспитать прилично своихъ дѣтей [3]).

Къ этому Георги прибавляетъ еще другую причину рѣшенія Совѣта. Онъ говоритъ, что, окончивъ воспитаніе, тѣ мѣщанскія дѣвушки, которыя не помѣщались въ услуженіе, „принуждены были возвратиться къ бѣднымъ своимъ родственникамъ, коихъ родъ жизни имъ уже совсѣмъ не приличествовалъ". „По сей причинѣ", продолжаетъ Георги [4]), „были послѣ того одни только дѣти довольно достаточныхъ мѣщанъ и неимущихъ дворянъ; изъ сихъ послѣднихъ въ послѣднемъ пріемѣ было около половины". Руководствуясь такими соображеніями въ пріемѣ 1791 года,

[1]) Архивъ IV Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи. Бумаги по Восп. Общ. бл. дѣвицъ. Рапортъ о причинахъ, приведшихъ хозяйство Общества въ тяжелое положеніе. 1796.

[2]) Протоколъ Совѣта, іюнь, 1791 г.

[3]) Докладъ Совѣта Имп. Маріи Ѳед. 20-го декабря, 1796. Причины настоящаго худаго положенія Общества (Арх. Канц. В. О. бл. дѣвицъ).

[4]) Описаніе Имп. росс. стол. города. 1794. Ч. II, стр. 393, § 669.

на благородную половину было принято 88 дѣвочекъ вмѣсто 50, а въ слѣдующемъ, 1794 году, Совѣтъ, удовлетворяя, по его словамъ, просьбѣ родителей, дѣти которыхъ не попали на благородную половину, помѣстить ихъ на мѣщанскую, разрѣшилъ это Начальницѣ. Такимъ образомъ были приняты 16 благородныхъ дѣвочекъ на мѣщанскую половину; а для того, чтобы „не могли быть лишены удовольствія и изъ просителей разнаго состоянія люди, подавшіе объявленіе о принятіи ихъ дѣтей на мѣщанскую половину", Совѣтъ предоставилъ Начальницѣ право отдать до выпуска изъ 4-го возраста мѣщанскихъ дѣвушекъ тѣмъ родителямъ, которые „уже просятъ" о томъ. Выдавъ этимъ дѣвушкамъ обыкновенное свидѣтельство, на ихъ мѣсто должны были быть приняты столько же въ первый возрастъ [1]).

При этомъ Совѣтъ допустилъ еще бо́льшую несправедливость по отношенію къ мѣщанскимъ воспитанницамъ, ибо, помѣщая вмѣстѣ съ ними благородныхъ, онъ постановилъ, „чтобы онѣ были отличены отъ мѣщанскихъ воспитанницъ и считались наравнѣ съ прочими благородными". „Поэтому", сказано въ протоколѣ Совѣта, „и во время бываемыхъ собраній благородныхъ дѣвицъ выводить тѣхъ вмѣстѣ, а при выпускѣ дать аттестатъ какъ благороднымъ".

Пріемъ 1794 года былъ послѣднимъ при Екатеринѣ, и результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій было то, что по ея смерти, въ ноябрѣ 1796 года, всѣхъ воспитанницъ въ Обществѣ оказалось 503. Изъ нихъ 318 благородныхъ на благородной половинѣ и 50 благородныхъ же на мѣщанской. Стало быть, вмѣсто положенныхъ Уставомъ 200 благородныхъ ихъ было 368. За то на мѣщанской вмѣсто положенныхъ „Учрежденіемъ особливаго училища" 240 мѣщанокъ ихъ было всего 135. Въ этомъ перечисленіи воспитанницъ Совѣтъ показалъ 45 пенсіонерокъ на обѣихъ половинахъ: 39 на благородной и 6 на мѣщанской. Включивъ 20 пенсіонерокъ Штакельбергъ въ комплектъ воспитанницъ на благородной половинѣ, Совѣтъ очевидно въ числѣ 45 (43?) пенсіонерокъ считалъ 5 пенсіонерокъ Бецкаго на благородной [2]) и 10 на мѣщанской. Кромѣ того, съ 1791 года, судя по протоколамъ Совѣта, было помѣщено особами императорской фамиліи 8 пенсіонерокъ, не считая прежнихъ, помѣщенныхъ раньше. Если вычесть изъ 45, показанныхъ Совѣтомъ пенсіонерокъ, 23 перечисленныхъ выше, то своекоштныхъ могло быть не болѣе, а

[1]) Протоколъ Совѣта 7-го іюля 1794 г.

[2]) Эти пенсіонерки были приняты въ 1785 году и должны были выйти лишь въ 1797 году. Объ этомъ Бецкій упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи 1794 года.

скорѣе менѣе 20-ти на обѣихъ половинахъ и во всѣхъ возрастахъ воспитанницъ.

Въ 1796 году Бецкаго уже не было въ живыхъ (онъ умеръ 31-го августа 1795 г.), а за десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ ослѣпъ и незадолго до смерти впалъ въ дѣтство. Къ тому же съ 1785 года Екатерина къ нему охладѣла, и хотя до 1791 года онъ еще подписывалъ свое имя подъ бумагами Совѣта, но уже не принималъ участія въ дѣлахъ Общества. Изъ лицъ, бывшихъ въ одно съ нимъ время членами Совѣта, въ 1796 году никого, кромѣ Начальницы, въ немъ не было. Поэтому немудрено, что составленныя Бецкимъ въ 1773 году правила о пенсіонеркахъ и всѣ его разсчеты были забыты. Когда Совѣтъ тотчасъ по смерти Екатерины представилъ свой докладъ о состояніи Общества Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, она, а за нею всѣ, ужаснулись, найдя цыфру воспитанницъ громадною. Самъ Совѣтъ представлялъ, что въ числѣ 503 — „лишнихъ“ 43, и никто изъ бывшихъ тогда дѣятельными въ Обществѣ лицъ не обратилъ вниманіе Императрицы на то, что, напротивъ, эта цифра на 37 меньше той, какую, по самому скромному толкованію доклада Бецкаго 1773 года о пенсіонеркахъ и его разсчетовъ, ожидалъ онъ самъ и которая была разрѣшена Императрицею Екатериною. Вмѣсто предположенныхъ докладомъ Бецкаго ста пенсіонерокъ, въ 1796 году, т.-е. черезъ 23 года послѣ изданія правилъ, во всемъ Обществѣ было ихъ менѣе половины этого числа, а число своекоштныхъ было совсѣмъ ничтожно.

Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о равнодушіи, съ какимъ и въ концѣ царствованія Екатерины продолжало относиться къ женскому образованію русское общество. Правда, съ 1791 года къ пріемамъ въ Воспитательное Общество привозили дѣтей „въ изобиліи“, какъ выражался Совѣтъ, но всѣ стремились помѣстить ихъ на казенный счетъ, зная что Общество не только будетъ содержать дѣтей въ теченіе 12-ти лѣтъ, но еще обезпечитъ участь нѣкоторыхъ, наиболѣе счастливыхъ, на всю жизнь, и во всякомъ случаѣ многимъ облегчитъ положеніе хоть на первое время по ихъ выходѣ изъ учебнаго заведенія.

Всего за время Императрицы Екатерины получили въ Обществѣ воспитаніе 1316 [1]) дѣвушекъ. При 11-ти пріемахъ и 7-ми выпускахъ (съ 1764 по 1794) окончили курсъ 850 дѣвицъ: 440 на благородной половинѣ и 410 на мѣщанской [2]).

[1]) *Георги*. Описаніе. Ч. II, §§ 671 и 672.

[2]) *Гр. Д. А. Толстой*. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года.

VII.

Первые годы внутренней жизни въ Смольномъ.—Записки Гл. Ив. Ржевской.—Отношеніе Екатерины къ воспитанницамъ.—Первое ея посѣщеніе Смольнаго.—Письма Екатерины къ воспитанницамъ.—Любовь ея къ нимъ.—Письма Екатерины къ Вольтеру о смолянкахъ.—Забота о театральныхъ представленіяхъ въ Смольномъ.—Гулянье воспитанницъ въ Лѣтнемъ саду.—Сужденіе о нихъ публики и литературы.—Стихи въ честь смолянокъ.—Взгляды и ожиданія общества отъ „новаго воспитанія".—Характеръ переписки Екатерины съ воспитанницами.—Письма къ нимъ Бецкаго и шведскаго короля.—Любовь воспитанницъ къ Екатеринѣ.—Характеръ воспитанія въ Смольномъ.—Матеріальная обстановка воспитанницъ.—Дневникъ гр. Бобринскаго.—Танцы и ассамблеи въ Смольномъ.—Столъ для нищихъ.—Постановленія Совѣта объ экзаменахъ и присужденіе наградъ воспитанницамъ.—Чему онѣ учились.—Награды имъ.—Церемонія перваго выпуска изъ Смольнаго (1776).—Пожалованіе Екатериною капитала въ 100.000 рублей для раздачи при выпускѣ изъ процентовъ на приданое неимущимъ и наиболѣе отличившимся воспитанницамъ.—Раздача денегъ мѣщанкамъ.—Скудость свѣдѣній о мѣщанскихъ воспитанницахъ.—Заботы Совѣта объ имуществѣ воспитанницъ.—Отношеніе Совѣта къ мѣщанкамъ.—Подтвержденіе дарованной имъ Императрицею Екатериною привилегіи.—Взятыя ко двору воспитанницы перваго выпуска съ благородной половины.—Портреты ихъ.—Лица, оставленныя „на житье" въ Смольномъ.—Члены Совѣта въ первыя 12 лѣтъ существованія Воспитательнаго Общества.

О первыхъ годахъ внутренней жизни въ Смольномъ монастырѣ сохранился едва ли не единственный источникъ свѣдѣній въ запискахъ, оставленныхъ Ржевскою [1]. Она писала ихъ, какъ сама говоритъ, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, стало быть, много лѣтъ спустя послѣ того, какъ вышла изъ Воспитательнаго Общества, и писала, по ея словамъ, для самой себя, не имѣя въ виду какихъ-либо постороннихъ цѣлей. Тогда уже не было въ живыхъ ни Императрицы Екатерины, ни вообще кого-либо изъ дѣйствовавшихъ въ то время, когда Ржевская воспитывалась въ Смольномъ, лицъ. Основываясь на этомъ, можно вѣрить тому, что̀ она

[1]) Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской, первой воспитанницы Смольнаго монастыря. Р. Арх. 1871. № 1.

говоритъ о своемъ воспитаніи и вообще о воспитаніи, которое при ней давалось въ Обществѣ.

По словамъ Ржевской, основою воспитанія въ Смольномъ въ ея время служило совершенное равенство всѣхъ воспитанницъ; „это“ —говоритъ она— „была община сестеръ, подчиненныхъ однимъ, общимъ для всѣхъ, правиламъ; единственнымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинства и таланты“. Въ воспитанницахъ развивали природныя дарованія, а также мышленіе, благодаря чему она, Ржевская, сдѣлалась очень строга къ себѣ, и чѣмъ болѣе ее отличали (она была первою въ классѣ), тѣмъ старательнѣе она становилась „желая усовершенствоваться и сохранить общее расположеніе“. О своемъ пребываніи въ Воспитательномъ Обществѣ Ржевская говоритъ какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни. Счастье это, по ея словамъ, нельзя сравнить „ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ положеніемъ свѣтскимъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся“. Она называетъ Делафонъ умною наставницею, замѣнявшею воспитанницамъ мать, служившею имъ руководительницею и другомъ. Делафонъ предупреждала Ржевскую, что „привычка къ отличію и предпочтенію, которыми она пользовалась въ Обществѣ, какъ первая ученица, можетъ сдѣлать ее гордою и требовательною“. Такъ относилась Делафонъ, по словамъ Ржевской, не къ ней одной, а и къ другимъ воспитанницамъ [1]). Всѣ къ ней обращались за совѣтомъ и дорожили ея мнѣніемъ о томъ или другомъ своемъ поступкѣ. Вообще, если вѣрить Ржевской, воспитанницы ея времени были очень скромны, несмотря на полную свободу, которую имъ предоставляли. Большей частью, говоритъ она, это были дѣвушки благонравныя; между ними было очень мало дурныхъ, „и то считались онѣ таковыми вслѣдствіе лѣни, непослушанія или упрямства... О порокахъ же мы и понятія не имѣли“, прибавляетъ Ржевская. О Бецкомъ она отзывается какъ объ „удивительномъ человѣкѣ, почтенномъ старцѣ, котораго воспитанницы уважали какъ отца и защитника, который и самъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ былъ справедливъ безъ малѣйшаго лицепріятія. Такимъ онъ оставался въ стѣнахъ заведенія для всѣхъ воспитанницъ до послѣдней минуты пребыванія Ржевской въ Смольномъ.

[1]) Это подтверждаютъ и другія, знавшія смолянокъ, лица. Князь Ив. Мих. Долгорукій говоритъ что и послѣ выпуска онѣ произносили имя Делафонъ съ благоговѣніемъ. (Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Соч. *кн. И. М. Долгорукаго*, стр. 51.—Чт. Общ. ист. и древн. росс. 1872 и 1873).

Объ отношеніяхъ къ нимъ Императрицы Екатерины, Ржевская выражается, что „скрывая всегда разстояніе, отдѣляющее подданныхъ отъ государыни, мать и покровительница заведенія не могла лишь скрыть отъ воспитанницъ великихъ качествъ ее отличавшихъ“... Допуская короткое обращеніе дѣтей съ собою, она „никогда не роняла своего величія“.

Екатерина въ первый разъ посѣтила Смольный черезъ пять мѣсяцевъ послѣ его открытія, 21-го ноября 1764 года. Это первое знакомство Императрицы съ воспитанницами носило повидимому оффиціальный характеръ. Она пріѣхала со всѣмъ дворомъ въ десять часовъ утра и пробыла въ Обществѣ до часу. Ее встрѣтили четыре Попечителя: Ив. Ив. Бецкій, Н. Панинъ, гр. Чернышевъ, С. Козминъ, а собранныя въ комнату Начальницы воспитанницы и учительницы принесли Императрицѣ поздравленіе, „яко матери и Государынѣ своей“. При этомъ одна изъ воспитанницъ, графиня Вальштейнова, произнесла на французскомъ языкѣ краткую привѣтственную рѣчь. Прослушавъ затѣмъ въ церкви обѣдню и осмотрѣвъ различныя работы воспитанницъ, Екатерина пришла въ столовую и, попробовавъ кушанье, смотрѣла какъ обѣдаютъ воспитанницы. Впослѣдствіи Императрица часто пріѣзжала въ Смольный и не только въ торжественные дни, а, по выраженію камеръ-фурьерскаго журнала [1]) „обыденкою“; иногда она пріѣзжала по приглашенію воспитанницъ, которыя приготовляли для нея „сценическіе сюрпризы“ разыгрывая разныя французскія и русскія піесы или представляя балеты. Великій князь Павелъ Петровичъ и другіе члены царской семьи также часто посѣщали Смольный, который обыкновенно показывали и пріѣзжимъ иностраннымъ гостямъ. Великая княгиня Наталья Алексѣевна пріѣзжала по два и по три раза въ недѣлю, разговаривала и занималась съ воспитанницами музыкой [2]).

Часто навѣщая и бесѣдуя запросто съ воспитанницами, Екатерина не только знала почти всѣхъ ихъ по именамъ [3]), но и переписывалась съ нѣкоторыми изъ нихъ. Сохранившіяся и напечатанныя въ Р. Архивѣ [4]) четыре ея письма къ Левшиной (впослѣдствіи княгинѣ Черкасской) такъ ярко рисуютъ отношенія Императрицы къ воспитанницамъ и къ Смольному, что мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ. Въ этихъ письмахъ къ тому же

[1]) *П. Н. Петровъ*, Исторія Санкт-Петербурга, стр. 793.

[2]) Зап. Гл. Ив. Ржевской. Р. Арх. 1871. № 1, стр. 35.

[3]) Историческій очеркъ столѣтней жизни Имп. Восп. Общ. благ. дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища. Составилъ *В. Н. Лядовъ*. 1864.

[4]) Р. Архивъ, 1870. Кн. 3, стр. 529.

есть и подробности, дающія нѣкоторое понятіе о внутренней жизни и бытѣ первыхъ годовъ Общества.

Въ письмахъ Екатерины, также какъ и въ запискахъ Ржевской, есть намеки на то, что первоначальная мысль Императрицы объ учрежденіи женскаго учебнаго заведенія, изложенная въ собственноручныхъ ея замѣткахъ когда она была еще великой княгинею, и была, при основаніи Воспитательнаго Общества, проведена именно такъ, какъ она это предполагала. Екатерина называетъ воспитанницъ 3-го возраста, носившихъ платье сѣраго цвѣта, „soeurs grises" (письма писаны по-французски). У Ржевской также встрѣчается выраженіе „община сестеръ" (вѣроятно въ русскомъ переводѣ записокъ, также написанныхъ по-французски, это передача словъ „communauté des soeurs"). Эти выраженія, принятыя какъ въ Смольномъ, такъ и внѣ его, вошли въ употребленіе, надо полагать, съ перваго же времени существованія Воспитательнаго Общества, которое такъ и сохранило навсегда названіе Смольнаго монастыря.

Первое изъ упомянутыхъ писемъ Екатерины къ воспитанницѣ Левшиной—помѣчено 1770 годомъ. Тогда Левшиной было не болѣе 12-ти лѣтъ [1]). Вотъ это письмо:

„Черномазая Левушка! получивъ ваше милое письмо, мнѣ захотѣлось сѣсть въ коляску и ѣхать прямо въ монастырь, чтобы васъ увидать; но не прогнѣвайтесь, меня удержалъ сильный холодъ. Я рѣзвлюсь немногимъ меньше чѣмъ вы, поэтому нахожу васъ очень любезною; но воздухъ вашихъ большихъ корридоровъ слишкомъ свѣжъ для меня въ этомъ мѣсяцѣ. Какъ только сильные морозы пройдутъ, я пріѣду какъ-нибудь на все послѣобѣденное время присутствовать при разныхъ вашихъ занятіяхъ, если мои, ибо и у меня они есть, мнѣ это позволятъ. Мой поклонъ всему Обществу; поцѣлуйте пожалуйста отъ меня старѣйшихъ моихъ знакомыхъ—сѣрыхъ сестеръ; скажите имъ, что мнѣ пріятно видѣть ихъ всякаго рода успѣхи, это доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе; я имъ это докажу, когда пріѣду какъ-нибудь вечеромъ, чтобы вволю поиграть съ Обществомъ. Мой поклонъ г-жѣ Делафонъ, которой вы столькимъ обязаны и которую вы такъ нѣжно любите.

„Екатерина" [2]).

[1]) Левшина была дочь маіора отъ его перваго брака съ княжною Кольцовой-Масальскою. Осиротѣвъ на четвертомъ году, она была принята въ Смольный въ 1764 г., шести лѣтъ отъ роду. (Р. Архивъ. 1870, кн. 3, стр. 687.)

[2]) „Черномазая Левушка! J'aurais voulu monter en carrosse dès que j'ai reçu votre joli lettre pour aller tout droit au Couvent vous voir; mais, ne vous en dé-

Какого содержанія было письмо Левшиной, на которое отвѣчаетъ Императрица, мы не знаемъ. Ея письма, также какъ и другихъ воспитанницъ къ Екатеринѣ, не сохранились; но изъ отвѣтовъ на нихъ Императрицы можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ къ ней относились дѣвочки. Ихъ письма очень нравились Екатеринѣ. Въ запискѣ къ графу Н. И. Панину отъ 21-го іюля 1771 года, она проситъ его передать великому князю „для любопытства письмо рѣзвыя Левшины“... „Я чаю“, прибавляетъ Екатерина, „что на четвертанадцатомъ году не можно болѣе опыта дать живого, веселаго и пріятнаго сложенія“ [1]). О письмахъ смолянокъ Екатерина писала и Вольтеру. „Мнѣ не разъ хотѣлось“, говоритъ она ему въ письмѣ отъ 23 марта 1772 года [2]), „послать вамъ нѣсколько полученныхъ мною отъ нихъ записокъ, которыя навѣрно сочинены не ихъ учителями, ибо въ нихъ очень много дѣтскаго; но ужъ теперь въ каждой строкѣ видна, рядомъ съ невинностью, пріятность и веселость ихъ ума“. Въ одномъ изъ писемъ того же года къ Вольтеру, Екатерина, восхищаясь воспитанницами Смольнаго, высказываетъ свое мнѣніе о нихъ, говоря что онѣ превзошли всѣ ожиданія, что успѣхи ихъ удивительны; что всѣ находятъ что онѣ становятся столь же любезными, сколь обогащенными знаніями, полезными для общества; что вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обладаютъ безукоризненною нравственностью, однакоже безъ мелочной строгости монахинь“ [3]). Благодаря Вольтера за пожеланіе ей, въ числѣ другихъ благъ, увеличенія радостей, Екатерина говоритъ ему объ „особеннаго рода радости“, очень для ней близкой, въ доставленіи которой Вольтеръ можетъ быть ей полезенъ своимъ совѣтомъ.

Дѣло въ томъ, что въ ряду разныхъ воспитательныхъ средствъ, Екатерина считала однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ, театръ,

plaise, le grand froid m'a retenue. Je gambade un peu moins que vous, aussi je vous trouve trés aimable; mais l'air de vos grands coridors est trop refraichissant pour moi pendant ce mois-ci. De que les fortes geles serront passées, je viendrai assister pendant une aprés-midi entière à toutes vos differentes occupations, si le miennes,— car j'en ai aussi, — me le permettent. Mes compliments à toute la communautè; embrassez s'il vous plait de ma part mes plus anciennes connaissances, les soeurs grises; dites leurs, que j'aime à voir leurs progrès de toutes espèces, ca m'est un vrai contentement; je leur marquerai en venant un soir jouer au long avec la communauté. Mes compliment à Madame de la Fond, à la quelle vous tant avez d'olligation et que vous aimez si tendrement.

„Catherine“.

1) Чт. Общ. ист. и древн. росс. 1863. Кн. II.

2) Сбор. р. ист. общ. Т. XIII, стр. 226.

3) Сб. ист. общ. Т. XIII, стр. 212. Письмо къ Вольтеру отъ 30 января 1772 г.

какъ школу добрыхъ нравовъ и хорошихъ манеръ. Театральныя представленія полагались въ обществѣ Уставомъ, но были введены тамъ, какъ сообщаетъ Екатерина Вольтеру [1]), только въ 1770 году. По ея словамъ, воспитанницы исполняли свои роли „лучше настоящихъ здѣшнихъ актеровъ и актрисъ". Но въ выборѣ піесъ для театра начальство Смольнаго встрѣчало большое затрудненіе, ибо „не хотѣлось", говоритъ Екатерина, „чтобы воспитанницы играли такія піесы, которыя слишкомъ сильно возбуждаютъ страсти". Поэтому она и просила Вольтера посовѣтывать ей какъ быть, „ибо", писала она, „дурными и пошлыми піесами можно испортить вкусъ", а представлять отдѣльныя сцены не такъ интересно, какъ цѣлыя піесы. Вольтеръ обѣщалъ выписать изъ Парижа трагедіи и комедіи лучшихъ французскихъ авторовъ въ листахъ, велѣть сброшюровать ихъ въ перемежку съ бѣлыми страницами, на которыхъ онъ хотѣлъ вписать сдѣланныя имъ самимъ измѣненія, „нужныя", какъ выразился Вольтеръ, „для охраненія добродѣтели Вашихъ прелестныхъ дѣвицъ" [2]). Съ такою же просьбою Екатерина обращалась и къ Дидро въ бытность его въ Петербургѣ въ 1773—1774 году. Вообще театральныя представленія воспитанницъ живо интересовали Императрицу. Въ ожиданіи обѣщанныхъ, спеціально для Смольнаго написанныхъ, піесъ, воспитанницы играли трагедіи и комедіи Вольтера, а изъ отечественныхъ—Сумарокова „Семиру" и другія. При исполненіи мужскихъ ролей онѣ надѣвали, какъ разсказываетъ Екатерина Вольтеру [3]), нѣчто въ родѣ длиннаго фрака, который, говоритъ она, „мы называемъ моднымъ въ той странѣ". Самыя трудныя, по ея словамъ, роли и хуже всѣхъ исполнявшіяся, были роли стариковъ: „большой парикъ и палка", пишетъ Екатерина, „не придаютъ морщинъ молодому лицу".

Объ этихъ представленіяхъ Екатерина говоритъ во второмъ своемъ письмѣ къ Левшиной и другимъ воспитанницамъ, исполнявшимъ различныя роли въ піесахъ Вольтера и Брюэ. Письмо ея помѣчено также 1770 годомъ.

„Скажите, Левушка", пишетъ Екатерина, „могу ли я отвѣчать каждой изъ васъ отдѣльно на вашу болтовню? Вы говорите все, что̀ вамъ придетъ въ голову; вы поздравляете меня съ моимъ праздникомъ; вы меня браните за то, что я поѣхала на дачу, вы приглашаете меня смотрѣть на грязь вашего сквернаго сада, и столько

[1]) Письмо отъ 30 января 1772 г.

[2]) Oeuvres complètes de Voltaire. 1821. T. 42. Correspondance avec les souverains. Письмо 12 марта 1772 г.

[3]) Письмо отъ 23 марта 1773 г. (Сб. р. и. общ. Т. XIII, стр. 227).

еще всякой галиматьи, что понадобилась бы цѣлая десть бумаги чтобы отвѣчать вамъ подробно; поэтому я отказываюсь; но продолжайте, сударыня; ваше перо, вашъ языкъ и ваше сердце превосходны и въ самомъ дѣлѣ я васъ очень люблю.

„Алимушка [1])! съ сердцемъ не той субретки, которая взбѣгаетъ каждый день 221 ступеньку, чтобы издали взглянуть на замокъ, столь ненавидимый Обществомъ. Вы заслуживаете, что я вамъ скажу большое спасибо за прекрасные комплименты, которые вы мнѣ дѣлаете, и за то, что вы обладаете искусствомъ выманивать монахинь изъ ихъ келій вашей веселостью и по разнымъ другимъ еще причинамъ.

Госпожа Крупильякъ [2]), повидимому, бережетъ бумагу для своихъ процессовъ; ея почеркъ мелокъ, слогъ ея комплиментовъ сжатъ; однако она выдерживаетъ характеръ и дразнитъ солнце, которому желаетъ затмѣнія—вотъ что значитъ привычка!

„— Еще Лиза, красавица Лиза, такая кроткая, вмѣсто того чтобы радоваться, что она столько разъ выходила замужъ за Ефима Молчакова, также недовольна, несмотря на ея прекрасное привѣтствіе по поводу моего праздника, тѣмъ, что̀ я живу въ позолоченномъ за́мкѣ.

„— Ефимъ-сынъ, проѣвъ все свое состояніе съ пріятелями, начинаетъ мнѣ говорить о своемъ сердцѣ; я его принимаю на зло Лизѣ и г-жѣ Крупильякъ, которую я въ одинъ прекрасный день выдамъ замужъ за Фрейнфата, чтобы отомстить за мой оскорбленный за́мокъ; и на свадьбѣ, волей-неволей, будетъ танцовать дѣвица Барщова [3]) въ наказаніе за то, что она нашла возможнымъ сравнить петербургскій снѣгъ съ снѣгомъ Царскаго села. Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой, феноменъ, который я пріѣду наблюдать вблизи, въ моментъ, когда этого всего менѣе будутъ ожидать и это можетъ случиться скоро, скоро. Молитесь Богу, чтобы ледъ прошелъ какъ можно скорѣе; въ ожиданіи этого, цѣлую разомъ всѣхъ затѣйщицъ шума и благодарю ихъ за оказываемую мнѣ пріязнь. Мой поклонъ г-жѣ Делафонъ. 1770.

„Екатерина“ [4]).

[1]) Такъ называетъ Императрица Алымову, впослѣдствіи Ржевскую, автора Записокъ.

[2]) Эта, какъ и другія, упоминаемыя здѣсь Императрицей, фамиліи и имена, относятся къ дѣйствующимъ лицамъ комедій, которыя исполняли воспитанницы.

[3]) Одна изъ воспитанницъ.

[4]) „Dites, Левушка, votre babil me suffirait-il pour répondre à chacune de vous en particulier le moyen? Vous dites tout ce qui vous vient dans la tête; vous me

Третье письмо Императрицы безъ числа; но оно написано въ 1773 году, за три года до перваго выпуска изъ Смольнаго. Въ этомъ году въ первый разъ съ его основанія, воспитанницъ, по выраженію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1773 года [1]), „предположено было показать публикѣ въ Лѣтнемъ саду“.

Такая ли была въ дѣйствительности цѣль вывоза воспитанницъ, только-что перешедшихъ въ четвертый, т.-е. старшій, возрастъ, неизвѣстно. Но появленіе въ городѣ цѣлаго класса 14—15-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ въ одинаковой праздничной одеждѣ, само по себѣ должно было произвести впечатлѣніе на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ. Кромѣ того, всѣмъ было извѣстно, что учебное заведеніе, въ которомъ эти дѣвочки воспитывались, пользовалось не только покровительствомъ, но и любовью Императрицы. По всему этому, прогулка воспитанницъ Смольнаго монастыря въ Лѣтнемъ саду была цѣлымъ событіемъ для тогдашняго общества; ее описали въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

„20-го мая“, разсказываетъ очевидецъ, „пріѣхало къ Лѣтнему саду много знатнаго дворянства и собралось столько народу, что по

félicitez de ma fête, vous me grondez de ce que je suis allée à la campagne, vous me invitez à voir la boue de votre vilain jardin, et puis tant d'autres galimatias, qu'il faudrait une main de papier pour vous répondre en détail; j'y renonce donc; mais continuez, Mademoiselle, votre plume, votre langue et votre coeur vont à merveille, et en vérité je vous aime beaucoup.

„— Алимушка! au coeur non pas de soubrette, qui monte tous les jours de 221 degrès, pour voir de loin ce chateau tant détesté par la communauté. Vous méritez que je Vous dirai grand merci pour tous les beaux complimens, que vous me faites et parceque vous avez l'art de tirer les religieuses de leurs cellules, par votre gaieté et par beaucoup d'autres raisons encore.—La Dame Croupillac menage apparement son papier pour ses procès, son écriture est menue, la tournure de son compliment concise; elle soutient cependant de son caractère et chicane le soleil, auquel elle souhaite une eclipse—voila ce que la coutume.—Lise encore, la belle Lise, si douce au lieu d'ètre contente d'avoir épousé tant de fois Euphemon Молчаковъ, trouve aussi à redire, malgré son beau compliment sur ma fête, que j'occupe un chateau tout doré.

„— Euphemon fils, après avoir mangé tout son bien avec ses amis, vient me parler de son coeur, je l'accepte en depit de Lise et de la Dame Croupillac, que je marierai à Freinfat un beau jour, pour venger mon chateau offensé, et à la noce dansera malgré elle la Demoiselle Barschoff, pour la punir de ce qu'elle trouva la neige de Petersbourg comparable à celle de Zarskoselo.—L'apparition sur l'horizon de la Demoiselle Nelidoff est un phenomene, que je viendrai observer de près, au moment qu'on s'y attendra le moins, et cela peut être bientot, bientot. Priez Dieu que la glace défile au plutôt; en attendant j'embrasse tous les faiseurs de tapage à la fois, et les remercie de toutes les amitiés qu'elles me temoignent. Mes compliments a M-me de la Fond. L'an 1770.

„Catherine“.

[1]) Прибавленіе къ „С.-Петерб. Вѣдомостямъ“ 1773 г. № 45.

берегу Невы и даже на Милліонной стояла толпа. Смолянки ѣхали по Невѣ въ шлюпкахъ, въ сопровожденіи Бецкаго, Лафонъ и Надзирательницъ. У пристани, противъ Зимняго дворца, онѣ вышли на берегъ и прошли въ Эрмитажъ, а оттуда пѣшкомъ по Невскому каменному берегу въ садъ"... За ними слѣдовала такая масса народа, что вся улица была запружена и вслѣдствіе этого пріостановлено движеніе экипажей. При входѣ въ Лѣтній садъ, воспитанницъ ожидалъ сюрпризъ: графъ Орловъ разставилъ въ закрытой куртинѣ сада роговую музыку. „Сей Его Свѣтлости поступокъ" говорятъ С.-Пет. Вѣдомости. „былъ весьма кстатѣ употребленъ, дабы молодыхъ дѣвушекъ, не знающихъ еще свѣта, но хорошо воспитанныхъ, при первомъ шагѣ вступленія ихъ въ свѣтъ, такимъ пріятнымъ образомъ встрѣтить и привыкшій ихъ вкусъ къ нѣжности во время гулянья забавлять музыкою". Публика, по словамъ автора описанія, замѣтила, что воспитанницы съ большимъ вниманіемъ осматривали мраморныя статуи, „дѣлали примѣчанія и разсуждали знающимъ и похвальнымъ образомъ о скульптурѣ, равно какъ примѣтно было ихъ знаніе изъ разсужденій о живописи и о исторіяхъ картинъ, которыя онѣ смотрѣли въ Эрмитажѣ и его галлереяхъ". Вообще, если вѣрить С.-Петерб. Вѣдомостямъ, воспитанницы Смольнаго дали публикѣ очень выгодное понятіе о своемъ воспитаніи и знаніяхъ тѣмъ, что „всякій могъ примѣтить въ нихъ благопристойную смѣлость, благородную незастѣнчивость. Многіе говорили съ ними о разныхъ матеріяхъ и онѣ со всѣми и обо всемъ изъяснялися свободно, непринужденно и съ особливою пріятностью и на всѣ вопросы отвѣчали къ удовольствію каждаго любопытствующаго узнать о ихъ понятіяхъ и знаніяхъ"... „И народъ", прибавляютъ С.-Пет. Вѣдомости, „выхвалялъ самыми простыми и свойственными ему выраженіями сихъ дѣвицъ и данное имъ воспитаніе". Въ своемъ увлеченіи видѣннымъ и слышаннымъ, С.-Петерб. Вѣдомости, основываясь только на одномъ появленіи благовоспитанныхъ барышень и нѣсколькихъ брошенныхъ ими словъ, пришли къ заключенію, что „насажденныя Монархинею воспиталища возростятъ Россіи хорошихъ женъ, попечительныхъ хозяекъ; въ мужскомъ полѣ произведутъ хранящихъ истину судей, остроумныхъ министровъ, славныхъ героевъ, вѣрныхъ друзей и сыновъ, прямо любящихъ свое отечество".

До сихъ поръ о Воспитательномъ Обществѣ говорилось лишь въ указахъ, которыхъ публика не читала, да въ протоколахъ Совѣта, ей недоступныхъ. Теперь, въ первый разъ заговорила о немъ литература и если, показывая воспитанницъ публикѣ, цѣль Екатерины была воочію показать русскому обществу результаты

9-ти-лѣтняго воспитанія въ Смольномъ, то цѣль ея была достигнута. Не однѣ „С.-Петерб. Вѣдомости", но и „Живописецъ" Новикова заинтересовались имъ, подкупленные пріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ съ перваго же раза воспитанницами. Въ „Живописцѣ" появились стихи „На случай когда благородныя дѣвицы 4-го возраста, воспитывающіяся въ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, по 9-ти-лѣтнемъ своемъ пребываніи въ домѣ воспитанія, въ первый разъ явились въ общество и гуляли въ саду Лѣтняго Ея Императорскаго Величества дворца 1773 года, мая 20-го" [1]). Неизвѣстный авторъ, восхваляя красоту воспитанницъ, ихъ „пріятности, невинность, превосходные взгляды", упомянувъ о Цитерскихъ граціяхъ, Сиренахъ, Нереидахъ, Нимфахъ, и, конечно, объ Эротѣ, кончаетъ, говоря о волнахъ Невы, по которымъ воспитанницы плыли въ Эрмитажъ:

„И послѣ обратясь свои стремили воды
Чтобы себя скорѣй съ водой морей смѣшать,
И тамо разлившись тещи во всѣ народы,
Имъ о пріятностяхъ узрѣнныхъ возвѣщать.
Да вѣдаютъ враги Россійскіе и други
Сколь важны Бецкова Отечеству заслуги".

Въ томъ же листѣ „Живописца" напечатаны и другіе стихи, приписываемые Сумарокову [2]). Тутъ, рядомъ съ восхищеніемъ красотой и талантами воспитанницъ Смольнаго, говорится и о „мудрости въ ихъ мысляхъ". Взгляды и ожиданія общества отъ новаго воспитанія молодыхъ дѣвушекъ высказаны въ слѣдующихъ строкахъ:

„Ихъ воспитаніемъ исправлены умы
Всѣхъ добродѣтелей примѣры намъ представятъ.
Сердца испорченны и нравы злыхъ исправятъ.
Сколь много должны въ нихъ Екатеринѣ мы!"

Послѣднія строки въ обоихъ стихотвореніяхъ выдаютъ главную, какъ кажется, мысль, которою руководились авторы: восхваляя „новое воспитаніе" они желали восхвалить Императрицу и Бецкаго. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднемъ стихотвореніи вѣрно истолкована цѣль, съ которою Екатерина основала Воспитательное Общество, хотя въ дѣйствительности изображенныя въ немъ надежды и ожиданія едва ли раздѣлялись русскимъ обществомъ, относившимся къ „новому воспитанію" совершенно равнодушно.

[1]) Живописецъ. Ч. II. 1773, Л. 24. XXIX.

[2]) Р. Архивъ. 1871, стр. 1706. „Стихи госпожамъ дѣвицамъ перваго возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ саду Лѣтняго Ея Имп. Величества дома сего 1773 года, 20-го числа Маія".

Годомъ позже Сумароковъ выразилъ еще сильнѣе тѣже мысли въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ нѣкоторымъ воспитанницамъ Смольнаго:

„Предвозвѣщанія о васъ мнѣ слышны громки:
Отъ васъ наукѣ ждемъ и вкусу мы наградъ,
И просвѣщенныхъ чадъ.
Предвижу каковы намъ слѣдуютъ потомки" [1]).

О событіи, обратившемъ на время вниманіе общества на воспитанницъ Смольнаго, говоритъ и Императрица въ третьемъ письмѣ къ Левшиной. Екатерина пишетъ:

„Вотъ мой отвѣтъ на ваши два письма, сударыня; мимоходомъ замѣчу, что первое изъ нихъ написано такъ мелко, что если вы будете продолжать совершенствоваться въ такомъ родѣ писанія, то введете меня въ расходъ: черезъ шесть мѣсяцевъ я буду принуждена купить себѣ очки, чтобы читать ваши письма; но съ очками или безъ очковъ, они всегда будутъ мнѣ пріятны. Скажите пожалуйста отъ меня г-жѣ Делафонъ, что та большая бѣлая дѣвица съ темноватымъ лицомъ, съ носомъ попугая, которая, бывало, испускала цѣлый магазинъ гласныхъ когда я пріѣзжала или уѣзжала изъ монастыря, пишетъ столь же естественно, сколь ея письма наполнены веселостью; я очень люблю, когда прекрасная природа проявляетъ себя безъ афектацій и изысканности и нахожу черномазую Левушку съ ея вѣтренностью и остроумными выходками совершенно въ моемъ вкусѣ. Продолжайте, сударыня, продолжайте: черезъ три года я пріѣду взять васъ изъ монастыря, и какъ бы вы ни кричали, ни сердились, ни плакали, волей-неволей вы увидите Царское село, о которомъ вы теперь такого дурного мнѣнія, и вопреки вашему нраву, такъ какъ вы любите правду, вы принуждены будете согласиться, что это красивое мѣсто, болѣе красивое, нежели тотъ садъ лѣтняго дворца, который украшали собою „бѣлыя" въ день, когда нѣкія цесарки тамъ прогуливались и вскружили голову всему городу; но смотрите что натворили эти дѣвицы: съ этого дня городъ наводненъ червями (переводъ французскаго слова—„vers"), но однако не тѣми, которые гложутъ листья у деревьевъ и производятъ такое ужасное разрушеніе здѣсь въ моемъ саду, а тѣми, которые творятъ поэты, когда передъ ними возникаютъ оживляющіе ихъ воображеніе предметы. Я какъ-нибудь пріѣду въ городъ, чтобы посмотрѣть какъ г-жа Делафонъ устраиваетъ всѣ углы и уголки

[1]) Соч. *Сумарокова*. Ч. 9, стр. 161. „Письмо къ дѣвицамъ госпожамъ Нелидовой, Барщовой и другимъ", игравшимъ въ Смольномъ трагедіи Сумарокова.

мѣщанскаго помѣщенія [1]), о которомъ вы мнѣ говорите. Надѣюсь что ваша мелюзга и впередъ не будетъ мяукать; благодаря вашимъ стараніямъ, какъ видите, я стала употреблять монастырскія, или, по крайней мѣрѣ, ваши выраженія. Не пугайтесь того, что г. Бецкій будетъ настаивать, чтобы вы учились плавать; въ его годы,—это вѣдь упражненіе, для котораго требуется сила и ловкость,—обыкновенно больше шумятъ, чѣмъ дѣлаютъ дѣло. Совѣтую вамъ поймать его на словѣ и онъ окажется въ большемъ чѣмъ вы затрудненіи чтобъ исполнить свое обѣщаніе; увидите что онъ вамъ отвѣтитъ: „прекрасно, прекрасно, сударыня", и отложитъ исполненіе до другого дня. Вы должны также узнать у него, для чего онъ поставилъ въ мою комнату, въ Зимнемъ дворцѣ, турецкую софу? Обыкновенно онъ ставитъ въ мои комнаты все, что хочетъ; только ваше личико работы дѣвицы Молчановой я сама поставила; это вещь любимая, которая не исчезнетъ съ мѣста, мною ей даннаго, лучше сказать, вами самою ей даннаго. Если это вамъ кажется непонятнымъ, то спросите разъясненія у вашихъ начальницъ, онѣ не могутъ этого не знать.—Я нахожу что данная вамъ графомъ Орловымъ серенада придумана очень хорошо; онъ любитъ доставлять вамъ удовольствіе, онъ присутствовалъ при вашемъ рожденіи и привязанъ къ вамъ безконечно. Онъ любитъ благо отечества, а ваше воспитаніе тому содѣйствуетъ. Онъ любитъ васъ особенно, знаете почему? Потому что вы любезны. Ну, мое письмо вѣдь достаточно длинно; однако я должна еще вамъ сказать, чтобы вы поклонились отъ меня мелюзгѣ коричневой, приласкали малютокъ голубыхъ, поцѣловали сѣрыхъ сестеръ, и обвились бы руками вокругъ шеи пилигримокъ бѣлыхъ, моихъ древнѣйшихъ пріятельницъ. Сдѣлайте также очень глубокій реверансъ г-жѣ Делафонъ и въ ту минуту выразите всей вашей особой всѣ чувства, которыя она съумѣла вамъ внушить. Это можетъ лишь доставить ей удовольствіе, это ея вѣдь дѣло. Скажите еще тѣмъ, мужчинамъ или женщинамъ, кому не понравится что я назвала васъ цесарками, что цесарки—это самыя красивыя изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ куръ.

„Екатерина" [1]).

[1]) Екатерина говоритъ о перемѣщеніи мѣщанокъ въ перестроенное для нихъ изъ бывшаго подлѣ Смольнаго монастыря запаснаго дворца зданіе, въ которое онѣ и были переведены въ 1773 году.—*Петровъ*. Им. указы и конф. доклады съ 1764 по 1783 г.

[2]) „Voici ma réponse à vos deux lettres, Mademoiselle; soit dit en passant, la première a été écrite d'un caractère si menu, que si vous continuez à perfectionner cette façon d'écrire, vous me mettrez en dépense: dans six moi d'ici je serai obligée

Наконецъ послѣднее письмо Императрицы къ Левшиной написано въ 1775 году, за годъ до перваго выпуска изъ Смольнаго: „Я думаю сударыня“, пишетъ Екатерина, „что мнѣ слѣ-

d'acheter des lunettes pour lire vos lettres; mais, avec lunettes ou sans lunettes, elles me seront toujours également agréables.—Dites, s'il vous plait à Mad. de la Fond de ma part que cette grande Demoiselle blanche, au teint brunâtre, au nez de perroquet, qui produisait autrefois un si grand magazin de voyelles, lorsque jarrivais ou que je partais du couvent, écrit aussi naturellement, que ses lettres sont remplies d'enjouement; j'aime beaucoup que la belle nature aille son train, sans affectation et sans recherche, et je trouve черномазая Левушка avec son étourderie et ses saillies précisement à mon gré. Continuez, Mademoiselle, continuez; dans trois ans d'ici, je viendrai vous enlever du couvent, et vous aurez beau crier, vous demener ou pleurer, vous verrez malgré vous ce Zarskoselo, dont vous avez si mauvaise opinion, et en dépit de votre humeur, car vous aimez la verité, vous serez obligée de convenir, que c'est un bel endroit et plus beau de beaucoup que ce jardin du palais d'été, dont la classe blanche faisait l'ornement le jour que certaines pintades se sont promenées, et qu'elles y ont tourné la tête à toute la ville; mais voyez un peu de quoi ses Demoiselles se mettent: depuis ce jour cette ville est inondée de vers, non pas pourtant de ceux, qui rongent les feuilles des arbres, et qui font un dégat terrible ici dans mon jardin, mais de ceux, que produisent les poëtes lorsqu'ils ont devant eux des objets qui animent leur imagination. Je viendrai en ville un jour pour voir comment Madame de la Fond arrange tous les coins et recoins de cette habitation bourgeoise dont vous me parlez. J'espère que vos marmailes continueront à ne point mioler; grâce à vos soins vous voyez que je me sers des expressions de la communauté, ou du moins des votres. N'ayez pas peur que M-r Betzky s'obstine à vous apprendre à nager; à son âge c'est un exercice, où il faut de la force et de l'adresse, on fait ordinairement plus de bruit que de besoin. Je vous conseille de le prendre au mot, et il serait plus embarassé que vous d'executer sa promesse; vous verrez qu'il vous répondra fort bien, fort bien, Mademoiselle, et il remettra la partie à un autre jour. Vous devez encore vous adresser à lui pour savoir, pourquoi il a placé dans ma chambre, au palais d'hiver, un sopha à la turque. Il met dans mes appartements ordinairement tout ce qu'il veut, il n'y a que votre face travaillée par M-lle Moltschanoff que jai placée moi-même; c'est un meuble d'affection, qui ne quittera point la place que je lui ai donnée; pour mieux dire celle que vous-même lui avez donnée. Si cela vous parait obscure demandez en l'explication à vos supérieures, elles ne sauraient l'ignorer.—Je trouve la sérénade que le prince Orloff vous a donnée très bien imaginée: il aime à vous faire plaisir, il vous a vu naître et vous affectionne infiniment; il aime le bien de la patrie et votre éducation y tend; il vous aime aussi particulièrement, savez-vous pourquoi?—Parceque vous êtes aimables. Eh bien! ma lettre est-elle assez longue: j'ai cependant encore à vous dire: de saluer les marmailles brunes, de caresser les marmots bleux, d'embrasser les soeurs grises, et de jeter les bras au cou de pelerines blanches, mes plus anciennes amies. Faites aussi une très profonde reverence à Mad. de la Fond et mettez dans ce moment dans votre contenance tous les sentimens, qu'elle a su vous inspirer, avec autant de succés que d'aplaudissement; cela ne saurait que lui faire plaisir, c'est son ouvrage. Dites encore à ceux ou celles qui trouveront à redire à ce que je vous ai qualifiées ci-dessus de pintades, que les pintades sont les plus belles poules possibles.

„Catherine“.

дуетъ вывести два заключенія изъ вашего письма: первое — что вы печальны когда меня не видите, и наоборотъ—веселы когда меня видите. И такъ, погода показываетъ теперь къ дождю, къ печали: васъ огорчаетъ путешествіе въ Москву, я ужъ въ послѣдній разъ замѣтила слѣды этого. Я исчезла чтобы не оправдать злую поговорку, что какъ только одна женщина заплачетъ, такъ сейчасъ и другія за нею.... Посмотрите, какъ свѣтъ несправедливъ и какъ легко обращаются съ нашей чувствительностью. Но, сударыня, не плачьте о томъ, что не увидите меня цѣлый годъ, ибо когда я вернусь и когда наступитъ срокъ, я васъ увезу въ одинъ прекрасный день и вы наглядитесь на меня вдоволь, и вы будете трещать какъ придворная сорока. Передайте мой поклонъ г-жѣ Делафонъ; желаю, чтобы ея здоровье поправилось какъ можно скорѣе. Кланяюсь всему Обществу, тѣломъ и духомъ. Замѣтьте, пожалуйста, что хотя я пишу не такъ хорошо какъ вы, но орѳографію соблюдаю лучше.

„Екатерина“ [1]).

Строгій педагогъ найдетъ быть можетъ многое въ письмахъ Императрицы несогласнымъ съ теоріями науки о воспитаніи. Въ третьемъ письмѣ Екатерина обращаетъ вниманіе воспитанницъ на то, что онѣ, при первомъ своемъ появленіи въ публикѣ, вызвали удивленіе и похвалы, что поэты написали въ ихъ честь стихи и пр. Все это, скажетъ онъ, должно было содѣйствовать пробужденію въ молодыхъ дѣвушкахъ тщеславія, которое впослѣдствіи и ставили въ упрекъ воспитанію въ Смольномъ. Но такой взглядъ въ данномъ случаѣ былъ бы не у мѣста. Переписка Императрицы съ воспитанницами Смольнаго была совсѣмъ другого характера чѣмъ переписка г-жи Мэнтенонъ съ воспитан-

[1]) „Je pense, Mademoiselle, que je dois tirer deux conclusions de votre lettre: la première que vous êtes triste lorsque vous ne me voyez pas et par contrecoup la seconde, que vous êtes bien gaie quand vous me voyez. Or le temps est disposé à la pluie, à la tristesse: le voyage à Moscou vous afflige: j'en ai vu des traces déjà la dernière fois. Je me suis esquivée pour éviter le méchant proverbe qui dit que quand une femme pleure, toutes les autres le font autant... Voyez un peu comme le monde est injuste et comme on a commode notre sensibilité. Mais enfin, Mademoiselle, ne pleurez pas de ce que vous ne me verrez pas d'un an: car, quand je viendrai et que le terme en sera venu, je vous enleverai un beau jour, et vous me verrez tout à votre aise, et vous grazouillerez en pie de cour. Faites mes complimens à Madame de-Lafond; je souhaite que sa santé se rétablisse au plutot. Je salue la communauté en corps et en esprit. Remarquez s'il vous plait, que quoique j'écrie moins bien que vous, j'observe orthographie mieux cependant.

„Catherine“.

ницами Сен-Сира. Екатерина переписывалась просто, безъ всякой цѣли, для своего и воспитанницъ удовольствія и развлеченія; она любила ихъ и ей было пріятно и весело съ ними разговаривать. Но еслибы допустить, что пиша воспитанницамъ, Екатерина задавалась какою либо педагогическою цѣлью, то зная ея педагогическіе взгляды, можно быть увѣреннымъ, что подчеркивая въ своемъ письмѣ произведенное воспитанницами на публику впечатлѣніе, она сдѣлала это думая тѣмъ поощрить въ нихъ честолюбіе, которое считала могущественнымъ и похвальнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій.

Такъ же поступалъ и Бецкій; онъ горячо былъ преданъ своему дѣлу и искренно любилъ ввѣренныхъ главнымъ образомъ ему Императрицею воспитанницъ. Но какъ у человѣка не столь умнаго какъ она, притомъ человѣка свѣтскаго и придворнаго, какъ въ обращеніи, такъ и въ письмахъ къ воспитанницамъ, выступаетъ дѣйствительно даже нѣсколько странный теперь для насъ тонъ. Въ бумагахъ Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ [1]) сохранились два его письма отъ 1770 года къ „сѣрымъ“, т.-е. къ 12-ти-лѣтнимъ дѣвочкамъ.

Первое письмо, отъ 3-го мая, написано по тому случаю, что Императрица, оставшись довольною успѣхами „сѣрыхъ“, благодарила Бецкаго въ присутствіи всего двора. Бецкій на другой же день пишетъ воспитанницамъ:

„Вы не можете повѣрить, ни представить себѣ, милостивыя государыни, какое удовольствіе я испыталъ вчера, услыхавъ изъ устъ самой Всемилостивѣйшей нашей Государыни, въ присутствіи всего двора, полныя доброты похвалы, которыя она мнѣ выразила, оставшись довольною вашимъ классомъ. Судите, милостивыя государыни, какое это было для меня безконечное удовольствіе; я думаю, что сообщу его вамъ, передавъ сегодня же о томъ, чтò было. Все въ васъ понравилось и польстило Ея Императорскому Величеству; ваше чистосердечіе, ваша скромность, ваши манеры, ваши выраженія,—все въ васъ, до мелочей, нашло отголосокъ въ ея благожелательномъ сердцѣ. Таковъ, милостивыя государыни, удѣлъ добродѣтели, таковы плоды хорошаго воспитанія, даваемаго вамъ г-жею Делафонъ, которой вы обязаны всѣмъ. Повторяю еще разъ, какъ сладко слышать такія похвалы изъ самыхъ устъ одной изъ первыхъ Государынь міра; какъ пріятно ихъ заслужить и имѣть возможность получить и въ будущемъ знаки Ея покровительства, которыми Она Всемилостивѣйше со-

[1]) Архивъ Канцеляріи Восп. Общ. благ. дѣвицъ.

изволяетъ почтить васъ. Я не имѣю времени бесѣдовать съ вами, что̀ было бы такъ лестно для меня; какъ вы любезны, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и остаюсь съ искреннею и безграничною привязанностью, которая вамъ давно извѣстна, вашъ, милостивыя государыни, нижайшій и покорнѣйшій слуга.

„И. Бецкій“ [1]).

Во второмъ письмѣ, отъ 30-го декабря, Бецкій передаетъ „сѣрымъ“, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, удовольствіе Императрицы по поводу публичнаго экзамена и кончаетъ свое письмо сообщеніемъ, что „удовольствіе публики невыразимо“ [2]).

Характерно также письмо къ воспитанницамъ, только что перешедшимъ въ старшій возрастъ (лѣтъ 15—16), шведскаго короля Густава, написанное нѣсколько позже (въ 1778 году) въ отвѣтъ на ихъ письмо, въ которомъ онѣ благодарили короля за присланный имъ изъ Швеціи свой портретъ Обществу. Король, путешествовавшій подъ именемъ графа Готландскаго, познакомился съ Смольнымъ въ 1777 году, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ. Письмо написано собственноручно по-французски и помѣчено 6-мъ февраля 1778 года [3]).

[1]) „Vous ne sauriez Croire n'y vous Imaginer Mesdemoiselles dans quelle satisfaction que je me trouvais hier, Aprenant de la Bouche même de Notre Gratieuse Souveraine Enprésence de toute la cour, Les Elloges remplie de Bonté qu'elle m'a temoigné de Son Contentement pour Votre Classe. Jugez Mesdemoiselles du plaisir infini qu'il m'a causée; Je croi vous enprocurer beaucoup aussi en vous l'aprenant aujourd'hui. Tout en Vous a plus, à flaté Sa Majesté Impériale, Votre candeur, Votre Modestie, Votre Maintien, Vos Expressions, jusqu'au moindre de Vos actions ont trouvé Chacune leur places dans son Coeur bienfaisant. Tel est Mesdemoiselles, l'Apanage de la Vertu, tel est le fruit de la bonne Education que Madame delafont vous inspire et a qui vous devez tout. Je le repete qu'il est Beaux d'entendre de telles Elloges sortir de la Bouche d'une des premières Souveraine du Monde, qu'il est Doux de les Meriter et d'Etre à Même de Vous atirer de Nouvelles Marques de Sa protection dont Elle vous honore si Gratieusement. Le tems me manque pour m'entretenir avec Vous, un Objet aussi flatteur; que Vous Aites Aimables, Je baise vos Mains Mille fois et suis avec l'atachement sincère et sans bornes, dont je Vous ai voué, et qui Vous sont connue depuis longtems; Mesdemoiselles le très Obeissant Serviteur.

„J. Betzkj“.

[2]) „...le contentement et la satisfaction du Public est Inexprimable“.

[3]) Оно также находится въ бумагахъ Восп. Об. благ. дѣв. и хранится въ Архивѣ Совѣта по особому сдѣланному тогда же Совѣтомъ постановленію, въ которомъ сказано: „Уважая столь знаменитаго гостя посѣщеніе и оказанное усердіе къ сему Обществу, которыя достойны суть переданы быть послѣдующимъ родамъ въ незабвенное напоминаніе, постановилъ: записать сія происшествія въ протоколъ и письмо Его Величества хранить въ Архивѣ Совѣта“.

„Милостивыя государыни“, пишетъ Густавъ, „князь Меншиковъ передалъ мнѣ ваше письмо; я былъ очень польщенъ вашею памятью обо мнѣ; въ ваши года и обладая, какъ вы, талантами и искусствомъ нравиться, можно съ увѣренностью разсчитывать на то, что сдѣлаешь многихъ счастливыми; вы позволили мнѣ испытать это чувство; я приписалъ знаки вашей памяти своей личности, а не моему сану, и въ первый разъ почувствовалъ удовольствіе быть любимымъ для себя; если это заблужденіе съ моей стороны, прошу васъ мнѣ его оставить, оно вамъ не дѣлаетъ зла, а мнѣ приноситъ добро; впрочемъ невинность, свобода и чистосердечіе, въ которыхъ вы воспитаны, служатъ извиненіемъ моей ошибки; я всегда съ умиленіемъ буду вспоминать зрѣлище, которое вы и ваша Августѣйшая Основательница мнѣ доставили; это, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, быть можетъ будетъ нѣкогда причислено къ наиболѣе славнымъ дѣяніямъ Екатерины, за которое справедливое и безпристрастное потомство будетъ во всѣ вѣка прославлять ея память. Я замѣчаю немножко поздно, что говорю съ вами слишкомъ серьезнымъ для вашихъ лѣтъ языкомъ; но онъ понятенъ такимъ чувствительнымъ сердцамъ, какъ ваши. Остаюсь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ къ вамъ, милостивыя государыни, очень благорасположенный.

„Густавъ“ [1]).

Подъ словомъ „зрѣлище“, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ король, онъ очевидно разумѣетъ не театральное представленіе, на которомъ присутствовалъ въ Смольномъ, а все, что онъ тамъ видѣлъ.

Любовь воспитанницъ къ Екатеринѣ была неподдѣльная и

[1]) Mesdemoiselles. Le Prince Mentzikoff m'a remis votre lettres j'ai été très flatte de votre souvenire, quand on est de votre agée et quand on possede autant que Vous des talens et l'art de plaire on est sure de faire des heureux vous m'avees fait eprouver ce sentiment j'ai atribuée les marques de votre souvenire a ma personne et non a mon rang et j'ai senti pour la première fois le plaisire d'etre aime pour moi si c'est une erreur je vous prie demela laisser elle ne vous fait pas de mal et elle me fait beaucoup de bien; dailleurs l'innossence la libertes et la candeur ou vous ettes elevees ferront l'excuses de mon erreur, je me rapellerres toujours avec attendrissement le spectacle que vous et votre auguste fondatrice m'ont donne ce spectacle unique dans son espece est peut etre une des choses qui honnoreront le plus un jour la memoire de Catherine II et qui ferront benire par une posterité juste et impartial Sa memoire dans tous les siecles. Je m'aperçois un peu tard que je vous parle un langage bien serieux pour votre age mais il est fait pour des coeurs aussi sensible que le votre. Je suis avec la plus parfaite consideration Mesdemoiselles Votre très affectionné.

„Gustave“.

горячо проявлялась всякій разъ, какъ къ тому представлялся случай. Когда она, проведя около года въ Москвѣ, въ концѣ 1775 года возвратилась въ Петербургъ, то первый ея выѣздъ былъ въ Смольный, гдѣ по этому случаю былъ спектакль. Воспитанницы играли „L'ambitieux" и комическую оперу „Le jardinier supposé". Послѣ представленія онѣ бросились къ Екатеринѣ съ такою горячностью, „что чувства ихъ къ ней, яко къ матери превозмогли почтеніе къ своей государынѣ" [1]).

Свидѣтелемъ проявленія любви воспитанницъ къ Императрицѣ былъ и шведскій король во время одного изъ своихъ посѣщеній Смольнаго. Объ этихъ посѣщеніяхъ въ протоколѣ Совѣта Воспитательнаго Общества отъ 28-го августа 1777 года сказано, что по случаю пріѣзда высокаго гостя были представлены „различныя вещи, показующія успѣхъ благородныхъ дѣвицъ въ наукахъ и художествахъ, также и многія рукодѣлія". 16-го іюня Густавъ былъ въ Смольномъ при раздачѣ наградъ воспитанницамъ, переходившимъ изъ 3-го въ 4-й возрастъ, а 24-го, въ день имянинъ Бецкаго, праздновавшихся въ Смольномъ, присутствовалъ на театральномъ представленіи, которое воспитанницы исполняли то въ комнатахъ, то въ саду, и ужиналъ съ ними. Одна изъ нихъ, Хрущова, изображала „безобразнаго Азора" въ извѣстной тогда оперѣ „Земира и Азоръ" и, по ходу піесы, должна была преобразиться въ настоящій свой видъ при магическомъ дѣйствіи имени Екатерины. Въ этотъ моментъ, произнося стихи въ честь Императрицы, Хрущова невольно заплакала [2]). Это, по всей вѣроятности, и произвело на Густава то дѣйствіе, которое онъ называетъ „единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, за которое потомство будетъ вѣчно благодарить память Екатерины". Густавъ подарилъ Хрущовой брилліантовое сердечко „изъ отмѣннаго своего", какъ сказано въ постановленіи Совѣта по этому случаю, „къ воспитывающимся усердію".

Ужъ одно то, что коронованныя и высокопоставленныя лица такъ относились къ воспитанницамъ Смольнаго, что писали имъ, а еще болѣе тонъ и содержаніе этихъ писемъ, показываютъ, что воспитаніе въ Смольномъ имѣло аристократическій и, преимущественно, свѣтскій характеръ. Екатерина, описывая Вольтеру воспитаніе Смольнаго, говоритъ: „не знаю выйдутъ ли изъ этого, какъ вы выражаетесь, батальона дѣвицъ амазонки; но мы

[1]) Соч. *Державина*. Т. II, стр. 81. Примѣчаніе Я. К. Грота. (Собраніе новостей, январь 1776 г.)

[2]) Екатерина II и Густавъ III. Статья *Я. К. Грота*. Зап. Ак. Наукъ. Т. XXX кн. II, стр. 26.

далеки отъ того, чтобы сдѣлать изъ нихъ монашенокъ и вогнать ихъ въ чахотку, заставляя по ночамъ горланить въ церкви, какъ это практикуется въ Сен-Сирѣ. Мы ихъ воспитываемъ, напротивъ, для того, чтобы онѣ были отрадой семействъ, въ которыя вступятъ; мы не хотимъ сдѣлать ихъ ни жеманными, ни кокетками, но любезными, способными воспитывать собственныхъ дѣтей и вести свой домъ“ [1]). Въ письмѣ къ Гримму она высказывается противъ того, что у нѣмцевъ называется „Naseweis“, по нашему „умничанье“, которое, по мнѣнію Екатерины, „непремѣнно должно проявляться у западныхъ женщинъ „при томъ воспитаніи, какое имъ дается въ Европѣ“ [2]).

Трудно указать, что̀ именно предпринималось въ Смольномъ для того, чтобы сдѣлать воспитанницъ „отрадою семействъ“ и въ особенности „способными воспитать своихъ дѣтей“. Для того, чтобы онѣ могли вести свой домъ, разумѣя подъ этимъ хозяйство, однимъ изъ первыхъ постановленій Совѣта, какъ только воспитанницы перваго пріема перешли въ старшій возрастъ, было то, чтобы „онѣ обучались домостроительству, чтобы сами договаривались о цѣнахъ съ поставщиками припасовъ и плату имъ производили“ [3]). Но жизнь воспитанницъ первыхъ пріемовъ, особенно самаго перваго, сложилась такъ, что едва ли у нихъ доставало и времени на сколько-нибудь серьезныя занятія чѣмъ бы то ни было. Главная цѣль основанія Общества—смягченіе нравовъ, развитіе гуманности въ отношеніяхъ между людьми путемъ просвѣщенія ума и сердца, что̀ должно было отражаться и во внѣшнихъ проявленіяхъ у воспитанницъ, — эта цѣль дѣйствительно преслѣдовалась въ стѣнахъ заведенія. Но—и можетъ быть въ этомъ нельзя винить исключительно лицъ, стоявшихъ во главѣ воспитанія въ Смольномъ, а столько же и духъ того времени—вторая половина дѣла, та, которая должна была являться естественнымъ результатомъ первой, была поставлена въ Смольномъ главною. Къ выработкѣ внѣшности у воспитанницъ, начальствующія въ Обществѣ лица прилагали гораздо больше стараній, нежели къ просвѣщенію ихъ ума, хотя во всемъ, что̀ касается собственно воспитанія, эти лица съ перваго же начала старались дѣйствовать въ духѣ Устава.

Относительно обученія, можно сказать что изъ всѣхъ наукъ,

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire. Corr. avec les souverains. Письмо 23 марта 1772 года.

[2]) Сб. р. и. о.—Т. XXIII, стр. 121. Письмо Екатерины къ Гримму отъ 25 декабря 1778 года.

[3]) Протоколъ Совѣта 19 марта 1773 года.

только на одну было обращено серьезное вниманіе въ Смольномъ. Эта наука, считавшаяся едва ли не самою важною изъ всѣхъ въ глазахъ тогдашняго общества, которой обучали вездѣ, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, такъ и въ частныхъ пансіонахъ и при домашнемъ воспитаніи, заключалась въ сообщеніи воспитывающимся умѣнья обращаться и держать себя въ свѣтѣ, въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе въ Смольномъ было обставлено какъ нельзя лучше. Все вокругъ воспитанницъ должно было помогать этой задачѣ воспитанія. Общество людей, въ которомъ онѣ вращались, было избранное; разговоръ и переписка велись преимущественно на французскомъ языкѣ, который употреблялся не только при дворѣ и въ высшемъ, но и во всякомъ, претендовавшемъ только на названіе „порядочнаго“ обществѣ. Кругомъ себя воспитанницы должны были видѣть людей ласковыхъ, учтивыхъ, пріятныхъ и благовоспитанныхъ. Уставъ предписывалъ учительницамъ не выпускать воспитанницъ изъ глазъ, „дабы онѣ поколику возможно не оставались однѣ со служанками, съ которыми и разговоровъ имѣть не должно“ [1]). Даже отъ швейцара, Совѣтъ, въ особо составленной инструкціи, требовалъ „учтивости, пріятности, благопристойности, правды и совѣстныхъ поступковъ, какъ потому, что швейцаръ Общества имѣетъ двора Ея Императорскаго Величества камерлакейскую ливрею, которая уже показываетъ его въ достоинствѣ офицера, а сверхъ того чинъ и званіе привратника неминуемо требуютъ такихъ качествъ дабы поведеніемъ своимъ оказывать ихъ всякому безъ изъятія“ [2]). Во время публичныхъ собраній въ Обществѣ швейцаръ не долженъ былъ пропускать никого ниже офицерскаго чина.

Если въ матеріальной обстановкѣ воспитанницъ, въ ихъ дортуарахъ и столѣ, не было роскоши, то она допускалась въ ихъ туалетѣ. Кромѣ предписанныхъ Уставомъ (Гл. II, § 20) шелковыхъ платьевъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, воспитанницамъ (всѣмъ 200-мъ, стало быть и младшихъ классовъ), какъ благороднымъ, такъ и мѣщанскимъ, выдавались не только шпильки, булавки, гребни и пр., но и пудра, перчатки—благороднымъ двухъ сортовъ: однѣ желтыя кожаныя, по три пары въ годъ, другія бѣлыя лайковыя для ассамблей (по парѣ на три года), а мѣщанскимъ замшевыя. Кромѣ того благороднымъ давались шелковые пояса къ праздничнымъ платьямъ (одинъ на три

[1]) Уставъ восп. двухсотъ благ. дѣвицъ. Гл. I, Разд. 6, § 7.

[2]) Протоколъ Совѣта 24 окт. 1769 г.

года), лайковые башмаки для ассамблей (по двѣ пары въ годъ), рубашки съ батистовыми манжетами и воротничками (по четыре въ годъ) [1]).

Начиная съ третьяго возраста, воспитанницъ практически знакомили съ „свѣтомъ". Въ особой, составленной въ 1773 году Совѣтомъ, инструкціи Начальницѣ и Правительницѣ, въ числѣ разныхъ указаній, предписывается (§ 12) приглашать къ своему столу вмѣстѣ съ воспитанницами и постороннихъ особъ для „приобученія первыхъ къ обхожденію въ обществѣ". А цѣль ассамблей, концертовъ и пр., устраиваемыхъ въ Смольномъ, объясняется въ инструкціи тѣмъ, что во время ихъ воспитанницы „могутъ пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной дѣвицѣ столь нужны къ достиженію необходимыхъ для ея познаній и для истиннаго воспитанія". Воспитанницы старшихъ двухъ возрастовъ ѣздили въ сопровожденіи Начальницы ко двору, играли въ Эрмитажѣ, обѣдали и бывали на вечерахъ у Бецкаго и у генералъ-директора Шляхетскаго корпуса Пурпура. Въ дневникѣ графа Бобринскаго [2]) много объ этомъ подробностей, показывающихъ, что живя въ монастырѣ, воспитанницы Смольнаго считались въ свѣтѣ ужъ взрослыми дѣвушками. Въ Смольномъ давались балы, на которые приглашались, въ числѣ другихъ лицъ, и кадеты. Послѣ бала обыкновенно бывалъ ужинъ, за которымъ дѣвицы сидѣли вмѣстѣ съ гостями. Къ этому времени, т.-е., когда имъ было приблизительно 14—15 лѣтъ, и когда ихъ начинали вывозить, онѣ хорошо говорили по-французски, знали музыку, нѣкоторыя пѣли, почти всѣ прекрасно танцовали и хорошо исполняли разныя роли на домашней сценѣ. Однимъ словомъ, въ 15 лѣтъ онѣ считались совсѣмъ „приготовленными для свѣта", выражаясь языкомъ того времени. Театральныя представленія были тогда въ большой модѣ при дворѣ, у вельможъ и во всѣхъ „благородныхъ" домахъ. Умѣнье исполнять роли открывало входъ въ эти дома, и даже люди ученые подвизались на этомъ поприщѣ [3]). Въ Смольномъ, театральныя представленія давались очень часто, и въ нихъ кадеты Шляхетскаго корпуса, какъ это видно

[1]) Докладъ Совѣта Императрицѣ 7 мая 1793 года. (Архивъ канц. Восп. Об. благ. дѣв.).

[2]) Дневникъ графа Бобринскаго. (Р. Архивъ. 1877. № 10).

[3]) Профессоръ физики въ Московскомъ университетѣ, бывшій одно время ректоромъ, Страховъ, такъ отличался въ этомъ искусствѣ, что его приглашали для совѣта, когда встрѣчались какія-либо затрудненія въ устройствѣ домашняго театра.— *И. М. Долгорукій*. Капище, стр. 91.

изъ дневника гр. Бобринскаго, участвовали вмѣстѣ съ воспитанницами.

Чтобы дать понятіе о характерѣ этой стороны жизни въ Смольномъ, мы приводимъ изъ дневника гр. Бобринскаго выписки, въ которыхъ онъ говоритъ о немъ:

„23-го декабря 1781 г. На вечерѣ (у генерала Пурпура) были три дѣвицы изъ монастыря съ Лафоншею: г-жа Толстая съ матерью, дѣвица Крузе и Беклемишева. Изъ мужчинъ были многіе кадеты, маіоръ Бороздинъ, Окуловъ, любовникъ г-жи Глинской, и потомъ обыкновенные гости его превосходительства: Бутурлинъ, Рибасъ, Третьяковскій, Беклемишевъ и пр.

„29-го декабря. Мы ѣздили въ Смольный на репетицію „Трехъ женщинъ“ и еще другой маленькой піесы. Слишкомъ полтора часа мы дожидались Бецкаго, который, наконецъ, появился, и начали съ маленькой піесы. Тамъ мы узнали, что дѣвица Звѣрева получила отъ Государыни въ подарокъ много платьевъ съ богатымъ шитьемъ. Дѣвица Лафонъ (дочь Начальницы) опять со мной говорила и также плакала какъ и у генерала Пурпуры. Всѣ Смольнянки замѣтили это, стали между собою перешептываться... Какъ я ни упрашивалъ въ Смольномъ чтобы дали балъ, но все понапрасну.

„31-го декабря. Бѣлыя Смольнянки, какъ и во всѣ годы, провели канунъ новаго года у Бецкаго. Мы тамъ не были.

„3-го января 1782. Мы поѣхали въ монастырь, на балъ къ Смольнянкамъ, но тамъ ничего не было. Дѣвицы 3-го возраста играли маленькую піесу, потомъ шла опера „Три фермера“, а потомъ ассамблея для собравшихся родныхъ.

„6-го января. Государыня приказала выдать дѣвицѣ Звѣревой 3.000 рублей.

„7-го января. Лафонша, дочь ея, мадамъ Вотрень (Надзирательница Смольнаго) ходили смотрѣть комнаты невѣсты, убирали всѣмъ нужнымъ и оставались тамъ очень долго.

„9-го января. Свадьба Звѣревой съ Фромандье будетъ при дворѣ... Когда Звѣрева поѣхала въ Эрмитажъ къ бракосочетанію, со всѣми монастырками дѣлалось дурно.

„10-го января. Въ Смольномъ былъ балъ по случаю свадьбы Звѣревой. Было очень скучно. На этомъ балу не чувствовалось оживленія какъ на прежнихъ... Въ Смольномъ оставались до $11^{1}/_{2}$... За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ дѣвицы Цитиной. Много шутили на счетъ того, что я не такъ веселъ, какъ прошлые разы.

„11-го января. По словамъ служанокъ Звѣревой, въ Смольномъ много смѣялись надъ дѣвицею Рашевой, называя ее Бобринскою.

„17-го января. Въ Смольномъ былъ спектакль „Молодая Канадка“ и потомъ опера „Служанка-госпожа“, музыка Перголезе. Мы играли безъ приготовленія, стало быть акомпанировали почти à livre ouvert. Затѣмъ было многолюдное собраніе.

„31-го января. Меня послали къ Лафоншѣ узнать о здоровьѣ и сказать ей, что такъ какъ въ Смольномъ хотѣли дать спектакль, то нельзя ли устроить его на этой недѣлѣ. Я видѣлъ дѣвицъ Зыкову, Архарову, Мещерскую, Барыкову, Шереметеву.

„6-го февраля. Я былъ въ Смольномъ, гдѣ мнѣ было очень весело. Я видѣлъ все, что̀ хотѣлъ, и говорилъ что̀ хотѣлъ говорить, слѣдовательно я былъ доволенъ и удовлетворенъ. Я ужиналъ съ нею. Дѣвица Лафонъ глядѣла такъ глупо, что всякій разъ, когда я на нее смотрѣлъ, насилу удерживался, чтобъ не захохотать“ [1]).

Вообще воспитанницамъ жилось хорошо и весело. Для нихъ Екатерина съ 1770 года ввела катанье въ придворныхъ экипажахъ по улицамъ Петербурга, на качели, устраиваемыя на Святой и около горъ на масляницѣ. Кромѣ баловъ и спектаклей, разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ послѣ обѣда онѣ танцовали въ присутствіи публики и родителей. Это были цѣлые балеты, которымъ обучалъ въ Смольномъ (также и въ Шляхетскомъ корпусѣ) знаменитый еще со времени Императрицы Елизаветы, балетмейстеръ Ланде, а потомъ одна изъ первыхъ танцовщицъ въ Европѣ, Лантини. Нѣкоторыя воспитанницы, и между ними извѣстная впослѣдствіи Нелидова, отличались необыкновеннымъ искусствомъ въ танцахъ. На ихъ танцы пріѣзжали смотрѣть и иностранные гости Императрицы. Екатерина писала Вольтеру о гостившемъ въ 1772 году въ Петербургѣ калгѣ-султанѣ, братѣ крымскаго хана, что онъ „по воскресеньямъ послѣ обѣда, когда въ Смольный допускаются на одинъ часъ посторонніе, отправляется въ монастырь смотрѣть на танцы воспитанницъ“.—„Вы скажете“, прибавляетъ она, „что это значитъ пускать волка въ овчарню, но не пугайтесь: вотъ какъ это происходитъ. Въ очень большой залѣ поставлена двойная балюстрада, дѣти танцуютъ внутри, посѣтители размѣщаются вокругъ балюстрадъ, и это единственный случай, когда родители могутъ видѣть нашихъ дѣвицъ, которымъ не дозволяется выѣзжать“ [2]).

Кромѣ этихъ собраній, въ Смольномъ ежегодно, 20 апрѣля, наканунѣ рожденія Императрицы, происходило собраніе совсѣмъ

[1]) Въ 1782 году гр. Бобринскій вышелъ изъ корпуса и уѣхалъ путешествовать.

[2]) Сб. р. и. общ. Т. XIII, стр. 227. Письмо Ек. къ Вольтеру отъ 23 марта 1772 года.

другого рода. По предложенію Делафонъ, съ 1768 года положено было устраивать столъ для ста нищихъ женскаго пола, и воспитанницы, какъ благородныя, такъ и мѣщанскія, должны были имъ прислуживать „въ знакъ человѣколюбія къ ближнему и благодѣянія къ бѣднымъ, дабы чрезъ то каждая воспитываемая болѣе усерднаго попеченія о бѣдныхъ имѣла“ [1]). На это отпускалось по 50 рублей въ годъ изъ положенной на содержаніе Общества суммы.

Впослѣдствіи Коммиссіею народныхъ училищъ было обнаружено, что разучиваніе ролей и балетовъ, также приготовленія къ пріемамъ знатныхъ посѣтителей, которымъ обыкновенно показывали Смольный, сильно мѣшали правильному ходу учебныхъ занятій съ воспитанницами. Но до 1783 года, когда Коммиссія приняла въ свое завѣдываніе учебную часть Общества, Совѣтъ, согласно предписаніямъ Устава, аккуратно производилъ каждый годъ экзамены воспитанницамъ 3-го и 4-го возрастовъ и въ своихъ постановленіяхъ сообщалъ объ ихъ знаніяхъ и успѣхахъ. Эти постановленія Совѣта служатъ единственнымъ источникомъ свѣденій о томъ, какъ велось учебное дѣло въ Смольномъ и чему обучали воспитанницъ. Они представляютъ также интересъ, какъ образчикъ отношеній Совѣта къ воспитанницамъ.

Первый экзаменъ 3-му возрасту (4-го тогда еще не было), былъ произведенъ въ 1771 году, т.-е. на седьмомъ году пребыванія въ Смольномъ воспитанницъ перваго, съ основанія Общества, пріема. По этому случаю состоялось слѣдующее постановленіе Совѣта [2]). „Помышляя заблаговременно о произведеніи въ дѣйствіе предписаній Устава въ разсужденіи дѣвицъ двухъ послѣднихъ возрастовъ, Совѣтъ почелъ за нужное по мѣрѣ того какъ съ пріумноженіемъ лѣтъ пріумножаются изо дня въ день и успѣхи ученія ихъ и воспитанія, обратить нынѣ за особое примѣчаніе свое на третій классъ: толь наипаче, что какъ ужъ начинаетъ оной выходить изъ дѣтскихъ лѣтъ, то и о знаніяхъ, нравахъ и поведеніи точнѣйшее свѣденіе признается нынѣ быть необходимо нужнымъ. Сихъ ради причинъ по мѣрѣ положено и учинено слѣдующее: 1) Разсматриваны предложенныя Совѣту за руками Ея Превосходительства г-жи Правительницы и Надзирательницы, и притомъ отъ первой изустно засвидѣтельствованныя описанія персональнаго характера и способности каждой дѣвицы онаго возраста. Усмотрѣны изъ оныхъ съ великимъ удо-

[1]) Протоколъ Совѣта 4 сентября 1768 года.

[2]) Протоколъ Совѣта 14 марта 1771 года.

вольствіемъ приписуемыя какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, множайшему ихъ числу похвалы и подаваемая впредь къ тому же хорошая и о прочихъ надежда; 2) въ неоднократныя Совѣта собранія въ присутствіи г-жи Правительницы, Надзирательницы, учителей и учительницъ свидѣтельствованы онѣ въ чтеніи и въ писаніи россійскомъ и французскомъ, нѣкоторыя же на обоихъ сихъ языкахъ сочиненіи; въ первыхъ частяхъ ариѳметики, въ исторіи, въ географіи и въ изъясненіи на глобусѣ, принадлежащихъ къ практическому знанію, разныхъ задачъ; въ рисованіи, просто съ представленныхъ образцовъ, а нѣкоторыя въ родѣ цвѣтовъ и по собственному вымыслу своему; въ черченіи архитектурныхъ рисунковъ, въ музыкѣ вокальной и инструментальной, въ скульптурномъ и токарномъ художествахъ, въ разныхъ женскому полу свойственныхъ рукодѣліяхъ, во всѣхъ частяхъ домостроительства, а сверьхъ того наипаче Троицко-Сергіевской пустыни отцомъ Архимандритомъ Іосифомъ самимъ катихизованы въ догматахъ православія греко-россійской вѣры. И хотя по истинѣ, награжденія по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію опредѣленнаго для сего возраста, признаваетъ Совѣтъ быть достойными (слѣдуетъ перечисленіе 12-ти воспитанницъ) однакожъ нѣтъ столькихъ наградъ, ихъ каждый годъ по четыре, которыя и даны четыремъ воспитанницамъ“ [1])...

Упомянутыя здѣсь награды, по переданному черезъ Бецкаго повелѣнію Императрицы, назначались изъ ленты сѣраго цвѣта съ серебромъ для 3-го возраста и бѣлаго цвѣта съ золотомъ для 4-го.

Въ слѣдующемъ году, по окончаніи экзамена тому же классу, Совѣтъ нашелъ, что „не только къ пріобрѣтенію благонравія, качествъ и успѣховъ въ преподаваемомъ ученіи не ослабѣваетъ почти всѣхъ общая ревность, нѣкоторыя же послушливостью и подражаніемъ отъ времени до времени болѣе исправляются; но есть и такія, которыя достоинства свои и заслуженнныя ужъ похвалы нынѣ еще новыми приумножили“. „Безъ обремененія совѣсти своей“, говоритъ Совѣтъ, онъ „прибѣгнулъ къ жребію между тремя совершеннаго равенства“, ибо „не нашли по долгомъ размышленіи иного средства выйтить изъ сего затрудненія“ [2]). Въ этотъ разъ кромѣ 8-ми наградъ были выданы еще двѣ похвалы. „А за ними“, постановилъ Совѣтъ, „вмѣстить въ число достой-

[1]) Такъ какъ экзамены производились каждый годъ, и воспитанницы, получившія награду въ предшествовавшемъ году, могли заслужить ее и въ будущихъ, то онѣ имъ и выдавались; это называлось вторымъ и третьимъ награжденіемъ. Кромѣ того полагалось каждый годъ по четыре награды на классъ.

[2]) Протоколъ 10 октября 1772 г.

ныхъ сего: сначала одну для того, что съ отмѣнностью превзошла она слѣдующихъ за симъ подругъ своихъ, а потомъ еще семерыхъ".

Изъ протокола Совѣта 1771 года можно заключить, что воспитанницамъ преподавались всѣ, положенные Уставомъ, научные предметы. Въ немъ прямо не упомянуто о „словесныхъ наукахъ" и о геральдикѣ, которыя полагалось (Гл. 1. Р. 2.) начинать съ третьяго возраста; но эти науки Совѣтъ могъ включить въ экзаменъ изъ исторіи, о которой говорится въ протоколѣ. А изъ искусствъ преподавались даже лишнія, не предписанныя Уставомъ, „скульптурное и токарное художество". Въ 1776 году въ третьемъ возрастѣ обучали уже, какъ видно изъ протокола Совѣта 30 апрѣля этого года, четыремъ языкамъ: „чтеніи и писаніи на россійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ языкахъ, нѣкоторыя даже въ переводахъ, въ письменныхъ, а особливо на двухъ первыхъ сочиненіяхъ". Сверхъ предметовъ, изъ которыхъ воспитанницы экзаменовались въ предшествовавшіе годы, причемъ изъ исторіи „древней и новѣйшихъ временъ", въ 1776 году онѣ экзаменовались еще изъ геометріи и миѳологіи, т.-е. предметовъ, не положенныхъ Уставомъ. И повидимому всѣ эти знанія оказались у воспитанницъ, ибо Совѣтъ нашелъ опять, что „множественное число достойно награжденія"; но въ виду недостаточнаго числа наградъ, онъ присудилъ „какъ съ общимъ согласіемъ, иныя-жъ и посредствомъ жребія" 12-ть наградъ третьему возрасту: 4 шифра, т.-е. вензелевыхъ изображенія имени Императрицы, прикрѣпленныхъ на сѣрой лентѣ съ тремя серебряными полосками, т.-е. третье награжденіе, 4 съ двумя полосками (второе награжденіе) и 4 съ одной полоской. Кромѣ того онъ выдалъ девять похвалъ.

Въ третьемъ возрастѣ заканчивалось образованіе воспитанницъ, такъ какъ въ четвертомъ, Уставомъ полагалось лишь повторять все прежнее, „въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣютъ". Вѣроятно поэтому въ постановленіи Совѣта объ экзаменахъ этого возраста, предназначеннаго уже къ выпуску въ томъ же 1776 году, совсѣмъ не упоминается объ ихъ знаніяхъ. Но нѣкоторое понятіе о томъ, съ какими знаніями должны были выйти воспитанницы этого перваго выпуска, можно получить изъ того, что во все время ихъ пребыванія въ Смольномъ, преподаваніе велось учительницами-иностранками, число которыхъ даже начало убавляться съ 1770 года и вмѣсто двѣнадцати ихъ было въ этомъ году уже только девять. Одна изъ нихъ умерла, а двѣ оставили Общество, и имъ Совѣтъ, согласно уговору, выдалъ каждой по

200 рублей на возвращеніе въ отечество [1]). Только за четыре года до выпуска, въ 1772 году, въ первый, судя по протоколамъ Совѣта, разъ, былъ приглашенъ русскій учитель, который долженъ былъ обучать благородныхъ и мѣщанскихъ воспитанницъ „правописанію россійскому, переводамъ съ французскаго и нѣмецкаго, и ариѳметикѣ [2]).

Еще въ 1771 году, слѣдовательно за пять лѣтъ до выпуска, при переходѣ воспитанницъ перваго пріема въ третій возрастъ, Императрица, черезъ Бецкаго, передала Совѣту повелѣніе раздавать послѣ экзамена воспитанницамъ этого возраста награды Ея именемъ, „въ силу Устава Императорскаго Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго корпуса", т.-е. раздачу производить съ „приличною важностью при собраніи особъ первенствующихъ чиновъ обоего пола. Раздавать Именемъ нашимъ, сказано въ Уставѣ Кадетскаго корпуса (Гл. 6. § 3), присутствующему тутъ старшему члену Совѣта". Такъ до 1776 года и производилась раздача наградъ въ Смольномъ. Но въ этомъ году, по случаю выпуска какъ съ благородной, такъ и съ мѣщанской половинъ, торжество раздачи наградъ сопровождалось особенною церемоніею. Императрица не присутствовала на ней по причинѣ, какъ это полагали, смерти великой княгини Натальи Алексѣевны; но она утвердила представленный ей докладъ, въ которомъ Совѣтъ [3]) просилъ установить навсегда раздачу по шести шифровъ при каждомъ выпускѣ. Только „въ первомъ семъ разѣ" Совѣтъ просилъ позволенія раздать не шесть, а восемь шифровъ „изъ уваженія, что они (т.-е. воспитанницы перваго пріема) первыя открыли дорогу къ достиженію всѣхъ тѣхъ полезныхъ знаній, каковыя удобнѣе уже могутъ пріобрѣтать за ними слѣдующія подражательницы ихъ примѣру".

Очевидецъ церемоніи этого перваго выпуска изъ Смольнаго разсказываетъ [4]), что хотя начало церемоніи назначено было въ пять часовъ, но уже въ четыре, зала заведенія была наполнена почетными гостями обоего пола до такой степени, что пріѣхав-

[1]) Протоколъ Совѣта 4 августа 1770 года.

[2]) Онъ же былъ и секретаремъ Совѣта и за все ему назначено было жалованья 500 р. въ годъ, квартира въ Смольномъ, дрова и свѣчи. (Протоколъ Совѣта 25 марта 1772 года.) Учительницы получали по 250 р. въ годъ и полное содержаніе въ Обществѣ.

[3]) Въ 1777 году членами Совѣта состояли: Начальница, которая подписывалась подъ протоколами первая и писала свою фамилію по-французски, графъ Минихъ, Ив. Бецкій, М. Соймоновъ, П. Завадовскій. (Именные указы и конфирм. доклады по В. О. бл. дѣв. съ 1764 по 1785 гг.)

[4]) *В. Лядовъ*. Истор. очеркъ 100-лѣтней жизни Восп. Общ. благ. дѣв. Стр. 12.

шимъ позже—трудно было найти мѣсто. „Ровно въ пять часовъ“, говоритъ онъ, „были введены въ зало мѣщанскія дѣвушки первыхъ трехъ возрастовъ. Секретарь Совѣта прочелъ опредѣленіе о награжденіяхъ, которыя и были розданы Начальницею. Затѣмъ мѣщанскія дѣвушки оставили зало, а на мѣсто ихъ явились благородныя первыхъ трехъ возрастовъ и имъ были розданы подарки, состоявшіе изъ перочинныхъ ножей, наперстковъ, серебряныхъ игольниковъ, такихъ же чернильницъ и табакерокъ, оправленныхъ въ золото [1]). Лучшія воспитанницы третьяго возраста благородныхъ получили въ награду шифры, которые были приколоты самою Начальницею. Потомъ вошли въ зало воспитанницы, окончившія курсъ, и церемонія выпуска началась чтеніемъ опредѣленія Совѣта слѣдующаго содержанія: „1776 года, апрѣля 30-го дня, Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ по окончаніи, благостью Всевышняго и монаршимъ попеченіемъ Великія Екатерины Вторыя, двѣнадцатилѣтняго, совершившагося при семъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ, воспитанія, при обыкновенномъ пребыванія ихъ эксаменѣ, входя, по долгу своему, обще съ госпожею Начальницею, въ изслѣдованіе пріобрѣтенныхъ ими душевныхъ дарованій, изобилуемыхъ въ добромъ нравѣ и поведеніи, яко главнѣйшихъ почитаемыхъ быть воспитанія качествахъ; и разсмотря слѣдуемыя потомъ каждой особенно способности въ наученіяхъ различнаго рода знаніяхъ и художествахъ съ прочими женскому полу рукодѣліями и подлежащими всѣми частьми домоводства или экономіи, яко всемъ томъ за обыкновенномъ упражненіи и наполняемымъ достаткомъ душевныхъ украшеній, находитъ, къ великому своему удовольствію, по всѣмъ видимымъ успѣхамъ, что прилагаемый трудъ не напрасенъ, и прилагаемыя старанія не тщетны, но съ желаемымъ исполненіемъ по возможности каждой своея способности. И для того Совѣтъ за долгъ поставляетъ: за успѣхи, доброе поведеніе, приличные поступки, пристойное благородновоспитаннымъ обхожденіе и за повиновеніе начальствуемымъ (?), яко чувственно отъ того нынѣ ощущаемую въ свое пріобрѣтеніе пользу, чистосердечное свое объявить признаніе, какъ всѣмъ вообще, такъ и каждой особенно, послѣдуя установленію воспитанія и соизволенію волѣ промышляющей о подданныхъ своихъ всемилостивѣйшей Государынѣ“ [2]). Въ заключеніе Совѣтъ повторилъ

[1]) Подарки мѣщанскимъ дѣвушкамъ были проще; нѣкоторыя получили однако золотыя серьги.

[2]) Постановленіе Совѣта 30 апрѣля 1776 года. — Истор. очеркъ *В. Лядова*. Стр. 13.

свою обычную въ такихъ случаяхъ фразу, что „хотя по истинѣ множественное число изъ тѣхъ награжденія, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію опредѣленнаго для сего возраста, признаетъ Совѣтъ быть достойными, но какъ число оныхъ ограничено“, и пр., то онъ, „къ полученію знаковъ награжденія признаетъ: золотой медали [1]) первой величины (стоимостью въ 141 р. 60 к.) пятерыхъ (первая изъ нихъ Алымовой, впослѣдствіи Ржевской, а остальныя: Молчановой, Левшиной, Рубановской и Барщовой, т.-е. тѣмъ, о которыхъ, за исключеніемъ Рубановской, Императрица упоминала въ своихъ письмахъ къ Левшиной); второй величины (стоимостью въ 85 р.) тремъ (и въ ихъ числѣ Нелидовой), и наконецъ третьей величины (стоимостью въ 59 р. 12 к.) четверымъ“. Первыя восемь изъ получившихъ золотыя медали получили кромѣ того и шифры, отличавшіеся отъ розданныхъ воспитанницамъ третьяго возраста, цвѣтомъ ленты, которая для выпускныхъ была не сѣраго, а бѣлаго цвѣта, и не съ серебряными, а съ золотыми полосками, по три на лентахъ первыхъ пятерыхъ, получившихъ шифры, и по двѣ на трехъ послѣднихъ. Эти „знаки отмѣны“, сказано въ протоколѣ Совѣта 30 апрѣля 1776 года, „отличившимся почтительными талантами къ вящшему уваженію ихъ въ гражданскомъ обществѣ“ повелѣно было носить „на груди навсегда“. Кромѣ переименованныхъ выше наградъ, розданы были еще двѣнадцати воспитанницамъ серебрянныя медали разной величины (стоимостью въ 22 р. 13 к. и 8 р. 17 к.), и еще двѣнадцать воспитанницъ объявлены достойными награжденія.

Такимъ образомъ, изъ 51 воспитанницы, подлежавшихъ къ выпуску, 8 получили шифры и золотыя медали, 4 — только золотыя медали, 12 — серебряныя медали, 12 — похвалу, и только 15 не получили ничего. „По окончаніи раздачи наградъ“, продолжаетъ очевидецъ церемоніи, „три выпускныя воспитанницы: Алымова, Рубановская и Нелидова, произнесли благодарственныя рѣчи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“.

Торжество окончилось прочтеніемъ письма Императрицы на имя Бецкаго, написаннаго ею еще 16 января, т.-е. за три мѣсяца до выпуска. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Иванъ Ивановичъ! При наступленіи выпуска благородныхъ дѣвицъ, совершившихъ свое воспитаніе въ учрежденномъ Обществѣ, гдѣ трудъ и попеченіе любовь вашу къ отечеству вѣчно

[1]) На одной сторонѣ медали было изображеніе Императрицы, на другой—надпись: „тако созрѣваютъ“.

прославляютъ, Я, оказывая съ одной стороны, мое удовольство, съ другой то матернее призрѣніе, которое простирается на лучшей жребій всей ихъ жизни, и симъ чувствомъ уваживъ тутъ состояніе безродныхъ и таковыхъ, коихъ родители, или свойственники, не имѣютъ достатка, чтобы дать имъ приличное содержаніе, Всемилостивѣйше жалуемъ изъ Нашего Кабинета сто тысячъ рублей, желая, чтобы вы сію сумму обратили въ капиталъ содержанія и снабдѣнія приданымъ изъ сихъ дѣвицъ тѣхъ, которые сей помощи по выходѣ изъ монастыря, а паче когда посягнутъ въ супружество, по бѣдности ихъ родившихъ, ниоткуда не могутъ имѣть. Я желаю, чтобы учрежденіе, которое вы по сему здѣлаете, поднесено было къ Моей аппробаціи, и тутъ же хощу, дабы распредѣленіе и самаго приданаго каждой дѣвицѣ количествомъ своимъ показывало воздаяніе пріобрѣтеннымъ ими достоинствомъ при воспитаніи, и послужило бы къ вящшему поощренію дарованій и въ другихъ еще воспитывающихся. Я пребываю впрочемъ вамъ благожелательна“ [1]).

„Екатерина“.

Генваря, 16-го дня, 1776 года.
Въ Санктпетербургѣ.

На слѣдующій день былъ, по словамъ очевидца, „обѣденный столъ для выпускныхъ, а черезъ три дня послѣ торжества, воспитанницы простились съ мѣстомъ своего воспитанія“.

Сто тысячъ, подаренныя Екатериною воспитанницамъ, были положены Бецкимъ въ сохранную казну Воспитательнаго Дома на 6%. Изъ нихъ опредѣлено было особымъ указомъ [1]) 18 мая 1776 г. раздавать ежегодно по смерть самымъ бѣднымъ воспитанницамъ, на всѣхъ 1.775 рублей. Остальные 4.225 руб. (ежегодно получалось процентовъ 6.000 руб.) распредѣлялись такъ: получившимъ первые пять шифровъ по 250 р. каждой, также ежегодно и по смерть; получившимъ три слѣдующіе шифра по 225 р.; четверымъ получившимъ слѣдующія награды по 200 р., и еще 12-ти по „достоинству“: 4-мъ по 150 р., 4-мъ по 125 р. и 4-мъ по 100 р. Одной и той же дѣвицѣ, если она подходила подъ обѣ категоріи „бѣдности“ и „по достоинству“, разрѣшалось выдавать двѣ суммы. Послѣ смерти получавшей пенсію, приходившаяся на ея долю сумма должна была возвращаться въ капиталъ. 1775 рублей, предназначенные для бѣднѣйшихъ воспитанницъ, были роз-

[1]) Чтенія общ. ист. и древностей. 1863. Кн. IV. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Стр. 92.

[2]) Имен. указы и конф. доклады по Восп. Общ. благ. дѣвицъ.

даны Совѣтомъ девятнадцати выпускнымъ: тремъ по 50 р., тремъ по 75 р., одиннадцати по 100 р., и двумъ по 150 рублей. Кромѣ этихъ денегъ, нѣкоторымъ изъ воспитанницъ, сверхъ полученной ими пенсіи, были при выпускѣ отданы подаренные имъ раньше Императрицею и хранившіеся въ банкѣ, по тысячѣ рублей каждой. Нелидовой былъ выданъ и брилліантовый перстень, также подаренный ей Екатериною и хранившійся въ московскомъ отдѣленіи Воспитательнаго Дома.

Кромѣ щедрыхъ подарковъ Императрицы, нѣкоторыя изъ выпускныхъ воспитанницъ получили положенныя раньше въ банкъ на ихъ имя разными лицами деньги. Вдова егермейстера М. П. Нарышкина внесла на имя одной такой воспитанницы двѣ тысячи рублей и назначила ей по выпускѣ 200 р. ежегодно въ видѣ пенсіи.

Мѣщанскимъ воспитанницамъ также были розданы при выпускѣ деньги, положенныя, согласно „Учрежденію", по 50 рублей на каждую, въ банкъ, при пріемѣ ихъ въ Общество. Къ первому выпуску было прислано такихъ денегъ изъ банка 5.879 р., и на долю каждой выпускной воспитанницы пришлось по 124 р. Но Совѣтъ рѣшилъ употребить изъ этихъ денегъ по 23 р. 84 к. на то, чтобы сдѣлать каждой изъ воспитанницъ платье и бѣлье, а остальную сумму, причитавшуюся на долю каждой изъ нихъ, выдать лишь тѣмъ, которыя замужъ выходятъ, и одной такой, при выпускѣ же, отданъ весь ея капиталъ, а остальнымъ только проценты съ него. При этомъ Совѣтъ постановилъ, что каждая воспитанница мѣщанскаго училища имѣетъ право завѣщать, на случай своей смерти, причитающіяся ей по окончаніи курса деньги другимъ [1]). Кромѣ этихъ денегъ мѣщанскимъ выпускнымъ воспитанницамъ были распредѣлены и деньги вырученныя отъ продажи ихъ рукодѣлій, которыя продавались въ „Парлуарѣ".

Вотъ единственная подробность касающаяся жизни мѣщанскихъ воспитанницъ, встрѣтившаяся въ протоколахъ Совѣта за время первыхъ двѣнадцати лѣтъ ихъ пребыванія въ Обществѣ. Неизвѣстно, поэтому, ничего о томъ, какъ ихъ воспитывали и чему учили. Гораздо позже, уже подъ конецъ царствованія Императрицы Екатерины и послѣ реформы, произведенной Коммиссіею народныхъ училищъ, нѣкоторыя изъ мѣщанскихъ воспитанницъ, по словамъ Георги [2]), при выпускѣ „превосходили въ знаніяхъ многихъ изъ пріѣхавшихъ сюда француженокъ" и, гово-

[1]) Протоколъ Совѣта 28 августа 1777 года.

[2]) Описаніе Имп. росс. ст. г. Спб. Ч. II, стр. 393, § 669.

ритъ онъ, „соразмѣрно съ оными и помѣщаются. Однако же многія поступаютъ въ услуженіе въ званіи горнишнъ". Вообще же, если вѣрить Георги, мѣщанскихъ воспитанницъ обучали болѣе рукодѣліямъ, но содержаніе ихъ, пища и платье, было лишь немногимъ проще, чѣмъ на благородной половинѣ.

Впрочемъ, Совѣтъ относительно всѣхъ воспитанницъ, какъ благородныхъ такъ и мѣщанскихъ, бралъ на себя заботу о томъ, чтобы полученныя ими по наслѣдству или инымъ путемъ деньги, или имѣніе были охранены, чтобы при раздѣлѣ имѣнія воспитанницы не были обижены и пр. Для этого онъ обращался въ присутственныя мѣста, велъ дѣла противъ родственниковъ, захватившихъ имѣніе, принадлежавшее воспитанницамъ, назначалъ имъ опекуновъ. Но такъ какъ подобнаго рода заботы съ его стороны рѣдко требовались для мѣщанскихъ воспитанницъ, то его попеченія о нихъ въ этомъ отношеніи заключались всего чаще въ опекѣ надъ ними самими и въ контролѣ надъ способомъ употребленія ими принадлежавшихъ имъ денегъ. Бывали случаи что Совѣтъ, вѣроятно по какимъ-нибудь извѣстнымъ ему основаніямъ, отказывалъ въ выдачѣ мѣщанской воспитанницѣ внесенныхъ даже ея родителями денегъ, не только при выпускѣ ея изъ Общества, но и много лѣтъ спустя, и даже по выходѣ ея замужъ. Въ протоколахъ Совѣта встрѣчается нѣсколько такихъ постановленій, которыя рисуютъ его отношеніе къ мѣщанскимъ дѣвушкамъ. На просьбу одной изъ нихъ, бывшей уже замужемъ, выдать ей сто рублей съ процентами, которые были внесены ея матерью при помѣщеніи просительницы въ Общество, Совѣтъ не отрицая того, что капиталъ, о которомъ она проситъ, принадлежитъ ей, но „поелику Совѣтъ всегда имѣетъ подъ опекою своихъ воспитанницъ, и по выходѣ ихъ изъ Общества, то въ семъ случаѣ наблюдая пользу просительницы, дабы слѣдующія ей деньги употреблены не были на безнужныя издержки", положилъ выдать ей не всѣ даже проценты, а лишь часть ихъ. Изъ 185 р. 57 к. Совѣтъ выдалъ только 35 р. 57 к. и извѣстилъ просительницу, что капиталъ выдастъ ей лишь тогда, „когда по разсмотрѣнію Совѣта воспослѣдуетъ ей въ деньгахъ необходимая надобность" [1]).

Бывали однако болѣе серьезные случаи, когда Совѣтъ могъ оказать мѣщанскимъ воспитанницамъ дѣйствительную помощь. Дарованная имъ привилегія, по которой крѣпостной, женившійся на бывшей мѣщанской воспитанницѣ, становился вольнымъ, не

[1]) Протоколъ Совѣта 23 сентября 1791 года.

всегда признавалась на дѣлѣ, и въ этихъ случаяхъ бывшія воспитанницы обращались къ Совѣту, прося его заступничества за ихъ права. Какъ при Екатеринѣ поступалъ Совѣтъ съ подобными просьбами, не видно изъ его протоколовъ; но въ бумагахъ его сохранились самыя просьбы нѣкоторыхъ изъ бывшихъ мѣщанскихъ воспитанницъ. По этому поводу возникали цѣлыя дѣла, длившіяся годами, и только въ 1805 году, уже при Императрицѣ Маріи Θедоровнѣ, ею предписано Совѣту „извѣстить Министра Юстиціи, что дарованныя воспитанницамъ мѣщанскаго училища при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ Бозѣ почившею Императрицею Екатериною Алексѣевною января 31-го, 1765 года, привиллегіи, Его Величествомъ (Императоромъ Александромъ I) совершенно утверждаются и существовать имъ въ полной силѣ. Этимъ впредь и руководствоваться Совѣту“ [1]).

Изъ перваго выпуска, пятерыхъ съ благородной половины Императрица взяла ко двору. Она такъ любила этихъ воспитанницъ, что заказала художнику Левицкому портреты четырехъ изъ нихъ, за занятіемъ тѣмъ искусствомъ, въ которомъ онѣ особенно отличались въ Смольномъ. Такимъ образомъ Левшина (впослѣдствіи кн. Черкасская) изображала собою живопись; Барщова (впослѣдствіи Мусинъ-Пушкина, а во второмъ бракѣ Ховенъ) —музыку; Алымова (впослѣдствіи Ржевская и во второмъ бракѣ Масклэ) — танцы; Молчанова (впослѣдствіи Олсуфьева) — декламацію [2]). Портретъ пятой воспитанницы, взятой ко двору, Нелидовой, былъ сдѣланъ также Левицкимъ, но еще за три года до выпуска [3]).

Большинство остальныхъ воспитанницъ были взяты родителями или родственниками. Но при разсылкѣ послѣднимъ черезъ губернскія правленія, также при публикаціяхъ „по Москвѣ или другіе города“ въ управу благочинія, по городамъ и городничимъ, и въ нижніе земскіе суды, объявленія о томъ, чтобы они брали своихъ дѣтей изъ Общества, Совѣтъ упомянулъ, что родители, родственники или свойственники, имѣющіе „къ принятію дѣвицы въ свое содержаніе ближайшій долгъ“, могутъ это сдѣлать „по согласію“ на то дѣвицы. Въ случаѣ же совершеннаго сиротства послѣдней, Совѣтъ просилъ ея знакомыхъ сообщить ему о томъ.

[1]) Протоколъ Совѣта 25 іюня 1805 г. (Архивъ Восп. О. бл. дѣв.)

[2]) Портреты написаны во весь ростъ и находились въ Петергофскомъ дворцѣ, а потомъ были перенесены въ Эрмитажъ. Р. Архивъ 1870, стр. 688. *М. Лонгиновъ*: „Нѣсколько замѣчаній о письмахъ Екатерины II къ княгинѣ Черкасской“.

[3]) Р. Архивъ 1873, № 11, стр. 2161. „Е. И. Нелидова“. Біографическій очеркъ.

Изъ перваго выпуска, очень немногія, по крайней мѣрѣ изъ воспитанницъ благородной половины, остались въ Смольномъ; но установившійся впослѣдствіи обычай поселять въ „монастырь", „на житье", разныхъ, постороннихъ даже Обществу, лицъ женскаго пола, получилъ свое начало еще съ 1768 года, когда племянницѣ первой Начальницы Воспитательнаго Общества, княжнѣ Долгоруковой, при выходѣ ея изъ Общества, было разрѣшено остаться жить въ Смольномъ, причемъ Совѣтъ опредѣлилъ на ея содержаніе особую сумму кромѣ квартиры, стола, свѣчей и дровъ [1]).

Членами Совѣта за все двѣнадцатилѣтнее время съ основанія Общества, кромѣ Начальницъ: до 1768 года кн. Долгоруковой, а потомъ де-Лафонъ [2]) и И. Бецкаго, были: гр. П. Панинъ, кн. П. Трубецкой, С. Козминъ, Ив. Глѣбовъ (полный генералъ и сенаторъ), П. Еропкинъ (генералъ-поручикъ и сенаторъ), кн. А. Голицынъ (вице-канцлеръ), Адамъ Олсуфьевъ (статсъ-секретарь Императрицы), гр. Э. Минихъ, Мих. Соймоновъ и П. Завадовскій [3]). Нѣкоторые изъ нихъ назначались Екатериною по нѣсколько лѣтъ сряду, другіе—всего на одинъ годъ.

[1]) Протоколъ Совѣта 23 апрѣля 1768 года.

[2]) Во время ея болѣзни, въ 1775 году, обязанности Начальницы исполняла надзирательница, англичанка Дюнанъ.

[3]) Именные указы и конфирмованные доклады по В. О. бл. д. съ 1764 по 1785 годы.

VIII.

Внутренняя жизнь въ Смольномъ въ слѣдующія семь лѣтъ, до 1783 года. — Перемѣны по учебной части. — Постановленія Совѣта объ экзаменахъ воспитанницъ.—Аттестаты благороднымъ и свидѣтельства мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ 1782 г.—Сокращеніе суммы на приданое мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ.—Прекращеніе отсылки Совѣтомъ въ Банкъ положенной для нихъ „Учрежденіемъ" суммы.—Трудность пріискать Правительницу.—Вознагражденіе надзирательницъ и учительницъ.—Выпуски 1779 и 1782 г.—Пожалованныя Екатериною деньги пенсіонеркамъ.—Ея отношеніе къ воспитанницамъ.—Оставшіяся въ Смольномъ послѣ выпуска. — Письмо отца одной изъ воспитанницъ передъ ея выпускомъ.—Свѣденія о выпущенныхъ въ 1782 г.—Первый примѣръ отдачи роднымъ воспитанницы до окончанія 12-ти-лѣтняго срока пребыванія въ Обществѣ.—Разсказъ очевидца.—Коммиссія народныхъ училищъ въ Смольномъ (1783).—Произведенное ею изслѣдованіе о состояніи учебной части въ Обществѣ.—Устраненіе учительницъ иностранокъ и назначеніе учителей.—Новая программа и новый способъ преподаванія, предписанные Коммиссіей.—„Расположеніе ученія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ по введенному въ народныхъ училищахъ россійской Имперіи".—Цѣль, поставленная Коммиссіею воспитанію дѣвицъ.—Плата учительницамъ и учителямъ.—Публичный экзаменъ, назначенный Коммиссіею.—Награда Янковичу и учителямъ.—Указъ 7 февраля 1785 года съ выраженіемъ Коммиссіи удовольствія Императрицы за введенный ею „новый способъ" ученія.—Желаніе Екатерины самой раздать награды при выпускѣ 1785 г.—Нѣкоторыя особенности указа 7 февраля.—Письменныя свидѣтельства учителей, представленныя Императрицѣ по ея повелѣнію.—Характеристики воспитанницъ, представленныя Императрицѣ Начальницею и Инспектрисами.—Рѣчь воспитанницы въ присутствіи Императрицы. — Аттестаты по пяти формамъ.—Конецъ перваго, блестящаго періода Общества.—Охлажденіе Императрицы къ Смольному.—Устраненіе Бецкаго отъ участія въ дѣлахъ Общества.—Неисполненіе предписаній Коммиссіи.—Причины этого. — Какъ велось преподаваніе въ Смольномъ послѣ преобразованій Коммиссіи. — Критическія замѣчанія на „Расположеніе" Коммиссіи. — Докладъ Совѣта Императрицѣ о финансовомъ положеніи Общества и просьба о прибавкѣ суммы на содержаніе его.—Расходы по Обществу.—Повелѣніе Екатерины Завадовскому выдать Совѣту 100.000 р. на покрытіе части долга Общества. — Послѣднее засѣданіе Совѣта при Екатеринѣ. — Послѣднія ея распоряженія.

Въ слѣдующіе семь лѣтъ, съ 1775 по 1783 годъ, жизнь въ Обществѣ шла безъ всякихъ, повидимому, измѣненій. Впро-

чемъ по учебной части произошли небольшія перемѣны. Кромѣ Пахомова, былъ назначенъ въ 1776 году, уже послѣ выпуска, еще одинъ учитель „по прошенію", бывшій въ ревизіонной конторѣ канцеляристъ Канторъ. Его, также какъ и Пахомова, опредѣлили, „для исправленія письменныхъ дѣлъ по Совѣту и для обученія воспитанницъ россійскому правописанію". Но онъ пробылъ недолго, и въ 1779 году былъ уволенъ „за неблагопристойное поведеніе" [1]). На Пахомова, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые онъ преподавалъ раньше, возложено было преподаваніе географіи и исторіи; такимъ образомъ, онъ обучалъ благородныхъ и мѣщанскихъ воспитанницъ почти всѣмъ наукамъ, положеннымъ Уставомъ и Учрежденіемъ.

Совѣтъ производилъ, по обыкновенію, каждый годъ экзамены, присуждалъ награды и составлялъ постановленія, почти всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Форма ихъ однако нѣсколько измѣнилась сравнительно съ прежними; она стала еще болѣе мягкою, даже трогательною, а выраженія еще болѣе витіеватыми. Это, какъ кажется, слѣдуетъ приписать Завадовскому, который, оставаясь постояннымъ, съ 1776 года, членомъ Совѣта по назначенію Императрицы, съ 1779 года сталъ принимать особенно дѣятельное участіе въ дѣлахъ Общества.

Присуждая награды третьему выпуску, стало быть уже въ 1782 году, Совѣтъ говорилъ въ своемъ постановленіи: „Какъ по засвидѣтельствованіямъ, такъ и по собственному вприсутствіи Совѣта мѣжду техъ дѣвицъ балотированію, употребляя для разсмотрѣнія совсевозможною строгостью вначалѣ познанія закона, нравовъ ихъ и поведенія, яко главныхъ украшеній истинныхъ гражданокъ споспешествующихъ благоденствію обществъ, а потомъ ихъ успѣхи въ знаніи наукъ, художествъ, спротчими женскому полу свойственными рукодѣліями и подлежащими частьми домоводства Совѣтъ нашелъ что многія изъ оныхъ благородныхъ воспитанницъ возмогутъ предъ очами общества предстать такими, каковыми уготовляютъ ихъ премудрыя учрежденія всемилостивѣйшей Монархини. Ахотя можетъ быть въ иныхъ наружность невинности, неимѣющая еще той блистательности которая пріобретается сильнымъ обращеніемъ вболшомъ свете, и не будетъ сходствовать съ желаніемъ оное многому предпочитающихъ, но Совѣтъ, взирая на существенное удостояетъ предпочитающихъ онымъ должнаго по справедливости награжденія узаконеннаго при выпускахъ ихъ, да возмогутъ они по симъ отлич-

[1]) Протоколъ Совѣта 23 февраля 1779 года.

ностямъ, помня чего были достойны, имѣть всегда душевное побужденіе, нетолко не помрачить пріобретеннаго, но паче старатся удостоится заслужить почтенія вобществѣ и темъ более доказать свою благодарность имѣвшимъ попечительное раченіе посредствомъ воспитанія, вразсужденіи чего соразмерно ихъ успѣхамъ и поведенію и опредѣлилъ" (слѣдуетъ перечисленіе наградъ).

„Впротчемъ Совѣтъ задолгъ почитаетъ всехъ въобще повидимому во время ихъ присемъ Обществѣ пребываніи достойными устроеннаго къ ихъ воспитанію попѣченія почему надеется помѣре исъ полненія преподанныхъ имъ наставленій желаемой быть отъ оныхъ пользы общественной, и заслуживаемой любви отъ своихъ родителей свечною благодарностью виновницѣ ихъ благоденствія".

Къ этому на подлинной черновой, другою рукою и почеркомъ, очень сходнымъ съ почеркомъ Завадовскаго, прибавлено: „А єсли нѣкоторыхъ изъ нихъ природныя дарованія и не могли возвысить ихъ до степени ихъ сверстницъ, однакожъ не должно отчаяваться чтобъ современемъ ихъ медленно открывающіеся таланты имъ препятствовали и онѣ возмогутъ вступя въ общество неутомимымъ по мѣрѣ силъ своихъ подражаніемъ похвальнымъ примѣрамъ исправить то, чего воспитаніе одолѣть не могло" [1]).

При выпускѣ 1782 г., и мѣщанскимъ воспитанницамъ были выданы за подписью Начальницы свидѣтельства такого содержанія: „Изъ Общества благородныхъ дѣвицъ симъ свидѣтельствую что воспитавшаяся при учрежденномъ Мѣщанскомъ Обществѣ дѣвица NN какъ видимыя во время 12-лѣтняго своего при ономъ пребываніи, добропорядочные поступки и честное поведеніе, такъ и за пріобрѣтенныя по возможности ея силъ сходственныя съ ея состояніемъ знанія и искусства въ разныхъ рукодѣліяхъ и домоводствѣ, заслужила тому соразмѣрную похвалу и принадлежащею свободою со всѣми пожалованными отъ Ея Императорскаго Величества привиллегіями, каковыя подлежатъ по предписаніямъ Устава о воспитаніи Благовоспитанныхъ награждается. Апрѣля 30-го, 1782 [2]).

„Управляющая симъ Обществомъ Начальница

„S. de-Lafont".

При выпускѣ 1779 года всѣмъ мѣщанскимъ воспитанницамъ были выданы на руки деньги на приданое; но при слѣдующемъ выпускѣ, въ 1782 году, Совѣтъ опять постановилъ выдать „смотря

[1]) Протоколъ Совѣта: Присужденіе наградъ 3-му выпуску отъ Совѣта. 1782 г.

[2]) Архивъ Совѣта Восп. Общ. благ. дѣв.

по случаю отъѣздовъ въ другіе города или же на доброе состояніе ихъ родителей, а протчимъ при точномъ выходѣ ихъ замужъ". При этомъ сумма выдачи была менѣе предшествовавшихъ годовъ и опредѣлена въ круглой цыфрѣ по 100 рублей каждой воспитанницѣ [1]). Какъ обнаружилось впослѣдствіи, уже при Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, Совѣтъ съ 1780 года не отсылалъ болѣе въ Банкъ трехъ тысячъ рублей, положенныхъ „Учрежденіемъ" на приданое, по 50-ти рублей каждой изъ 60-ти мѣщанскихъ воспитанницъ, при вступленіи ихъ въ Общество. Мотивировалъ это Совѣтъ тѣмъ, что „сумма въ 50 рублей на приданое оказалась недостаточною" [2]). Тогда же Совѣтъ представилъ Императрицѣ докладъ о томъ, что въ 1780 году минуло двѣнадцать лѣтъ какъ Начальница де-Лафонъ не имѣетъ помощницы (т.-е. Правительницы), и что она во все время не получила ни одной награды. Поэтому Совѣтъ полагалъ выдать ей 13.000 рублей, которые составили бы то, что должна была получать Правительница [3]).

Дѣйствительно, какъ кажется, Совѣту очень трудно было приискать Правительницу. Исполнявшая въ 1775 году обязанности де-Лафонъ, Дюнанъ, отказалась черезъ восемь мѣсяцевъ, а приглашенная Совѣтомъ, въ 1779 году, вдова ландрата Лиліенфельдъ пробыла всего одинъ мѣсяцъ и уволена по прошенію „за болѣзнью". Какъ видно по фамиліямъ обѣихъ дамъ, это были иностранки. Изъ русскихъ или не находилось такой, которая удовлетворяла бы желаніямъ Совѣта, или онъ самъ хотѣлъ назначить Правительницей непремѣнно иностранку. Нужно впрочемъ сказать, что Совѣтъ не поощрялъ и иностранокъ, служившихъ въ Обществѣ надзирательницами и учительницами. Онѣ получали по 250 рублей въ годъ жалованья и только при выпускѣ 1782 года въ первый разъ нѣкоторымъ изъ нихъ „за долговременную службу" было назначено въ награду 400 р. на всѣхъ. Между тѣмъ учителю музыки (итальянцу)—одному дали 300 рублей.

Ни на одномъ изъ выпусковъ, 1779 и 1782 года, Императрица не присутствовала и награды раздавалъ Совѣтъ. На торжествѣ выпусковъ кромѣ рѣчей, произнесенныхъ воспитанницами по-французски и по-русски, онѣ и танцовали при публикѣ, чего на первомъ выпускѣ не было.

Одиннадцать своихъ пенсіонерокъ (бо̀льшею частью дочерей малороссовъ и разныхъ инородцевъ), при выпускѣ 1779 года,

[1]) Протоколъ Совѣта 30 іюня 1783 года.

[2]) Протоколъ 25 іюля 1805 года.

[3]) Докладъ Совѣта Императрицѣ 7 декабря 1780 года.

Екатерина велѣла отдать родителямъ; въ 1782 году она, именнымъ указомъ, повелѣла положить въ Банкъ семерымъ своимъ пенсіонеркамъ по двѣ тысячи рублей каждой на приданое съ тѣмъ, чтобы проценты на нихъ выдавались имъ до замужества, а послѣ него весь капиталъ былъ отданъ въ ихъ распоряженіе. Отношеніе ея къ воспитанницамъ вообще оставалось хорошимъ и теплымъ; она часто пріѣзжала на театральныя представленія, дававшіяся въ Смольномъ, и внушала воспитанницамъ такія же горячія чувства любви, какъ это было прежде; но повидимому у нея болѣе не было среди нихъ такихъ любимицъ, какъ въ первомъ выпускѣ. Изъ выпущенныхъ въ 1782 году только двѣ были взяты ко двору. Три изъ ея пенсіонерокъ благородныхъ и три мѣщанскихъ по малолѣтству были оставлены еще на три года въ Обществѣ. Кромѣ нихъ осталась еще съ 1779 г. одна изъ благородныхъ воспитанницъ, та самая Хрущова, которой шведскій король подарилъ брилліантовое сердечко. За ея содержаніе обязался платить по 400 рублей въ годъ Бецкій. При слѣдующемъ же выпускѣ остались въ Обществѣ уже девять воспитанницъ; нѣкоторыя по просьбѣ родителей и съ обязательствомъ вносить на ихъ содержаніе по 200 рублей въ годъ; другія—на такихъ же условіяхъ, съ платою за нихъ разныхъ лицъ, а одна—потому, что сама не пожелала жить ни у брата, ни въ домѣ, куда онъ хотѣлъ ее помѣстить. Одну воспитанницу Совѣтъ самъ помѣстилъ, съ ея согласія, въ домъ жены генералъ-поручика Бороздиной, гдѣ она, по свидѣтельству знавшаго ее Ив. Мих. Долгорукова, жила „въ барышняхъ“ [1]). Отецъ этой дѣвушки, „порутчикъ Львовъ“ передъ выпускомъ писалъ Совѣту что у него „всего 16 душъ крестьянъ“, что онъ „раненъ 17 разъ, старъ и боленъ“. „Зная участь“, писалъ Львовъ, „въ которую она войтить по бѣдности моей должна, боюся я чтобы образованная благовоспитаніемъ душа ея не повергла ее въ отчаяніе, которое часто, въ недостаткѣ нужнаго, и меня самого терзаетъ“. Поэтому онъ просилъ Совѣтъ оставить его дочь въ монастырѣ, „въ пользу того же воспитанія, коимъ будучи одарена осталась бы она бедственно и безполезно въ бѣдности нашей“ [2]).

Вообще свѣдѣнія о выпускѣ 1782 года полнѣе предыдущихъ. Изъ 52-хъ воспитанницъ этого выпуска 25 взяты родителями, 15—родственниками, 9 остались въ Обществѣ, 2 взяты ко двору.

Въ 1782 же году былъ первый примѣръ того, что одну изъ

[1]) Капище. См.: Львова.

[2]) Архивъ Совѣта Восп. Общ. благ. дѣв.

воспитанницъ отдали роднымъ прежде истеченія обязательныхъ 12-ти лѣтъ пребыванія ея въ Обществѣ. Объ этомъ, небываломъ еще съ его основанія случаѣ, сохранился разсказъ, записанный со словъ близкихъ къ Екатеринѣ людей, Пав. Ив. Сумароковымъ [1]). Приводимъ его здѣсь какъ рисующій отношеніе Ив. Ив. Бецкаго къ родителямъ воспитанницъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающій, какія ненормальныя отношенія могли устанавливаться между родителями и дѣтьми, благодаря закрытой системѣ воспитанія.

„Одна госпожа, имѣвъ мужа и двухъ дочерей, отдала одну изъ сихъ въ Смольный монастырь. Протекло 8 лѣтъ, что она не видала той, а въ сіе время мужъ и другая дочь умерли. Оставшись сиротствующею какъ въ выморочномъ домѣ, рѣшилась она ѣхать въ Петербургъ и просить о выдачѣ ей дочери, прежде опредѣленнаго срока. Является къ Ивану Ивановичу Бецкому, начальнику того заведенія, описываетъ ему свое несчастное положеніе, а онъ представляетъ ей, что то есть дѣло небывалое, невозможное, и что тѣмъ нарушился бы порядокъ. „Для горестей нѣтъ правилъ, порядка, говорила злополучная мать, я теперь одна, сердце мое пусто, нѣтъ никого вокругъ меня, сжальтесь надо мною“.—Г. Бецкой возражалъ, что онъ самъ того разрѣшить не можетъ, доложитъ Императрицѣ; но и она на подобную отмѣну конечно не согласится.—„Или Императрица не мать также сама? Или не имѣетъ она сострадація, человѣколюбивыхъ чувствъ“,—продолжала госпожа.—„Хорошо, сударыня, я доложу, пожалуйте ко мнѣ завтра, въ первомъ часу“. Опечаленная обѣщанною неудачею является на другой день и г. Бецкой къ ней выходитъ. —„Что, ваше высокопревосходительство, милость или слезы возвѣстите вы мнѣ?—„Сожалѣю, сударыня, что долженъ сообщить вамъ непріятное: Императрица того не позволяетъ“.—Госпожа зарыдала, произносила упреки жестокости и, отходя, просила увидѣть по крайней мѣрѣ свою дочь.—Г. Бецкой, утѣшая, уговорилъ ее обѣдать у него. Она осталась; пошли къ столу и смущенная гостья сѣла подлѣ хозяина. Въ отдаленіи отъ себя, увидѣла она статную, ловкую молодую дѣвушку, съ которой окружающія барыни разговаривали выхваляя ея таланты. Госпожа сказала тогда: „Какъ мила эта дѣвица, я завидую ея матери; моя дочь такого же возраста, и я очень бы желала, чтобъ она на эту походила“. Лишь выговорила она сіи слова, какъ вдругъ г. Бецкой встаетъ, беретъ госпожу за руку и, приближась къ той дѣвицѣ, говоритъ:

[1]) Черты Екатерины Великой. Р. Архивъ, 1870, стр. 2111.

„Такъ обоймитежъ выхваляемую: она дочь ваша, и Государыня ее вамъ возвращаетъ“.

Въ протоколѣ Совѣта 1782 года сказано, что воспитанницу, княжну Оболенскую, отдали матери „по болѣзни“. Это былъ единственный случай такого нарушенія Устава при Бецкомъ, а во все царствованіе Екатерины, кромѣ этого, былъ еще одинъ примѣръ, когда были отданы матери двѣ ея дочери, помѣщенныя ихъ отцомъ. Но онѣ были своекоштными пенсіонерками и приняты прямо во 2-й возрастъ. Поэтому Совѣтъ въ своемъ рѣшеніи мотивировалъ согласіе на ихъ отдачу до выпуска тѣмъ, что онѣ приняты не на урочныя по Уставу лѣта, и потому, что „г-жа Начальница дѣйствительно свидѣтельствуетъ слабое ихъ здоровье, почему не успѣваютъ въ наукахъ“ [1]). Это случилось уже за четыре мѣсяца до смерти Екатерины и тогда, когда Бецкаго не было въ живыхъ.

Вліяніе его на дѣла Общества стало ослабѣвать съ 1782 года, и повелѣнія Императрицы съ этого года шли черезъ Завадовскаго.

Въ одномъ изъ засѣданій, 2-го мая 1783 года [2]). Ив. Ив. Бецкій сообщилъ Совѣту полученное имъ 18 апрѣля письмо Завадовскаго, въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ его, что Императрица „собственнымъ Ея Величества надписаніемъ утвердила сочиненное Коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ распоряженіе и новый образъ преподаванія наукъ въ Обществѣ“, что она повелѣла, чтобы одинъ изъ членовъ Коммиссіи посѣщалъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю учебные классы для надзиранія, такъ ли исполняется Уставъ Коммиссіи, которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено избрать и опредѣлить классныхъ учителей; „почему-де, ради обученія словеснымъ наукамъ“, писалъ Завадовскій, „и не будутъ больше нужны иностранки, носившія на себѣ доселѣ имя учительницъ, ибо за полезнѣйшее сочтено преподавать всѣ науки словесныя на природномъ языкѣ, потому что предубѣжденіе къ французскому довело до того, что свой россійскій языкъ дѣлается для дѣвицъ чужимъ“ [3]). Извѣщая объ этомъ Бецкаго, для сообщенія Совѣту Общества, Завадовскій увѣдомлялъ и о томъ, что Коммиссія „нынѣ же“ приступитъ къ исполненію возложеннаго на нее дѣла.

Именной указъ Т. Сов. Завадовскому, Д. Т. Сов. Эпинусу

[1]) Протоколъ Совѣта 7 іюня 1796 года.

[2]) Протоколъ Совѣта 2 мая 1783 г.

[3]) Копія съ письма Завадовскаго къ Бецкому 18-го апрѣля 1783 года (Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

и Пастухову объ учрежденіи Коммиссіи для заведенія въ Россіи народныхъ училищъ „подъ собственнымъ Нашимъ вѣдѣніемъ“, былъ изданъ Екатериною 7 сентября 1782 года [1]), а 28 марта 1783 года Завадовскій передалъ Коммиссіи Высочайшее повелѣніе о „расположеніи ученія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и мѣщанскихъ, по примѣру народныхъ училищъ и о избраніи потребныхъ для сего учителей подъ наблюденіемъ Коммиссіи съ порученіемъ одному изъ благонадежнѣйшихъ учителей надзора за успѣхами дѣвицъ въ ученіи съ вмѣненіемъ ему въ обязанность доносить о томъ Коммиссіи“. Коммиссія тогда же постановила, „заведя и тотъ же способъ ученія, расположить науки къ преподаванію тутъ (въ Обществѣ) предписанныя, по образцу народныхъ училищъ, а также еженедѣльно одному изъ членовъ Коммиссіи посѣщать ученіе сего Общества; но прежде всего разсмотрѣть состояніе нынѣшняго ученія въ Обществѣ, качества настоящихъ учителей, свойства книгъ, расположеніе часовъ“ [2]).

Коммиссія немедленно приступила къ этой послѣдней задачѣ и свое изслѣдованіе объ учебной части Общества озаглавила такъ: „Препятствія къ достиженію дѣвицами тѣхъ совершенствъ, кои составляютъ корень сего Воспитательнаго Общества и предметъ превосходныхъ правилъ, содержащихся въ уставахъ о воспитаніи“ [3]).

Изслѣдованіе обнаружило: 1) Вмѣсто того, чтобы, какъ требуется Уставомъ Общества, преподаваніе наукъ шло постепенно, и въ первомъ возрастѣ преподавались бы: катехизисъ, языки иностранные и русскій, ариѳметика, а во второмъ, кромѣ этихъ предметовъ, еще исторія и ґеографія, въ дѣйствительности преподаваніе катехизиса, исторіи и географіи, а также русскаго языка, начинается только въ третьемъ возрастѣ, а ариѳметики—въ четвертомъ, „т.-е.“, говоритъ Коммиссія, „начинаютъ тогда, когда преподаваніе уже должно кончаться“. „Поелику“, объясняетъ она, „благовременно въ разсудокъ и сердце насажденные сѣмена просвѣщенія и добродѣтели и тщательно назираемые, непремѣнно долженствуютъ произрастить плодъ совершенный, но позднѣе подлежащаго посѣянные не достигаютъ своея зрѣлости“, то въ этомъ и видитъ Коммиссія первое препятствіе успѣхамъ воспитанія въ Обществѣ. 2) Въ четвертомъ возрастѣ дѣвицъ вдругъ „отягчаютъ многими другими ученіями: языками нѣмецкимъ и итальянскимъ,

[1]) Полное Собр., ст. 16507.

[2]) Журналъ Ком. о нар. уч. 28 марта 1783 г. (Дѣла Деп. М. Н. Просв.).

[3]) Журн. Ком. 1 апрѣля 1783 г.

физикою, естественной исторіею, многоразличными женскими рукодѣліями и прочими подобными вещами. Отъ сего непріобученныя къ удобному дѣйствованію душевныя ихъ силы не могутъ скоропостижно распространиться и объять всѣхъ предлагаемыхъ предметовъ“. Главнѣйшимъ же препятствіемъ Коммиссія сочла то, что дѣвицы „несовершенно знаютъ языки, на которыхъ имъ преподаютъ науки, а особливо языкъ россійскій“. По ея словамъ, къ третьему возрасту „и то знаніе русскаго языка, съ которымъ онѣ вступили въ Общество, становится имъ почти неизвѣстнымъ“.

Кромѣ этого Коммиссія обнаружила слѣдующіе непорядки въ ученіи: въ одной комнатѣ два или три учителя или учительницы преподаютъ въ одно время свои наставленія; дѣвицъ одного и того же класса раздѣляютъ на два или на три въ такихъ наукахъ, „кои могутъ всѣмъ купно преподаваться. Напримѣръ, исторію“, говоритъ Коммиссія, „съ такимъ же удобствомъ можно преподавать десяти воспитанницамъ, какъ и пятидесяти, ибо здѣсь требуется лишь безмолвіе и вниманіе“. Другой, указанный Коммиссіею, „обычай“, вредящій успѣхамъ ученія тотъ, что дѣвицъ „берутъ у одного учителя прежде окончанія часовъ имъ предлагаемаго ученія и отсылаютъ къ другому“. Дѣвицы часто и сами уходятъ изъ класса учителя, которые вообще, говоритъ Коммиссія, „не умѣютъ ни вліять, ни увлечь ихъ“. Учительницы и надзирательницы также не требуютъ повиновенія отъ воспитанницъ, сами разговариваютъ съ ними и заставляютъ учителя ждать въ классѣ. Начальствующія, среди класса, велятъ дѣвицамъ отходить отъ ученія или для театральныхъ представленій, или для другихъ подобныхъ упражненій, на что не опредѣлено извѣстное время. Въ числѣ препятствій къ успѣшному ходу учебныхъ занятій въ Обществѣ, Коммиссія указала и на недостатокъ книгъ для чтенія, особенно на россійскомъ языкѣ, также учебныхъ и „для исправленія сердца служащихъ“. „Все это“, говоритъ она въ заключеніе, „рождаетъ въ ученіи крайній непорядокъ и замѣшательство, погашаетъ ревность наставляющихъ, приводитъ мысль наставляемыхъ въ разсѣянность, вдыхаетъ въ нихъ отъ наукъ отвращеніе и вмѣсто просвѣщенія разума омрачаетъ оный“.

Въ результатѣ Коммиссія удостовѣряла, что кончившія 12-тилѣтній срокъ ученія воспитанницы имѣютъ такъ мало познаній въ языкахъ, „наипаче въ россійскомъ“, что едва могутъ изъясняться вразумительно о вещахъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ, а бо́льшая часть мѣщанокъ не умѣютъ даже написать правильно свое имя. Какъ неизбѣжное слѣдствіе такихъ поряд-

ковъ ученія, Коммиссія признала то, что „въ время неподготовленнымъ къ пониманію наукъ въ третьемъ и четвертомъ возрастахъ дѣвицамъ не могутъ уже быть читаемы тѣ науки, которыя просвѣщаютъ разумъ и усовершаютъ сердце; поэтому", говоритъ она, „оставлены двѣ главныя душевныя силы безъ благоустроенія, и дѣвицы, такимъ образомъ пренебреженныя, не оказываютъ желаемаго успѣха въ благовоспитаніи, не изобилуютъ познаніемъ вещей различныхъ, образующихъ благородную душу, ниже украшаютъ свое сердце собраніемъ изящныхъ добродѣтелей". Во всемъ этомъ Коммиссія винитъ „несовершенство приставницъ, учителей и учительницъ", изъ которыхъ многія, по ея словамъ, выучились преподавать языкъ только навыкомъ; „а приставницы, учителя и учительницы", прибавляетъ Коммиссія, „суть такой образъ, коему младыя воспитанницы тщатся быть подобными" [1]). Коммиссія обвинила учителей даже въ томъ, что въ Обществѣ нѣтъ учебныхъ книгъ, ибо, говоритъ она, „учитель, основательно знающій свой предметъ, можетъ самъ составить книгу. ...Но Общество, не имѣло и не имѣетъ такихъ учителей, а если и имѣло и имѣетъ, то не знало обращать въ пользу ихъ дарованій". Признавъ такимъ образомъ, что успѣхи воспитанницъ затрудняются тѣмъ, что 1) бо̀льшая часть наукъ преподается на иностранномъ языкѣ, коего дѣвицы довольно къ тому не разумѣютъ; 2) языкамъ французскому и нѣмецкому, какъ и нѣкоторымъ изъ наукъ, обучаютъ однѣ и тѣ же учительницы, которыя основательно оныхъ сами не знаютъ, умалчивая уже о методѣ преподаванія, и 3) класса, т.-е. ученія нѣтъ расположенія, по которому бы ученіе преподавалось въ каждомъ возрастѣ безъ помѣшательствъ отъ одного къ другому, Коммиссія положила [2]): 1) всѣ науки преподавать въ Обществѣ, какъ въ народныхъ училищахъ, на россійскомъ языкѣ; 2) вмѣсто неспособныхъ учительницъ избрать искуснѣйшихъ учителей, которыхъ освидѣтельствовать директору Янковичу въ ихъ знаніи; 3) пока найдутся способные учителя, сочинить Янковичу расположеніе классовъ какъ ради Общества благородныхъ, такъ и училища мѣщанскихъ, во всѣхъ 4-хъ возрастахъ; въ помощь ему назначить секретаря Общества и учителя Пахомова; 4) соединить въ одномъ учителѣ наиболѣе соединенныя между собою науки для избѣжанія пріема и содержанія излишнихъ, а способъ преподаванія во всемъ

[1]) Показаніе главнѣйшихъ причинъ, препятствовавшихъ по сіе время благороднымъ и мѣщанскимъ воспитанницамъ достигнуть тѣхъ совершенствъ, и пр. (Дѣла Деп. М. Нар. Просв.).

[2]) Журналъ Ком. 1 апр. 1783 г.

установить какъ въ народныхъ училищахъ. Для этого Янковичъ долженъ составить краткое начертаніе для учителей Общества, въ которомъ слѣдуетъ изобразить: „въ чемъ оный способъ состоитъ, его выгоды, а потомъ, какъ каждому изъ нихъ оный при преподаваніи употреблять, доколѣ Коммиссія будетъ имѣть время снабдить не токмо учителей нижнихъ классовъ печатающимся уже руководствомъ, но и высшимъ пространнѣйшимъ наставленіемъ". При этомъ Коммиссіею были высказаны желанія: 1) „чтобы какъ только дѣвицы выучатся читать, въ классахъ всѣхъ 4-хъ возрастовъ читались бы хорошія книги [1]), образующія разумъ и сердце; 2) чтобы при каждомъ возрастѣ находилось по одной учительницѣ, основательно знающей русскій языкъ; она должна разговаривать съ воспитанницами по-русски и исправлять ихъ погрѣшности въ разговорѣ, и 3) сочинить для Общества учебныя книги методомъ, основаннымъ на благоразумныхъ Уставахъ о воспитаніи и соотвѣтствующимъ понятію сего пола". Кромѣ того, Коммиссія постановила за правило: не слишкомъ много учить дѣвицъ и давать имъ свободные часы для повторенія слышаннаго и для надлежащаго размышленія о томъ, „однако, подъ присмотромъ учительницъ".

„Наставленіе", о которомъ говоритъ здѣсь Коммиссія, было готово и подписано Императрицею 8 апрѣля, а 18-го Завадовскій сообщилъ обо всемъ Бецкому.

По программѣ, составленной Коммиссіею, въ первомъ возрастѣ должны были преподаваться: краткій катехизисъ, чтеніе и письмо на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. На первые два предмета полагалось по семи часовъ въ недѣлю въ первые два года и по шести съ половиною въ третій годъ; на нѣмецкій языкъ четыре часа; на катехизисъ (только въ послѣдній годъ) 2 часа и на рисованіе 2. Всего учебныхъ часовъ въ первомъ возрастѣ назначалось 21 въ первые два года и 22 въ третій. Во второмъ возрастѣ: законъ Божій — 2 урока въ недѣлю, русскій языкъ — 5, французскій — 3, нѣмецкій — 5, чистописаніе — 2, исторія, географія, хронологія и миѳологія — 3, ариѳметика — 3 и рисованіе — 2. Всѣхъ уроковъ въ этомъ возрастѣ 25 въ недѣлю. Въ третьемъ возрастѣ положено было 23 урока и, кромѣ того, четыре урока музыки и два танцевъ. Изъ 23-хъ уроковъ, по одному въ недѣлю назначалось на физику и естественную исторію; на нѣмецкій языкъ 6 уроковъ, на исторію — 3, географію

[1]) Одна изъ такихъ, сочиненныхъ Коммиссіею, книгъ: „О должностяхъ человѣка и гражданина", была прислана въ Общество по повелѣнію Екатерины еще 21 января 1783 г.

—3, русскій языкъ—1, французскій—1. Остальные семь уроковъ распредѣлялись между закономъ Божіимъ, ариѳметикой, чистописаніемъ и рисованіемъ. Въ четвертомъ возрастѣ—24 урока; кромѣ предметовъ третьяго возраста преподавалась еще геометрія и архитектура; господствующимъ предметомъ былъ нѣмецкій языкъ. На рукодѣлія, занятія хозяйствомъ, музыку и танцы отводилось свободное отъ занятій время. Почти такая же программа была составлена Коммиссіею и для мѣщанскихъ воспитанницъ съ тою разницею, что въ четвертомъ возрастѣ главное вниманіе было обращено на русскій языкъ, для котораго назначалось по пяти уроковъ недѣлю. Суббота была назначена во всѣхъ классахъ, за исключеніемъ старшаго, и на обѣихъ половинахъ, для повторенія пройденнаго въ теченіе недѣли.

Получивъ новую программу, Совѣтъ постановилъ: „всѣ присланныя Высочайшія повелѣнія, *яко превосходный и непремѣнный законъ премудрыя законодательницы*, хранить въ архивѣ Совѣта, поступая по оному съ надлежащею точностью, и для исполненія объявить всѣмъ, кому вѣдать должно“ [1]).

Вмѣстѣ съ программою Коммиссія подробно изложила и способъ преподаванія. Онъ долженъ былъ быть нагляднымъ, имѣть характеръ бесѣды учителя съ воспитанницами, развивать въ нихъ память, вниманіе, разсудокъ и даже волю. Для изощренія первыхъ двухъ способностей должны были служить изображенія цѣлой рѣчи черезъ начальныя буквы каждаго слова, а также таблицы, въ которыхъ „связь между частями всякой науки подъ знаками скобокъ, буквъ, чиселъ и чертъ, чувственно запечатлѣвается въ памяти“ [2]). „Это“—сказано въ „Расположеніи“, составленномъ Коммиссіею—„подкрѣпляемо будучи помощью чувствъ, привлекаетъ вниманіе дѣвицъ съ нѣкоторою пріятностью и утверждаетъ оное“. Таблицы же, по мнѣнію Коммиссіи, должны содѣйствовать порядку, „ибо“—говорится въ „Расположеніи“ — „учитель черезъ оныя при предложеніяхъ своихъ содержится въ надлежащихъ предѣлахъ и не можетъ прервать порядка науки“. Онѣ должны „содѣйствовать и разсудку“ воспитанницъ, ибо, „привыкнувъ къ такому ученію, дѣти пріучаются и сами поступать также“. Кромѣ того, разсудокъ и воля должны были, по „Расположенію“, „исправляться вопрошеніемъ, ибо когда дѣти черезъ вопросы полезные предметы совершенно поняли, тогда преклоняется къ онымъ

[1]) Историческій очеркъ *В. Лядова*, стр. 23.

[2]) Расположеніе ученія въ Обществѣ благ. дѣвицъ по введенному въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи примѣру (Архивъ IV Отд. Собств. Его И. Вел. Канцеляріи).

руководствомъ искусснаго учителя любовь дѣтей и желаніе достигнуть оныхъ".

Для учителей, Коммиссія указала напечатанный въ книгѣ „Руководство учителямъ перваго и второго народнаго училища россійской Имперіи" порядокъ субботнихъ повтореній съ воспитанницами пройденнаго ими въ теченіе недѣли. Для этого всѣ учителя должны были собираться вмѣстѣ и разговаривать съ воспитанницами, каждый о своемъ предметѣ, по слѣдующему, изложенному въ „Расположеніи", образцу. „Напримѣръ, учитель Катехизиса спрашиваетъ воспитанницу: Какое существо называемъ мы Богомъ? кто создалъ міръ?—Географическій (учитель), услышавъ о мірѣ, предлагаетъ вопросъ: Какъ раздѣляется міръ сей на глобусѣ? — Геометрическій—предлагаетъ изслѣдовать фигуру міра, спрашиваетъ, какъ найти его центръ, вычислить его поверхность?— Историческій: Кто описалъ созданіе міра, когда жилъ святой историкъ Моисей, какія писалъ онъ книги, какіе народы и государства въ его вѣкъ были? и пр. — Физическій, услышавъ что произрастенія свои земля дала въ третій день, задаетъ вопросы: къ которому царству природы они принадлежатъ, что способствуетъ произрастенію плодовъ земныхъ, отчего бываютъ дожди, къ чему служатъ рѣки? и пр.—Географическій: бываютъ ли на рѣкахъ острова гдѣ имѣются таковые, живутъ ли на оныхъ?— Архитектурный: строятся ли на островахъ дома, изъ чего они строятся, какіе ордены строенія, въ чемъ состоитъ орденъ Дорическій, Тосканскій? и пр. Обучающіе грамматикѣ и сочиненіямъ, также французскому и нѣмецкому языкамъ, могутъ заставлять ученицъ разсказываемое вышереченнымъ учителемъ на русскомъ языкѣ переводить на французскій и нѣмецкій по правиламъ грамматики и сочиненій, и умѣть объяснить почему". Къ этому въ „Расположеніи" сдѣлано примѣчаніе, что надо наблюдать, чтобы одинъ учитель давалъ знать другому, когда есть ему случай начать или продолжать повтореніе своей науки „по связи матеріи". Такой способъ полезенъ, по мнѣнію Коммиссіи тѣмъ, что онъ возбуждаетъ соревнованіе въ учителяхъ, „да и надзиратель видитъ всякую субботу прилежаніе каждаго учителя".

Въ „Расположеніи" Коммиссія высказала свой взглядъ на нѣкоторыя науки, признаваемыя ею полезными для благородныхъ дѣвицъ. Въ число ихъ она включила и миѳологію, но прибавивъ, что „сія наука сколь пріятная, столь и полезная въ словесности, была бы еще привлекательнѣе еслибы при краткомъ руководствѣ имѣла въ большомъ форматѣ эстампы на главные предметы оной". Всѣ науки: физику, геометрію, архитектуру, воспитанницы

должны были читать по таблицамъ „также какъ и прочія къ чтенію опредѣленныя книги“, а учитель тщательно изъяснять все ими читаемое, „болѣе видимыми нежели отвлеченными доказательствами“. Относительно преподаванія музыки, Коммиссія обнаружила совершенное незнакомство съ пріемами преподаванія этого искусства. Она предписала, „подобно тому какъ танцованію обучаются обыкновенно вмѣстѣ, такъ можно обучать и музыкѣ если найдется достаточное число инструментовъ“.

Въ заключеніе Коммиссія опредѣлила цѣль, къ которой должно быть направлено воспитаніе дѣвицъ. Эта цѣль не имѣлась въ виду при основаніи Общества; но впослѣдствіи, послѣ смерти Екатерины, она была принята руководящею при воспитаніи и образованіи женщинъ, и благодаря этому, первоначальная идея общечеловѣческаго, всесторонняго развитія умственныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ силъ женщинъ, также какъ и мужчинъ, была впервые съужена и спеціализирована Коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ въ чисто женскую. „Такъ какъ намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ“, сказано въ „Расположеніи“, „состоитъ наипаче въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями, то нужно сочинить для того такую книжку, по которой бы онѣ, читая ее подъ присмотромъ надзирательницъ своихъ, наставляемы быть могли: А) въ правилахъ какъ въ супружескомъ состояніи въ разсужденіи мужа поступать. Б) Какъ вести себя, какъ матери въ разсужденіи дѣтей: 1) во время беременности, 2) грудо-кормленія, 3) во время младенчества дѣтей и ихъ отрочества, когда начнутъ ужъ обучаться и 4) при выборѣ учителей и учительницъ и въ обхожденіи своемъ съ ними. В) Въ правилахъ домоводства: 1) общія правила домоводства находятся въ „Книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина“, 2) домоводство по городамъ въ благородныхъ домахъ, 3) знаніе цѣны вещей къ домоводству принадлежащихъ, 4) сельское домоводство, 5) садовыя заведенія и 6) веденіе прихода и расхода“.

Пять мѣсяцевъ спустя послѣ постановленій Коммиссіи относительно учебной части въ Обществѣ, Совѣту его былъ предъявленъ полученный Бецкимъ списокъ назначаемыхъ Коммиссіею учителей и составленное ею „Наставленіе“ учителямъ французскаго и нѣмецкаго языковъ [1]). Всѣ учителя, кромѣ послѣднихъ, были русскіе: Березайскій (учитель низшихъ классовъ Исакіевскаго народнаго училища), Малоземовъ (Вознесенскаго народнаго

[1]) Протоколъ Совѣта 18 сентября 1783 года.

училища), Артамоновъ (Исакіевскаго и Вознесенскаго) Головинъ (Академіи Наукъ адъюнктъ), Федоровскій, Карандашевъ, Киріакъ (бывшій Академіи переводчикъ). Между ними были распредѣлены слѣдующіе предметы: русскій языкъ, ариѳметика, нѣмецкій языкъ (чтеніе, письмо и краткая грамматика), исторія и географія, физика и естественная исторія, начальныя основанія геометріи (эти три предмета Уставомъ Общества не полагались), начальныя основанія архитектуры. Французскій и нѣмецкій языки должны были преподавать иностранцы Леліо и Гаррахъ. Всѣхъ вновь назначенныхъ Коммиссіею учителей было 14, а изъ прежнихъ она оставила лишь троихъ. При этомъ преподаваніе русскаго языка было распредѣленно между нѣсколькими учителями, обучавшими и другимъ предметамъ; въ томъ числѣ ему долженъ былъ обучать и учитель физики и естественной исторіи. Плата учителямъ была различная: за 20 часовъ и даже за 23 часа въ недѣлю тремъ учителямъ Коммиссія назначила по 200 рублей въ годъ; преподавателю Катехизиса также 200 р. кромѣ ста, которые онъ получалъ изъ главной дворцовой канцеляріи. Особенно рекомендованный Коммиссіею, „ради его особливаго искусства и дарованій въ преподаваніи, усмотрѣнныхъ при ученіи его въ народныхъ школахъ“, Артамоновъ — получалъ за обученіе ариѳметики въ старшихъ классахъ, благородныхъ и мѣщанскихъ, всего 180 р. въ годъ, но за нимъ посылался экипажъ. Самое большое жалованье, 500 р., квартиру, дрова, свѣчи и столъ, получалъ французъ Леліо, обучавшій въ младшихъ классахъ; по 300 р. было назначено учителю физики, естественной исторіи и русскаго языка и нѣмцу Гарраху; первому полагался и казенный экипажъ для пріѣздовъ въ Общество. Учитель исторіи и географіи, Киріакъ получалъ за преподаваніе этихъ предметовъ также 300 р., квартиру, дрова, свѣчи и столъ. Два учителя рисованія получали по 100 р., музыки — 500 р. на трехъ, танцевъ по 200 рублей. Но для танцевъ кромѣ того приглашался какой-нибудь извѣстный учитель или учительница, которымъ платили 1.100 р. въ годъ. Точно также и учителю пѣнія платили 500 р. и болѣе.

Надзоръ за классами и учителями, Коммиссія возложила на Пахомова, обязавъ его еженедѣльно представлять ей отчетъ; онъ же обучалъ воспитанницъ переводамъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій и ариѳметикѣ, и былъ секретаремъ Совѣта. За всѣ эти обязанности, до назначенія Коммиссіи, онъ получалъ 500 рублей въ годъ, квартиру, дрова и свѣчи; а за надзоръ, Коммиссія ему прибавила еще 300 р. въ годъ. Сообщая Совѣту Общества списокъ учителей и назначеннаго имъ жалованья,

Коммиссія какъ будто сочла долгомъ оправдаться въ томъ, что это жалованье велико. „Чтожъ подлежитъ“—говоритъ она [1])— „до положеннаго здѣсь учителямъ жалованья, то оно положено самое соразмѣрное множеству времени и трудовъ, кои учители имѣть должны будутъ въ наставленіи столь великаго числа воспитанницъ“.

Кромѣ учителей, Коммиссія оставила по двѣ учительницы при первомъ и второмъ возрастахъ и по три при третьемъ и четвертомъ—для благородныхъ; тоже число и для мѣщанскихъ воспитанницъ. Кромѣ нихъ, она опредѣлила двухъ надзирательницъ (одну на благородной и одну на мѣщанской половинахъ) на всѣ четыре возраста, между тѣмъ прежде ихъ было на благородной по одной на каждый возрастъ. Всего же, изъ бывшихъ до того 39-ти надзирательницъ и учительницъ на обѣихъ половинахъ, Коммиссіею оставлены 22. Онѣ ужъ не должны были болѣе обучать воспитанницъ, такъ какъ для „словесныхъ наукъ“ были назначены учителя; но на учительницъ было возложено обученіе воспитанницъ рукодѣлію и обязанность читать съ ними книги подъ руководствомъ учителей. Жалованье учительницамъ сохранено было прежнее, „или“, писала Коммиссія, „если не согласятся, то съ нѣкоторымъ смотря по искусству ихъ прибавленіемъ“.

Организовавъ учебную часть въ Обществѣ, Коммиссія назначила 16 марта 1784 года публичный экзаменъ для ознакомленія публики съ новымъ способомъ ученія, который, какъ видно изъ донесенія въ Коммиссію надзирателя Пахомова отъ 27-го ноября по 3-е декабря 1783 года, тогда же былъ приведенъ въ дѣйствіе [2]).

На экзаменѣ присутствовали члены Совѣта и Коммиссіи, родители и „сродники“ воспитанницъ. Послѣ него Императрица дала Янковичу „за труды по Обществу“ орденъ св. Владиміра 4-го класса, Головину (учителю физики, естеств. исторіи и русскаго языка) золотую табакерку, а для распредѣленія между прочими учителями 1000 рублей [3]).

Черезъ годъ предстоялъ выпускъ (4-й съ основанія Общества) воспитанницъ, которыя большую часть своего пребыванія въ Смольномъ учились по старому способу, и только два послѣдніе года—по новому. За два мѣсяца до выпуска, Императрица, въ особомъ указѣ отъ

[1]) Журналъ Коммиссіи 1 апрѣля 1783 года.

[2]) Р. Старина 1878 г., октябрь 316—318.

[3]) Журналъ Коммиссіи 26 марта 1784 года.

7 февраля 1785 года выразила Коммиссіи свое удовольствіе [1]). „Не можемъ“ —говорилось въ указѣ— „оставить безъ изъявленія удовольствія Нашего что введенный по повелѣнію Нашему Коммиссіею учрежденій народныхъ училищъ въ сіе Общество образъ ученія, въ краткое время произвелъ толикіе успѣхи и пользу, подтверждаемъ чтобы таковое ученіе въ семъ Обществѣ сохранено было и повелѣваемъ Совѣту въ назначеніи благородныхъ дѣвицъ какъ въ положенномъ по штату числѣ состоявшихъ, такъ и пенсіонеркамъ, знаковъ отличія поступить съ должнымъ уваженіемъ, какъ на добрыя нравы кои одну изъ главнѣйшихъ частей воспитанія составляютъ, такъ и на успѣхи въ наукахъ пріобрѣтенные по свидѣтельству учащихъ и по усмотрѣнію Членовъ Совѣта; и понеже Мы изъ особливаго Нашего благоволенія къ сему Обществу предположили сами роздать таковые знаки отличія, для того Совѣтъ поспѣшитъ съ представленіемъ Намъ мнѣнія съ росписью кому сіи знаки слѣдуютъ и съ пріобщеніемъ свидѣтельствъ учащихъ и присмотръ за воспитаніемъ имѣющихъ“.

До сихъ поръ Императрица ни разу сама не раздавала наградъ при выпускахъ; выраженное ею въ только что приведенномъ указѣ желаніе самой раздать ихъ, вмѣстѣ съ изъявленіемъ удовольствія по поводу результатовъ новаго „образа“ ученія, введеннаго Коммиссіею, показываютъ, что она придавала значеніе не только воспитанію, но и образованію воспитанницъ. Мы не знаемъ какое дѣйствіе произвело на Екатерину изслѣдованіе учебной части Общества Коммиссіею, но думаемъ, что, не желая сдѣлать изъ воспитанницъ ученыхъ или, чего она особенно не любила, „умничающихъ“ барышень, она хотѣла, чтобы онѣ были не только воспитанными, но и образованными. Поэтому, надо полагать, обнаруженное Коммиссіею отсутствіе въ Смольномъ всякаго ученія, должно было быть ей непріятно и еще болѣе усилило ея охлажденіе къ Бецкому, которому она до тѣхъ поръ ввѣряла веденіе всего дѣла въ Обществѣ.

Въ указѣ 7 февраля есть незначительная на первый взглядъ подробность, но, какъ намъ кажется, имѣющая значеніе. До сихъ поръ въ постановленіяхъ Совѣта при назначеніи наградъ воспитанницамъ, всегда выставлялись на первый планъ нравы и поведеніе, „яко главнѣйшія“ части воспитанія; въ указѣ 7 февраля употреблено выраженіе: „одну изъ главнѣйшихъ“ частей воспитанія. Кромѣ того Императрица потребовала, чтобы ей были представлены письменныя свидѣ-

[1]) Имен. указы и конф. доклады.

тельства какъ учителей, такъ и воспитательницъ, чего до сихъ поръ не дѣлалось, ибо Совѣтъ довольствовался устными. 17 февраля эти свидѣтельства были представлены, причемъ всѣ учителя подписали подъ ними свою фамилію по-русски. Свидѣтельства были слѣдующаго содержанія [1]: „Мы нижеподписавшіеся свидѣтельствуемъ симъ по самой справедливости, что въ преподаваемыхъ нами наукахъ 4-у возрасту благородныхъ дѣвицъ со времени введеннаго Коммиссіею объ установленіи народныхъ училищъ новаго образа ученія, нижеслѣдующія изъ оныхъ оказали предъ протчими отмѣнные успѣхи и приобрѣли въ нихъ такія знанія, о какихъ по то время не многіе между ними весьма малое, а другія и совсемъ никакого не имѣли понятія". О назначенной къ полученію 1-го шифра воспитанницѣ, въ свидѣтельствѣ было сказано: „Превосходно успѣла въ физикѣ, отмѣнно въ россійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ исторіи, географіи, ариѳметикѣ и рисованіи, хорошо дѣлаетъ малыя сочиненія, довольное снискала познаніе въ начальныхъ основаніяхъ архитектуры". О знаніяхъ нѣкоторыхъ другихъ говорилось въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ архитектурѣ и рисованіи почитается первою изъ всѣхъ", или „снискала понятіе о физикѣ", „неуспѣла вархитектурѣ", „успѣла во всемъ въ такой степени вкакой оне по порядку вразсужденіи протчихъ здесь находятся" (это о назначенныхъ къ полученію 13-й и 14-й награды, т.-е. большихъ серебряныхъ медалей). Знанія слѣдующей затѣмъ воспитанницы, достойной, по свидѣтельству учителей, 15-й награды, опредѣлялись такъ: „посредственно знаетъ физику, россійскій и французскій языкъ, слабѣе предъидущихъ въ сочиненіи, въ ариѳметикѣ почитается 16-ю, въ исторіи и географіи 15-ю, рисуетъ посредственно, но не успѣла въ архитектурѣ".

Общій уровень знаній воспитанницъ виденъ изъ того, что признаны были достойными медалей такія, о которыхъ учителя свидѣтельствовали: „имѣетъ посредственныя способности къ наукамъ и успѣла въ нихъ посредственно; въ знаніи ариѳметики почитается 13-ю, слаба въ сочиненіяхъ и въ архитектурѣ, некоторые сдѣлала успѣхи въ россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но бо̀льшіе во французскомъ". Или: „въ знаніи исторіи, географіи почитается 14-ю, слаба въ физикѣ, не тверда въ россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и сочиненіяхъ, лутче разумѣетъ языкъ французскій, посредственна въ архитектурѣ, рисуетъ на-

[1]) Представленіе Совѣта Императрицѣ 17 февраля 1785 г. (Архивъ Канц. В. О. б. д.).

рочито". Объ 11-ти изъ неполучающихъ наградъ было сказано: „нѣсколько успѣла въ катехизисѣ, въ протчихъ наукахъ крайне слаба", „слаба во всѣхъ наукахъ", „въ разсужденіи приобрѣтеннаго познанія почитается изъ слабѣйшихъ лучшею". И только объ одной: „по нерадѣнію своему и неспособности ни въ чемъ не оказала даже и посредственныхъ успѣховъ".

Повидимому, физика шла лучше всѣхъ наукъ; но можно себѣ представить, каковы должны были быть эти знанія у воспитанницъ изъ того, что когда назначенный Коммиссіею учитель физики представилъ Совѣту реэстръ необходимыхъ для преподаванія ея „инструментовъ", Совѣтъ отвѣчалъ, что „надо выписать ихъ изъ Англіи ибо здѣсь не достать и сдѣлать невозможно" [1]).

Къ свидѣтельству учителей было приложено особое свидѣтельство священника, который удостовѣрялъ успѣхи воспитанницъ не только въ преподаваемомъ имъ предметѣ, но и въ томъ, что „во все время нашего въ наукахъ наставленія онѣ изъявляли всегда приличнѣйшее благовоспитаннымъ добронравіе, должную послушность, усердное желаніе къ просвѣщенію своего разума и къ устроенію сердца, яко къ единственнымъ средствамъ достигнуть истиннаго благополучія. Словомъ, со стороны своего благоведенія во время учебное достойны суть толикія себѣ похвалы, каковую и за успѣхи въ наукахъ заслуживаютъ. Протчія девицы хотя и снискали нѣкоторое въ наукахъ познаніе, однако съ предреченными (т.-е. признанными достойными награды) никоимъ образомъ сравняться не могутъ какъ то изъ описанія знаній нижеслѣдующихъ некоторыхъ девицъ ясно усмотрѣть можно ибо успѣхи ихъ незаслуживаютъ отменнаго вниманія".

Свидѣтельства эти подписали:

Преподаватель катехизиса священникъ Сидоровскій.

Академіи наукъ адъюнктъ и учитель физики Мих. Головинъ.

Учитель исторіи и географіи Тим. Киріакъ.

Учитель гражданской архитектуры Ив. Федоровскій.

Учитель нѣмецкаго языка Іос. Гаррахъ.

Учитель рисованія Ринальдо Фіорри.

Учитель ариѳметики Кир. Артамоновъ.

Учитель французскаго языка Ив. Леліо.

Надзиратель и учитель сочиненій и переводовъ Матвѣй Пахомовъ.

Свидѣтельства Начальницы, инспектрисъ и классныхъ дамъ были написаны по-французски и озаглавлены: „Замѣтки о ха-

[1]) Протоколъ Совѣта 9 апрѣля 1785 г.

рактерахъ благородныхъ дѣвицъ четвертаго класса“ [1]). Между характеристиками воспитанницъ встрѣчаются нѣкоторыя, кажущіяся теперь намъ странными, но онѣ показываютъ, какія качества тогда цѣнились въ воспитанницахъ. „Смѣю утверждать“, говорилось о первой ученицѣ, представленной къ шифру, „что ея характеръ такъ окрѣпъ, что ничто не будетъ въ состояніи разрушить честныя чувства, ею усвоенныя. Тѣ, кто видятъ ее рѣдко, могутъ найти въ ней недостатокъ слишкомъ большой холодности и сдержанности“. О другой: „чувствительна, услужлива, способна привязаться и быть благодарной, однако имѣя столько данныхъ, чтобы нравиться, при такихъ вѣжливыхъ манерахъ, это ей не всегда удается. Это происходитъ оттого, что въ ея внѣшности есть какая-то важность и вслѣдствіе того кажется, будто она слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія“. Или: „минутами она способна на самыя лучшія чувства; по временамъ было видно, что она искренно рѣшается исправиться, но ея *низкія* наклонности постоянно разрушали всѣ ея намѣренія... Невозможно къ ней привязаться, ибо все, что могли ей говорить, производило лишь весьма слабое дѣйствіе. Впрочемъ она не глупа“.—„Въ этомъ году она продолжала надъ собою усилія исправиться отъ застѣнчивости. Ея разговоръ веселъ и оживленъ“.—„Она любезна и была бы еще любезнѣе, еслибы была менѣе застѣнчива. —„Она застѣнчива, но обращеніе въ свѣтѣ легко исправитъ ее отъ этого, единственнаго, замѣченнаго въ ней недостатка“.— „Она серьезна, *но* умна“.—„Правда, что ея чрезмѣрная живость была помѣхой успѣхамъ ея умственной культуры, но что касается характера, мы убѣждены, что онъ съ каждымъ днемъ будетъ только улучшаться, ибо она даетъ ежедневныя доказательства чувствительности“.

Характеристика отдѣльныхъ воспитанницъ, признанныхъ достойными награды, оканчивалась общимъ отзывомъ обо всѣхъ: ...„смѣю сказать съ увѣренностью, что не только эти, но всѣ вообще обладаютъ добрымъ сердцемъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать судя по обнаруживаемой ими чувствительности при разсказахъ, которыя ихъ трогаютъ, по горячей привязанности, которую онѣ имѣютъ къ своимъ начальницамъ, и по участію, съ какимъ онѣ относятся къ подругамъ, раздѣляя ихъ радости или огорченія. Испытавъ уже пріятное удовольствіе видѣть, что тѣ чувства, которыя старались имъ внушить, пустили корни въ ихъ сердцахъ, можно льстить себя надеждою, что съ годами и при

[1]) Observations sur les caractères des demoiselles Nobles de la quatrième classe.

помощи разсудка онѣ все болѣе и болѣе будутъ дѣлать честь полученному ими воспитанію" [1]). Подписали:

Sophie de Lafont.
Catherine Rostock. Inspectrice.
Elisabeth Silbereisen. Inspectrice.
Anne Rostock.
Susanne Constance Willamow.
C. Lehmann.
C. Fordel.

25 февраля Императрица присутствовала при выпускѣ, сама раздавала награды, и одна изъ воспитанницъ сказала ей рѣчь, вѣроятно сочиненную не ею самою: „Заведеніе сего Общества", сказала она, „преимущественно свидѣтельствуетъ о подвигахъ Монархини, народъ свой любящей: ибо полъ нашъ, лишавшійся въ Отечествѣ тѣхъ преполезныхъ знаній, кои украшаютъ умъ и вмѣстѣ исправляютъ сердце, въ дни преславнаго Царствованія Вашего и сихъ безцѣнныхъ даровъ сподобился" [2]).

[1]) „J'ose assurer que son caractère est si formé que rien ne pourra détruire les sentiments honnêtes qu'elle a adopté. Ceux qui la voient rarement peuvent peut être lui trouver le défaut d'être trop froide et trop reservée". „Sensible, complaisante, capable d'attachement et de reconnaissance et cependant avec tant de raisons pour plaire avec des manières polies elle n'y réussit pas toujours. La cause de cela est, qu'ayant quelque chose d'important dans son abord, on la croit trop prévenue en sa faveur". „Elle est capable par moments des meilleurs sentiments; on lui voyait prendre des résolutions sincères de se corriger mais ses inclinations *basses* ont renversé constamment tous ses projets... Il est impossible de s'y attacher car tout ce qu'on a pu lui dire n'a produit que peu d'effet. Elle a *d'ailleurs* de l'intelligence". „Elle a continué cette année faire des efforts pour se corriger de sa timidité. Sa conversation est gaye et enjouée".—„Elle est aimable et le serait encore plus si elle était moins timide et avait plus de vivacité".—„Son extérieur est timide, mais un peu d'usage du monde la corrigera facilement de ce léger défaut, le seul qu'on lui connaisse".—„Son esprit est sérieux, *mais* intelligent".—„Il est vrai que sa grande vivacité a été un obstacle aux progrès de la culture de son esprit, mais pour son caractère on est convaincu qu'il ne peut que devenir toujours meilleur puisque journellement elle donne des marques de sensibilité". „J'ose dire avec assurance que non seulement celles-ci mais en général, elles ont le coeur bon, on le remarque du moins par la sensibilité qu'elles font paraître, lorsque l'on leur fait des récits qui peuvent les toucher, par l'attachement vif, qu'elles portent à leurs supérieurs et par l'intérêt qu'elles prennent à tout ce qui concerne leurs compagnes soit en partageant leur satisfaction, soit en prenant part à leurs peines. Ayant déjà eu la douce satisfaction de voir que les sentiments qu'on a cherché à leur inspirer avaient porté germe dans leurs coeurs on a tout lieu de se flatter qu'avec l'âge et la raison elles feront de plus en plus honneur à l'éducation qu'elles ont reçues". (Архивъ Канц. Совѣта В. О. бл. дѣв.).

[2]) Арх. Канц. В. О. б. д.).

Всѣхъ выпускныхъ въ 1785 году было 89 (при пріемѣ въ 1773 году ихъ было 64), съ благородной половины и 58 съ мѣщанской (при пріемѣ ихъ было 74). Имъ были выданы свидѣтельства по пяти формамъ, выработаннымъ окончательно и на будущее время Совѣтомъ. Выраженія этихъ атестатовъ уже гораздо оффиціальнѣе прежнихъ; въ нихъ не стоятъ на первомъ планѣ „нравы и поведеніе". Въ атестатѣ по первой формѣ, на пергаментѣ съ тремя, двумя и одной, золотыми полосками, лучшимъ воспитанницамъ, получавшимъ шифры, Совѣтъ свидѣтельствовалъ, что „пребывшая въ домѣ Общества на двѣнадцатилѣтнемъ воспитаніи благородная дѣвица NN какъ въ поведеніи, приличномъ Благовоспитаннымъ и въ пріобрѣтеніи знаній, наукъ и рукодѣлій съ соотвѣтственнымъ ея полу, съ касающимися до нужнаго домоводства упражненіями, своимъ вниманіемъ и прилѣжаніемъ достигла до отмѣннаго успѣха и прилагаемымъ о томъ попеченіемъ во время своего пребыванія достойно воспользовалася, въ разсужденіи чего и удостоена при публичномъ собраніи бывшемъ 1785 года 25-го февраля Всемилостивѣйшаго назначенія отъ Ея Императорскаго Величества знака отмѣны въ обществѣ, изображаемаго золотымъ вензелевымъ имянемъ Ея Величества съ дозволеніемъ навсегда оной носить на бѣлой лентѣ съ тремя золотыми полосками въ память пріобрѣтеннаго чрезъ воспитаніе его достоинства. Что собственноручнымъ Совѣта Общества благородныхъ дѣвицъ, г. Начальницы и членовъ подписаніемъ утверждается и съ приложеніемъ большія сего Общества печати при ономъ же Совѣтѣ сіе дано въ С.-Петербургѣ, 26-го февраля 1785 года. Подписали: S. de Lafont, гр. Э. Минихъ, Ив. Бецкій, П. Завадовскій, П. Соймоновъ".

О получавшихъ похвалы, Совѣтъ выразился: „удостоена по признаваемой Совѣтомъ обязанности". Худшимъ воспитанницамъ, по пятой формѣ, выдано было свидѣтельство, что NN „вниманіемъ и прилѣжаніемъ по мѣрѣ силъ своихъ прилагаемымъ попеченіемъ воспользовалася, а особливо жъ въ удостовѣреніе объ ея при семъ воспитывающемся (?) Обществѣ пребываніи".

Послѣ выпуска 1785 года нѣкоторымъ изъ пенсіонерокъ Императрицы были выданы по 2.000 рублей, кромѣ денегъ, распредѣленныхъ между выпускными съ благородной половины изъ процентовъ со 100.000 рублей, пожалованныхъ Екатериною на приданое. Три изъ выпускныхъ были взяты ко двору.

Этимъ выпускомъ закончился первый, блестящій періодъ Общества. Послѣ него Императрица уже не такъ часто, какъ прежде, пріѣзжала въ Смольный; Бецкій почти совсѣмъ былъ устраненъ

отъ участія въ дѣлахъ и Совѣта, и Общества; Коммиссія народныхъ училищъ ограничила, повидимому, свое наблюденіе надъ учебною частью тѣмъ, что одинъ изъ ея членовъ, Завадовскій, состоялъ и членомъ Совѣта.

На другой же годъ послѣ того, какъ введена была Коммиссіею новая учебная система, составъ опредѣленныхъ въ Общество учителей началъ измѣняться и впослѣдствіи мѣнялся часто. При отказѣ назначеннаго Коммиссіею учителя, она публиковала въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, приглашая желающихъ занять вакантное мѣсто явиться въ Главное народное училище, откуда ихъ препровождали съ свидѣтельствами въ Коммиссію „по предварительному сихъ свидѣтельствъ осмотрѣнію отъ г. Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Янковича“. Вмѣстѣ съ новыми учителями мѣнялось и распредѣленіе предметовъ между ними. Физика и естественная исторія скоро стали преподаваться отдѣльно, особымъ для каждой науки учителемъ. Такимъ образомъ новая программа, также и новый методъ преподаванія, предписанные Коммиссіею, не выполнялись, и рядомъ съ новою системою ученія продолжала существовать старая.

Объясненіе причинъ, почему въ Обществѣ не соблюдался введенный Коммиссіею народныхъ училищъ новый способъ ученія, а также подробности, касающіяся хода учебнаго дѣла въ Смольномъ послѣ преобразованія его Коммиссіею, мы нашли въ „Примѣчаніяхъ“, представленныхъ Инспекторомъ надъ классами въ Воспитательномъ Обществѣ, Киріакомъ, Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ два мѣсяца спустя послѣ смерти Императрицы Екатерины [1]). Такъ какъ въ этихъ Примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ паралдельно къ отдѣльнымъ статьямъ „Расположенія“ Коммиссіи, излагается и тотъ способъ, какой употреблялся на дѣлѣ при преподаваніи въ Обществѣ, то въ нихъ мы имѣемъ не только полный, но, можно сказать, единственный источникъ свѣденій, чему и какъ учили воспитанницъ Смольнаго въ послѣдніе 13 лѣтъ его существованія (съ 1783 по 1796 г.) при Екатеринѣ. Мы приводимъ и нѣкоторыя изъ изложенныхъ Инспекторомъ [1]) взглядовъ на

[1]) Примѣчанія къ „Расположенію“ написаны Инспекторомъ по поводу составленія Императрицею Маріею Өеодоровною, для доклада Императору Павлу, 14 января 1797 года, „Плана о новомъ образованіи пріема и ученія въ предметахъ, Высочайше предписанныхъ“. (Архивъ IV Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи.)

[2]) Киріакъ былъ назначенъ въ 1783 году, въ числѣ другихъ учителей, Коммисcіею, для преподаванія исторіи и географіи воспитанницамъ; въ 1792 году онъ занялъ мѣсто уволеннаго „по просьбѣ“ Надзирателя Пахомова, причемъ названіе „Надзирателя“ было переименовано въ „Инспектора надъ классами“.

преподаваемые предметы, ибо эти взгляды несомнѣнно должны были примѣняться на дѣлѣ при обученіи той или другой наукѣ.

Въ Примѣчаніяхъ къ преподаванію всѣхъ наукъ по таблицамъ, какъ это предписала Коммиссія, Киріакъ говоритъ, что это было оставлено какъ требующее отъ учителя много времени и затрудняющее малыхъ дѣтей. Относительно „вопрошеній“ онъ признаетъ, что они способствуютъ къ исправленію разсудка; „но какъ оными“, замѣчаетъ Киріакъ, „исправляется воля, того не разумѣю“. Къ субботнимъ повтореніямъ при собраніи всѣхъ учителей онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Сколь способъ сей полезенъ, легокъ и пріятенъ (слова „Расположенія“), видно изъ того, что онъ презрѣнъ и брошенъ при самомъ началѣ. Здравомыслящія особы тогда же видѣли, что сей способъ собесѣдованія представляетъ больше комическое зрѣлище чѣмъ учительскую бесѣду и опасаясь чтобы иногда между ревностными учителями не произошла и трагикомическая сцена, тогда же оставили безъ исполненія“. Говоря вообще о способѣ, какимъ преподавались науки въ Обществѣ, Киріакъ замѣчаетъ, что „никто изъ учителей не отвергаетъ съ разумомъ сходнаго и прямо полезнаго, каковы суть: вопрошенія, различнымъ образомъ перемѣняемыя, всевозможныя изъясненія всѣхъ словъ и вещей, примѣры и грамматическія правила, совокупное чтеніе. Всѣ же малости“, прибавляетъ онъ, „не есть ли, такъ сказать смѣю, нелѣпости въ образѣ ученія предписанныя, какъ ничего существеннаго въ себѣ не заключающія и съ самаго начала оставлены безъ всякаго вниманія“. О преподаваніи исторіи и географіи Киріакъ говоритъ, что воспитанницы начинаютъ проходить эти науки гораздо сокращеннѣе чѣмъ предписано Коммиссіею, но по мѣрѣ успѣховъ и распространенія ихъ понятій, исторія предлагается имъ гораздо пространнѣе ибо кромѣ „сокращенной всемірной исторіи“, изданной въ пользу народныхъ училищъ, имъ читаются, сколько позволяетъ время, *на французскомъ языкѣ* лучшіе по сей части классическіе писатели.

Два съ половиною часа въ недѣлю, назначенные Коммиссіею на преподаваніе исторіи, онъ находитъ недостаточнымъ, и такое преподаваніе, по его мнѣнію, не можетъ принести пользы, если учащіяся не будутъ сами читать лучшихъ историковъ, замѣчая и дѣлая выписки. О преподаваніи физики по способу Коммиссіи, т.-е. по таблицамъ, Киріакъ говоритъ, что она преподается въ Обществѣ „какъ въ каждомъ другомъ училищѣ, безъ всякаго учебнаго способа. Учитель велитъ изъ книги прочитать какое-нибудь предложеніе, сдѣлаетъ опытъ и велитъ его пересказать

воспитанницѣ. Что касается спрашиванія дѣвицъ, какъ онѣ доказываютъ истину въ физикѣ, то само собою разумѣется все сіе и всегда было въ употребленіи, слѣдовательно присвоять старое новому учебному способу кажется несправедливо и несвойственно". Признавая физику одною изъ полезнѣйшихъ наукъ для юношества, ибо „она разсѣваетъ въ немъ пустые страхи, предохраняетъ отъ суевѣрія и придаетъ нѣкоторую крѣпость и основательность", онъ думаетъ однако, что было бы довольно преподавать ее воспитанницамъ лишь въ послѣднемъ возрастѣ. Преподаваніе естественныхъ наукъ по способу Коммиссіи, т.-е. показывая предметы и ведя урокъ въ образѣ разговора, Киріакъ находитъ ненужнымъ. Книга, для прохожденія сихъ наукъ опредѣленная, въ двухъ томахъ изданная для народныхъ училищъ, признана имъ слишкомъ пространною, и „по моему мнѣнію", говоритъ Киріакъ „несоотвѣтственна цѣли ученія благородныхъ дѣвицъ. Зоологія, да и самая ботаника должны ограничиться тѣмъ, чтобы воспитанницы знали только различать животныхъ и растенія по классамъ, именовать ихъ по наружному виду, замѣчая особливо растенія и животныя своего отечества и приносящія существенную какую пользу". Подробныя описанія всѣхъ ихъ признаковъ и свойствъ слѣдуетъ, говоритъ Киріакъ, оставить. По его мнѣнію, „было бы достаточно снабдить Библіотеку Общества хорошими по сей части твореніями съ изображеніемъ животныхъ и растеній, и послѣ краткихъ учительскихъ изъясненій, воспитанницы, разсматривая ихъ въ свободное отъ ученія время, довольно бы пріобрѣли о сихъ предметахъ понятіе. Это тѣмъ полезнѣе, что такое занятіе могло бы служить невинною для нихъ забавою". Минералогію Киріакъ признаетъ совсѣмъ „нѣжному полу" несвойственною и безполезною: во-первыхъ потому, что „весьма рѣдко встрѣчается ему имѣть дѣло въ общественной жизни съ минералами, стало быть все изъ памяти истребляется и, во-вторыхъ, потому, что минералогія безъ химическихъ опытовъ весьма ненадежна и неосновательна, а химическіе опыты, даже самые простые, производятся всегда опасными для здоровья составами, коихъ одно неосторожное прикосновеніе можетъ иногда имѣть вредныя слѣдствія". Довольно было бы для воспитанницъ, говоритъ Киріакъ, еслибы имъ, послѣ краткаго систематическаго изъясненія науки, показать неоднократно, подъ руководствомъ учителя, хорошій минералогическій кабинетъ, объясняя вещи, заслуживающія особаго вниманія и любопытства.

Точно также не преподавалась, какъ видно изъ Примѣчаній Киріака, включенная Коммиссіею въ число учебныхъ предметовъ

Общества, геометрія. Но, говоритъ Киріакъ, прежде вовсе оставленную, геометрію опять стали преподавать воспитанницамъ, и преподаютъ ее „какъ всегда и вездѣ; учитель предлагаетъ на доскѣ задачу, изъясняетъ ее всему классу, потомъ заставляетъ ту или другую дѣвицу повторить ее... Геометрію почитаю не только нужною, но необходимою въ воспитаніи юношества, ибо сія наука, будучи основана на твердыхъ и незыблемыхъ началахъ и сохраняя всегда въ доказательствахъ своихъ непрерывный порядокъ, пріучаетъ умъ къ основательнымъ размышленіямъ и заключеніямъ непогрѣшительнымъ. Она есть самая естественная и самая лучшая логика къ образованію разсудка. Сверхъ того служитъ основаніемъ во многихъ полезныхъ знаніяхъ общественной жизни, какъ-то: къ измѣренію полей, разумѣнію машинъ, также къ понятію архитектуры, физики и математической географіи, безъ которой сія послѣдняя есть только одно механическое употребленіе шара. Но какъ главная цѣль, при воспитаніи благородныхъ дѣвицъ“—заключаетъ Киріакъ— „состоитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ учеными, но чтобы посредствомъ наукъ подать имъ о вещахъ правильное и основательное понятіе для просвѣщеннаго разума, то на сей конецъ кажется мнѣ нужно бы было нарочно сочинить предполагаемой цѣли соотвѣтственную геометрію и употреблять ее“.

Правила архитектуры, по словамъ Киріака, изъяснялись обыкновенно воспитанницамъ при черченіи плановъ. Рисованію онѣ обучались „безъ всякаго заботливаго руководства; его нѣтъ, да и никакія теоретическія правила недостаточны безъ практическихъ упражненій и дарованія учащихся“. Наконецъ, о преподаваніи закона Божія, Киріакъ дѣлаетъ примѣчаніе, что „съ вѣрою христіанскою должно быть соединено и всеобщее нравоученіе, которое могъ бы преподавать и другой учитель, почерпая оныя изъ Геллерта [1]) и другихъ подобныхъ нравоучителей“.

Кончая свой критическій отзывъ о способѣ ученія, предложенномъ Коммиссіею, Киріакъ говоритъ о немъ: „Весь предлагаемый здѣсь учебный способъ ничего кажется не представляетъ кромѣ словъ мало даже въ себѣ заключающихъ. Не бывъ никогда завистливымъ хулителемъ полезнаго и поставляя себѣ правиломъ чтить съ благодарностью полезные труды человѣческіе, о семъ смѣю думать, что оно есть самое бѣдное не ума, но полу-

[1]) Извѣстный въ свое время (1716—1769) нѣмецкій писатель, читавшій въ Лейпцигѣ публичныя лекціи и имѣвшій большое вліяніе на молодое поколѣніе.

ченнаго тщеславія произведеніе, отверженное и погребенное въ пыли Архива при самомъ своемъ началѣ не токмо въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, но и въ самихъ Главныхъ народныхъ училищахъ, гдѣ обучающееся юношество поступая отъ грамоты къ вышнимъ наукамъ и начиная уже созрѣвать разсудкомъ, познаетъ само странность и тщету онаго: ибо искусства и благоразумія учительскаго никакимъ учебнымъ способомъ замѣнить не можно". При этомъ Киріакъ ссылается „на судъ всякаго читателя, имѣющаго вкусъ и просвѣщеніе".

Кромѣ отступленій отъ плана Коммиссіи, указанныхъ въ „Примѣчаніяхъ", по болѣе раннимъ донесеніямъ ей Киріака видно, что въ 1793 году воспитанницъ обучали по прежнему не только нѣмецкому и французскому, но еще и итальянскому языку. Точно также не исполнялось ея постановленіе относительно учительницъ. Только за годъ до смерти Екатерины была уволена учительница Делюсто, обучавшая мѣщанскихъ воспитанницъ не одному рукодѣлію, какъ опредѣлила Коммиссія, а и французскому чтенію и правописанію, и на ея мѣсто была назначена русская учительница, дѣвица Климова. Но послѣдней поручено было обучать лишь французскому чтенію, а для правописанія былъ приглашенъ Совѣтомъ русскій, обучавшій и нѣмецкому языку въ нижнемъ классѣ, Карандашевъ; въ помощь ему было опредѣлено дать „одну изъ достойныхъ мѣщанскихъ дѣвицъ" и Начальница назначила дѣвицу Крепейнъ, которой Совѣтъ положилъ за это 75 рублей въ годъ „до усмотрѣнія способности и трудовъ ея" [1]). Это былъ первый случай назначенія мѣщанской воспитанницы учительницею; раньше, многія изъ нихъ оставлялись послѣ выпуска „въ службѣ" Обществу. Изъ благородныхъ одна, выпущенная въ 1785 году, по ея просьбѣ была назначена „классной гувернанткою" за 250 рублей въ годъ жалованья.

Оставленныя Коммиссіею немногія надзирательницы и учительницы-иностранки мало-по-малу выбывали изъ Общества и съ 1785 года Совѣтъ постановилъ удовлетворить прошеніе „нынѣ состоящихъ надзирательницами при благородныхъ дѣвицахъ когда кто изъ нихъ за болѣзнью или старостью не будетъ въ состояніи продолжать службу, выдавать имъ денежное вознагражденіе по трудамъ и заслугамъ". Но вознагражденіе это было далеко не щедрое, какъ видно изъ того, что въ томъ же году, уволенной по болѣзни надзирательницѣ на мѣщанской половинѣ, за 16-ти-лѣтнюю службу въ Обществѣ, было дано всего 250 р.

[1]) Протоколъ Совѣта 31 декабря 1795 г.

награды. На мѣста выбывавшихъ назначались опять бо́льшею частью иностранки же, такъ что и съ этой стороны планъ Коммиссіи не исполнялся въ точности.

Незадолго до смерти Екатерины, въ 1793 году, Совѣтъ представилъ ей докладъ, въ которомъ просилъ Императрицу прибавить къ годовой суммѣ на содержаніе Общества, 100.000 р., еще 40.000 „для поддержанія такого знаменитаго мѣста, дабы не уронить установленнаго въ немъ порядка ученія и воспитанія" [1]). Повторяя эту просьбу и въ слѣдующемъ году, Совѣтъ представилъ новый, обстоятельный докладъ [2]), въ которомъ говорилъ, что онъ принужденъ былъ задерживать жалованье служащимъ и учителямъ. „Такъ что", говорилось въ докладѣ, „многіе выходятъ ради малаго получаемаго жалованья, снискивая въ частныхъ домахъ несравненно бо́льшую плату, и остаются нѣкоторые только по личной привязанности къ мѣсту и въ надеждѣ получить впредь воздаяніе". При этомъ Совѣтъ представилъ сравненіе цѣнъ на съѣстные припасы въ первый годъ основанія Общества, т.-е. въ 1764 году, и въ 1794 [3]), также подробнѣйшую вѣдомость по всѣмъ частямъ содержанія его.

Изъ общей суммы расхода, 140.531 р. 23½ к. въ годъ, тратилось на учебную часть 9.892 рубля; но изъ нихъ 800 р. употреблялись на покупку классныхъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и рукодѣльныхъ матерьяловъ; 150 р. жалованья смотрителю за книгами и ему же за чинку перьевъ и карандашей, да 472 р. учительницамъ вышиванія на обѣихъ половинахъ.

Собственно же учителямъ и учительницамъ платилось 8.942

[1]) Докладъ Совѣта Императрицѣ 7 мая 1793 г. (Архивъ Канц. В. О. б. д.).

[2]) Докладъ 29 марта 1794 г.

[3]) Помѣщенныя въ докладѣ цѣны показываютъ, какъ дешева была тогда жизнь.

	въ 1764 г.	въ 1794 г.
	ассигнаціями	
Пудъ говядины стоилъ	1 р. 20 к.	2 р. 80 к.
„ баранины	1 „ 20 „	3 „ 20 „
„ телятины	3 „ — „	5 „ 20 „
Ведро молока	— „ 30 „	— „ 68 „
Тысяча яицъ	4 „ 60 „	13 „ — „
Куль ржаной муки	3 „ — „	6 „ — „
„ крупитчатой	— „ 90 „	2 „ 20 „
Пудъ чухонскаго масла. . . .	3 „ 20 „	6 „ 50 „
„ русскаго масла	2 „ 60 „	6 „ — „
„ сальныхъ свѣчей	3 „ — „	5 „ 50 „
Сажень дровъ березовыхъ однополѣнныхъ	1 „ 10 „	2 „ 50 „

рубля, изъ которыхъ почти половина распредѣлялась между учителями искусствъ: четыремъ учителямъ живописи и рисованія 875 рублей; одному танцевъ 1.100 р., четыремъ музыки 1.572 р. и одному пѣнія 800 р. Такимъ образомъ на преподаваніе научныхъ предметовъ оставалось всего 4.595 рублей, т.-е. немного болѣе трехъ процентовъ со всей суммы расходовъ по Обществу. Изъ 4.595 рублей; учитель исторіи, географіи, французской грамматики и вмѣстѣ съ тѣмъ за надзоръ надъ классами получалъ 900 рублей въ годъ; учитель физики 300 рублей; натуральной исторіи 200 р., французскаго языка 600 р., нѣмецкаго 300 р. Двумъ учителямъ россійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ платилось 350 р., еще двумъ россійскаго чтенія, письма и ариѳметики 650 р., двумъ учительницамъ для обученія первыхъ двухъ возрастовъ на благородной и мѣщанской половинахъ россійскому и французскому чтенію и письму 275 р.; учителю чистотѣ россійскаго слога и переводамъ 500 р., геометріи и архитектуры 70 р., преподавателю закона Божія 200 р. и лютеранскому пастору 250 р.

Изъ другихъ расходовъ по содержанію Общества, столъ Начальницы съ помощницею и нѣкоторыми пенсіонерками обходился по 300 рублей въ мѣсяцъ; на столъ воспитанницъ, общій съ ихъ приставницами и служащими, отпускалось на благородной половинѣ по 30 к. въ день, что̀ составляло 109 р. 50 к. въ годъ на каждую. На одежду благородной воспитанницы назначалось 47 р. 21 к. въ годъ, на обувь 20 р. и на бѣлье 17 р. 95 к., такъ что содержаніе одной такой воспитанницы обходилось въ 194 р. 66 коп. въ годъ. Мѣщанскимъ воспитанницамъ отпускалось, каждой: на столъ (также общій съ ихъ приставницами и служащими) по 20 к. въ день, т.-е. 73 р. въ годъ; на одежду 17 р. 70 к., обувь 3 р. 15 к., бѣлье 8 р. 31 к., а все содержаніе обходилось въ 102 р. 16 к. въ годъ. Собственно на содержаніе всѣхъ 200 дѣвицъ на благородной половинѣ тратилось 38.932 р., а 240 на мѣщанской, 26.918 р. 40 к. въ годъ.

Начальница получала 2.000 р. въ годъ жалованья; ея Помощница 600 р., четыре надзирательницы на благородной половинѣ (какъ видно и тутъ все осталось по прежнему, а не такъ, какъ постановила Коммиссія, ибо ихъ въ 1794 году было по одной при каждомъ возрастѣ, а не одна на всѣ четыре) 1.573 р. въ годъ; 16-ти приставницамъ на благородной половинѣ 4.676 р. (получали отъ 186 до 336 р. въ годъ) и 10 на мѣщанской 830 р. (отъ 136 р. до 236). Распредѣляя всю сумму годового расхода по Обществу со включеніемъ освѣщенія,

отопленія, содержанія лошадей, экипажей, скота, также медикаментовъ, содержанія лазаретовъ и пр. на 440 штатныхъ воспитанницъ, на каждую изъ нихъ приходилось среднимъ числомъ по 319 р. 38¾ к. въ годъ.

Такъ какъ назначенная на содержаніе Общества сумма въ теченіе тридцати лѣтъ оставалась безъ измѣненія, а цѣны на всѣ предметы потребленія увеличились болѣе чѣмъ въ два раза противъ бывшихъ при основаніи Общества, то у него образовался долгъ, который къ 1794 году возросъ до 124.780 р. 63½ к. и въ томъ числѣ жалованье Начальницѣ, де-Лафонъ, которое Совѣтъ высчитывалъ въ 13.000 р., а также 2.031 р. 11 к. Коммиссіи народныхъ училищъ „за набранныя изъ ея книжной лавки съ іюня 1788 года по декабрь 1794 книги, прописи, таблицы, ландкарты и фигуры къ естественной исторіи“.

Прося Императрицу увеличить сумму на содержаніе Общества еще на 40.000 р. въ годъ, Совѣтъ писалъ во второмъ своемъ докладѣ: „Сіе въ своемъ родѣ единое заведеніе, для нѣжнаго пола устроенное, по нынѣшней дороговизнѣ существовать не можетъ, ибо содержаніе въ пищѣ, одеждѣ и во многомъ прочемъ преимущественною противъ мужскаго пола быть долженствуетъ. Да и самые опыты доказали, что по уваженію таковыхъ же надобностей кадетскимъ корпусамъ въ подобномъ испрошеніи Ваше Императорское Величество милосердіе свое оказать благоволили“.

Въ промежутокъ между первымъ своимъ докладомъ и вторымъ, Совѣтъ, ради экономіи, рѣшился на мѣру, бывшую ему, повидимому, очень тягостною. Онъ согласился на предложеніе де-Лафонъ отмѣнить положенныя Уставомъ для ассамблей и праздничныхъ дней, шелковыя платья для благородныхъ воспитанницъ, и вмѣсто нихъ дѣлать имъ бѣлыя миткалевыя или канифасныя, съ отличіемъ лишь въ поясахъ разнаго цвѣта. Уступая необходимости, Совѣтъ сдѣлалъ оговорку, что соглашается на предложеніе Начальницы „не съ тѣмъ, однакожъ, основаніемъ, дабы сдѣлать отмѣну шелковыхъ платьевъ, а единственно ради экономіи по крайнимъ нынѣ недостаткамъ положенной на расходы суммы“ [1]).

Только 5-го іюля 1795 года Завадовскій представилъ Совѣту копію съ письма къ нему Императрицы отъ 14 мая, въ которомъ она „отлагая до другого удобнѣйшаго времени прибавку годовой суммы на содержаніе Воспитательнаго Общества, вслѣдствіе доклада Совѣта“, повелѣвала Завадовскому „на заплату

[1]) Протоколъ Совѣта 31 января 1794 г.

долговъ и на нужные извороты взять 100.000 рублей изъ экономіи Государственнаго Заемнаго Банка суммъ“ [1]).

Послѣднее засѣданіе Совѣта при Императрицѣ Екатеринѣ было 31 октября 1796 года.

За послѣдніе годы жизни Императрицы, всѣ распоряженія ея по Обществу касались почти исключительно помѣщенія въ Смольный той или другой воспитанницы, или принятія на житье разныхъ лицъ женскаго пола. Такъ были ею помѣщены: дочь умершаго генералъ-поручика Рославлева, фрейлины Шкурина и Нелидова. Имъ Общество отводило квартиру, давало столъ, дрова, свѣчи, прислугу, а нѣкоторымъ и экипажъ. За все платилось разно: 400, 500 и 600 рублей въ годъ. Иногда Совѣтъ, по желанію кого-нибудь изъ членовъ Императорской семьи, оставлялъ на житье и воспитанницъ, которымъ некуда было идти, или „по сиротству и неимуществу“. За нихъ вносилось по 300 р. въ годъ.

Такимъ образомъ Смольный оправдывалъ свое названіе монастыря, ибо въ немъ давалось воспитаніе начинающимъ жизнь и пріютъ кончающимъ или желающимъ отдохнуть отъ нея.

[1]) Протоколъ 5 іюля 1795 г.

IX.

Сужденіе кн. Щербатова о Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.— Задача Екатерины при его основаніи.—Почему эта задача не могла быть достигнута вполнѣ.—Результаты воспитанія и образованія въ Смольномъ.—Свидѣтельство Ржевской. — Письмо сенатора Соймонова. — Свидѣтельство кн. Ив. Мих. Долгорукаго о смолянкахъ. — Выводъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о смолянкахъ Екатерининскаго времени.—Почему онѣ не могли удовлетворять требованіямъ тогдашняго русскаго общества.—Неприготовленность смолянокъ къ практической жизни и къ жизни „въ обществѣ".—Свидѣтельство Н. Греча о смолянкахъ первыхъ выпусковъ.—Взглядъ самихъ женщинъ и русскаго общества на женское образованіе.—Отношеніе литературы Екатерининскаго времени къ образованію и воспитанію женщинъ. — Отношеніе къ нему людей ученыхъ. — Рѣчь профессора Десницкаго. — Домашнее воспитаніе женщинъ во второй половинѣ XVIII в. — Свидѣтельство А. Болотова. — „Живописецъ" Новикова. — Провинціальные нравы въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка.— Свидѣтельство Белькура о русскихъ дамахъ.—Способы къ образованію, существовавшіе для женщинъ при Екатеринѣ.—Типы Бригадирши и Совѣтницы.— Частные женскіе пансіоны при Екатеринѣ.—Прогрессъ въ женскомъ образованіи въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.—Сегюръ и Кларкъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Двѣ женщины—самые образованные люди въ Россіи при Екатеринѣ.—Женщины, читающія журналы.—Женщины-писательницы при Екатеринѣ.—Отношеніе къ нимъ современныхъ имъ писателей.— Отношеніе къ нимъ Екатерины.—Почему ни одна изъ женщинъ писательницъ ея времени не могла стать на ряду съ лучшими тогдашними писателями.— Требованія образованнаго русскаго общества отъ образованныхъ женщинъ.— Отношеніе къ женщинамъ поэтовъ.—Равнодушіе общества и литературы къ женскому образованію въ концѣ царствованія Екатерины.—Карамзинъ—выразитель взглядовъ русскаго общества на задачу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. — Пропущенныя имъ стороны воспитанія въ Воспитательномъ Обществѣ. — Позднѣйшія сужденія о немъ.—Неправильность ихъ.—Пророческія слова Бецкаго.—Назначеніе Дашковой Президентомъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи.

Въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" [1]), князь Щербатовъ говоритъ, что изъ Воспитательнаго Общества не вышло „ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ, какъ толико

[1]) Русская Старина, 1871, іюнь, стр. 684.

поколику природа ихъ симъ снабдила, и воспитаніе ихъ болѣе состояло играть комедіи, нежели серце. нравы и разумъ исправлять". Сочиненіе это написано около 1788—1789 года [1]), т.-е. когда было уже пять выпусковъ изъ Смольнаго и прошло пять лѣтъ со времени разоблаченій, сдѣланныхъ Коммиссіею народныхъ училищъ относительно ученія и воспитанія въ Обществѣ. Разоблаченія эти какъ бы подверждаютъ справедливость суроваго приговора князя Щербатова, тѣмъ болѣе, что и потомъ, введенныя Коммиссіею улучшенія въ Смольномъ, не были примѣнены какъ слѣдуетъ. Поставленная же Коммиссіею отъ себя и обусловленная ея желаніемъ придать ученію въ Воспитательномъ Обществѣ практическое приложеніе къ жизни, новая цѣль воспитанія и образованія, не входившая въ намѣренія Екатерины при основаніи Общества, не только тогда, но и никогда и нигдѣ не могла быть достигнута, ибо никакія книги, никакіе методы преподаванія не могутъ научить дѣвушку быть впослѣдствіи вѣрной супругой и попечительной матерью. „Возможны ли на всѣ случаи жизни правила? Умъ человѣческій просвѣщаемый ученіемъ и сердце образованное добрымъ воспитаніемъ должны быть путеводителями въ жизни человѣческой, а не частныя правила". Это справедливое осужденіе поставленной Коммиссіею народныхъ училищъ точки зрѣнія на ученіе въ Воспитательномъ Обществѣ было высказано тотчасъ послѣ смерти Екатерины, Инспекторомъ классовъ Киріакомъ въ 1797 году [2]).

Екатерина, вводя новую систему воспитанія русскаго юношества, мужскаго и женскаго, не имѣла въ виду создавать или умножить въ Россіи число ученыхъ. Особенно при женскомъ воспитаніи и образованіи, одна изъ главнѣйшихъ ея цѣлей заключалась въ томъ, чтобы способомъ воспитанія, совершенно отличнаго отъ того, какое было до нея, содѣйствовать смягченію грубыхъ нравовъ русскаго общества. Приставленныя Императрицею къ дѣлу женскаго воспитанія лица, и во главѣ ихъ Совѣтъ Воспитательнаго Общества, отнеслись къ своимъ обязанностямъ вполнѣ добросовѣстно; но они были частью того же общества, которое Екатерина считала нужнымъ перевоспитать, и, призванныя къ совершенно новому для нихъ дѣлу, не могли даже вполнѣ понять чего отъ нихъ требовали. Поэтому они исполняли внѣшнія предписанія Устава: относились къ дѣтямъ ласково, съ любовью,

[1]) Тамъ же, стр. 688.

[2]) Расположеніе ученія въ Общ. благ. дѣв. по введенному въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи примѣру съ примѣчаніями на него. (Архивъ IV отд. Собств. Ея Имп. Вел. Канцеляріи.)

гуманно; но этого было недостаточно, и результаты получились не совсѣмъ тѣ, какихъ ожидала Екатерина.

Однако отсюда нельзя заключать, что всѣ ихъ старанія пропали даромъ и что цѣль Екатерины совсѣмъ не была достигнута. Уже одно то, что сотни дѣтей провели свое дѣтство и юность окруженныя атмосферой гуманности, а не побоевъ и брани, должно было пріучить ихъ самихъ къ такимъ же отношеніямъ съ другими людьми. Еслибы тогда же, по окончаніи своего воспитанія въ Смольномъ, молодыя дѣвушки возвращались въ среду, проникнутую тѣми же началами, то послѣднія укрѣпились бы въ воспитанницахъ окончательно, и онѣ, въ свою очередь, способствовали бы развитію ихъ въ слѣдующемъ поколѣніи, т.-е. случилось бы то, чего хотѣли Екатерина и Бецкій и что впослѣдствіи оправдалось на дѣлѣ.

Провѣрить результаты воспитанія въ Смольномъ за время Екатерины, трудно. Бывшія воспитанницы сами высказывались о немъ мало. Только одна, Ржевская, оставила записки, по которымъ можно судить о характерѣ воспитанія, дававшагося въ Обществѣ. Она говоритъ, что въ ея время между воспитанницами было обоюдное уваженіе, которое онѣ цѣнили „болѣе милостей Начальницъ". „Мы никогда не прибѣгали", говоритъ Ржевская, „къ заступничеству старшихъ, не жаловались другъ на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоровъ между нами". Говоря о себѣ, Ржевская сознаетъ, что, подъ вліяніемъ Лафонъ и Бецкаго, она привыкла думать и разсуждать. Если это такъ было въ дѣйствительности, то всякій согласится, что воспитаніе въ Смольномъ было хорошее, и въ такомъ случаѣ Совѣтъ Воспитательнаго Общества былъ правъ, когда, представляя Императрицѣ Екатеринѣ свой докладъ по поводу предстоявшаго тогда перваго выпуска, къ которому принадлежала и Ржевская, съ гордостью писалъ: „Зрите уже созрѣлый плодъ учрежденій Вашихъ; они (т.-е. воспитанницы) отдаются Отечеству чтобы качествами черезъ воспитаніе приобрѣтенными оному полезными быть и отъ года въ годъ передать заимствованную добродѣтель, прославляя Матерь и Государыню, даровавшую имъ наивысшее благо—просвѣщеніе ума и устроеніе сердца" [1]).

Сенаторъ Соймоновъ, принадлежавшій къ образованнѣйшимъ людямъ Екатерининскаго времени, бывшій съ 1775 г. членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества, прося Императрицу принять его дочь въ Смольный, писалъ Екатеринѣ: „Я по долгу отца

[1]) Им. указы и конф. доклады съ 1765 по 1783 г.

паче всего стараясь образовать ея сердце, прошу принять въ Общество, гдѣ подъ матернимъ попеченіемъ Вашимъ единственно только можетъ она получить совершенное воспитаніе, какъ въ разсужденіи наученія, такъ и въ усовершествованіи ея нравственности“ [1]).

Въ прошломъ вѣкѣ еще не знали, что въ 17—18 лѣтъ умъ начинаетъ только развиваться, и подъ его вліяніемъ слагаются и крѣпнутъ нравственныя убѣжденія. Тогда думали, что въ этомъ возрастѣ нравственное воспитаніе можетъ считаться уже законченнымъ. Раздѣляя этотъ взглядъ своего времени, и Ржевская наивно думала, что она и ея подруги выходили изъ Смольнаго уже тогда, когда „вполнѣ развитой разумъ и твердо вкоренившіяся въ сердце нравственныя начала способны будутъ охранить ихъ отъ дурныхъ примѣровъ“. И въ подтвержденіе своихъ словъ она приводитъ, какъ фактъ, что характеры бывшихъ воспитанницъ Смольнаго рѣзко выдавались потомъ въ свѣтѣ. „Каждая изъ нихъ“, говоритъ Ржевская, „имѣетъ свой личный характеръ. Такъ называемая оригинальность ихъ, которую осмѣивали многіе, имѣла весьма хорошія стороны. Изъ нихъ вышли прекрасныя супруги. Имъ приходилось бороться противъ существовавшихъ предубѣжденій на счетъ институтскаго воспитанія, встрѣчаемыхъ даже въ собственной семьѣ, и противъ общаго нерасположенія. Во всѣхъ испытаніяхъ онѣ дѣйствовали прямо, энергично защищая свои правила. Лишь немногія изъ нихъ отступили отъ даннаго имъ хорошаго направленія“. Объ одной изъ своихъ бывшихъ подругъ, съ которой она сохранила дружбу въ продолженіе всей жизни, Ржевская отзывается слѣдующими словами: „искусное перо могло бы написать цѣлую книгу о ея добродѣтеляхъ, несчастіяхъ и твердости духа, которая послужила бы къ назиданію многихъ“.

Если и не вполнѣ полагаться на вѣрность сужденій Ржевской, которая, какъ справедливо замѣтилъ помѣстившій ея записки редакторъ Русскаго Архива, „въ своихъ понятіяхъ и сужденіяхъ представляетъ типъ монастырки добраго стараго времени“; а равно если единичные примѣры могутъ имѣть значеніе для оцѣнки такого сложнаго вопроса, какъ результаты воспитанія въ цѣломъ учебномъ заведеніи, то мы имѣемъ возможность провѣрить справедливость словъ Ржевской свидѣтельствами другихъ лицъ. Въ числѣ весьма немногихъ матеріаловъ оставленныхъ

[1]) Письмо Сенатора, Д. Т. С. Соймонова. 1779. (Архивъ IV отд. С. Е. В. К. Бумаги по Общ. бл. дѣв.)

современниками о воспитанницахъ Смольнаго за время Императрицы Екатерины, есть свидѣтельство князя Ив. Мих. Долгорукаго (поэта и автора нѣсколькихъ сочиненій, въ томъ числѣ и путешествій), подкрѣпляемое его другомъ и біографомъ М. А. Дмитріевымъ [1]).

Князь Долгорукой былъ два раза женатъ на „монастыркахъ“ или, какъ тогда уже называли воспитанницъ Общества, „смолянкахъ“. Обѣ онѣ были выпущены изъ Смольнаго въ 1785 году, стало быть девятью годами позже Ржевской, и отзывы кн. Долгорукаго касаются воспитанницъ какъ того періода Воспитательнаго Общества, о которомъ говоритъ она, такъ и болѣе поздняго. Кн. Долгорукой писалъ свой словарь, или, какъ онъ его назвалъ, „бытіе“ или „Капище моего сердца“ [2]), будучи уже въ зрѣлыхъ годахъ, послѣ смерти своей первой жены, которая умерла въ 1804 г. еще нестарою. Вотъ какъ онъ, человѣкъ по своему времени образованный, о ней отзывается: „Она занимала мой разумъ“, пишетъ онъ [3]), „украшала мое воображеніе, просвѣщала мое понятіе и останавливала нерѣдко на скользкомъ пути заблужденій, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣляя съ терпѣливостью стоическою иго моей бѣдности, она безъ ропоту сносила мои недостатки, плакала со мной о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною моею неосторожностью... Любовь моя къ ней навсегда и вездѣ въ одинаковой мѣрѣ сохранится. Въ этомъ ручаются мнѣ мои годы и внутреннія достоинства ея, столь близкія къ понятію, которое я имѣю объ изящномъ чувствѣ любви, въ превосходномъ, нравственномъ смыслѣ“ [4]). И въ самомъ дѣлѣ то, что кн. Долгорукой (а также М. А. Дмитріевъ) разсказываетъ о своей первой женѣ, несомнѣнно говоритъ въ ея пользу. Изъ многихъ фактовъ ея жизни, показывающихъ благородство ея души, мы приведемъ одинъ, свидѣтельствующій о томъ, что „устроеніе сердца“ не отсутствовало при воспитаніи въ Смольномъ. Бѣдная, незнатная дѣвочка, по фамиліи Смирная, отецъ которой былъ убитъ Пугачевымъ, была взята четырехъ лѣтъ отъ роду у матери, владѣлицы 17-ти душъ, великою княгинею Натальею Алек-

[1]) Князь Ив. Мих. Долгорукой и его сочиненія. Соч. *М. А. Дмитріева*. Изд. 2-е. Москва. 1863.

[2]) Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Соч. кн. *Ив. Мих. Долгорукаго*. (Чтенія Общ. Ист. и древн. росс. 1872 и 1873.)

[3]) Кн. Ив. Мих. Долг. и его соч. Стр. 151.

[4]) Капище, стр. 369.

сѣевною, и послѣ ея смерти помѣщена въ Смольный. Оттуда великая княгиня Марія Ѳедоровна взяла Смирную опять ко двору, гдѣ она оставалась до замужества. По воспитанію, вполнѣ свѣтскому, какое она получила въ Смольномъ и при дворѣ, между ею и матерью, которой она совсѣмъ и не знала, и которая была женщина простая, неграмотная и безъ всякаго воспитанія, ничего, казалось, не было общаго. Но очень скоро по выходѣ изъ Смольнаго сдѣлавшись княгинею, она тотчасъ же послѣ свадьбы поѣхала съ мужемъ къ матери въ ея деревушку, и между ними установились самыя теплыя отношенія, сохранившіяся до конца жизни.

Дмитріевъ, лично знавшій княгиню Долгорукову, отзывается о ней какъ о женщинѣ обладавшей душевной красотой „кроткой и добродѣтельной, умирявшей душу своего мужа“; но изъ его же разсказовъ видно, что вмѣстѣ съ тѣмъ она была женщина и чуткая и энергичная [1]). Память своей жены кн. Долгорукой увѣковѣчилъ тѣмъ, что послѣ ея смерти, онъ, бывшій тогда губернаторомъ во Владимірѣ, отдалъ свой домъ подъ гимназію, которой пожертвовалъ и всѣ свои сочиненія „бывшія и будущія“; но при этомъ поставилъ условіемъ, чтобы доходъ отъ его сочиненій былъ обращенъ на составленіе гимназической библіотеки, которая должна быть помѣщена въ той комнатѣ, гдѣ его жена скончалась. Университетъ, принявъ пожертвованіе, постановилъ: оставить эту комнату въ томъ видѣ, въ какомъ она была при жизни покойной, поставить въ ней бюсты князя и княгини Долгорукихъ, сдѣлать ковчегъ для храненія въ немъ акта, которымъ князь укрѣплялъ за гимназіею свое пожертвованіе, а самый ковчегъ украсить приличною надписью съ краткою біографіею покойной княгини „въ память ея рѣдкихъ достоинствъ душевныхъ“. Такъ это, по словамъ М. Дмитріева, и было исполнено. Надпись на ковчегѣ была сочинена самимъ княземъ Долгорукимъ. Вотъ эта надпись:

Евгенія была изящность естества;
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души зрѣлъ образъ божества [2]).

Примѣръ жены князя Долгорукаго не единственный въ его „Капищѣ“. Кромѣ того, что князь лично зналъ многихъ смолянокъ—подругъ своихъ двухъ женъ, онъ встрѣчался въ свѣтѣ со

[1]) *М. А. Дмитріевъ.* Ив. Мих. Долгорукой, стр. 39.
[2]) *М. А. Дмитріевъ*, стр. 69.

многими изъ нихъ благодаря тому, что въ молодости отличался искусствомъ въ театральныхъ представленіяхъ, въ которыхъ отличались и воспитанницы Смольнаго. Это давало ему случай играть съ ними и при дворѣ, и въ аристократическихъ, и просто дворянскихъ домахъ, гдѣ домашніе спектакли въ то время были въ разгарѣ моды. Впослѣдствіи, будучи два раза губернаторомъ въ Пензѣ и Владимірѣ, кн. Долгорукой видѣлъ и зналъ нѣкоторыхъ монастырокъ жившихъ въ провинціи. Стало быть онъ могъ наблюдать ихъ въ различной обстановкѣ и различныхъ положеніяхъ въ обществѣ. А такъ какъ онъ писалъ свои замѣтки безъ всякой предвзятой мысли и цѣли, то его отзывы о смолянкахъ чрезвычайно для насъ цѣнны. Только объ одной изъ нихъ, бывшей уже замужемъ за симбирскимъ помѣщикомъ когда кн. Долгорукой съ ней познакомился, онъ разсказываетъ такія вещи, которыя противорѣчатъ самымъ элементарнымъ понятіямъ о нравственности [1]). О большинствѣ же знакомыхъ ему монастырокъ онъ отзывается какъ о „любезныхъ“, „добронравныхъ“, „милыхъ“, „веселыхъ“ и „хорошихъ“ дѣвушкахъ. Почти всѣ онѣ отлично говорили по-французски, хорошо танцовали, и почти каждая обладала какимъ-нибудь талантомъ: или знала музыку, или пѣла, или отличалась на театрѣ. Но о нѣкоторыхъ, кн. Долгорукой говоритъ даже съ благоговѣніемъ, и то, что онъ о нихъ разсказываетъ, свидѣтельствуетъ, что это дѣйствительно были женщины выдѣлявшіяся по своимъ нравственнымъ качествамъ изъ общаго уровня современнаго имъ общества [2]).

Къ числу такихъ смолянокъ принадлежала и Нелидова, о которой кн. Долгорукой упоминаетъ только вскользь; но другой ея біографъ [3]), подтверждая слова Долгорукаго о необыкновенномъ ея умѣ и любезности, заставлявшихъ забывать ея некрасивое лицо, говоритъ, что Нелидова съ самаго начала умѣла создать себѣ самостоятельное положеніе при дворѣ великаго князя, такъ, что „можно было подумать, что она предварительно изучила предстоявшую ей роль“. „Нельзя указать“, прибавляетъ онъ, „на другое лицо въ придворной жизни, вліяніе котораго было бы такъ благотворно и въ особенности такъ безкорыстно, какъ ея вліяніе на Павла въ первую половину его царствованія“... Своимъ огромнымъ вліяніемъ Нелидова пользовалась „во благо императора и не разъ спасала невинныхъ людей отъ его гнѣва... Отъ нея, конечно, зависѣло воспользоваться такимъ положеніемъ и извлечь для себя и своихъ

[1]) Капище, стр. 171.

[2]) Капище. См. стр. 233 (Ланская), 298 (Щербатова), 314 (Салтыковъ).

[3]) *Е. И. Нелидова.* Р. Архивъ 1873. № 11.

всякаго рода выгоды, какъ и дѣлали многія до и послѣ нея. Но она отличалась образцовымъ безкорыстіемъ и ей случалось много разъ отвергать или умалять щедрыя милости, коими хотѣлъ наградить ее Императоръ Павелъ".

Въ то время все общество относилось къ учителямъ съ презрѣніемъ. „Un valet de chambre, perruquier, est cent fois mieux traité, au moins dans la plus grande partie de nos maisons russes que les outchitels" [1]), писала княгиня Дашкова своему брату гр. А. Р. Воронцову. А изъ разсказовъ Ив. Мих. Долгорукаго видно, что монастырки, и послѣ выпуска изъ Смольнаго, сохраняли хорошія отношенія не только съ Бецкимъ и Начальницею, но и съ учителями [2]). Такимъ образомъ и позднѣйшія, дошедшія до насъ, свидѣтельства о монастыркахъ Екатерининскаго времени, подтверждаютъ справедливость словъ Ржевской. На этомъ основаніи мы имѣемъ право сказать, что воспитаніе въ Смольномъ было во всякомъ случаѣ выше того, какое до тѣхъ поръ давалось дѣвушкамъ въ частныхъ домахъ и пансіонахъ, и что воспитанницы Смольнаго, несмотря на аристократическій духъ заведенія, выходили изъ него болѣе человѣчными, болѣе развитыми и менѣе зараженными предразсудками, нежели другія дѣвушки.

Но эти качества мало цѣнились тогда обществомъ. Даже при дворѣ, гдѣ сосредоточивалось почти все, что̀ носило характеръ просвѣщенности, развѣ одна Императрица обращала вниманіе какъ на умъ и таланты всякаго рода, такъ и, рядомъ съ этими качествами, на внутреннее содержаніе человѣка. Въ высшихъ аристократическихъ и дворянскихъ кругахъ придавали значеніе почти исключительно внѣшнему лоску. Главными условіями хорошаго воспитанія считалось то, что называется „savoir-vivre" въ формальномъ значеніи слова, и выше всѣхъ наукъ ставилась все та же наука, знаніе свѣта. „Видѣлъ и знаетъ свѣтъ"—это считалось чуть ли не главнымъ критеріемъ при сужденіи о достоинствѣ человѣка, какъ мужчины такъ и женщины; и не только надо было видѣть и знать, но и умѣть показать это знаніе. Всѣ журналы того времени предъявляли такія требованія къ хорошему воспитанію и, возводя „познаніе свѣта" въ науку, опредѣляли ее очень темно и замысловато. „Познаніе свѣта", говорилось въ „Полезномъ съ пріятнымъ", весьма трудно, съ которой бы сто-

[1]) „Съ лакеемъ, съ парикмахеромъ, въ тысячу разъ лучше обходятся въ большинствѣ нашихъ русскихъ семействъ, чѣмъ съ учителемъ" (Архивъ кн. Воронцова. Т. 12).

[2]) Капице, стр. 101. Киріяковъ.

роны на него ни взирать. Зрѣлище свѣта не дозволяетъ спускать съ себя глазъ, дабы предаться разсужденію. Кто захочетъ раздѣлить время свое съ свѣтомъ и уединеніемъ, тотъ будетъ колебленъ на единѣ, не привлеченъ къ обществу, и для того нигдѣ не успѣетъ. Надлежало бы раздѣлить жизнь свою такъ, чтобы половину оной проводить въ наблюденіи свѣта, а другую употребить на размышленіе; но сіе почти невозможно" [1]).

Если сама Екатерина всякій разъ, какъ ей приходилось говорить о Смольномъ, пользовалась случаемъ сказать, что при воспитаніи дѣвицъ, рядомъ съ развитіемъ въ нихъ ума и сердца, стараются о томъ, чтобы при выпускѣ онѣ не были столь неловки, какъ обыкновенно бываютъ во Франціи и въ иныхъ странахъ дѣвушки, выпущенныя изъ монастырей [2]), то въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова", журналѣ, издававшемся въ 1783 году княгинею Дашковою, при дѣятельномъ участіи самой Императрицы, въ статьѣ: „О смыслѣ слова воспитаніе" уже опредѣленно было сказано: „оканчиваетъ же воспитаніе свѣтское обращеніе; испытаніе насъ сильнѣе убѣждаетъ, нежели какія предписанія или книги насъ увѣрить удобны" [3]). Только въ „Живописцѣ" Новикова позволяли себѣ иронически относиться къ этой „добродѣтели".

Въ Смольномъ, хотя и обучали воспитанницъ умѣнью держать себя въ обществѣ, но понятно, что ни знанія свѣта, ни житейскаго опыта, нельзя было привить молодымъ 17—18-ти лѣтнимъ дѣвушкамъ, особенно въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Поэтому, вопреки всѣмъ стараніямъ наставницъ, воспитанницы Смольнаго выходили въ свѣтъ и жизнь совсѣмъ неприготовленными къ нимъ. Ржевская въ своихъ запискахъ говоритъ: „Скрывая отъ насъ горести житейскія и доставляя намъ невинныя радости, насъ пріучали довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ. Увѣренная въ покровительствѣ Божіемъ я не вѣдала о могуществѣ людей и навѣки бы въ немъ сомнѣвалась еслибы опытъ не доказалъ мнѣ, что упованіе на Бога не охраняетъ насъ отъ ихъ злобы".

Дѣйствительно, какъ и слѣдовало ожидать, двѣнадцатилѣт-

[1]) Полезное съ пріятнымъ. Полумѣсячное упражненіе на 1769 годъ. При Императорскомъ Сухопутномъ Шляхетскомъ Кадетскомъ корпусѣ. XLIII. „О познаніи свѣта".

[2]) Антидотъ. Полемическое сочиненіе Государыни Императрицы Екатерины Второй. Стр. 393. (Осьмнадцатый вѣкъ. Кн. 4-я.)

[3]) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей. 1783. Ч. II, стр. 27.

нее пребываніе въ закрытомъ заведеніи налагало совсѣмъ особый отпечатокъ на воспитанницъ. Искусственно воспитанныя, онѣ вылились въ искусственную, заученную форму. Въ обращеніи съ людьми онѣ были незастѣнчивы, ловки, любезны, и ихъ любезность имѣла источникомъ добродушное, или, лучше сказать, безразличное отношеніе, одинаковое ко всѣмъ людямъ, основанное на неумѣньи различать ихъ. Во всемъ же, что касалось дѣйствительной жизни, онѣ проявляли такое незнакомство съ самыми обыденными ея явленіями, такое ложное представленіе обо всемъ окружающемъ и такую наивность во взглядахъ на людей и на вещи, что эта наивность граничила иногда съ глупостью. Недаромъ, двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Екатерины, Сперанскій писалъ дочери: „По счастью ты не монастырка и отъ младенчества видѣла свѣтъ не черезъ волшебное стекло“ [1]). Невѣроятный почти образчикъ наивности монастырокъ—приводитъ въ своихъ запискахъ М. С. Муханова [2]). У ея дѣда было семь сыновей и всѣ они служили при Екатеринѣ въ конной гвардіи. „Воспитанницы Смольнаго монастыря“, говоритъ Муханова, „признавались впослѣдствіи, что онѣ, по своей наивности, думали, что всѣ конногвардейскіе офицеры назывались Мухановыми“. Н. И. Гречъ разсказываетъ [3]), что смолянки первыхъ выпусковъ были „набиты ученостью“, но вовсе не знали свѣта и забавляли публику своими наивностями, спрашивая напримѣръ: „гдѣ то дерево, на которомъ растетъ бѣлый хлѣбъ“? Онъ приводитъ и стихи, которые по этому поводу были сочинены къ портрету Бецкаго:

Иванъ Иванычъ Бецкій
Человѣкъ Нѣмецкій
Носилъ мундиръ Шведскій,
Воспитатель дѣтскій,
Въ двѣнадцать лѣтъ
Выпустилъ въ свѣтъ
Шестьдесятъ куръ,
Набитыхъ дуръ.

Въ томъ возрастѣ, когда Гречъ былъ въ состояніи судить о людяхъ (онъ родился въ 1787 г.), смолянки первыхъ выпусковъ, которыхъ онъ могъ знать, были женщинами зрѣлыхъ лѣтъ, а нѣкоторыя почти старыми. Понятно, что наивность монастырокъ, пока она проявлялась у совсѣмъ молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ, забавляла и даже восхищала многихъ. Но когда эти

[1]) Р. Архивъ 1868. № 1. Письма Сперанскаго къ дочери.
[2]) Изъ записокъ Маріи Сергѣевны Мухановой. (Р. Архивъ, 1878. № 3.)
[3]) Записки Н. И. Греча. (Р. Архивъ 1873. № 3.)

дѣвушки становились взрослыми женщинами, и во всѣхъ случаяхъ своей жизни оставались тѣми же наивными существами, какими вышли изъ Смольнаго, это осмѣивали и осуждали, справедливо приписывая искусственному, оторванному отъ жизни, воспитанію, которое имъ было дано.

Непрактичность монастырокъ, ихъ неумѣнье, а можетъ быть иногда и нежеланіе, быть полезной въ обыденныхъ, простыхъ занятіяхъ по дому, къ которымъ онѣ съ дѣтства не были пріучены, считались даже порокомъ, и въ то же время, нѣкоторыя хорошія стороны ихъ воспитанія были совсѣмъ уже не у мѣста въ тогдашнихъ среднихъ, а тѣмъ болѣе, низшихъ дворянскихъ семьяхъ, гдѣ все держалось на предразсудкахъ и гдѣ былъ твердо установленъ разъ навсегда извѣстный кодексъ женской морали. По этому кодексу бойкая, развязная, умѣющая вести разговоръ, и особенно позволяющая себѣ разговаривать съ мужчинами дѣвушка—рисковала навлечь на себя обвиненіе даже въ безнравственности. „Честной" дѣвушкою считалась та, которая въ присутствіи мужчины молчитъ, или на его вопросы отвѣчаетъ односложными словами: да, нѣтъ. Ей позволялось заглядывать въ щелку двери на чужаго человѣка, но она должна была отворачиваться и краснѣть даже передъ женихомъ, когда онъ съ нею заговаривалъ. Въ одной изъ комедій того времени [1]) дѣвушка протестуетъ противъ запрещенія ей отцомъ разговаривать съ женихомъ, говоря, что если она не будетъ отвѣчать на его вопросы и уйдетъ отъ него, какъ ей велитъ отецъ, то женихъ подумаетъ, что она дура.

— „Хоть дура, да смирна", отвѣчаетъ ей отецъ.

Такимъ образомъ, кромѣ развѣ двора Екатерины, гдѣ былъ запросъ, по крайней мѣрѣ съ ея стороны, и на умъ, и на образованность, и на внутреннія, рядомъ съ внѣшними, качества, воспитанницы Смольнаго не отвѣчали требованіямъ общества въ томъ, что касается воспитанія дѣвицъ.

Относительно ихъ образованія, если вѣрить приведеннымъ нами словамъ Н. И. Греча, то ихъ считали „набитыми ученостью", а это въ то время никому не нравилось, особенно въ женщинѣ. „Ужесть какъ смѣшны ученые мужчины", говоритъ Щеголиха въ „Живописцѣ" [2]), „а наши сестры ученыя—о! онѣ-то совершенныя дуры. Безпримѣрно какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотой лица; не для математики дала намъ острое и проницательное понятіе; не для исторіи

[1]) „Подражатель" 1779 г.

[2]) Живописецъ. 1772—1773. Изд. 7-е. Ефремова. 1864. Л. 4.

награждены мы плѣняющимъ голосомъ, не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца... Ученая женщина!—фуй, какъ это неловко. Въ словѣ „умѣть нравиться“ всѣ наши заключаются науки“.

Эта сатира на взгляды большинства женщинъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на то, въ чемъ должно заключаться ихъ образованіе, не преувеличена. Нѣчто подобное, но не въ сатирической формѣ, а серьезно, было четырьмя годами раньше „Живописца“ высказано въ формѣ письма одной матери, озабоченной воспитаніемъ дочери, къ редактору „Полезнаго съ пріятнымъ“ [1]). „Въ разсужденіи того“, говорилось въ письмѣ, „что любовь есть главный предметъ всѣхъ стараній, попеченій и удовольствій нашего пола, кажется мнѣ, справедливость требуетъ, чтобы мы были порядочнымъ образомъ обучаемы разсуждать о семъ, прежде нежели почувствуемъ сію страсть, которой гоненія бываютъ скоры, сильны и жестоки... Я не могу сказать, къ чему собственно принадлежитъ то, чего я желаю, къ учености или домашнимъ упражненіямъ; но изъ вышеписанныхъ основаній кажется мнѣ, что мы должны дочерямъ нашимъ, выключая тѣхъ, кои опредѣлены къ монашеству, преподавать *науку любить* такъ, какъ приобучаемъ мы ихъ къ домостроительству... И такъ, сверхъ обыкновеннаго добраго воспитанія можно подать женщинѣ наставленіе: 1) какъ она должна поступать будучи повелительницею, невѣстою, супругою, хозяйкою и приятельницею чтобы сдѣлаться достойною любви; 2) какъ между тысячью воздыхателей, ее обожающихъ, выбрать единый предметъ достойный всей ея любви и почтенія; 3) какъ взаимную любовь содержать вѣчно и въ надлежащемъ союзѣ“. Письмо, очевидно переведенное съ французскаго, кончается однако слѣдующими словами, которыя переводчица, подписавшаяся „Ураніею“, говоритъ ужъ отъ себя: „Мы обѣ (т.-е. она и ея дочь) читаемъ ваши листки и естьли вы о сей матеріи что либо сообщите, то мы обѣ будемъ вами обязаны“.

Что касается наивнаго недоразумѣнія относительно учености смолянокъ, то оно, по всей вѣроятности, основывалось на знакомствѣ публики только съ программою Воспитательнаго Общества, въ которую включена была даже физика, а эта наука и въ мужскомъ образованіи составляла тогда предметъ совсѣмъ новый. Высшія требованія русскаго общества, какія только могли въ то время предъявляться къ женскому образованію даже считавшими себя образованными людьми, очень близко подходятъ

[1]) XXXVIII Письмо (изъ книги подъ названіемъ Улей).

къ программѣ, изложенной въ вышедшемъ у насъ въ 1778 году переводѣ сочиненія одной француженки: „Опытъ о воспитаніи благородныхъ“ [1]). Въ „Опытѣ“ не только приведена программа тѣхъ наукъ, которыя необходимы, по мнѣнію автора, каждой образованной женщинѣ, но даже мотивы, почему именно нужна ей та или другая наука.

„Съ семи до двѣнадцати лѣтъ“, говоритъ авторъ „Опыта“, „дѣвочку слѣдуетъ учить читать, писать, катехизису и священной исторіи, ариѳметикѣ и геометріи, а также пѣнію, танцамъ, музыкѣ и рукодѣлію. Всему этому могутъ обучать и учителя; но съ десяти лѣтъ дѣвочку никогда не надо оставлять одну, а съ 12-ти учить дѣвицъ должны только учительницы, изъ опасенія, чтобы молодые учителя не стали имъ предлагать чего-нибудь непристойнаго“. Ариѳметика нужна дѣвицамъ для управленія домомъ, а о геометріи, въ „Опытѣ“, сказано просто, что знать ее дѣвицѣ „и надо, и полезно“. Съ 12-ти же лѣтъ учительницы должны обучать дѣвочку исторіи, географіи, грамматикѣ и рисованію. Изъ первыхъ двухъ предметовъ надо давать только начальныя свѣдѣнія „настолько, чтобы дѣвица не скучала, слыша о нихъ разговоры, и не дѣлала бы глупыхъ вопросовъ, надъ которыми смѣяться станутъ“. Грамматикѣ дѣвицы должны учиться для того, чтобы чисто говорить на природномъ языкѣ и правильно на немъ писать. Для чтенія рекомендуется имъ Геральдика, ибо „весьма не худо дѣвицѣ знать какъ дѣлать гербы и оные различать“. Но при этомъ авторъ замѣчаетъ, что „сіе знаніе весьма легкое и притомъ такое, которое весьма скоро позабыть можно; для сего“, говоритъ онъ, „я не совѣтую обучать оной молодыхъ дѣвицъ въ юности, ибо онѣ прежде могутъ ее позабыть нежели будутъ имѣть случай оную употреблять“. Кромѣ того надо дать понятіе дѣвицѣ о миѳологіи, „дабы она прямо разумѣть могла стихотворенія и божества язычниковъ и не почла бы ихъ за истинныя“. По физикѣ авторъ совѣтуетъ сдѣлать для дѣвицъ „выметку или сокращеніе“. Физику онъ рекомендуетъ изучать дѣвицамъ не какъ науку, а какъ „убѣжище отъ скуки въ деревнѣ для женщины и для пользы въ земледѣліи, которое теперь столь въ почтеніи“. Женщины должны обучаться физикѣ еще и потому, что „нѣсколько лѣтъ тому назадъ охота къ физикѣ была столь сильна, что дама какъ будто бы ничего не имѣла хорошаго въ себѣ, если не имѣла

[1]) Опытъ о воспитаніи благородныхъ. 1778. Пер. съ французскаго М. Семичевскій.

понятія о физикѣ". Вообще о физикѣ, миѳологіи и геральдикѣ авторъ говоритъ, что это „будутъ науки увеселительныя, болѣе забавою, нежели ученіемъ". Въ заключеніе, онъ выражаетъ желаніе, чтобы „какой нибудь юристъ, хотя малый любитель женскаго пола, издалъ сочиненіе, въ которомъ бы никакихъ сомнѣній и затрудненій законовъ не было, и изъ коего можно было бы познать то, что̀ называется дѣлами, и какія точно взять мѣры въ томъ или другомъ обстоятельствѣ... Говорятъ, что для сего есть стряпчіе и опекуны. Но много есть провинцій, гдѣ ихъ нѣтъ; кромѣ того, жадность сихъ людей часто побуждаетъ насъ вступать не только въ сомнительныя, но и несправедливыя дѣла". Общей же цѣлью такого образованія дѣвицы—авторъ „Опыта" поставляетъ „успѣхъ обращаясь въ свѣтѣ".

Всѣмъ этимъ знаніемъ, за исключеніемъ началъ юриспруденціи, обладали воспитанницы Смольнаго и именно, какъ кажется, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе намѣтилъ авторъ французскаго сочиненія, и которые Коммиссія народныхъ училищъ нашла недостаточными. Но наше общество и такія знанія приняло за ученость, хотя при основаніи Воспитательнаго Общества, единственный впрочемъ, кажется, журналъ, „Доброе намѣреніе", выражая сочувствіе мѣрамъ Екатерины по образованію женщинъ [1]), вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ и желаніе, чтобы женское образованіе стояло на одной степени съ мужскимъ. Желаніе это было выражено самимъ издателемъ въ слѣдующихъ стихахъ [2]):

Хотя довольныя и днесь мѣста̀ имѣемъ,
Въ которыхъ будучи разсудкомъ богатѣемъ,
Но мужескій лишь полъ то можетъ получать;
Не должно-ль и дѣвицъ подобно обучать?

Потомъ, наша литература очень мало занималась вопросомъ объ образованіи женщинъ. О ихъ воспитаніи, еще до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины, начали говорить въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" и при этомъ былъ высказанъ взглядъ на необходимость „дочерей воспитывать съ такимъ же рачительнымъ смотрѣніемъ, какъ и сыновей, ибо отъ хорошаго ихъ поведенія, а особливо когда они сами матерями будутъ, произойдетъ обществу столько же пользы, какъ вреда отъ худаго". Когда съ 70-хъ годовъ появились сатирическіе журналы, то въ нихъ довольно часто помѣщались статьи, въ которыхъ осмѣивалось модное тогда воспитаніе, мужское и женское, но въ поло-

[1]) Доброе намѣреніе 1764 г. издавалось въ Москвѣ Санковскимъ. Іюнь.

[2]) Р. Архивъ 1879. № 9. „Уединенный Пошехонецъ". Статья Л. Н. Трефолева.

жительномъ смыслѣ—о послѣднемъ говорили только мимоходомъ, а если и останавливались на немъ, то болѣе, кажется, для того, чтобы воспользоваться случаемъ косвенно восхвалить Императрицу.

Образчикомъ подобныхъ статей и тона, которымъ говорила литература о предметѣ, можетъ служить статья „Преимущественныя дарованія женщинъ для воспитанія дѣтей", помѣщенная въ журналѣ „Полезное съ пріятнымъ" [1]). „Что женскій полъ", говорится въ статьѣ, „имѣетъ разумъ, способный къ произведенію въ дѣйство величайшихъ намѣреній и къ управленію государствъ, то доказано многими примѣрами, какъ и то несомнительно, что женщины могутъ съ отмѣннымъ успѣхомъ дѣтей воспитывать. Къ тому и другому потребны почти одинакія дарованія. Ибо мать, въ разсужденіи своихъ дѣтей подобна владѣтелю въ разсужденіи его подданныхъ. Она отъ нихъ отличается и должна поведеніемъ своимъ возбудить въ ея подчиненныхъ любовь, почтеніе и послушаніе. (Слѣдуютъ примѣры матерей великихъ людей.) Приведенные здѣсь примѣры довольно доказываютъ способность женщинъ къ воспитанію, для коего требуется просвѣщенный и твердый разумъ, и притомъ великая кротость. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный полъ можетъ вникнуть въ важнѣйшія науки, и ко всему себя употреблять; будучи одарены быстрымъ воображеніемъ, просто и нѣжно изъясняютъ свои мысли, имѣютъ искусство привлекать всѣхъ къ своимъ мнѣніямъ и суть неоспоримые судьи во всемъ касающемся до благопристойности, вкуса и пріятства". Въ концѣ статьи говорится: „Словомъ, какъ пишетъ г-жа де-Ламбертъ, мущины говорятъ разуму, а женщины сердцу, что весьма нужно для привлеченія каждаго къ должности".

Въ немногочисленной, въ первые годы царствованія Екатерины, средѣ ученыхъ людей, къ образованію женщинъ относились безразлично. Среда эта, въ большинствѣ своихъ членовъ, не отличалась общею развитостью; это были, бо́льшей частью, спеціалисты, каждый по своему предмету; но въ то время въ русскомъ обществѣ было еще такъ мало спроса на науку и такъ мало являлось желавшихъ заниматься ею, что распредѣлять науки, кромѣ, разумѣется, спеціальныхъ: военныхъ, морскихъ, и пр., на мужскія и женскія, не было нужды. Надо было прежде всего заохотить къ нимъ публику, и съ этою цѣлью профессора университета устраивали обыкновенно публичныя лекціи, на которыя приглашали желающихъ, и бо́льшею частью „лицъ обоего пола". Въ 1772 году профессоръ Ростъ приглашалъ на лекціи физики,

[1]) XXXV, 22.

кромѣ студентовъ, и „всѣхъ постороннихъ всякаго званія и обоего пола любителей и рачителей наукъ, къ слушанію лекцій и смотрѣнію чинимыхъ физическихъ опытовъ“. Лекціи читались по-латыни и студенты объясняли ихъ публикѣ по-русски [1]. „Судя по продолжительности этого курса“, говоритъ Шевыревъ, „онъ имѣлъ успѣхъ въ публикѣ“, и вѣроятно среди нея были женщины, ибо на лекціяхъ показывались опыты.

Но въ кружкѣ русскихъ профессоровъ изрѣдка встрѣчались и люди, по взглядамъ и развитію стоявшіе впереди общества. Они высказывали свои взгляды въ рѣчахъ, которыя произносили въ собраніяхъ московскаго университета и которыя имѣли въ то время большое значеніе. „Въ восемнадцатомъ столѣтіи“, говоритъ М. Сухомлиновъ [2], „рѣчи, произнесенныя съ университетской каѳедры, представляли въ большинствѣ случаевъ несомнѣнный интересъ для современнаго имъ общества, отличаясь дѣльностью содержанія и затрогивая многіе живые вопросы, такъ что академическіе ораторы нерѣдко являлись не только истолкователями научныхъ истинъ, но и публицистами“. Однимъ изъ наиболѣе искусныхъ ораторовъ былъ С. Десницкій, докторъ правъ и профессоръ юриспруденціи въ московскомъ университетѣ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета 30-го іюня 1775 г. [3], Десницкій, по словамъ Сухомлинова [4], „проводитъ мысль о равноправности мужчинъ и женщинъ и въ сознаніи этой равноправности видитъ одно изъ яркихъ доказательствъ превосходства новой цивилизаціи въ сравненіи съ бытомъ древнихъ временъ“. Въ числѣ разныхъ аргументовъ въ пользу этой мысли, Десницкій указывалъ на то, что „драгоцѣнное сокровище, которое нынѣ толикимъ служитъ украшеніемъ женамъ, то есть воспитаніе ихъ и дарованіе, подобно какъ металлъ въ землѣ, погребено было у первоначальныхъ народовъ въ нищетѣ и непомышленіи. Напротивъ того, въ наши времена первое о воспитаніи ихъ всѣми прилагается стараніе и съ толикимъ успѣхомъ, что многія къ безсмертной славѣ своего пола, нимало мужскому неуступающими въ наукахъ доказали себя передъ всѣмъ ученымъ

[1] Исторія Моск. унив., стр. 191.

[2] Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ пятый, стр. 3. (Записки Имп. Ак. Наукъ. Т. 38. Кн. 1.)

[3] О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи. Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и о совершенствѣ, къ какому оное приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими. (Ист. Рос. Акад., стр. 298.)

[4] Тамъ же, стр. 7.

свѣтомъ“. Въ числѣ „другихъ премногихъ“ такихъ женщинъ, Десницкій называетъ г-жу Дасье [1]) во Франціи и лэди Уорсли-Монтэгю [2]) въ Англіи.

Десницкій вынесъ такіе взгляды изъ Англіи, гдѣ онъ учился и гдѣ, какъ и вообще на западѣ, образованіе женщинъ продолжало развиваться тѣмъ же путемъ, какъ и прежде, т.-е. онѣ учились дома, у своихъ отцовъ и братьевъ, или ученыхъ, друзей дома, и иногда опережали знаніями своихъ учителей.

У насъ ничего подобнаго быть не могло, потому что образованные отцы и братья были рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ въ русской семьѣ второй даже половины XVIII вѣка. Хорошо еще если между ними встрѣчались хоть такіе, которые, не обладая сами образованіемъ, признавали его нужнымъ для дочерей и сестеръ. Поэтому въ началѣ царствованія Екатерины въ провинціи, въ глуши, даже только грамотныхъ дѣвушекъ средне-дворянскаго круга было мало. Тамъ на образованіе вообще, а въ особенности по отношенію къ женщинамъ, не было и запроса. Въ своихъ запискахъ Болотовъ разсказываетъ, что его свадьба чуть не разошлась изъ-за того, что его представили невѣстѣ и ея матери колдуномъ и чернокнижникомъ потому, что онъ любитъ книги читать, и что невѣста, повѣривъ этому, принялась плакать [3]). Въ поискахъ за невѣстой, которая, въ числѣ другихъ условій, умѣла бы читать и писать, Болотовъ пересмотрѣлъ много предлагаемыхъ ему сватами и свахами дѣвушекъ, и остановившись на одной изъ нихъ, просилъ сваху „пораспровѣдать, умѣетъ ли

[1]) Дочь и жена двухъ извѣстныхъ въ XVII—XVIII вѣкахъ ученыхъ, она затмила ученостью обоихъ (ея переводы классическихъ греческихъ и римскихъ писателей долго считались лучшими изъ всѣхъ), и была избрана членомъ Падуанской Академіи. За ней было заранѣе укрѣплено, въ случаѣ смерти ея мужа, занимаемое имъ мѣсто библіотекаря короля. Но она умерла раньше его, въ 1720 г. (Dictionnaire de la conversation et de la lecture, etc., par une société de savants et de gens de lettres. 2-e édit. 1857.)

[2]) Извѣстна, между прочимъ, своими письмами изъ разныхъ странъ и въ томъ числѣ изъ Турціи, которую она серьезно изучила. Ея письма нѣкоторые ставили даже выше писемъ г-жи Севинье. По этому поводу біографъ лэди Уорсли замѣчаетъ: „кому бы изъ нихъ ни отдать предпочтеніе, надо помнить, что у двухъ самыхъ цивилизованныхъ націй міра, двѣ женщины, каждая на своемъ языкѣ, оставили лучшіе образцы эпистолярнаго стиля“. Лэди Уорсли первая сообщила свѣдѣнія о способахъ прививанія оспы, которыя сама наблюдала въ Константинополѣ и пропагандировала въ Европѣ. Въ теченіе 20-ти лѣтъ она собирала вокругъ себя лучшее образованное общество, въ которомъ занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Умерла въ 1762 г. (Dict. de la conversation.)

[3]) Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ. Т. 2. Письмо 112-е, стр. 491—492.

она по крайней мѣрѣ читать и писать и не охотница ли читать книги“? Сваха принесла ему отвѣтъ, что невѣста „грамотѣ мастерица, читать и писать умѣетъ и когда заставляетъ ее матушка, то читаетъ и книги“. Женившись, Болотову пришлось, однако, разочароваться. Жена его и послѣ свадьбы оказалась, по его выраженію, „несмѣяна, несловоохотна, незнающею ничего и неимѣющею ни малѣйшей склонности къ чтенію, характера самаго хладнокровнѣйшаго и до того нечувствительною, что даже въ самый прошпективическій ящикъ съ картинками, производящій всѣмъ невидавшимъ его еще никогда, толь великое удовольствіе, не смотря на всю молодость, смотрѣла съ совершеннымъ хладнокровіемъ, нимало не веселясь и безъ любопытства“. Это было въ 1764 году.

Восемь лѣтъ спустя „Живописецъ“, въ цѣломъ рядѣ юмористическихъ писемъ, изображалъ взгляды мелкихъ уѣздныхъ дворянъ на реформы Екатерины, имѣя, между прочимъ, въ виду ту же цѣль, какъ и другіе журналы его времени, т.-е. косвенно похвалить Императрицу сравнивая настоящее время съ недавнимъ прошлымъ. У него представительница идей стараго, до-Екатерининскаго времени, богатая помѣщица говоритъ: „въ нашемъ отечествѣ изстари положено для дворянина шпага, для стряпчаго перо, а грамота для поповъ“. Она предлагаетъ автору письма въ „Живописцѣ“ [1]), „дворянину съ одной душою“ на выборъ: „невѣсту, ея дочь, съ 200 душъ и себя вмѣсто матери“; при этомъ обѣщаетъ открыть ему въ своей деревнѣ „новый ученый свѣтъ, какъ-де за сохою ходить и какъ изъ каждыя души золото дѣлать... „Но“, прибавляетъ она, „чтобъ у тебя ни одной книги не видала“. Рядомъ съ этимъ типомъ „Живописецъ“ изображалъ другой, также деревенскій, въ лицѣ уѣзднаго дворянина, который пишетъ сыну своему Ѳалалею, что его сестра, Варя, „посажена за грамоту; батька Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло 15 лѣтъ; пора, другъ мой, объ этомъ подумать; вѣдь ужъ скоро и женихи станутъ свататься, а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится; и указа самой прочесть нельзя“ [2]). Въ другомъ письмѣ отецъ говоритъ сыну, что пріискалъ ему невѣсту, „дѣвушку неубогую, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка“ [3]).

Но и Болотовъ, принадлежавшій къ наиболѣе любознательнымъ и образованнымъ помѣщикамъ, желая дать своимъ доче-

[1]) Л. 25. XLIX, стр. 156.

[2]) Л. 15. XXIV, стр. 93.

[3]) Л. 23. XLV.

рямъ образованіе, довольствовался тѣмъ, что предоставилъ бабушкѣ обучить свою дочь грамотѣ, за которую ее и засадилъ съ пятилѣтняго возраста. „А по выучкѣ грамотѣ", говоритъ Болотовъ, „занималась она наиболѣе уже своими женскими рукодѣліями при матери". Впрочемъ онъ, по крайней мѣрѣ, считалъ нужнымъ „съ своей стороны обработывать ея младой умъ и вперять въ него обо всемъ, что можно было, нужныя знанія и понятія". Кромѣ грамоты, онъ желалъ бы обучать дочь и иностраннымъ языкамъ, но въ деревенскомъ пансіонѣ, гдѣ учился его сынъ, „одной ей съ мальчиками учиться не годилось", а держать для нея одной у себя какую-нибудь француженку или мадамъ не было средствъ; „да и какъ-то мы", говоритъ онъ, „къ тому не имѣли и дальней охоты, а думали, что довольно, когда бы она хотя и одно русское, да порядочно знала, но была бы только не испорчена въ своемъ нравѣ и поведеніи" [1]). Болотовъ училъ однако самъ, своихъ племянницъ и другихъ родственницъ, ариѳметикѣ и рисованію, но для обученія своихъ дочерей танцамъ возилъ ихъ въ Москву и не жалѣлъ платить за это деньги.

Впрочемъ въ семидесятыхъ годахъ и въ деревенской глуши встрѣчались иногда дворянскія дочери, которыя, выучившись читать и писать у крѣпостныхъ людей, пристращались потомъ къ чтенію. Но это было очевидно рѣдкостью, ибо одинъ изъ деревенскихъ пріятелей Болотова, желая женить его на своей сестрѣ, соблазнялъ его тѣмъ, что она любитъ читать „Гофманово сочиненіе о спокойствіи и удовольствіи" и другія подобныя книги, которыя любилъ читать самъ Болотовъ. Послѣдній усомнился однако въ этомъ, и оказался правъ. Женщины читали едва ли не исключительно романы, преимущественно переводные, а иногда и въ оригиналѣ, французскіе. Понятно, что такое чтеніе, безъ всякаго выбора, не мѣняло ихъ вкусовъ и привычекъ, и если „Живописецъ" и другіе сатирическіе журналы, рисуя нравы тогдашняго общества, сгущали иногда краски изображаемыхъ ими картинъ, то все-таки возможно допустить существованіе такихъ „образованныхъ" помѣщицъ, о которыхъ разсказывалъ „одинъ господчикъ" въ „Живописцѣ" относя, конечно, свой разсказъ къ прошедшему, до-Екатерининскому времени. Когда ему было 13-ть лѣтъ, „то мать", разсказываетъ авторъ статьи „Слѣдствія худаго воспитанія" [2]), „придя изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, любовную

[1]) Жизнь и приключенія. Ч. 20-я, стр. 919. 1780 годъ.

[2]) Л. 18. XXXIII.

французскую книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-русски ясно пересказываетъ". Такіе нравы могли быть занесены въ деревенскую глушь изъ столицъ, гдѣ образованіе среди женщинъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было еще такъ незамѣтно, что „Живописецъ" и не надѣялся скоро увидѣть образованныхъ женщинъ. „О женщинахъ нечего и говорить", писалъ онъ въ 1772 году [1]), „онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ сладостно замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того, чтобы привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану".

Отъ того же времени сохранилось свидѣтельство и иностранца [2]) о московскихъ дамахъ, которыхъ Белькуръ, капитанъ французскихъ войскъ, имѣлъ случай наблюдать въ Москвѣ зимой 1773—1774 года. „Русскія дамы", говоритъ онъ, „побывавшія въ Парижѣ, по большей части усвоили себѣ дурной тонъ нашихъ petites maitresses и привезли его съ собою въ Россію. Хорошаго же тона онѣ не пріобрѣли и весьма далеки отъ этого какъ въ отношеніи пріятности разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обращеніи и въ туалетѣ; онѣ любятъ вино и крѣпкіе напитки и много пьютъ ихъ подобно своимъ мужьямъ; какъ мужчины, такъ и дамы очень жестоки со своими рабами".

Если дѣйствительно таково было умственное и нравственное состояніе женской части русскаго общества въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, то удивляться этому нельзя; было бы, напротивъ, удивительно еслибы женщины выдѣлялись умственными и нравственными качествами изъ окружавшей ихъ среды. Какъ ни велико было въ то время невѣжество среди мужчинъ, оно было, и должно было быть, еще больше среди женщинъ. Въ первую половину царствованія Екатерины для нихъ только и существовало одно учебное заведеніе, Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскимъ при немъ училищемъ. Тѣмъ, кто туда не попадалъ, оставались тѣже пути къ образованію, какіе были для мужчинъ, не попадавшихъ въ казенныя, гораздо болѣе впрочемъ многочисленныя, училища, т.-е. воспитываться дома по старымъ обычаямъ, или подъ руководствомъ французскихъ воспита-

[1]) Живописецъ. I. 26.

[2]) Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relegué en Sibérie. Amsterdam. 1776. (Древняя и Новая Россія. 1875. № 11, стр. 279.)

тельницъ и гувернантокъ, или же въ пансіонахъ подъ вліяніемъ тѣхъ же лицъ. Немудрено поэтому, что женщины увлекались общимъ направленіемъ, господствовавшимъ въ то время въ общественной и семейной средѣ, которому онѣ и подчинялись. Французскія моды, „флеръ, крепъ, лино, цвѣты", французскій разговоръ, французскіе романы, французская внѣшность, однимъ словомъ все, чтò давалось легко и бросалось въ глаза, привлекало ихъ; къ этому онѣ и тянулись.

Надо вспомнить, что французское вліяніе, господствовавшее тогда во всей Европѣ, началось у насъ лѣтъ за двадцать до воцаренія Екатерины. Стало быть, молодое поколѣніе Екатерининскаго времени выростало тогда, когда эти идеи были еще новыми и считались въ нѣкоторомъ родѣ прогрессомъ въ сравненіи съ существовавшими до тѣхъ поръ въ русскомъ обществѣ взглядами на воспитаніе. Въ 1750 году Сумароковъ первый началъ осмѣивать ложный путь, какой приняло тогдашнее образованіе молодаго поколѣнія обоего пола. Въ его комедіи „Чудовищи" изображенъ петиметръ Дюлижъ; но въ комедіяхъ „Пустая ссора" и „Мать — совмѣстительница дочери" [1]), рядомъ съ петиметрами являются и петиметерки. Фон-Визинскій „Бригадиръ" написанъ въ 1766 году и типъ Совѣтницы еще былъ сравнительно новымъ. Н. И. Панинъ, сказавъ Фон-Визину, что „никто сказать не можетъ что такую же Акулину Тимоѳевну (Бригадиршу) не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу", не могъ отнести Совѣтницу къ тому же поколѣнію. Этотъ типъ если еще не вытѣснялъ при Екатеринѣ типа Бригадирши, то, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, дѣйствовалъ рядомъ съ нимъ въ первую половину ея царствованія. Понятно, что у такихъ матерей должны были и дочери воспитываться въ томъ же духѣ, тѣмъ болѣе, что и отцы раздѣляли такой взглядъ на воспитаніе дѣтей.

О частныхъ женскихъ пансіонахъ Екатерининскаго времени мы можемъ судить уже не по однимъ только объявленіямъ о нихъ, какъ это было при Елизаветѣ, а имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія въ донесеніяхъ членовъ Коммиссіи народныхъ училищъ. Изъ произведеннаго въ 1784 году членами Коммиссіи, Крейдеманномъ и Козодавлевымъ, осмотра 14-ти полныхъ пансіоновъ и 5-ти съ приходящими учениками и ученицами оказалось, что большинство содержателей и содержательницъ частныхъ пансіоновъ въ Петербургѣ были нѣмцы и нѣмки (9), а въ числѣ пан-

[1]) Соч. Сумарокова. ЧЧ. V и VI.

сіоновъ съ приходящими—былъ одинъ содержимый русскимъ мѣщаниномъ [1]). Общее число всѣхъ иностранныхъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ доходило въ 1784 году до 26-ти, а въ Москвѣ ихъ было всего 10, включая сюда и нѣмецкія училища въ обѣихъ столицахъ [2]), Кромѣ того въ Москвѣ былъ одинъ, а въ Петербургѣ 17 русскихъ пансіоновъ или школъ.

Учащіяся дѣвочки во всѣхъ какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ иностранныхъ пансіонахъ и школахъ, составляли лишь одну пятую часть общаго числа учащихся, а это число и само по себѣ было невелико: въ Петербургѣ всѣхъ учащихся въ 1780 г. было 500; изъ нихъ до 200 русскихъ, остальные иностранцы. Въ 1780 году, въ существовавшихъ тогда 23-хъ пансіонахъ, изъ 72-хъ учителей и учительницъ въ Петербургѣ, было лишь 20 русскихъ; но и изъ нихъ половину составляли учителя танцевъ и рисованія, а остальные преподавали русскій языкъ и ариѳметику [3]).

Бо̀льшую часть иностранныхъ частныхъ пансіоновъ и школъ Коммиссія признала въ 1784 году удовлетворительными, хотя почти ни въ одномъ изъ нихъ не преподавался русскій языкъ.

Лучшимъ изъ такихъ пансіоновъ было петербургское нѣмецкое училище св. Петра, гдѣ съ самаго его основанія всегда, по словамъ Георги [4]),—учились въ отдѣльныхъ отъ мальчиковъ классахъ,—и дѣвочки, причемъ русскія дѣти обыкновенно составляли одну четвертую часть общаго числа учащихся. Для ученицъ было всего 3 класса (для мальчиковъ 6), въ которыхъ имъ преподавали: языки нѣмецкій, россійскій, французскій, законъ Вѣры, ариѳметику, географію, исторію, начальныя основанія естественной исторіи и физики; „притомъ“, говоритъ Георги, „упражняли ихъ въ собственныхъ письменныхъ сочиненіяхъ“. Съ 1770 года и въ отдѣленіе для дѣвочекъ было введено преподаваніе латинскаго языка. Кромѣ

[1]) Архивъ Деп. Нар. Просвѣщенія.

[2]) Въ старѣйшемъ изъ такихъ училищъ, Анненской школѣ (основана въ 1736 г.) до 1780 года дѣвочки учились вмѣстѣ съ мальчиками. Предметы преподаванія были слѣдующіе: законъ Божій, латинскій, французскій, нѣмецкій языки, ариѳметика, геометрія, исторія, географія, логика, чистописаніе. За особую плату преподавались: русскій языкъ, музыка и рисованіе. (Zur Jubelfeier des 150-jährigen Bestehens der St. Annen-Schule am 3. Januar 1889. St.-Petersburg. 1889.)

[3]) Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. Составлено по порученію г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника М. П. Мусина-Пушкина, *А. Вороновымъ*. 1849, стр. 6.

[4]) Описаніе россійско-императорскаго столичнаго города Санкт-Петербурга. 1794. Ч. II, стр. 401.

того, дѣвочекъ, какъ и мальчиковъ, обучали за особую плату танцамъ и рисованію. Но хотя число предметовъ для дѣвочекъ было меньше чѣмъ для мальчиковъ, для первыхъ плата вообще была выше чѣмъ для послѣднихъ. Дѣвочки должны были платить за ученіе въ первомъ классѣ по 20 рублей въ годъ, а въ двухъ слѣдующихъ по 24 рубля, между тѣмъ какъ мальчики платили въ первомъ классѣ по 12-ти р. въ годъ, а въ слѣдующихъ пяти по 16-ти. Въ это училище, по словамъ Георги, во второй половинѣ царствованія Императрицы Екатерины, начиная съ 1788 г., поступало въ сложности каждый годъ по 40 мальчиковъ и 30 дѣвочекъ [1]).

Въ 17-ти русскихъ частныхъ школахъ, съ 519-ю учащихся обоего пола вѣроятно, учили лишь чтенію, письму и элементарнымъ свѣдѣніямъ изъ ариѳметики. Но всѣ эти школы оказались такъ плохи, что Коммиссія ихъ закрыла какъ совершенно безполезныя въ дѣлѣ ученія [2]). Изъ иностранныхъ пансіоновъ былъ закрытъ всего одинъ; но объ ученіи въ нѣкоторыхъ изъ оставленныхъ Коммиссіею женскихъ французскихъ пансіонахъ, члены Коммиссіи представили ей слѣдующія свѣдѣнія: въ одномъ изъ нихъ „ученіе въ исторіи производится по книжкѣ „Etudes des demoiselles par questions“. „Географію“, говорятъ они [3]), „можно почесть однимъ спискомъ географическихъ названій“. Учитель ариѳметики учитъ два раза въ недѣлю; самъ ничего не знаетъ, а преподаетъ „свои собственные вымыслы“. Грамматику преподаетъ г-жа Горнъ также по „собственному вымыслу“. Для чтенія и переводовъ употребляется книга „Дѣтскій Магазинъ“ г-жи де-Бомонъ. Кромѣ этихъ предметовъ преподавались во французскомъ пансіонѣ еще русскій и нѣмецкій языки. Этотъ пансіонъ члены Коммиссіи признали хорошимъ для французскаго языка.

О другомъ пансіонѣ, содержательницею котораго была француженка, г-жа Кокъ, Крейдеманнъ и Козодавлевъ отозвались какъ о заслуживавшемъ довѣрія родителей. Но вотъ въ какомъ состояніи находилась тамъ учебная часть: географію, исторію, французскій и нѣмецкій языки преподавала сама содержательница. При ней была помощница, г-жа Тиллигъ, англичанка, дочь умершаго машиниста, служившаго тридцать лѣтъ при Императрицѣ Екатеринѣ. Г-жа Тиллигъ была прежде учительницею дѣтей гр. Разумовскаго, потомъ въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ училищѣ св. Петра. Объ ея знаніяхъ члены

[1]) Описаніе росс. стол. города С.-Пет. Ч. II, § 686.

[2]) *Вороновъ.* Историко-статист. обозр. Т. I, стр. 36.

[3]) Архивъ Деп. Нар. Просвѣщенія. Журналы Ком. Нар. уч.

Коммиссіи выразились, что „она можетъ хорошо сочинить нѣмецкое письмо, выключая малыя ошибки въ правописаніи“. Вообще всѣ науки въ иностранныхъ пансіонахъ преподавались на французскомъ языкѣ, котораго учащіеся не понимали [1]). На этомъ же языкѣ, по свидѣтельству Болотова, въ пансіонахъ заставляли дѣтей заучивать наизусть исторію и географію.

Въ Москвѣ, при освидѣтельствованіи по указу Императрицы Екатерины 7 октября 1785 года частныхъ учебныхъ заведеній, ихъ оказалось всего 11 съ 394 учащимися, изъ которыхъ русскихъ было 284, а иностранцевъ 110. Въ числѣ 394 было: 41 русская дѣвочка и 24 иностранки. Въ одномъ изъ пансіоновъ дѣвочки даже помѣщались вмѣстѣ съ мальчиками [2]).

Частные пансіоны были и въ нѣкоторыхъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ, а иногда и въ мѣстечкахъ. Князь И. М. Долгорукой упоминаетъ въ „Капищѣ“ объ Ярославскомъ женскомъ пансіонѣ, а изъ разсказа Болотова о томъ, какъ при немъ устроился пансіонъ въ мѣстечкѣ Богородицкѣ, можно заключить что учрежденіе пансіоновъ въ провинціи зависѣло отъ случая. Попадалъ въ какой-либо городъ французъ или нѣмецъ и объявляли о своемъ намѣреніи открыть пансіонъ. За отсутствіемъ въ городѣ всякихъ способовъ, для небогатыхъ помѣщиковъ или служащихъ людей, обучать своихъ дѣтей, они были рады представлявшемуся случаю отдать ихъ въ пансіонъ. Но по бо̀льшей части такіе пансіоны существовали недолго, ибо утвердившись на мѣстѣ, содержатель пансіона очень скоро переставалъ стѣсняться и давалъ просторъ своей страсти къ вину, картамъ или кутежамъ, а иногда просто принималъ болѣе выгодное для него приглашеніе въ домъ къ богатому человѣку, и пансіонъ исчезалъ такъ же внезапно, какъ появился.

Вообще порядочные учителя и порядочные пансіоны встрѣчались въ провинціи еще рѣже, чѣмъ въ Петербургѣ. Не даромъ Державинъ, опровергая направленное противъ его жены обвиненіе въ томъ, что она въ домѣ одного тамбовскаго помѣщика била и выгнала вонъ жену предсѣдателя тамбовской Гражданской Палаты, писалъ: „Я не буду въ защищеніе говорить того, что жена моя воспитана въ Петербургѣ“ [3]).

Во время своего губернаторства въ Тамбовѣ (1786—1788) Державинъ устроилъ въ своемъ домѣ классы для юношества

[1]) *Вороновъ*. Истор. стат. обозр. 7.

[2]) *М. Лонгиновъ*. Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. (Р. Вѣстникъ 1858.)

[3]) Соч. Державина. Т. V. Письмо къ графу А. А. Безбородко, 3 іюля 1788 г.

обоего пола. Кромѣ уроковъ танцевъ, для которыхъ онъ нарочно выписалъ изъ столицы танцмейстера съ дочерью, Державинъ пригласилъ учителей изъ недавно передъ тѣмъ открытыхъ въ губерніи народныхъ училищъ, „у которыхъ“, говоритъ онъ [1]), „считалось за непристойное брать уроки дѣвицамъ въ публичной школѣ“ и эти учителя должны были обучать дѣвицъ въ домѣ Державина грамматикѣ, ариѳметикѣ и геометріи „за умѣренныя цѣны“. Въ его домѣ бывали и литературныя собранія, въ которыхъ принимали участіе и женщины; вообще у него собирались до 150-ти „прекрасныхъ и недурныхъ, богатыхъ и неубогихъ“ дѣвицъ, изъ которыхъ онъ предлагалъ одному изъ своихъ корреспондентовъ, Аверьянову [2]), выбрать себѣ невѣсту „съ небольшою деревенькою“. Конечно такое обиліе ученицъ, собиравшихся въ классахъ, устроенныхъ Державинымъ, нельзя объяснить стремленіемъ тамбовскихъ барышень къ образованію, а скорѣе тѣмъ, что въ губернаторскомъ домѣ было весело, устраивались танцы и домашніе спектакли, да кромѣ того, какъ видно изъ письма Державина Аверьянову, представлялась возможность скорѣе найти себѣ жениха.

Должно быть, въ отношеніи образованія, и при домашнемъ воспитаніи дѣло было поставлено такъ же, какъ въ пансіонахъ. Конечно, между наставниками и наставницами не все же были невѣжественные или развращенные люди; попадались между ними и знающіе, и порядочные. Но требованія общества и родителей стояли, какъ справедливо замѣчаетъ Вороновъ [3]), далеко ниже идеала Екатерины и дѣлали возможнымъ существованіе плохихъ пансіоновъ, лишь бы въ нихъ дѣтей обучали французскому языку и танцамъ. Ив. Мих. Долгорукой упоминаетъ, въ своихъ запискахъ и словарѣ, имена нѣсколькихъ воспитательницъ, обучавшихъ его самого въ дѣтствѣ, или жившихъ потомъ въ его домѣ при дѣтяхъ. Тѣхъ, о которыхъ онъ отзывается хорошо и считаетъ образованными, онъ хвалитъ преимущественно за „благородное обращеніе въ свѣтѣ“, за умѣнье привить воспитанникамъ и воспитанницамъ „тѣ наружныя преимущества, которыя обезпечиваютъ успѣхи въ обществѣ“.

Несмотря однако на всѣ эти неблагопріятныя условія для женскаго образованія, оно, хотя медленно и въ узкомъ, поверхностномъ смыслѣ слова, но подвигалось впередъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ общества. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ

[1]) Записки Державина, стр. 579. (Соч. Т. VI.)

[2]) Соч. Державина. Т. V, стр. 644. Письмо отъ декабря 1786 г.

[3]) *Вороновъ.* Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ, де-Миріево. 1858.

прошлаго столѣтія женщины, по словамъ французскаго посла, графа Сегюра [1]), опередили даже мужчинъ въ образованіи. „Въ обществѣ", говоритъ онъ, „можно встрѣтить много нарядныхъ дамъ и дѣвицъ, говорящихъ на 4—5 языкахъ, умѣющихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ писателей Франціи, Италіи и Англіи... Мужчины, исключая сотни придворныхъ, каковы: Разумовскіе, Румянцевъ, Воронцовъ, Шуваловъ, Голицынъ, Долгоруковъ, бо̀льшей частью необщительны и молчаливы, важны и холодно вѣжливы и, повидимому, мало знаютъ о томъ, что̀ происходитъ за предѣлами ихъ отечества". Еще десятью годами позже (въ 1800 г.), уже послѣ смерти Екатерины, но говоря о женщинахъ, воспитавшихся при ней, англійскій путешественникъ Кларкъ вынесъ такое же впечатлѣніе о русскихъ женщинахъ. „Dans la classe des nobles", писалъ онъ [2]), „les femmes paraissent de beaucoup supérieures aux hommes; elles sont douces, sensibles, *souvent fort instruites*, belles, accomplies" [3]).

Здѣсь кстати напомнить, что во все время царствованія Екатерины, самыми образованными людьми во всей Россіи были двѣ женщины: сама Императрица и княгиня Дашкова. А между тѣмъ ни та, ни другая, не прошли въ молодости систематическаго курса ученія, и хотя обѣ, по тогдашнему состоянію науки, могли считаться не только образованными, но даже учеными, — онѣ не выставляли напоказъ своей учености и не были педантками. „Какъ жаль мнѣ этихъ бѣдныхъ ученыхъ"! сказала однажды Екатерина Сегюру [4]): „они не смѣютъ произнести двухъ самыхъ простыхъ словъ: „не знаю", которыя для насъ, простыхъ невѣждъ, такъ легки". Такъ смотрѣла Екатерина на свою ученость. Она, какъ и Дашкова, образовалась сама, „чтеніемъ и упражненіемъ", какъ выражалась Императрица. Вѣроятно этимъ же путемъ, слѣдуя ихъ примѣру, образовывались и тѣ женщины, о которыхъ Кларкъ отозвался какъ объ очень образованныхъ. Стало быть, усилія Екатерины привить русскому обществу вкусъ къ чтенію—не остались совсѣмъ безъ результатовъ и по отношенію къ женщинамъ.

Сама Екатерина не только примѣромъ, но и лично, при вся-

[1]) Ségur. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. 1827. T. II, p. 228.

[2]) Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie par M. Edouard Clarke. 1813. T. I, p. 111.

[3]) Въ классѣ дворянъ, женщины гораздо выше мужчинъ; онѣ кротки, чувствительны, часто весьма образованы, прекрасны, обладаютъ всѣми совершенствами".

[4]) Ségur. Mémoires etc. T. III, p. 33.

комъ представлявшемся ей случаѣ, поощряла ихъ къ самообразованію и даже къ литературнымъ занятіямъ. Въ концѣ ея царствованія женщины читали не только переводные романы: Ричардсона—„Клариссу“, „Памелу“, аббата Прэво, госпожу Жанлисъ, Руссо и др., но онѣ читали и отечественныхъ писателей: Карамзина, Сумарокова, стихи котораго нѣкоторыя знали наизусть. Были между ними и такія, которыя читали и серьезныя книги. Фон-Визинъ счелъ нужнымъ заставить Софью [1]) читать Фенелона „Education des filles“, а незадолго до своей смерти, узнавъ о сдѣланномъ двумя сестрами, княжнами Волконскими, переводѣ „весьма полезной для натуральной исторіи книги“ [2]), выразилъ, по словамъ Макарова, одному изъ своихъ пріятелей сожалѣніе, что при „изображеніи своей послѣдней Софьи задалъ ей еще весьма мало учености“ [3]).

Прогрессъ въ образованіи женщинъ, между началомъ и концомъ царствованія Екатерины, сказался и въ другомъ. За двадцать лѣтъ до появленія русскихъ сатирическихъ журналовъ, дѣвицъ считали нужнымъ обучать въ пансіонахъ, какъ особому предмету, „читанію вѣдомостей“ [4]). Съ появленіемъ этихъ журналовъ въ 1769 году, женщины, увлекаемыя вѣроятно примѣромъ Императрицы, стали не только ихъ читать, но и писать въ журналахъ. Издатель „Живописца“, извѣстный Новиковъ, понималъ важное вліяніе образованныхъ женщинъ на общество, и, какъ говоритъ Макаровъ [5]), „каждой дамѣ и дѣвицѣ, занимавшейся чтеніемъ книгъ, былъ всегда и другомъ, и покровителемъ, охотно предавая тисненію всѣ ихъ сочиненія и переводы“. Цѣня ихъ сотрудничество [6]) въ видахъ заохоченія ихъ къ литературнымъ занятіямъ, Новиковъ помѣщалъ въ своихъ журналахъ всѣ произведенія женщинъ, какъ бы они ни были плохи.

Должно быть, сначала, читающія журналы женщины были явленіемъ столь новымъ, что на это, въ обычномъ Екатерининскимъ журналамъ ироническомъ тонѣ, сочла нужнымъ указать двадцатилѣтняя сотрудница „Живописца“ М. С. (Марія Сушкова). Въ письмѣ къ „Живописцу“, подписанномъ: „ваша доброжелательная

[1]) Недоросль. Дѣйствіе 4-е, явленіе II.

[2]) „Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ“, въ 2-хъ частяхъ. 1792.

[3]) *Макаровъ.* Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ. (Дамскій журналъ. 1830. Мартъ. № 13, § 19.)

[4]) *Соловьевъ.* Ист. Р. Т. XXIII, стр. 344.

[5]) Матер. для ист. р. ж. авторовъ. (Дамскій Журналъ. 1830. № 10, § 12.)

[6]) *Лонгиновъ.* Новиковъ и мартинисты. 1867. Стр. 383.

ненавистница", она жалуется на то, что и „дѣвицы стали не дѣвицами отъ чтенія „Живописца"... „сидитъ, какъ неодушевленная статуя, боится изо рта выпустить слово, а какъ въ модномъ свѣтѣ обращаться, того головой не смыслитъ" [1]). И гораздо позже, въ 1783 году, въ другомъ журналѣ, высказывалось еще въ видѣ мечты, что настанетъ время, когда число читателей журнала такъ умножится, что и женщины „въ мѣсто, чтобы въ карты загадывать или по рядамъ безъ нужды ходить, за чтеніе „Собесѣдника" примутся" [2]).

Если такъ мало было сначала охотницъ читать журналы, то еще менѣе должно было встрѣчаться среди женщинъ, желающихъ писать въ нихъ. И дѣйствительно такія женщины составляли вначалѣ рѣдкія исключенія. Къ нимъ принадлежала Сушкова, урожденная Храповицкая, сестра бывшаго потомъ секретаря Императрицы, который въ то время, когда издавался „Живописецъ", и самъ занимался литературою [3]). Сушкова, подобно своимъ братьямъ, говоритъ М. Лонгиновъ [4]), получила блестящее образованіе и знала языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій. Но за то она не знала отечественнаго, и братъ, по ея просьбѣ, показывалъ ей грамматическія правила русскаго языка. Онъ же обратилъ ея вниманіе на поэзію, которою она занялась со страстью. По разсказу Макарова [5]), когда графъ К. Гр. Разумовскій донесъ Императрицѣ, что его землячка, Храповицкая, „запѣлась въ виршахъ", то этого было довольно, чтобы Екатерина пригласила Храповицкую ко двору, стала поощрять ее писать стихи, заставляла переводить и печатать свои произведенія въ современныхъ журналахъ.

Такъ же относилась Екатерина и къ другимъ женщинамъ, рѣшавшимся выступать на литературное поприще. По разсказамъ Макарова, слышавшаго передаваемыя имъ извѣстія отъ современниковъ Екатерины, она всегда интересовалась литературными произведеніями женщинъ.

Первою русскою женщиной—писательницею, въ настоящемъ, литературномъ смыслѣ, была дочь Сумарокова, вышедшая потомъ

[1]) Живописецъ. Л. II. XIII.

[2]) Собес. люб. р. слова. Письмо изъ Звенигорода къ гг. издателямъ отъ 20 іюня 1783 г. Ч. II.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*. Т. III, стр. 504.

[4]) Библіографическія записки XLII. Современникъ. 1856. Т. LXIII.

[5]) Матеріалы. (Дам. Журн. 1830, февраль № 7). Сушкова была дочь лейбъ-кампанца, впослѣдствіи генералъ-аншефа. Родилась въ 1752. (Библіографическій словарь русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына. Жур. М—ва Нар. Пр. 1889. Мартъ.)

замужъ за извѣстнаго драматическаго писателя Княжнина. Она еще при Императрицѣ Елизаветѣ была извѣстна [1]) какъ пламенная любительница музъ, какъ дѣвица-поэтъ, съ которою, „по тогдашнему образу мыслей, большая часть ея современницъ, предупрежденныхъ не въ пользу наукъ для женщинъ, боялись сказать лишнее слово". Но за то, прибавляетъ Макаровъ, съ ней говаривали Шуваловъ и Ломоносовъ, который, не терпя Сумарокова, „благоговѣйно, какъ говорятъ, подходилъ къ ручкѣ Катерины Александровны, привѣтствовалъ ее иногда стихами и публично говорилъ: „вотъ умница барышня; въ кого такая родилась"! А современники о ней говорили: „за кого ей идти кромѣ Якова Борисовича (Княжнина); на такой барышнѣ люди простые не женятся, да и сама она за простаго не пойдетъ". Сумароковъ самъ училъ дочерей писать, грамматикѣ и поэзіи; онъ гордился своею дочерью-поэтомъ; но любя, чтобы его дочери занимались литературою и особенно поэзіею, считалъ неприличнымъ, чтобы стихи, а въ особенности такія, въ которыхъ говорилось о любви, были писаны отъ лица женщины. „Къ дѣвицамъ это нейдетъ", говорилъ Сумароковъ, какъ передаетъ Макаровъ со словъ современника Сумарокова, графа Хвостова, „благовоспитанная стихотворица-дѣвица должна только думать о мастерствѣ въ стихахъ, а не объ изъясненіяхъ полюбовныхъ" [2]). Этимъ объясняется, что, повинуясь приказаніямъ отца, Сумарокова писала свои стихи отъ лица мужчины, а нѣкоторыя она писала единственно по заказу отца. Первое ея стихотвореніе за подписью „Катерина Сумарокова" было напечатано въ журналѣ, издававшемся Сумароковымъ „Трудолюбивая Пчела" 1759 года. Это была элегія, въ которой авторъ изображалъ, говоря отъ лица мужчины, свои страданія вслѣдствіе разлуки съ покинувшей его женщиною [3]). Потомъ, она писала, по словамъ Новикова, „весьма изрядныя стихотворенія" [4]).

При Екатеринѣ, первою по времени писательницею была Ал. Ѳед. Ржевская, сестра фельдмаршала, графа Каменскаго. О ней Новиковъ говоритъ, что она любила науки и художества, упражнялась въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ, имѣла ве-

[1]) *Макаровъ*. Матеріалы. (Дам. Журн. 1830. Январь. № 1.)

[2]) Д. журналъ. 1830. Іюль. № 29, стр. 2. 2-е Дополненіе къ матеріаламъ.

[3]) Словарь русскихъ писательницъ 1759—1789. Составилъ Николай Книжникъ. (Р. Арх. 1865, стр. 1426).

[4]) Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій собралъ Николай Новиковъ. С.-Пет. 1772. (Ефремовъ. Матеріалы для исторіи русской литературы. 1867, стр. 59.)

ликую охоту къ чтенію книгъ, искусна была во французскомъ, итальянскомъ и своемъ природномъ языкѣ [1]). Въ числѣ разныхъ сочиненій, оставленныхъ Ржевскою (умершею 29-ти лѣтъ въ 1769 году), Новиковъ особенно хвалитъ романъ „Кабардинскія письма", который, по словамъ Макарова, въ рукописи читался при дворѣ Екатерины [2]). Затѣмъ, другихъ писательницъ, кромѣ Дашковой, которая „упражнялась во всѣхъ родахъ литературы", писала стихи „нѣкоторыя весьма изрядныя, и въ протчемъ", какъ о ней выразился Новиковъ, почиталась „за одну изъ ученыхъ россійскихъ дамъ и любительницу свободныхъ наукъ" [3]), до появленія сатирическихъ журналовъ, т.-е. до 1769 года, была только одна еще женщина-писательница, поэтесса и переводчица. По поводу переведеннаго ею съ французскаго, сочиненія прусскаго короля Фридриха II [4]), Екатерина, какъ разсказывалъ Макарову ея современникъ, канцлеръ гр. Остерманъ, сказала Дидро: „вотъ у меня перевели и Фридриха; и кто же, думаете вы?—молодая, пригожая дѣвушка" [5])! Съ 1769 года стало увеличиваться число женщинъ писательницъ; но оно было невелико во все царствованіе Екатерины. Бо̀льшею частью онѣ принадлежали къ сословію знатныхъ по происхожденію или по своему положенію въ служебномъ мірѣ и, по обычаю тогдашнихъ литераторовъ, не подписывались въ журналахъ; но впослѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ стали издавать свои сочиненія отдѣльно и подъ полнымъ своимъ именемъ.

Что̀ именно женщины писали, и какого качества были ихъ литературныя произведенія, въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія; эти произведенія были не лучше и не хуже большинства другихъ, появлявшихся тогда въ печати. Мы приводимъ нѣкоторыя о нихъ подробности лишь потому, что эти подробности показываютъ, какъ къ участію женщинъ въ литературѣ относилась Императрица, а также нѣкоторые изъ тогдашнихъ писателей и избранныхъ людей. Не лишено также интереса отношеніе самихъ женщинъ къ своимъ литературнымъ упражненіямъ, и цѣли, какими онѣ иногда руководствовались, при выборѣ того или другого сюжета. Въ этомъ смыслѣ характерны два дошедшія

[1]) Опытъ, стр. 93.

[2]) Д. журналъ. 1830. Январь, § 2.

[3]) Опытъ стр. 31.

[4]) Исторія Бранденбургская съ тремя разсужденіями о правахъ, обычаяхъ и успѣхахъ человѣческаго разума, о суевѣріи и законѣ, о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ. 4 ч.

[5]) Вельяшева-Волынцева, дочь артиллеріи генерала. (Дамскій Журналъ. 1830. Январь, № 3.)

до насъ письма, въ видѣ посвященія переводовъ, сдѣланныхъ женщинами-авторами.

Первое изъ нихъ принадлежитъ княгинѣ К. А. Меншиковой, которая въ 1780 г. перевела съ французскаго эпизодъ изъ Тасса подъ заглавіемъ „Олендъ и Софронія, ироическая драма“ и посвятила его митрополиту Гавріилу. Въ посвященіи она пишетъ: „Высокопреосвященнѣйшій Владыка, Милостивый Государь мой и Архипастырь! Невмѣстимымъ показаться можетъ, что мой ѳеатральнаго дѣйствія переводъ посвящаю Вашему Выс—ву; но какъ намѣреніе сего сочиненія не иное что, какъ отмѣнная ревность къ христіанской вѣрѣ во время побѣды Магомета области Іерусалимской до пришествія Годефрида Булліонскаго и крестовой войны, почему и разсудила, что оный переводъ никому приличнѣе отнестись не можетъ, какъ Вашему Выс—ву, ревнителю закона, проповѣднику истинной православной Вѣры и поселителю въ сердце человѣческомъ корня благодати“ [1]). Митрополитъ, по словамъ Макарова, съ чувствомъ особенной признательности къ почтенной переводчицѣ, принявъ ея труды, отдалъ имъ совершенную справедливость.

Другое письмо написано княгинею Варварою Голицыною, урожденною Энгельгардъ, племянницею Потемкина, бывшею въ то время (въ 1790 г.) матерью семерыхъ сыновей.

Посвящая мужу, бывшему тогда въ арміи, свой переводъ французскаго романа, „Заблужденія отъ любви или письма отъ Фанеліи къ Мильфорту“, кн. Голицына пишетъ: „Любезный другъ! Увидя друга своего издателемъ сей книги, не удивляйся тому, ибо выпустить въ свѣтъ сей слабый мой переводъ я дерзнула не съ намѣреніемъ тщеславія, или желанія угодить тому же самому свѣту, но побудительною сего причиною было то, что я увѣрена, сколь для тебя лестно бываетъ, когда я занимаюсь чѣмъ нибудь полезнымъ и къ просвѣщенію ведущимъ. Не упрекай меня за содержаніе перевода, которое само по себѣ дурно; я разсуждаю, что мы не отъ однихъ хорошихъ примѣровъ получаемъ пользу, но равно, кажется, ежели не бо́льшую, то вѣрно и не меньшую, и отъ худыхъ... Несчастіе болѣе просвѣщаетъ и научаетъ человѣка, нежели его непрерывное и постоянное благополучіе; примѣръ гнуснаго порока столько же насъ отвращаетъ отъ зла, какъ и примѣръ рѣдкой добродѣтели, и я надѣюсь, что слезный конецъ жизни описываемаго въ сей книгѣ Мильфорта возбудитъ всякаго по путямъ заблужденій ходящаго и къ разсудку приве-

[1]) Д. Журн. 1830. № 29. Іюль. 2-е доп. къ Мат. д. ист. р. ж. авторовъ.

детъ. И такъ, принявъ сей трудъ для одного тебя, мой другъ, твоей ко мнѣ горячности его и посвящаю. Прими его, дражайшій супругъ, какъ новый знакъ любви, которую я къ тебѣ ощущаю, и скажи въ себѣ: хотя изданіе сіе и недостаточно, но посвященіе онаго для меня совершенно и всего драгоцѣннѣе. Такая мзда будетъ мною болѣе всего уважена и иной награды я не желаю. Съ симъ заключая навсегда образъ твой въ сердцѣ моемъ, умоляю Всевышняго, да содержитъ онъ тебя подъ покровомъ своимъ и да сохранитъ тебя невредимо для благополучія и счастливыхъ дней искренняго твоего друга

Варвары княгини Голицыной" [1]).

Посылая Хераскову переводъ княгини Голицыной, жившей въ то время въ Тамбовѣ, Державинъ, гордившійся, по словамъ современниковъ, успѣхами своихъ тамбовскихъ литераторовъ, писалъ: „У насъ и Талія, и Мельпомена, свои Θеокриты, свои Сафо, все, все... Прочтите нашъ новый романъ; да послужитъ онъ для многихъ изъ вашихъ указкою и по выбору, и по слогу. Въ столицахъ не всѣ такъ переводятъ" [2]). Въ числѣ женщинъ, упражнявшихся въ писательствѣ „подъ диктатурою", какъ тогда выражались, Державина, была Нилова, которая, по его совѣту, перевела философскій романъ „Графъ Вальмонтъ или Заблужденія разсудка" въ семи частяхъ. Но этотъ переводъ, какъ и вообще переводы въ то время, когда нашъ языкъ былъ еще не выработанъ, представлялъ особенныя затрудненія для русской переводчицы, которой, говоритъ Макаровъ [3]), надо было самой сотворить ученый романическій слогъ на русскомъ языкѣ. Нилова все преодолѣла, но „при довершеніи своего гигантскаго предпріятія", разсказываетъ Макаровъ, за отъѣздомъ изъ Тамбова Державина, она была бы поставлена въ большое затрудненіе, еслибъ ей не помогли совѣтомъ учитель Тамбовскаго народнаго училища Ромейковъ и П. Чичеринъ, директоръ училищъ. „Переводъ Ниловой", прибавляетъ Макаровъ, „доставилъ ей извѣстность не только въ Россіи и ученомъ мірѣ, но и въ другихъ земляхъ".

По поводу упомянутаго нами уже перевода княженъ Волконскихъ, Макаровъ говоритъ, что „профессоръ Озерецковскій и многіе другіе изъ нашихъ ученыхъ естествоиспытателей отдавали всю должную справедливость выбору переводчицъ и хвалили переводъ, не затрудненный даже и при техническихъ выраженіяхъ

[1]) *М. Лонгиновъ.* Библіогр. Зап. IV. (Совр. 1856. Т. LVII.)

[2]) Д. Журн. 1830, мартъ, № 13

[3]) Тамъ же, апрѣль, § 21.

науки, столь много замѣчательной, въ особенности подъ перомъ женщинъ" [1]). Княгиня Дашкова передала этотъ переводъ Екатеринѣ, которая велѣла представить себѣ переводчицъ и въ маскарадѣ приласкала юныхъ княженъ передъ всей публикой [2]).

Позже, когда племянница Хераскова, Ал. Петр. Хвостова, написала „Образцовыя сочиненія двухъ романическихъ отрывковъ: „Каминъ" и „Ручеекъ", ея дядя и Карамзинъ „были приведены въ пріятное удивленіе симъ новымъ явленіемъ, и „Каминъ", прежде чѣмъ появился въ печати, читался въ рукописи во всѣхъ ученыхъ кабинетахъ, во всѣхъ будуарахъ. Напечатанный сначала въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени", а потомъ въ 1796 году особой книжкой въ 2.400 экземплярахъ, онъ весь разошелся въ одинъ годъ [3]), что́ для того времени было большою рѣдкостью.

Сумароковъ, какъ мы уже сказали, одобрялъ занятія женщинъ литературою и особенно поэзіею [4]). Онъ считалъ почетнымъ для женщины принадлежать хотя косвенно къ литературному міру. Поздравляя стихами Хераскову съ ея бракомъ, Сумароковъ ей говорилъ, что для женщины нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ быть женою ученаго, что вмѣстѣ съ славою мужа никогда не умретъ и ея память и въ самыхъ позднихъ вѣкахъ прочтутъ еще: „а супруга такого-то была такая-то" [5]).

Такимъ образомъ, почти всѣ крупные писатели Екатерининскаго времени относились сочувственно къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ и къ ихъ авторамъ. Это, конечно, не оставалось безъ вліянія на женщинъ; но такое вліяніе могло распространяться лишь на очень небольшой кружокъ, въ средѣ литературнаго и ученаго міра, и за 34 года царствованія Екатерины, число всѣхъ женщинъ-писательницъ не превысило 70 [6]).

Первое мѣсто между ними занимаютъ поэтессы, о которыхъ авторъ стиховъ къ Новиковскому „Опыту" упомянулъ, говоря, что въ Россіи Сафо есть, и Сафо не одна" [7]). Обо всѣхъ почти поэтессахъ, которыхъ зналъ Новиковъ, онъ отзывается съ похвалою за „чистоту слога, нѣжность и пріятность изображенія".

[1]) Д. Журн. 1830, мартъ, § 19.

[2]) Д. Журн. 1830, май, № 21.

[3]) Тамъ же, апрѣль.

[4]) См. также: Переписка Сумарокова съ разными лицами.—*Тихонравовъ*. Лѣтописи р. ц. и лит. Т. III, стр. 63.

[5]) *Макаровъ*. Д. Журн. 1830, февраль, № 7.

[6]) *Кн. Н. Н. Голицынъ*. Библіографическій словарь русскихъ писательницъ. Ж. М. Нар. Просв. августъ, декабрь 1888 г., январь, апрѣль 1889 г.

[7]) *Ефремовъ*. Матеріалы, стр. 96.

Между ними въ его время славились двѣ: княжна Урусова и Хераскова. Когда появилась поэма кн. Урусовой „Поліонъ или Просвѣтившійся Нелюдимъ“, то въ Москвѣ и въ Петербургѣ зашумѣли, говоритъ Макаровъ, „о такомъ необыкновенномъ трудѣ женщины, обратившемъ на себя особенное вниманіе современныхъ ей писателей и Екатерины; а Поповскій и Барсовъ, ученѣйшіе профессоры тогдашняго времени, не утерпѣли, какъ говоритъ преданіе, чтобы не отписать другъ другу“ [1]). О Херасковой Новиковъ говоритъ какъ о „любительницѣ наукъ, одаренной острымъ и проницательнымъ разумомъ и великими способностями къ стихотворству“. Она сочиняла, говоритъ онъ [2]), „героиды, елегіи, еклоги, анакреонтическія оды и многія другія стихотворенія и прозаическія сочиненія; вообще всѣ много похваляются учеными и знающими людьми... Слогъ ея чистъ, текущъ, пріятенъ и заключаетъ въ себѣ особливыя красоты“. Г. Сумароковъ, прибавляетъ Новиковъ, „приписалъ ей притчу и оду, анакреонтическимъ сложеніемъ писанную, въ которыхъ съ обыкновенною пріятностью въ слогѣ дѣлаетъ онъ ей наставленіе и поощряетъ къ стихотворству, изъ чего заключить можно, какой похвалы достойна сія особа и что имя россійской де-ла-Сюзы [3]) ей приписываемое, забвенно не будетъ“. О Херасковой упомянуто и въ стихахъ къ „Опыту историческаго словаря“:

„Коль хочешь чувствовать любви златыя узы,
Старайся слышать слогъ россійской де-ла-Сюзы“ [4]).

За поэтессами слѣдуютъ переводчицы со всевозможныхъ языковъ, даже съ армянскаго. Потомъ идутъ драматическія писательницы, оригинальныя и переводчицы. Нѣкоторыя изъ такихъ произведеній женщинъ игрались на театральной сценѣ и въ ихъ числѣ одно, носящее странное, особенно для автора-дѣвицы (впрочемъ, анонимнаго), заглавіе: „Трактиръ, комедія, или питейный домъ, веселое игрище, переводила на россійскій языкъ дѣвица NN, пребывающая въ одномъ изъ Украинскихъ городовъ, гдѣ и комедія сія на тамошнемъ ѳеатрѣ нѣсколько разъ представлена была“ (С.-Пет. 1777 г. [5]).

Въ числѣ литературныхъ произведеній женщинъ есть и по отдѣлу „изящной словесности“, также педагогическаго и даже на-

[1]) *Макаровъ*. Д. Ж. 1830, февраль, № 7.

[2]) *Ефремовъ*. Матеріалы, стр. 114.

[3]) Французская поэтесса и писательница XVII-го вѣка, графиня де-ла-Сюзъ.

[4]) „Опытъ“, стр. 96.—*Ефремовъ*. Матеріалы.

[5]) Словарь р. писательницъ, 1441.

учнаго характера. О послѣднихъ мы можемъ судить только по ихъ заглавіямъ. Одно носило длинное названіе: „Историческая и хронологическая поколѣнная роспись всѣхъ въ Россіи владѣтельныхъ великихъ Князей, Царей, Императоровъ и Императрицъ, съ показаніемъ ихъ супругъ, потомковъ и свойствъ съ прочими Европейскими домами, служащая къ введенію въ Россійскую Исторію. Отчасти изъ Россійской Исторіи писателей выбрано, а отчасти изъ французскаго на Россійскій языкъ переведено Елизаветою Кушелевою подъ руководствомъ ея учителя Ѳедора Габлицеля“ [1]). Другое, также по исторіи, принадлежало женщинѣ только отчасти, ибо, по словамъ Руссова [2]), Ал. Винтербергова „участвовала“ въ сочиненіи Исторіи Бессарабской области. „Словари же“, прибавляетъ Руссовъ, „при оной исторіи находящіеся, всѣ ея трудовъ, но они еще въ рукописяхъ“.

Женщины писали и по предметамъ хозяйства. Если прибавить нѣкоторыхъ сотрудницъ журналовъ, и отнести ихъ къ публицистамъ, то окажется, что женщины упражнялись при Екатеринѣ во всѣхъ отрасляхъ литературы.

При этомъ невольно рождается вопросъ: почему же тогда, при Екатеринѣ, когда женщинамъ былъ открытъ свободный путь на поприщѣ литературы, когда сама Императрица своимъ примѣромъ поощряла ихъ на этомъ пути, когда образованіе среди мужчинъ было разлито еще такъ слабо, что за исключеніемъ спеціальныхъ отраслей научнаго знанія, женское образованіе могло идти почти въ уровень съ нимъ, когда число русскихъ писателей съ именемъ было еще невелико, почему, говоримъ мы, изъ писательницъ Екатерининскаго времени ни одна не создала себѣ имени, которое перешло бы въ исторію нашей литературы? Почему, въ преобладавшемъ даже тогда литературномъ родѣ, поэзіи, ни Хераскова, „россійская де-ла-Сюзъ“, ни княжна Урусова, которую Державинъ называлъ „славной стихотворницею“, не сравнялись съ нимъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, но именно потому, что слишкомъ много было причинъ, мѣшавшихъ женщинамъ занять сразу видное мѣсто, рядомъ съ первоклассными писателями того даже времени. Укажемъ сначала на ближайшія.

При Екатеринѣ женское образованіе только возникало, женщины впервые получили возможность пользоваться имъ, и эта

[1]) Словарь р. писательницъ, стр. 1434.

[2]) *Руссовъ*. Библіографическій каталогъ россійскимъ писательницамъ. 1826. стр. 10.

возможность существовала для большинства ихъ болѣе въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности.

Для образованія мужчинъ былъ Московскій университетъ, профессора котораго не только руководили занятіями студентовъ, но и старались привлечь ихъ къ наукѣ, заинтересовать умственными, нравственными и литературными вопросами. Кромѣ того, для мужчинъ существовали частные литературные кружки и Общества (Собраніе университетскихъ питомцевъ, основанное Шварцемъ въ 1781 г., Дружеское общество и др.), привлекавшіе даровитыхъ молодыхъ людей и поощрявшіе ихъ къ литературному труду. Эти общества и кружки представляли молодымъ людямъ случай не только расширить свои знанія, но и кругъ нравственныхъ идей, благодаря общенію съ людьми, стоявшими въ этомъ отношеніи выше ихъ. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII-го вѣка въ Россіи уже были для мужчинъ центры, гдѣ господствовало уваженіе къ наукѣ и высшимъ умственнымъ интересамъ. Обаяніе такой среды начинало оказывать свое вліяніе въ такіе годы, когда оно всего нужнѣе и плодотворнѣе, когда у человѣка складываются вкусы и привычки. Но оно не прекращалось и по выходѣ студентовъ изъ университета, ибо установившіяся связи съ просвѣщенными и проникнутыми высоко нравственными идеалами людьми, каковы были Новиковъ, Шварцъ, Барсовъ, Шаденъ, Херасковъ и др., основанныя на умственныхъ и духовныхъ интересахъ, только могли крѣпнуть и расширяться, когда юноши становились зрѣлыми людьми.

При этомъ могли оказывать благопріятное на развитіе мужскаго таланта дѣйствіе и внѣшнія побужденія. Хотя уваженіе къ наукѣ и литературѣ существовало тогда въ небольшомъ кружкѣ людей, но тѣмъ почетнѣе было принадлежать къ этимъ избраннымъ и доказать это на дѣлѣ. Подъ такими условіями таланту было легче и проявить себя. Къ тому же молодыхъ людей часто посылали, послѣ окончанія ими университетскаго курса, за границу, и вообще жизнь, открытая настежъ для мужчины, тогда еще раньше, чѣмъ это бываетъ теперь, пробуждала въ нихъ сознательное къ ней отношеніе и, не стѣсняемая безчисленными условными рамками, давала просторъ мысли, расширяла умственный кругозоръ. Всѣ эти условія существовали только для мужчинъ и существовали уже давно, постепенно, съ каждымъ столѣтіемъ нашей исторіи, все болѣе и болѣе расширяясь.

Къ числу важнѣйшихъ, благопріятно вліявшихъ на развитіе мужской мысли и талантовъ, условій, надо присоединить и то, что какъ ни медленно и скудно у насъ разливалось просвѣщеніе

до основанія Московскаго университета, однако способы упражнять свою мысль на болѣе или менѣе серьезныхъ предметахъ, какъ бы ни безплодны нѣкоторые изъ нихъ намъ теперь казались, всегда, съ самаго начала нашего просвѣщенія, т.-е. съ конца X вѣка, существовали для мужчинъ, которые, по собственному ли желанію, или по неволѣ, должны были ими пользоваться. Такимъ же центромъ умственныхъ интересовъ, какимъ въ XVIII вѣкѣ былъ для нихъ Московскій университетъ, въ XVI была Кіевская Духовная Академія. Благодаря этому, создавалась преемственность, дѣйствіе которой должно было къ концу XVIII вѣка отразиться на мужской мысли.

Преемственность противоположнаго свойства, слагавшаяся для русскихъ женщинъ, какъ и вездѣ въ Европѣ, вѣками, должна была сказаться именно тогда, когда имъ, какъ это случилось при Екатеринѣ II, въ первый разъ представилась возможность проявить свою мысль и таланты. Даже еслибы тогда женщинамъ предоставлены были тѣ же способы къ образованію, какіе существовали для мужчинъ, еслибы имъ открыты были тѣ же пути къ развитію талантовъ и обмѣну мыслей, еслибы онѣ могли такъ же широко наблюдать жизнь, еслибы вѣками слагавшееся общественное мнѣніе не стѣсняло ихъ твердо установленными рамками, однимъ словомъ, еслибы женщины были поставлены совершенно и во всемъ въ равныя съ мужчинами условія, и тогда онѣ не были бы въ состояніи сразу стать въ уровень съ ними. Скорѣе удивительно, что, при окружавшихъ ихъ условіяхъ, женщины не утратили окончательно воспріимчивости къ умственнымъ и возвышеннымъ интересамъ, и при Екатеринѣ вездѣ, гдѣ мало-мальски благопріятствовала имъ въ этомъ отношеніи среда, принимали участіе въ такомъ движеніи.

Жены поэтовъ, Державина и Хераскова, вращаясь въ обществѣ друзей своихъ мужей, отличались, по словамъ всѣхъ знавшихъ ихъ, „любовью ко всему прекрасному и отвращеніемъ отъ всего низкаго“ [1]). Онѣ развили свои вкусы къ поэзіи, выработали себѣ правильное сужденіе о ней. Державина (первая жена) сама издавала сочиненія своего мужа. Она, по словамъ Д. Б. Мертваго [2]), „не родилась обыкновенною женщиною; пылкость ея разума и воображенія и обширныя познанія украшали прекрасное ея тѣло и давали блескъ великодушному и щедролюбивому ея сердцу. Страстная любовь ея къ мужу и еще болѣе

[1]) Взглядъ на мою жизнь. Записки Д. Т. Сов. *Ив. Ив. Дмитріева.*

[2]) Записки *Дм. Бор. Мертваго.* 1760—1824, стр. 67.

къ его славѣ, возвышала душу Державина“. Хераскова, по свидѣтельству знавшаго ее Ив. Ив. Дмитріева [1]), „была лучшимъ совѣтникомъ своего мужа по кабинетскимъ занятіямъ и душою вечернихъ бесѣдъ въ кругу ихъ друзей и знакомыхъ“. Тимковскій разсказываетъ [2]), что въ 1782 году онъ познакомился въ домѣ профессора Шадена съ двумя молодыми женщинами, образованными, любознательными, читавшими серьезныя книги и разборчивыми въ выборѣ ихъ. Жена директора Московскаго университета, А. И. Приклонскаго, по словамъ князя Вяземскаго [3]), была женщина „съ отличнымъ умомъ, начитанностью, склонностью къ литературѣ, отмѣннымъ даромъ слова и прекраснымъ органомъ“. Въ нашей біографической литературѣ можно найти свѣдѣнія еще о нѣсколькихъ отдѣльныхъ, образованныхъ и начитанныхъ женщинахъ, а кн. Ив. Мих. Долгорукой о нѣкоторыхъ изъ встрѣчавшихся ему въ жизни женщинахъ говоритъ, что онѣ обладали и познаніями.

Вообще формула: „обладала познаніями“ —начинаетъ встрѣчаться сравнительно довольно часто въ сужденіяхъ современниковъ о женщинахъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины; она замѣнила въ концѣ XVIII-го вѣка ту, которая употреблялась при сужденіяхъ объ образованности женщинъ петровскаго времени: „была прекрасно воспитана“. Назвать женщину „ученою“ и тогда не было бы похвалою ей, да такихъ женщинъ при Екатеринѣ и не было; но, судя по приведеннымъ нами примѣрамъ, отношенія очень рѣдкихъ у насъ въ первые годы ея царствованія, истинно образованныхъ людей къ женскому образованію, можно думать, что, будь тогдашнее общество сколько нибудь благопріятно къ явленію женщинъ ученыхъ, такія женщины явились бы и, вѣроятно, встрѣтили бы содѣйствіе со стороны наиболѣе просвѣщенныхъ людей науки.

О томъ, что такое направленіе въ средѣ профессоровъ существовало въ началѣ царствованія Екатерины, можно думать, кромѣ приведеннаго уже нами примѣра профессора Десницкаго, еще и потому, что извѣстный историкъ Шлецеръ, поступившій учителемъ къ дѣтямъ исторіографа Миллера и пробывшій въ Россіи семь лѣтъ, желая доказать способность женщинъ къ высшему образованію, добился (за границей), что его дочь выдержала экзаменъ на доктора математики“ [4]). Шлецеръ, еще въ бытность свою

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 80.

[2]) Мое опредѣленіе въ службу.

[3]) *Кн. П. Вяземскій*. Фон-Визинъ. 1848, стр. 244.

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*. Біографіи и характеристики, стр. 203.

въ Россіи, написалъ въ 1769 году для женщинъ книгу „Tableau de l'histoire de Russie“, которая потомъ два раза была переведена на русскій языкъ [1]).

Но у насъ требованія отъ женщинъ были иныя; не только не ученость, но даже и не истинная образованность цѣнились въ нихъ, за весьма небольшими исключеніями, большинствомъ принадлежавшихъ къ образованному кругу людей, искавшихъ общества женщинъ, которыхъ они сами считали образованными. Такое общество было имъ нужно какъ школа хорошаго тона, какъ арена для проявленія блестящихъ сторонъ своего ума, разговора, утонченнаго, свѣтскаго обращенія и, наконецъ, игры въ чувства, что также входило въ кругъ науки „жить въ свѣтѣ“ и способствовало усовершенствованію свѣтскаго человѣка.

Все это они и находили въ женщинахъ не только столицы, но и самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Отзывчивыя въ особенности къ поэзіи, женщины, какъ разсказываютъ современники, и въ томъ числѣ Ив. Мих. Долгорукой, спѣшили даже изъ какой-нибудь деревенской глуши заявлять лично незнакомому имъ автору— свое сочувствіе его стихамъ; иногда женщины отвѣчали стихами же на привлекшее ихъ вниманіе поэтическое произведеніе и печатали свой отвѣтъ въ томъ же журналѣ, гдѣ было напечатано понравившееся имъ стихотвореніе, а иногда и прямо вступали съ авторомъ въ переписку.

Наши поэты, какъ бы они ни относились въ дѣйствительной жизни къ женщинамъ, воспѣвали, идеализировали и поклонялись имъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, а въ самомъ концѣ царствованія Императрицы Екатерины, когда появилась „Бѣдная Лиза“ Карамзина (въ 1792 г.), это поклоненіе перешло и у нашихъ писателей въ подобіе культа женщины, какъ олицетворенія всего чувствительнаго, нѣжнаго, вообще прекрасныхъ чувствъ.

Но внѣшнее сходство этого періода нашей жизни съ тѣмъ, что было въ средніе вѣка на западѣ, этимъ и ограничилось. Вліяніе женщинъ Екатерининскаго времени не могло въ концѣ прошлаго вѣка замѣтно отразиться на нашемъ языкѣ или литературѣ, какъ оно отразилось во Франціи, ибо еслибы даже русскія женщины были способны играть ту роль, какую играли француженки со временъ эпохи рыцарства, то нравы, также условія нашей жизни и образованности не доставили бы имъ нужной для этого среды. Въ высшихъ классахъ, при дворѣ и въ университетскомъ кругу,

[1]) *Митрополитъ Евгеній.* Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Москва. 1845.

у насъ были образованныя женщины, это несомнѣнно; но или онѣ не умѣли группировать вокругъ себя образованныхъ людей, а скорѣе сами примыкали къ нимъ, или такіе люди не искали такого женскаго общества, гдѣ бы на первомъ планѣ стояли какіе-нибудь умственные интересы.

Князь Вяземскій упоминаетъ [1]), впрочемъ, о домѣ г-жи Мятлевой, въ Петербургѣ, гдѣ по вечерамъ собирались литераторы: Херасковъ, Майковъ, Богдановичъ, Фон-Визинъ, гдѣ бывали и женщины; но это былъ единственный, кажется, тогда домъ, гдѣ „просвѣщенная хозяйка", а не „хозяинъ" группировала литературное общество. Въ другихъ столичныхъ свѣтскихъ домахъ собиралась свѣтская молодежь; но, за весьма небольшими исключеніями, эта молодежь прежде всего искала веселія; иногда, собравшись вмѣстѣ, молодые люди обоего пола читали стихи или сочиняли ихъ, но это дѣлалось скорѣе ради забавы, нежели для удовлетворенія умственной потребности.

Вообще надо сказать, что если, въ началѣ и въ первой половинѣ царствованія Императрицы Екатерины, общество и литература выказывали мало интереса къ образованію женщинъ, то, съ прекращеніемъ сатирическихъ журналовъ, они совсѣмъ, даже косвенно, перестали заниматься имъ. Сама Императрица подъ конецъ своего царствованія также не проявляла уже такого горячаго интереса къ основанному ею женскому учебному заведенію, какъ прежде. Пять лѣтъ спустя послѣ ея смерти, взгляды лучшей и наиболѣе просвѣщенной части общества на образованіе женщинъ, были вѣрно формулированы Карамзинымъ въ „похвальномъ словѣ Екатеринѣ" [2]).

Хваля Императрицу за то, что она основала Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Карамзинъ говоритъ: „Монархиня, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ вышшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе, основала подъ собственнымъ Ея надзираніемъ Домъ для воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцомъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлію и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе въ Европѣ. Тамъ любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтелей, тамъ чувствительность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, расцвѣтаютъ въ душѣ отъ примѣровъ и наставленій. Нравственность есть главный предметъ;

[1]) Фон-Визинъ, стр. 243.

[2]) Полное собраніе сочиненій Карамзина. Изданіе Смирдина. Т. I. Ч. 3, стр. 351.

но и разумъ обогащается всѣми знаніями, всѣми идеями, нужными для того любезнаго существа, которое должно быть прелестью свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣтей".

И такъ, послѣ 37-лѣтняго существованія женскаго учебнаго заведенія, учрежденнаго на началахъ, въ основу которыхъ было положено желаніе, путемъ просвѣщенія ума, облагороженія сердца и развитія тѣлесныхъ силъ, однимъ словомъ развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, воспитать изъ молодыхъ дѣвушекъ хорошихъ людей, которые оказались бы потомъ такими же хорошими исполнителями всѣхъ, выпавшихъ на ихъ долю, обязанностей въ жизни, наше тогдашнее общество устами одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и лучшихъ его представителей, только и оцѣнило въ женскомъ образованіи тò, чтò ему самому было по плечу. Оно до конца дней Екатерины не понимало главной цѣли вообще всѣхъ ея воспитательныхъ реформъ. Серьезныя стороны ея намѣреній при воспитаніи и образованіи женщинъ, не были имъ замѣчены и прошли для него безслѣдно.

Вѣрно опредѣливъ намѣреніе Екатерины при основаніи Воспитательнаго Общества, Карамзинъ просмотрѣлъ главное въ воспитаніи, какое должно было даваться въ Смольномъ. Онъ не упомянулъ о томъ, — какъ отразилось это воспитаніе на самихъ воспитанницахъ, возвратились ли онѣ въ общество менѣе грубыми, болѣе просвѣщенными или покрайней мѣрѣ цивилизованными, чѣмъ было оно само, и тѣмъ самымъ способствовали ли смягченію его нравовъ.

На основаніи даже немногихъ, приведенныхъ нами свидѣтельствъ современниковъ, лично знавшихъ монастырокъ времени Екатерины, на это можно отвѣтить утвердительно, не говоря о томъ, что при всѣхъ недостаткахъ собственно образованія въ Смольномъ, воспитанницы и по знаніямъ стояли выше большинства дѣвушекъ, получавшихъ образованіе дома или въ пансіонахъ.

Но высказанный Карамзинымъ взглядъ на Воспитательное Общество былъ еще слишкомъ высокъ сравнительно съ тѣмъ, какой установился впослѣдствіи въ нашемъ обществѣ при сужденіяхъ объ образованіи смолянокъ при Екатеринѣ. Сведя результаты ихъ образованія къ тому, что воспитанницамъ сообщали знанія и идеи, нужныя для того, чтобы онѣ могли быть прелестью свѣта и сокровищемъ супруга, — что дозволяетъ предполагать довольно разнообразныя знанія и идеи, ибо каждый супругъ по своему понимаетъ, чтò для него составляетъ сокровище — Карамзинъ, кромѣ того, призналъ въ образованіи, какое давали въ

Смольномъ, и подготовку воспитинницъ къ исполненію серьезной обязанности—давать первое наставленіе дѣтямъ. Впослѣдствіи и это, въ сужденіяхъ о Воспитательномъ Обществѣ Екатерининскаго времени, было отброшено; установилась, и теперь встрѣчается всякій разъ когда говорятъ о немъ, манера относиться къ тогдашнему воспитанію въ Смольномъ съ ироніей, точно будто воспитанницъ въ самомъ дѣлѣ только и учили танцовать балеты, играть комедіи, пріучали къ нарядамъ и къ милому наивничанію.

Невольно при этомъ приходятъ на мысль обращенныя къ Екатеринѣ слова Бецкаго, какъ бы предвидѣвшаго то, что случилось: „Преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе, есть дѣло совокупленное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза остается вся потомству“ [1]).

Справедливость этихъ словъ начала оказываться еще при жизни Екатерины. Она могла сама убѣдиться какъ трудно передѣлать то, что слагалось вѣками. Вслѣдствіе такого убѣжденія, можетъ быть, она и охладѣла въ послѣдніе годы жизни къ своимъ воспитательнымъ реформамъ, не исключая и касавшихся женскаго образованія. Но и охладѣвъ къ нему, Екатерина не измѣнила своему первоначальному взгляду на него, и не усомнилась въ вѣрности началъ, положенныхъ въ его основу.

Уже во вторую половину своего царствованія, Екатерина назначила княгиню Дашкову Президентомъ Академіи Наукъ (1782), а два года спустя (1784)—Президентомъ вновь учрежденной Россійской Академіи. Сама Дашкова, въ числѣ доводовъ своего отказа принять эти высокія обязанности, ссылалась на то, что она женщина, что такое, небывалое еще въ исторіи явленіе женщины-директора высшаго ученаго учрежденія въ Имперіи, навлечетъ на Императрицу осужденіе со стороны ея подданныхъ; но Екатерина хотѣла чтобы на такомъ посту стоялъ человѣкъ высоко образованный; такого человѣка она видѣла въ Дашковой и ей было безразлично къ какому полу онъ принадлежалъ. Поэтому она настояла на своемъ выборѣ, не сомнѣваясь что Дашкова оправдаетъ его.

Усомниться въ вѣрности началъ, на которыхъ Екатерина основывала всѣ свои реформы, она не могла уже потому, что, предпринимая ихъ, руководствовалась принципомъ, формулированнымъ Карамзинымъ [2]) слѣдующими словами: „Екатерина уважала въ

[1]) Генеральное Учрежденіе.

[2]) Сочиненія. Изд. А. Смирдина. 1848. Похвальное слово Ек. II, Т. I, стр. 302.

подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни". Этимъ же принципомъ она руководствовалась въ реформѣ и воспитанія юношества обоего пола, и лучшимъ доказательствомъ прочности и вѣрности началъ, положенныхъ Екатериною въ основу этой реформы служитъ то, что во всемъ, что въ нихъ есть существеннаго, вѣчнаго, не обусловленнаго временемъ когда они были провозглашены, эти начала и теперь составляютъ недосягаемый идеалъ и неосуществленную до сихъ поръ мечту всѣхъ желающихъ блага человѣчеству.

Что касается женскаго образованія, то отбросивъ изъ Устава о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ нѣкоторыя мелочныя подробности, кажущіяся намъ теперь лишними, но въ то время когда онѣ предписывались имѣвшія смыслъ, теперь для насъ непонятный, внимательно вникнувъ въ духъ Устава, мы несомнѣнно должны убѣдиться въ томъ, что при основаніи Воспитательнаго Общества Екатерина желала не только воспитать дѣвицъ, но и сдѣлать ихъ людьми просвѣщенными; а это необходимо предполагаетъ и воспитаніе, и образованіе.

X.

Заслуги Императрицы Екатерины по народному образованію женщинъ. — Указъ 7 ноября 1776 года о заведеніи народныхъ училищъ въ Россіи.—Почему нельзя сомнѣваться въ томъ, что они были предназначены для дѣтей обоего пола. — Учащіяся дѣвочки въ Исакіевскомъ, первомъ народномъ училищѣ въ Россіи.—Число учащихся дѣвочекъ въ 12-ти училищахъ С.-Петербургской губерніи. — Общественное мнѣніе относительно обученія дѣвочекъ, выразившееся въ наказахъ депутатамъ въ коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія.—Наказъ Малороссійскому депутату Натальину.—Ученіе дѣвочекъ въ монастыряхъ.—Донесеніе директора Курскихъ народныхъ училищъ объ училищѣ для женскаго пола и объ обученіи дѣвочекъ въ монастыряхъ.—Предубѣжденіе родителей и общества противъ ученія въ народныхъ училищахъ вообще, и въ особенности для дѣвушекъ. — Допущеніе дѣвочекъ и въ Главныя народныя училища.—Курсъ Главныхъ народныхъ училищъ.—Число учащихся дѣвочекъ въ Главныхъ народныхъ училищахъ разныхъ губерній.—Единственная, неудовлетворенная Екатериною сторона женскаго образованія.—Отстраненіе женщинъ отъ преподаванія въ народныхъ училищахъ.—Предполагаемыя причины этого.—Итоги женскаго образованія за все время царствованія Императрицы Екатерины II.—Значеніе ея заслугъ въ дѣлѣ народнаго образованія вообще.

Заслуги Императрицы Екатерины II въ дѣлѣ женскаго образованія не исчерпываются основаніемъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ. Въ началѣ своего царствованія она намѣревалась учредить по всей Имперіи воспитательныя училища для дѣтей обоего пола; но потомъ, убѣдившись вѣроятно въ трудности, почти невозможности, осуществить такое намѣреніе, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ и, можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія въ русскомъ обществѣ воспитательныхъ силъ, Екатерина рѣшилась ограничиться заведеніемъ „по всѣмъ городамъ и многолюднымъ селеніямъ“ простыхъ училищъ „для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ“ [1]).

[1]) Полное Собр. Учрежденіе о губерніяхъ 7 ноября 1776 г., ст. 384.—Городскія Начальныя училища въ царствованіе Екатерины II, графа *Д. А. Толстаго.* 1886, стр. 2. (Приложеніе къ LIV тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ № 1.)

Если раньше, при изданіи указа Петра I 1724 года о заведеніи магистратами малыхъ училищъ и указа Елизаветы 1743 г. [1]), можно было относить слово „дѣти“ только къ мальчикамъ, то, при изданіи указа Екатерины 1776 года, толковать его въ такомъ смыслѣ было невозможно. Въ „Генеральномъ Учрежденіи“, на основаніяхъ котораго должны были открываться училища, прямо говорилось о дѣтяхъ „обоего пола“. Кромѣ того, учрежденіе самою Императрицею учебныхъ заведеній спеціально для женщинъ — было совершившимся фактомъ, игнорировать который было нельзя. Поэтому Сенатъ, еще въ 1764 году, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ Синода объ исполненіи Елизаветинскаго указа 1743 года, въ числѣ другихъ, только что учрежденныхъ тогда воспитательныхъ училищъ, по образцу которыхъ должны быть открываемы училища въ губерніяхъ, упомянулъ и о женскомъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ [2]).

Годомъ позже, архангельскій гражданинъ Крестининъ, уполномоченный архангельскимъ губернскимъ магистратомъ наблюдать за исполненіемъ указа Елизаветы, представилъ магистрату о заведеніи въ Архангельскѣ малыхъ школъ „для дѣтей обоего пола“. Сенатъ, согласившись съ предложеніемъ Крестинина, рѣшилъ представить Императрицѣ докладъ объ учрежденіи такихъ малыхъ школъ, какія предлагалъ Крестининъ, сначала въ Архангельскѣ, а для примѣра прочимъ городамъ, публиковать объ этомъ съ пристойной похвалою архангельскому магистрату и Крестинину, чтобъ и другіе магистраты и граждане были поощрены [3]).

Неизвѣстно, были ли тогда же заведены малыя школы; точно также сохранилось очень мало извѣстій объ училищахъ, которыя должны были открывать Приказы Общественнаго Призрѣнія на основаніи указа Екатерины 7 ноября 1776 года, и совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній, были ли въ этихъ училищахъ дѣвочки. Но когда, въ 1781 году, Императрица основала въ Петербургѣ на счетъ собственнаго Кабинета Исакіевское училище, и по ея примѣру, въ томъ же году были открыты въ Петербургѣ еще шесть такихъ училищъ, то въ числѣ учащихся были и дѣвочки. Правда, онѣ составляли всего 12-ую часть общаго числа (486) учащихся [4]), и ихъ число постоянно уменьшалось. Къ 1786 году, когда эти училища были преобразованы Коммиссіею объ учрежденіи на-

[1]) П. Собр., ст. 8727.

[2]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XXVI, стр. 322.

[3]) *Соловьевъ*. Ист. Р. Т. XXVI, стр. 323.

[4]) *Вороновъ*. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно. 1849, стр. 11.

родныхъ училищъ по выработанному ею, общему для всѣхъ, плану, учащихся дѣвочекъ въ 12-ти училищахъ С.-Петербургской губерніи было всего 209 изъ 1491, т.-е. нѣсколько болѣе, чѣмъ 7% общаго числа.

Впрочемъ, число учащихся дѣвочекъ постоянно колебалось, и судить о немъ на основаніи даже оффиціальныхъ источниковъ трудно, ибо хотя Коммиссія, въ наказѣ, данномъ директору народныхъ училищъ Козодавлеву, при порученіи ему въ 1788 году осмотра училищъ въ десяти губерніяхъ, гдѣ они тогда были, предписала, чтобы во всѣхъ нихъ велись списки и объ ученицахъ [1]), но въ большинствѣ отчетовъ изъ провинцій обыкновенно показывалось общее число учащихся, безъ обозначенія ихъ пола [2]).

По всей вѣроятности, однако, число учащихся дѣвочекъ всегда было значительно меньше числа мальчиковъ. Русское общество съ самаго начала не сочувствовало мѣрамъ Екатерины по народному образованію вообще, а къ образованію женщинъ, особенно въ публичныхъ школахъ, оно относилось просто съ недоумѣніемъ. Мы имѣемъ положительное тому доказательство въ документахъ Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія 1767 года [3]).

Коммиссія эта была созвана Императрицею Екатериною, какъ извѣстно, для того, чтобы все населеніе Россіи могло высказать ей свои нужды, руководствуясь при этомъ сочиненнымъ самою Екатериною Наказомъ. Въ числѣ статей Наказа особая глава [4]) была посвящена „воспитанію“, о которомъ, слѣдовательно, также предстояло населенію высказаться, что оно и могло сдѣлать въ особыхъ наказахъ, данныхъ депутатамъ разными учрежденіями и сословіями.

Въ большинствѣ депутатскихъ наказовъ, этотъ пунктъ о воспитаніи совсѣмъ обойденъ молчаніемъ; въ немногихъ, гдѣ о немъ упомянуто, говорится о желательности заведенія школъ и училищъ, для воспитанія „дѣтей и юношества“; но почти во всѣхъ такихъ дворянскихъ наказахъ, это желаніе мотивируется труд-

[1]) *Сухомлиновъ.* Исторія Росс. Академіи, вып. 6, стр. 43. (Зап. Акад. Наукъ. Т. 31).

[2]) Архивъ Деп. Нар. Просв. Вѣдомости установленнымъ по Государству Главнымъ Нар. училищамъ, и разведеннымъ отъ оныхъ приказами Общественнаго Призрѣнія, малымъ народнымъ училищамъ, съ показаніемъ числа учителей и учащихся, также нѣкоторыхъ домашнихъ и другихъ училищъ. 1788.

[3]) Сб. р. ист. о. Томы: 4, 8, 14, 32, 36, 43.

[4]) Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссійской, данный Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Изд. 1770 г. Гл. XIV, § 347.

ностью для дворянъ отдаленныхъ губерній возить въ столичныя учебныя заведенія „дѣтей“, которыя черезъ это могутъ оказаться впослѣдствіи неудовлетворяющими требованіямъ государственной службы и сами потерпѣть отъ того. Ясно, что подъ „дѣтьми“ и „юношествомъ“ уполномочивавшіе, давая наказъ своему депутату, подразумѣвали исключительно мальчиковъ и юношей, и это казалось имъ до того всѣмъ понятнымъ, что они и не считали нужнымъ пояснять свою мысль. Въ трехъ наказахъ [1]) отъ шляхетствъ Малороссійской губерніи—высказана мысль, что и „женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ воспитаніи“, и шляхетства просятъ Императрицу „устроить на казенный счетъ гдѣ покажется за благо особливый домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго“. А въ наказѣ, данномъ Малороссійскою коллегіею депутату Натальину [2]), признается нужнымъ „для воспитанія и ученія обоего пола благородныхъ и для такого же обоего пола сирыхъ обратить по одному монастырю мужскому и дѣвичьему“ и даже указано какіе именно монастыри были бы для этого пригоднѣе. Указаніе на монастыри, какъ на наиболѣе подходящее мѣсто для воспитанія и ученія, которыя Малороссійская коллегія, какъ и всѣ въ Россіи, связывала съ „призрѣніемъ“ и видѣла въ немъ дѣло „богоугодное и христіанолюбивое“ [3]), отвѣчало искони сложившемуся у насъ взгляду, въ особенности по отношенію къ воспитанію и ученію дѣвушекъ.

О томъ, въ какихъ именно монастыряхъ, сколько и чему въ нихъ тогда учили дѣвушекъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; но уже въ 1790 году, стало быть черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ указа Екатерины о заведеніи Приказами Общественнаго Призрѣнія школъ, директоръ Курскихъ народныхъ училищъ, подполковникъ Арсеньевъ, въ рапортѣ „Главному Правительству народныхъ училищъ“, донося о томъ, что губернаторъ учредилъ въ Курскѣ училище для женскаго пола, говоритъ, что „успѣхи еще не велики, ученицъ мало, понеже въ дѣвичьемъ монастырѣ монахини обучаютъ оныхъ по часовнику“. „Однако“, прибавляетъ Арсеньевъ, „и сіе малое количество въ диковинку и когда попривыкнутъ къ сей новости,

[1]) Въ Сб. р. и. о., томахъ: IV, VIII, XIV и LXVIII напечатаны 142 депутатскихъ наказа.

[2]) Наставленіе выбранному отъ Малороссійской Коллегіи депутатомъ въ коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія господину коллежскому совѣтнику и члену той коллегіи Натальину. Сб. р. ист. общ. Т. XLIII, стр. 218.—Чт. Общ. Ист. и древн. 1858. Кн. III, стр. 51.

[3]) Наставленіе выбранному и пр. Сб. р. ист. общ. XLIII, стр. 230.

то уповать должно, что число умножится" [1]). Въ этомъ же рапортѣ директоръ сообщалъ, что видя „упорство и неохотность родителей отдавать дѣвицъ въ народное училище, губернаторъ опредѣлилъ женщинъ для обученія женскаго пола въ открытомъ имъ особомъ для него училищѣ".

Предубѣжденіе, со стороны родителей и общества, противъ народныхъ училищъ—существовало относительно дворянскихъ дѣтей вообще, обоего пола; но неохота родителей посылать въ такія школы дочерей—была еще сильнѣе; это считалось даже „непристойнымъ", какъ засвидѣтельствовалъ въ своихъ запискахъ Державинъ. Поэтому въ губерніяхъ, при открытіи малыхъ народныхъ училищъ, число дѣвочекъ было совсѣмъ ничтожно. Въ Олонецкой дирекціи на 181 мальчика было представлено въ 1787 г. всего 8 дѣвочекъ; въ 1789 г. 77 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ; въ 1790—90 м. и 5 дѣв.; въ 1791—81 м. и 7 дѣв.; въ 1792—63 м. и 6 дѣв.; въ 1793—155 м. и 9 дѣв.; въ 1794—142 м. и 1 дѣв. [2]). Въ Вятской губерніи, когда отъ обывателей требовались записки: кто пожелаетъ отдать въ училище своихъ дѣтей, не оказалось никого, кто бы захотѣлъ отдать туда дѣвочку, и училище открылось при составѣ однихъ только учениковъ [3]).

Но это было дѣло уже самихъ родителей и самого общества. Еслибы они относились иначе, то ничто не мѣшало бы имъ отдавать дѣвочекъ учиться не только въ малыя и среднія [4]), но и въ Главныя училища, въ курсъ которыхъ, кромѣ предметовъ, преподававшихся въ трехъ классахъ среднихъ школъ (грамота, пространный катехизисъ съ доказательствами, чтеніе и изъясненіе Евангелія, ариѳметика, 1-я и 2-я части, русская грамматика съ упражненіями въ правописаніи, исторія и географія, чистописаніе), входили еще: математическая географія съ разъясненіями на глобусѣ, русская грамматика съ упражненіями въ сочиненіяхъ, употребительныхъ въ общежитіи, основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры, рисованіе, и два иностранныхъ языка: латинскій и одинъ изъ сосѣднихъ иностранныхъ [5]).

[1]) Архивъ Деп. М—ва Нар. Просвѣщенія.

[2]) Ж. М. Нар. Просв. 1865.

[3]) Столѣтіе Вятской губерніи. 1780—1880. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Изд. Вятск. Губ. Статист. Комитета. Вятка. 1880.

[4]) Эти школы были переходными и существовали недолго. *Вороновъ.* Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево или народныя училища въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II. 1858, стр. 91.

[5]) *Вороновъ.* Ист.-стат. обозрѣніе, стр. 46.

И такія исключенія встрѣчались, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ отчетовъ по Главнымъ народнымъ училищамъ. Въ 1790 г. въ Петербургскомъ Главномъ народномъ училищѣ дѣвочекъ было 48 изъ 334 учащихся. Въ провинціальныхъ Главныхъ училищахъ, дѣвочекъ было: въ Пермскомъ 7 изъ 172 учащихся; въ Ревельскомъ 8 изъ 48; въ Рижскомъ 12 изъ 71, въ Полоцкомъ 27 изъ 119, въ Могилевскомъ 12 изъ 151, въ Черниговскомъ 11 изъ 160, въ Новгородъ-Сѣверскомъ 5 изъ 171, въ Кіевскомъ 64 изъ 224, въ Астраханскомъ 8 изъ 263, въ Харьковскомъ 11 изъ 127 [1]). Замѣчательно, что въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ всего труднѣе прививалось женское образованіе вообще, а особенно въ народныхъ школахъ. Во всей московской губерніи въ 1794 году не было ни одной учащейся дѣвочки въ народныхъ училищахъ, и даже въ частныхъ пансіонахъ и школахъ изъ 3061 учащихся, на всю губернію приходилось только 113 дѣвушекъ. Въ новгородской губерніи изъ 418 учащихся въ народныхъ училищахъ, дѣвочекъ было 18, а въ тверской, въ числѣ 319 учащихся въ 11 школахъ, не было ни одной дѣвочки. Въ этихъ двухъ губерніяхъ не было учащихся дѣвочекъ и въ частныхъ школахъ. Въ тверской губерніи женское образованіе совсѣмъ не существовало; оно отсутствовало и въ смоленской губерніи, гдѣ на 374 учащихся въ народныхъ училищахъ, не было ни одной дѣвочки. Въ тульской губерніи показаны учащимися—дѣвушки—только въ домашнихъ школахъ, у пономаря и дьячка [2]).

Впрочемъ, относительно Главныхъ народныхъ училищъ, учащіеся и мужскаго пола, особенно въ старшихъ классахъ, составляли очень малый процентъ даже общаго числа учащихся. Вообще, какъ показано въ рапортахъ директоровъ народныхъ училищъ, большинство учащихся въ нихъ дѣтей, составляли господскіе слуги, которыхъ помѣщики посылали въ школу для того, чтобы они научились читать и писать; дворянскихъ дѣтей мало поступало въ эти училища. Представляя Коммиссіи отчетъ объ осмотрѣнныхъ имъ въ 1788 году училищахъ въ 10-ти губерніяхъ [3]), Козодавлевъ нашелъ, что во всѣхъ Главныхъ народныхъ училищахъ учащихся въ 3-мъ и 4-мъ классахъ очень мало; онъ объяснилъ при этомъ, что сами ученики обыкновенно не желаютъ

[1]) Архивъ Деп. М-ва Нар. Просв. Реэстръ съ показаніемъ въ каждомъ намѣстничествѣ училищъ, учителей и учениковъ за 1790 годъ.

[2]) Архивъ Деп. Нар. Пр. Реэстръ съ показаніемъ въ каждомъ намѣстничествѣ училищъ, учителей и учениковъ за 1794 г.

[3]) Новгородской, тверской, московской, калужской, тульской, рязанской, владимірской, тамбовской, ярославской и вологодской.

продолжать ученія далѣе 2-го класса. „Сіе потому“, писалъ Козодавлевъ, „что родители не видятъ цѣли ученія въ высшихъ классахъ даваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ нужны лишь предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки не нужны“ [1]).

Если такъ было относительно мальчиковъ, которыхъ въ тамбовской губерніи, по распоряженію Державина, забирали въ Главное народное училище насильно, черезъ полицію [2]), то надо думать, хотя прямыхъ доказательствъ тому нѣтъ, что и дѣвочки не проходили всего курса главныхъ народныхъ училищъ, а лишь два низшихъ ихъ класса, т.-е. онѣ ограничивались курсомъ малыхъ училищъ. Но въ уставѣ Коммиссіи народныхъ училищъ никакихъ въ этомъ смыслѣ ограниченій нѣтъ, и такъ какъ окончаніе курса въ народномъ училищѣ не давало учащимся никакихъ привилегій и льготъ, которыми обыкновенно въ такихъ случаяхъ могли пользоваться только учащіеся мужскаго пола, то можно сказать, что въ принципѣ народное женское образованіе было поставлено при Екатеринѣ совершенно въ одинакія съ мужскимъ условія.

Въ одномъ только отношеніи, Екатериною не было сдѣлано того, что̀ могло бы принести, хотя впослѣдствіи, пользу, какъ самимъ женщинамъ, такъ и всему дѣлу народнаго образованія. При самомъ началѣ своихъ дѣйствій, Коммиссія народныхъ училищъ встрѣтила препятствіе, съ которымъ она, во все время своего существованія, и послѣ нея правительство, должны были постоянно бороться—именно, отсутствіе сколько-нибудь подготовленныхъ учителей, которыхъ не находилось сначала даже для малыхъ школъ.

На первыхъ порахъ, Коммиссія постановила приготовлять послѣднихъ, также для двухъ старшихъ классовъ Главныхъ училищъ, при С.-Петербургскомъ Главномъ народномъ училищѣ и, послѣ испытанія въ знаніяхъ, опредѣлять ихъ по мѣстамъ, сообразно способности ихъ къ обученію другихъ. Съ этою цѣлю, кромѣ вольнообучающихся, въ Главномъ Петербургскомъ народномъ училищѣ было положено содержать и обучать на казенный счетъ сто человѣкъ изъ самыхъ бѣдныхъ людей. Кромѣ преподаванія опредѣленныхъ въ старшихъ классахъ наукъ, ихъ предполагали упражнять главнымъ образомъ въ „способахъ ученія“. Потомъ, въ 1787 году, была учреждена при Петербургскомъ

[1]) *Сухомлиновъ*. Ист. Р. Ак., в. 6, стр. 43.

[2]) Народное просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія *И. Н. Дубасовъ*. (Древняя и Новая Россія. 1878. № 12.)

Главномъ народномъ училищѣ Учительская Семинарія, приготовлявшая учителей для старшихъ классовъ Главныхъ училищъ. При первыхъ же шагахъ на этомъ пути, Коммиссіи пришлось испытать много затрудненій. Бо́льшая часть присланныхъ, по ея требованію, изъ разныхъ семинарій, а также изъ Московскаго университета, студентовъ, оказывались непригодными: одни по низкому уровню знаній, едва достигавшему тѣхъ, которыя требовались для продолженія курса начатаго въ малыхъ училищахъ; другіе—по нежеланію подчиниться директору Учительской Семинаріи, Янковичу; третьи—по вынесеннымъ ими изъ духовныхъ семинарій привычкамъ къ буйству и пьянству. Но и тѣ, которыхъ Янковичу удалось приготовить для занятій учительскихъ мѣстъ въ старшихъ даже классахъ Главныхъ народныхъ училищъ, зачастую оставались недолго въ учительской должности и подъ разными предлогами переходили на другія, менѣе тяжелыя и лучше оплачиваемыя. Всѣ мѣры, какія принимала Коммиссія чтобы помѣшать этому, не достигали цѣли [1]).

А между тѣмъ, курсъ двухъ старшихъ классовъ Главныхъ народныхъ училищъ, за исключеніемъ одного предмета, механики (латинскій языкъ полагался лишь для желающихъ поступить въ гимназію и университетъ), былъ тотъ же самый, какой Коммиссія установила въ Смольномъ монастырѣ какъ для благородныхъ, такъ и для мѣщанскихъ воспитанницъ. Тѣ же предметы, только болѣе подробно, преподавались и въ Учительской Семинаріи, задача которой состояла главнымъ образомъ въ обученіи воспитанниковъ новымъ методамъ преподаванія. Уровень знаній, съ какими они принимались въ Главное народное училище, былъ такъ низокъ, что по признанію самой Коммиссіи, за исключеніемъ закона Божія, латинскаго языка и россійской грамматики, въ которыхъ, представленные въ Петербургское Главное народное училище, семинаристы оказались „искусными довольно“, въ прочихъ наукахъ, положенныхъ къ преподаванію въ училищахъ народныхъ, въ классахъ третьемъ и четвертомъ, „объ оныхъ они имѣютъ понятіе весьма малое, а нѣкоторые и вовсе никакого; потому кромѣ классовъ перваго и второго (т.-е. низшихъ), да и то только чтенію, письму и катехизису, ничему другому сами обучать не въ состояніи, ибо и въ ариѳметикѣ неимѣютъ многіе и самыхъ начальныхъ основаній“ [2]).

[1]) Свѣдѣнія о городскихъ училищахъ при Императрицѣ Екатеринѣ взяты изъ сочиненій: графа *Д. А. Толстаго*: „Городскія училища и пр.“ и *Воронова*: „Историко-статист. обозрѣніе“; также его: Ѳ. Ив. Янковичъ-де-Миріево“.

[2]) Городскія училища, стр. 38.

Если взять все это во вниманіе, и вспомнить, что для нашего народа явленіе женщины-учительницы было явленіемъ привычнымъ, а также что, при Екатеринѣ, женщины-учительницы не скрывались только въ монастыряхъ, какъ это было при Петрѣ, а были на виду у всѣхъ, и что имъ разрѣшалось открывать пансіоны и частныя школы, то, повидимому, были на лицо всѣ условія, чтобы привлечь женщинъ къ обученію хотя бы въ малыхъ школахъ. Мѣщанскія воспитанницы Смольнаго монастыря, казалось бы, представляли по выпускѣ готовый контингентъ такихъ учительницъ, которыя, по уровню знаній, могли бы оказаться не ниже первыхъ учителей изъ семинаристовъ, а ладить съ ними было бы легче, чѣмъ съ „буйными учениками“ Учительской Семинаріи, невозможность справиться съ которыми, по предположенію гр. Д. А. Толстаго, была причиной увольненія Янковича въ 1785 году отъ должности директора этой Семинаріи. Да и внѣ мѣщанскаго училища, нашлись бы въ Россіи женщины, способныя понять и усвоить новый способъ преподаванія по методѣ Янковича, и обучать дѣтей элементарному курсу малыхъ училищъ. Можно думать, что въ этомъ Янковичъ не встрѣтилъ бы препятствія со стороны Екатерины, ибо уже послѣ удаленія Коммиссіей народныхъ училищъ изъ Смольнаго учительницъ-иностранокъ, туда была назначена одна русская, бывшая воспитанница мѣщанскаго училища, для обученія въ низшихъ классахъ обѣихъ половинъ Смольнаго.

По всему этому, устраненіе женщинъ отъ преподаванія въ народныхъ школахъ слѣдуетъ объяснить прежде всего тѣмъ, что новая система народнаго образованія была взята Екатериною изъ Австріи, а тамъ учительскія семинаріи предназначались только для мужчинъ. Однако въ нашей системѣ было сдѣлано, единственное впрочемъ, отступленіе отъ австрійской; оно заключалось въ запрещеніи всякихъ тѣлесныхъ наказаній „какого бы рода они ни были“ [1]) въ нашихъ училищахъ, между тѣмъ какъ, по австрійскому общему училищному уставу (1774 г.), такія наказанія допускались: для учениковъ малолѣтнихъ и средняго возраста розга, а для взрослыхъ—хлыстъ [2]). Но разъ было сдѣлано отступленіе, обусловленное конечно гуманными началами, положенными Екатериною въ основу воспитанія русскаго юношества, могли бы быть сдѣланы и другія. Поэтому надо думать, что была и другая при-

[1]) Руководство учителямъ 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи, изданное по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. 1783. (Гор. училища, стр. 56.)

[2]) Городскія училища, стр. 24.

чина по которой женщины не были допущены къ учительскимъ занятіямъ въ народныхъ школахъ. Можетъ быть этому мѣшало и то обстоятельство, что еслибы привлечь и женщинъ къ такимъ занятіямъ, то пришлось бы учредить двѣ, а не одну учительскую семинарію, а семинарія была закрытымъ учебнымъ заведеніемъ и въ ней не могли жить учащіеся обоего пола вмѣстѣ. Учрежденіе же двухъ семинарій потребовало бы удвоенныхъ расходовъ, а средства, отпускавшіяся при Екатеринѣ на народное образованіе, и безъ того оказывались недостаточными для удовлетворенія всѣхъ его нуждъ.

Какъ бы то ни было, но для педагогическаго образованія женщинъ ничего не было сдѣлано при Екатеринѣ и это составляетъ единственную, неудовлетворенную ею сторону женскаго образованія.

Подводя ему итоги за все время царствованія Императрицы Екатерины II, получается слѣдующій результатъ: при вступленіи ея на престолъ, въ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, кромѣ нѣсколькихъ плохихъ, частныхъ пансіоновъ. Въ годъ ея смерти, кромѣ Воспитательнаго Общества для двухсотъ благородныхъ дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, не считая своекоштныхъ воспитанницъ, которыхъ при Екатеринѣ было немного, были еще 1.121 учащихся дѣвочекъ, въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній [1]). За все же время существованія училищъ въ столицѣ (съ 1781 г.), и по губерніямъ (съ 1786 г.), всѣхъ учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ, показано за всѣ 16 лѣтъ, 12.595; число это болѣе чѣмъ въ 13 разъ меньше числа, показанныхъ за то же время учившимися, мальчиковъ (164.135).

Изъ 1.121 учащихся дѣвушекъ, въ годъ смерти Екатерины, 759 приходилось на одну петербургскую губернію [2]), стало быть во всѣхъ остальныхъ 36-ти, ихъ было всего 362. По отношенію къ суммѣ народонаселенія всей Имперіи, въ которой въ 1790 г. считалось 26 милліоновъ душъ [3]), причемъ, какъ говоритъ Вороновъ [4]), по ревизіямъ показывалось число жителей только мужскаго пола, учащіяся дѣвочки составляли такой ничтожный процентъ общей суммы народонаселенія, что его и опредѣлить трудно.

[1]) Архивъ Деп. Нар. Просв. Вѣдомость о числѣ учащихся въ 1799 г. (Съ 1782 по 1800 годъ).

[2]) *Вороновъ*. Ист.-стат. обозрѣніе, стр. 72.

[3]) Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи. Академика *К. И. Арсеньева*, стр. 27. Прим.

[4]) *Вороновъ*. Ист.-стат. обозр., стр. 72.

Какъ бы ни незначительны были эти итоги женскаго народнаго образованія при Екатеринѣ, важно уже то, что при ней, женщины всѣхъ сословій получили доступъ къ нему, и будь отношеніе родителей и общества иное, чѣмъ оно было въ прошломъ столѣтіи, для женщинъ были мѣста, гдѣ онѣ могли учиться. Кромѣ того, заслугой Императрицы Екатерины передъ русскимъ обществомъ, слѣдуетъ считать и то, что она съ самаго начала взглянула на дѣло общаго образованія русскаго народа вѣрно и широко, признавъ это образованіе, одинаково для лицъ обоего пола, дѣломъ государственнымъ.

Положивъ ему начало, она пригласила воспользоваться имъ всѣхъ, безъ различія пола и званія, понимая, что такимъ путемъ, образованіе можетъ, хотя бы впослѣдствіи, доставить благоденствіе всему народу, что̀ всегда составляло конечную цѣль всѣхъ ея реформъ и начинаній.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Отъ автора . III—V

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первое женское училище въ Россіи. — Почему нельзя безусловно отрицать его существованія. — Положеніе женщины на Руси до введенія христіанства.—Взглядъ на женщинъ въ княжеской семьѣ.—Цѣль ученія при Владимірѣ и Ярославѣ. — Княжна Янка основательница перваго женскаго училища при Андреевскомъ монастырѣ въ Кіевѣ. — Грамотныя женщины въ древней Руси.—Первыя школы при церквахъ.—Частныя домашнія школы.—Мастера.—Мастерицы.—Евфросинія Полоцкая (XII в.). — Обученіе женщинъ грамотѣ въ основанномъ ею женскомъ монастырѣ.—Древніе монастыри.—Въ какомъ смыслѣ можно понимать училище „для 300 дѣвушекъ" княжны Янки, если допустить, что оно было первымъ женскимъ училищемъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ.—Обученіе женщинъ на западѣ въ школахъ и монастыряхъ 1— 12

ГЛАВА ВТОРАЯ. Состояніе образованности и положеніе женщинъ въ средніе вѣка на западѣ.—Суды любви.—Проектъ Дюбуа.—Западная литература о женскомъ образованіи.—Положеніе русской женщины въ XII в.—Житія святыхъ женщинъ.—Женское училище Евфросиньи Суздальской въ началѣ XIII в.—Житіе Евфросиньи Суздальской.—Извѣстіе объ ея образованности.—Состояніе образованности русскаго общества со второй половины XIII до второй половины XVII в.—Женскіе монастыри и терема.—Польза и вредъ затворничества женщинъ.—Обученіе женщинъ высшихъ классовъ общества въ XV в.—Отношеніе женщинъ къ образованію и отношеніе къ нимъ образованныхъ людей.—Положительныя свѣдѣнія объ обученіи царевенъ въ XVII в.—Царевна Софья. — Выводъ изъ единичныхъ примѣровъ грамотныхъ, и по своему времени образованныхъ, женщинъ о ходѣ просвѣщенія среди женщинъ до Петра. — Чѣмъ объясняется скудость въ нашей древней письменной литературѣ извѣстій о женщинахъ, а равно отсутствіе въ ней какихъ-либо литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ женщинами.—Участіе женщинъ до-петровскаго времени въ общемъ просвѣщеніи страны 13— 40

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первое въ Россіи учебное заведеніе для высшаго образованія. Изъ него фактически исключены женщины. — Различіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ обнаружи-

вается рѣзче при Петрѣ. — Его заботы объ образованіи элементарномъ и высшемъ. — Указы 1721 и 1724 года о малыхъ народныхъ школахъ.—Отношеніе Петра къ женскому образованію.—Посѣщеніе Петромъ Сен-Сира въ 1717 году.—Вліяніе реформы Петра на образованіе женщинъ.—Ассамблеи въ Москвѣ (1722).—Берхгольцъ о русскихъ женщинахъ.—Обученіе женщинъ иностраннымъ языкамъ.— Обученіе дочерей царицы Прасковьи; также царевенъ Елизаветы и Анны.—Прогрессъ въ положеніи женщинъ при дворѣ Петра.—Предполагаемый кругъ знаній, которымъ обучали женщинъ высшаго круга при Петрѣ.—Берхгольцъ объ образованіи русскихъ женщинъ.—Сужденія и взгляды на него русскихъ и иностранцевъ.—Грубость нравовъ и вкусовъ у принцессъ, дочерей царицы Прасковьи.—Заботы о манерахъ и обученіе имъ.—„Юности честное зерцало". — Гувернантки царевенъ. — Состояніе образованности при Петрѣ.—Школы въ остзейскихъ провинціяхъ.—Иноземная школа въ Москвѣ.—Училище св. Петра въ Петербургѣ.—Обученіе письму при Петрѣ.—Частныя русскія школы.—Учащіяся женскаго пола.—Указъ Петра о монастыряхъ. — Возложеніе на монахинь обязанности воспитывать и обучать дѣтей.—Стремленіе западной католической церкви къ дѣятельному милосердію, въ томъ числѣ и къ воспитанію и обученію бѣдныхъ и сиротъ обоего пола.—Учрежденіе Екатериною I ордена св. Екатерины.—Женскіе учительскіе ордена на западѣ.—Обученіе у насъ въ монастыряхъ.—Указъ о вольныхъ нищихъ 1729 г.—Указы Имп. Елизаветы 1743 и 1754 гг. (послѣдній о повивальныхъ бабкахъ).—Частные пансіоны при Имп. Елизаветѣ.—Успѣхи въ домашнемъ образованіи женщинъ высшихъ классовъ при Елизаветѣ . . 41— 70

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло женскаго воспитанія и образованія на западѣ ко времени вступленія Императрицы Екатерины II на престолъ.— Теоріи воспитанія и обученія вообще, выработанныя на западѣ во второй половинѣ XVIII вѣка.—Теоріи женскаго образованія и воспитанія въ частности.—Женское образованіе на западѣ въ XVI в. —Вопросъ о женскомъ воспитаніи и образованіи въ западной литературѣ. — Сочиненіе картезіанца де-ла-Барръ.—Программа женскаго образованія аббата Флери. — Сочиненіе Фенелона: „Education des filles".—Сен-Сиръ.—Попытки подражать ему послѣ смерти г-жи Мэнтенонъ.— Аббатъ де Сен-Пьеръ и его проектъ 71— 95

ГЛАВА ПЯТАЯ. Отношеніе русскаго общества въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія къ вопросамъ воспитанія и образованія вообще.—Взглядъ на науку.—Указъ 1755 г. объ учрежденіи Московскаго университета. — Вопросъ о воспитаніи и образованіи въ русской литературѣ.—Ежемѣсячныя Сочиненія.—Рѣчь Барсова.—Собственноручныя замѣтки великой княгини Екатерины Алексѣевны объ учрежденіи въ Россіи женскаго учебнаго заведенія на подобіе Сен-Сира.—Записка Теплова о воспитательныхъ Академіяхъ.—Генеральный планъ Московскаго Воспитательнаго Дома.—Докладъ Бецкаго; Генеральное Учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола. —Общія черты Уставовъ первыхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ на началахъ Генеральнаго Учрежденія.—Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ. — Условія, при которыхъ основывалась система

СТРАН.

воспитанія русскаго юношества при Екатеринѣ.—Ея задачи и цѣли при воспитательныхъ реформахъ.—Образованіе и воспитаніе Екатерины.—Значеніе, которое она придавала чтенію книгъ.—Сходство ея взглядовъ со взглядами Монтэня.—Взглядъ Екатерины на образованіе женщинъ. — Различіе между Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ и Сен-Сиромъ.—Объясненіе нѣкотораго сходства въ правилахъ обоихъ заведеній. — Главныя цѣли воспитанія и образованія всего русскаго юношества.—Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ.—Достоинства Устава и его недостатки. — Одна изъ причинъ его неосуществимости.—Значеніе дѣла Императрицы Екатерины для женскаго образованія. 96—136

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Указъ 5 мая 1764 года объ основаніи Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Воскресенскій Новодѣвичій монастырь. — Сумма на первые расходы и по устройству Воспитательнаго Общества.—Указъ 19 мая 1766 года о пожалованіи Обществу Императрицею Екатериною капитала въ 2,500.000 рублей. —Управленіе дѣлами Общества. — Учительницы и учителя.—Организація быта воспитанницъ.—Сравненіе Устава Воспитательнаго Общества съ правилами г-жи Мэнтенонъ.—Первые члены Совѣта Воспитательнаго Общества.—Первая Начальница, княжна А. С. Долгорукова. — Правительница С. де-Лафонъ. — Первыя учительницы-иностранки.—Первый пріемъ на благородной половинѣ.—Причины медленности, съ которою набирались первыя воспитанницы на благородной половинѣ.—Первыя дѣйствія Совѣта.—Учрежденіе Особливаго училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ.—Указъ 31 января 1765 года.— Первый пріемъ на мѣщанской половинѣ. — Программа ученія. — Деньги на приданое.—Привилегія о вольности, данная мѣщанскимъ воспитанницамъ. — Цѣль Екатерины при основаніи отдѣльнаго училища для мѣщанскихъ дѣтей. — Сравненіе ихъ программы съ программою питомицъ Воспитательнаго Дома —Второй пріемъ на мѣщанской и благородной половинахъ. — Взглядъ Совѣта на Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ.—Пенсіонерки Императрицы Екатерины. — Плата за нихъ. — Пенсіонерки Бецкаго и баронессы Штакельбергъ.—Признаніе Императрицею и Сенатомъ заслугъ Бецкаго.—Докладъ Бецкаго о пенсіонеркахъ.—Пенсіонерки великаго князя и частныхъ лицъ.—Своекоштныя пенсіонерки.—Общее число пенсіонерокъ.—Отступленія отъ правилъ пріема.—Сокращеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Мотивы Совѣта.—Послѣдній пріемъ при Екатеринѣ (1794 г.).—Число всѣхъ воспитанницъ въ годъ ея смерти (1796 г.).—Равнодушіе русскаго общества и въ концѣ царствованія Екатерины къ женскому образованію.—Причины изобилія отдаваемыхъ дворянами въ Общество дѣтей. — Число всѣхъ получившихъ, за время Екатерины, воспитаніе ва Обществѣ.—Число окончившихъ въ немъ курсъ. 137—171

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Первые годы внутренней жизни въ Смольномъ.—Записки Гл. Ив. Ржевской.—Отношеніе Екатерины къ воспитанницамъ.—Первое ея посѣщеніе Смольнаго.—Письма Екатерины

СТРАН.

къ воспитанницамъ.—Любовь ея къ нимъ.—Письма Екатерины къ Вольтеру о смолянкахъ. — Забота о театральныхъ представленіяхъ въ Смольномъ.—Гулянье воспитанницъ въ Лѣтнемъ саду.—Сужденіе о нихъ публики и литературы.—Стихи въ честь смолянокъ.—Взгляды и ожиданія общества отъ „новаго воспитанія“. — Характеръ переписки Екатерины съ воспитанницами.—Письма къ нимъ Бецкаго и шведскаго короля. — Любовь воспитанницъ къ Екатеринѣ. — Характеръ воспитанія въ Смольномъ. — Матеріальная обстановка воспитанницъ.—Дневникъ гр. Бобринскаго.—Танцы и ассамблеи въ Смольномъ.—Столъ для нищихъ.—Постановленія Совѣта объ экзаменахъ и присужденіе наградъ воспитанницамъ.—Чему онѣ учились.—Награды имъ. — Церемонія перваго выпуска изъ Смольнаго (1776). — Пожалованіе Екатериною капитала въ 100.000 рублей для раздачи при выпускѣ изъ процентовъ на приданое неимущимъ и наиболѣе отличившимся воспитанницамъ.—Раздача денегъ мѣщанкамъ.—Скудость свѣдѣній о мѣщанскихъ воспитанницахъ.—Заботы Совѣта объ имуществѣ воспитанницъ. — Отношеніе Совѣта къ мѣщанкамъ. — Подтвержденіе дарованной имъ Императрицею Екатериною привилегіи. — Взятыя ко двору воспитанницы перваго выпуска съ благородной половины.—Портреты ихъ.—Лица, оставленныя „на житье“ въ Смольномъ. — Члены Совѣта въ первыя 12 лѣтъ существованія Воспитательнаго Общества 172—205

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Внутренняя жизнь въ Смольномъ въ слѣдующія семь лѣтъ, до 1783 года. — Перемѣны по учебной части. — Постановленія Совѣта объ экзаменахъ воспитанницъ. — Аттестаты благороднымъ и свидѣтельства мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ 1782 г.—Сокращеніе суммы на приданое мѣщанскимъ воспитанницамъ при выпускѣ.—Прекращеніе отсылки Совѣтомъ въ Банкъ положенной для нихъ „Учрежденіемъ“ суммы.—Трудность пріискать Правительницу.—Вознагражденіе надзирательницъ и учительницъ.—Выпуски 1779 и 1782 г. — Пожалованныя Екатериною деньги пенсіонеркамъ. — Ея отношеніе къ воспитанницамъ. — Оставшіяся въ Смольномъ послѣ выпуска. — Письмо отца одной изъ воспитанницъ передъ ея выпускомъ.—Свѣдѣнія о выпущенныхъ въ 1782 г.—Первый примѣръ отдачи роднымъ воспитанницы до окончанія 12-ти-лѣтняго срока пребыванія въ Обществѣ. — Разсказъ очевидца. — Коммиссія народныхъ училищъ въ Смольномъ (1783).—Произведенное ею изслѣдованіе о состояніи учебной части въ Обществѣ.—Устраненіе учительницъ иностранокъ и назначеніе учителей.—Новая программа и новый способъ преподаванія, предписанные Коммиссіей.—„Расположеніе ученія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ по введенному въ народныхъ училищахъ россійской Имперіи“. — Цѣль, поставленная Коммиссіею воспитанію дѣвицъ.—Плата учительницамъ и учителямъ. —Публичный экзаменъ, назначенный Коммиссіею.—Награда Янковичу и учителямъ.—Указъ 7 февраля 1785 года съ выраженіемъ Коммиссіи удовольствія Императрицы за введенный ею новый способъ ученія. — Желаніе Екатерины самой раздать награды при выпускѣ 1785 г.—Нѣкоторыя особенности указа 7 февраля.—Письменныя сви-

СТРАН.

дѣтельства учителей, представленныя Императрицѣ по ея повелѣнію. —Характеристики воспитанницъ, представленныя Императрицѣ Начальницею и инспектрисами. — Рѣчь воспитанницы въ присутствіи Императрицы.—Аттестаты по пяти формамъ.—Конецъ перваго, блестящаго періода Общества. — Охлажденіе Императрицы къ Смольному.—Устраненіе Бецкаго отъ участія въ дѣлахъ Общества.—Неисполненіе предписаній Коммиссіи.—Причины этого.—Какъ велось преподаваніе въ Смольномъ послѣ преобразованій Коммиссіи.—Критическія замѣчанія на „Расположеніе“ Коммиссіи.—Докладъ Совѣта Императрицѣ о финансовомъ положеніи Общества и просьба о прибавкѣ суммы на содержаніе его.—Расходы по Обществу.—Расходы на учебную часть.—Повелѣніе Екатерины Завадовскому выдать Совѣту 100.000 р. на покрытіе части долга Общества.—Послѣднее засѣданіе Совѣта при Екатеринѣ.—Послѣднія ея распоряженія . . . 206—236

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Сужденіе кн. Щербатова о Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.—Задача Екатерины при его основаніи.—Почему эта задача не могла быть достигнута вполнѣ.— Результаты воспитанія и образованія въ Смольномъ. — Свидѣтельство Ржевской. — Письмо сенатора Соймонова. — Свидѣтельство кн. Ив. Мих. Долгорукова о смолянкахъ. — Выводъ изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ о смолянкахъ Екатерининскаго времени. — Почему онѣ не могли удовлетворять требованіямъ тогдашняго русскаго общества. — Неприготовленность смолянокъ къ практической жизни и къ жизни „въ обществѣ“.—Свидѣтельство Н. Греча о смолянкахъ первыхъ выпусковъ.—Взглядъ самихъ женщинъ и русскаго общества на женское образованіе.—Отношеніе литературы Екатерининскаго времени къ образованію и воспитанію женщинъ.—Отношеніе къ нему людей ученыхъ. — Рѣчь профессора Десницкаго. — Домашнее воспитаніе женщинъ во второй половинѣ XVIII в.—Свидѣтельство А. Болотова.—„Живописецъ“ Новикова.—Провинціальные нравы въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка.—Свидѣтельство Белькура о русскихъ дамахъ.—Способы къ образованію, существовавшіе для женщинъ при Екатеринѣ. —Типы Бригадирши и Совѣтницы.—Частные женскіе пансіоны при Екатеринѣ.—Прогрессъ въ женскомъ образованіи въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. — Сегюръ и Кларкъ объ образованіи русскихъ женщинъ. — Двѣ женщины — самые образованные люди въ Россіи при Екатеринѣ.—Женщины, читающія журналы.— Женщины-писательницы при Екатеринѣ. — Отношеніе къ нимъ современныхъ имъ писателей.—Отношеніе къ нимъ Екатерины.—Почему ни одна изъ женщинъ-писательницъ ея времени не могла стать на ряду съ лучшими тогдашними писателями. — Отношеніе къ женскому научному образованію образованныхъ, современныхъ имъ, людей науки.—Требованія образованнаго русскаго общества отъ образованныхъ женщинъ.—Отношеніе къ женщинамъ поэтовъ.—Равнодушіе общества и литературы къ женскому образованію въ концѣ царствованія Екатерины.—Карамзинъ—выразитель взглядовъ русскаго общества на задачу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ —Пропущенныя имъ стороны воспитанія въ Воспитательномъ

СТРАН.

Обществѣ.—Позднѣйшія сужденія о немъ.—Пророческія слова Бецкаго.—Назначеніе кн. Дашковой Президентомъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи 237—279

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Заслуги Императрицы по народному образованію женщинъ.—Указъ 7-го ноября 1776 года о заведеніи народныхъ училищъ въ Россіи.—Почему нельзя сомнѣваться въ томъ, что они были предназначены для дѣтей обоего пола.—Учащіяся дѣвочки въ Исакіевскомъ, первомъ народномъ училищѣ въ Россіи. — Число учащихся дѣвочекъ въ 12-ти училищахъ С.-Петербургской губерніи. — Общественное мнѣніе относительно обученія дѣвочекъ, выразившееся въ наказахъ депутатамъ въ коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія. — Наказъ Малороссійскому депутату Натальину. — Ученіе дѣвочекъ въ монастыряхъ. — Донесеніе директора Курскихъ народныхъ училищъ объ училищѣ для женскаго пола и объ обученіи дѣвочекъ въ монастыряхъ.—Предубѣжденіе родителей и общества противъ ученія въ народныхъ училищахъ вообще, и въ особенности для дѣвушекъ.—Допущеніе дѣвочекъ и въ Главныя Народныя училища. — Курсъ Главныхъ народныхъ училищъ. — Число учащихся дѣвочекъ въ Главныхъ народныхъ училищахъ разныхъ губерній. — Единственная, неудовлетворенная Екатериною сторона женскаго образованія.—Отстраненіе женщинъ отъ преподаванія въ народныхъ училищахъ. — Предполагаемыя причины этого. — Итоги женскаго образованія за все время царствованія Императрицы Екатерины II. — Значеніе ея заслугъ въ дѣлѣ народнаго образованія вообще . 280—290

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Lichaceva, Elena

Materialy dlja istorii ženskago obrazovanija v Rossii

Bd.: 1

s.-Peterburg 1890

4 H.g.hum. 45 o-1/3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11487067-6